

Октябрь 2019 года. Елабуга. Литературный фестиваль «Осенины». Журналу «Аргамак. Татарстан» — 10 лет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Apianak

TATAPCTAH —

Основан в августе 2009 года

Главный редактор **Алешков Николай Петрович**

 $N^{\circ} 1(31) \bullet MAPT \bullet 2020$

Россия, Русь! Храни себя, храни!.. Николай РУБЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь

Правления Союза российских писателей;

Крупин Владимир Николаевич — русский писатель, академик,

член Президиума Академии Российской словесности;

Руденко Гульзада Ракиповна— генеральный директор Елабужского Государственного музея-заповедника:

Салимгараев Айдар Саитгараевич — руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»:

Суворов Виктор Семёнович — директор Набережночелнинского технологического техникума, профессор, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. — председатель попечительского Совета Русской православной церкви в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Валеев Н. М. — доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);

Гайнетдинов Р. Б. - заведующий отделом Департамента Президента

Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань):

Ермаков В. А. — заслуженный работник культуры $P\Phi$, член Союза писателей России (Орёл);

Иванов А. Н. — директор Библиотеки Серебрянного века в Елабуге, лауреат Всеросскийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел»;

Кан Д. Е. — член Союза писателей России (Оренбург);

Лимонова И. В. — член Союза писателей СССР (Москва);

Кузьмичева-Дробышевская О. В. — член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Морозов Г. С. — член Союза писателей России (Касимов. Рязанская обл.):

Муратов П. Ю. — публицист, предприниматель, кандидат наук (Новосибирск);

Переяслов Н. В. — секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Петров А.Н. — заслуженный строитель РФ, председатель общественной организации «Челнинское землячество» (Набережные Челны):

Рачков Н. Б. — секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Сарчин Р. Ш. — доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);

Чванов М. А. — президент Международного Аксаковского фонда,

член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора— Александр Воронин Технический редактор— Сергей Алешков Дизайнер-верстальщик— Виталий Павлов Художник— Ольга Белова-Недовизий

СОБЫТИЕ ГОДА

2020 ГОД В ТАТАРСТАНЕ ОБЪЯВЛЕН ГОДОМ СТОЛЕТИЯ РЕСПУБЛИКИ

Президент Татарстана Рустам Минниханов дал старт этому событию 19 декабря минувшего года. Указ о праздновании юбилея на федеральном уровне подписал Президент России Владимир Путин.

Программа юбилейных мероприятий включает в себя международные, федеральные социально-культурные, научные проекты и форумы, мероприятия по сохранению исторического и духовного наследия. В частности, запланированы мероприятия по увековечению памяти граждан, внёсших значительный вклад в государственное, социально-экономическое развитие республики, благоустройство памятников и памятных мест, связанных с историей Татарстана, закладка парков, скверов и аллей в честь 100-летия ТАССР. В Елабужском районе намечена реконструкция ограждающей дамбы на левом берегу Камы. В Казани начнётся строительство Соборной мечети и пройдёт торжественное открытие воссозданного собора Казанской иконы Божией Матери.

Главными имиджевыми событиями Года 100-летия ТАССР можно назвать Международный экономический саммит «Россия — Исламский мир: KazanSammit», Первые Игры стран Содружества Независимых Государств, Дни Республики Татарстан в Москве, Санкт-Петербурге и Уфе. Ярким событием станут столичные гастроли двух наших академических театров: Татарский оперный покажет свои спектакли на прославленной сцене Большого, а камаловцы, по сложившейся уже традиции, сыграют в Малом театре — Театре Европы. В юбилейном году снимут (и надеемся — покажут зрителям) полнометражный документальный фильм, посвящённый 100-летию образования Татарской АССР, и художественную ленту о Герое Советского Союза Мусе Джалиле, а также телесериал о строительстве КАМАЗа и многосерийную сагу «Зулейха открывает глаза» с Чулпан Хаматовой в заглавной роли.

В рамках юбилея республики пройдут Всероссийский конкурс юных поэтов и писателей «Илһам — Вдохновение» (на языках народов Российской Федерации»), телевизионный молодёжный фестиваль эстрадного искусства «Созвездие — Йолдызлык», этнокультурный фестиваль «Наш дом — Татарстан», фестиваль самодеятельных исполнителей среди ветеранов РТ «Балкыш — Сияние», а также многие мероприятия в городах и районах республики. Имя 100-летия ТАССР будет присвоено одной из станций метро в Казани.

ЗАВЕЩАНИЕ ТУКАЯ

От редакции. В год столетия республики мы решили опубликовать стихи выдающихся татарских поэтов современнсти в переводе «самого казанского» русского поэта Николая Беляева.

Из Мусы Джалиля

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Улочкой узкой, где свет голубой, Где мелет снега январь, Три автоматчика — чёрный конвой — Уводят, толкая перед собой Джигита в ночную даль...

Огни. Переулки. Бюргеров сны. Последний буран хулиганит. Прощайте, ручьи небывалой весны! Она ещё грянет. Грянет!

По улочке, вдаль, за фонарь голубой, В поле, к оврагу — прочь! Три автоматчика, чёрный конвой, Уводят. Толкая перед собой, Уводят джигита в ночь...

Из Хади Такташа

В тёмные ночи
Течёт холодной мысли яд
По жилам высохшим, бескровным.
В душе — пустынной и огромной —
Лишь ветры чёрные свистят.
Пронзили сердце мне мечом,
Стрелой добили, погасили.

О, злые джинны! — я ушёл, Я умер — дальше вы бессильны! Пусть вам вольготней без меня... Но надо всё же попрощаться. Кружись, развратная земля! Пусть змеи на тебе гнездятся! Я улетаю! Звёздный блеск... Как чисто — ни следов, ни пятен... Но низвергаю я с небес На вашу жизнь поток проклятий! Обманчив сытый ваш покой! Я никогда не успокоюсь — И всюду вас настигнет мой Ночной, негромкий, страшный голос!

Из Сибгата Хакима

ХАСАНУ ТУФАНУ

Два пополуночи. Бумага на столе. Пиши, я говорю себе, работай неустанно. Что отложил перо? Стыдись: вон в том окне Ещё горит, горит огонь Туфана.

Уж если состязаться, то всерьёз. Пусть пламя песни как в печи запляшет. Лишь два окна среди сугробов и берёз Горят в ночи на тихом озере Лебяжьем. № 1(31) • 2020 НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

Окно в окно — струится разговор, Как музыка, печальный, бессловесный... Что не даёт уснуть Туфану до сих пор? Какая боль течёт на снег

сквозь занавески?

Приладил он на яблоньку для птиц Кормушку с зёрнами. Душа его вместила И состраданье к зимним хлопотам синиц, И все снега, все ветры яростного мира.

Пусть друг за другом наши окна догорят, Зарю мы встретили и радостной, и юной! Я счастлив — в мире пушкинском, Подлунном Живёт Тукай, Туфаны музыку творят.

Из Хасана Туфана

* * *

Жизнь учила не паниковать. Учила не плакать – зубы сжимать. Я разорвал на бинты рубашку — Надо сердце перевязать. Пока от слепой жестокости войн Мир отдыхает мой. Я раны бинтую в степи под луной, Смиряя грудную боль. «Вернись!» — торопливые письма взывали. Но как дороги мои петляли! Вернулся. - Вот серёжки её, А вот — могила её — сказали. Да, жизнь научила меня понимать Многое. Слёзы — не нам проливать. У кого из вас нежнее дыханье — Надо сердце перевязать?

Из Нури Арсланова

* * *

Палка, говорят, о двух концах. Думаю, и жизнь о двух концах. На одном — явление на свет, На другом — исчезновенье, смерть.

Помогая встать: — Малец, держись! — Палку нам протягивает жизнь. А потом — другим концом как хватит! — Ладно, пожил, говорит, и хватит...

Из Ахсана Баянова

РИСУНОК ПЕЧАЛИ

Миг листопада, осеннего солнца Перенести на бумагу хотелось. Ивы, что гнутся, а всё же не ломятся, Увековечить в рисунке хотелось.

Тучи над пашней, дождём налитые, Запечатлеть мы когда-то пытались, Наши ночные костры золотые С жаром на наших набросках метались.

Тучи рисуя и листья, и пламя, Думали — разнообразие это... Жизнь показала — лежат перед нами Только рисунки бесплотного ветра.

Воспоминаний не счесть — одолели. Жизнь лишь одна, да и та не в начале... Листья истлели, костры догорели, Тучи пролились и вдаль улетели. Нарисовать мы лишь ветер успели. Ветер... А может — Рисунок печали.

Из Сажиды Сулеймановой

* * *

Реки, озёра глядят в небеса. Солнце, свой путь совершая, пылает. Ливень хлестнёт, приласкает весна— Всё в человеке свой путь оставляет. Рубим леса, по дорогам спешим, Город возводим— строительство века! Камень разрубим, ядро расщепим— Щепки вонзаются в мозг человека... В сердце, вскипая, родится заря, Падает солнце туда, догорая... Как же ты ангелом станешь, когда В сердце— все прелести ада и рая...

Из Ильдара Юзеева

* * *

Всё удивляет чуткий слух и взгляд: И золотой осенний листопад. И лица, что приветливость хранят. И тополя вдоль улиц и оград Ещё зелёные... И поздняя луна, Что мне видна из моего окна. И табунок подросших жеребят — Всё удивляет чуткий слух и взгляд, И каждый раз — как сотни лет назад — Любая мелочь свежести полна. Как речки утренней студёная волна. Всё удивляет чуткий слух и взгляд: Цветок увядший и осенний сад. Костёр, который серой стал золой, Рассвет, навеки отпылавший над землёй, И на перронах, провожая нас. Не пряча слёз, струящихся из глаз, Любимые с платочками стоят. Волнуя душу сотни лет подряд! Всё вижу, как ребёнок — в первый раз, В последний раз — как умирающий солдат.

Из Ахмета Исхака

* * *

На то, что наш родник зачах, Не жалуйся, сынок. Ты молод, сила есть в руках, И в паре крепких ног. На деда старого надеяться негоже: Бери лопату — очищай исток.

Из Шауката Галиева

ЗАВЕЩАНИЕ ТУКАЯ

Поэт, умирая,
В минуту прощанья
Такое оставил
Друзьям завещанье:
— На медные деньги
От книг моих тонких,
Хотя б одного
Воспитайте ребёнка...

Шли чёрные годы, Шли страшные годы. От голода, холода Гибли сироты... Но жизнь доказала, Что песня бессмертна. И песня исполнила Волю поэта: И в мире поэзии Нашего края Все дети воспитаны Песней Тукая.

Из Зульфата

БЕРЕГ

Нет, нет, не уходи, не надо... Я тебя Спасу от зим. Мне кажется — метель Так почему-то на любовь похожа нашу... Глаза поднимешь — словно с облаков Слетает снег... Но счастье этот дом Покинуло, когда в природе побелело. Мужчинам не пристало – умолять. Тепло и свет твоей твоей косы хранит подушка. Душа пуста, как улица ночная, И снег идёт, ночной пустынный снег. Боюсь — разверзнется крутой высокий яр, Где ты меня оставила... Стою На берегу, как на черте последней, Готовый в пропасть чёрную шагнуть. Ведь ты другого полюбила так же крепко, Как я тебя люблю, моя родная. Такая мне, видать, любовь досталась, Что снова наша улица — узка... Стою на берегу, где шар земной Отныне на две половинки раскололся. Мужчинам не пристало – умолять. Но только им от этого не легче. Метёт метель... Снежинки, словно судьбы, Летят, летят... И не всегда — к добру. Пусть будет улица твоей любви счастливой, Пусть по весне шумит зелёною листвой, Зимой – пусть осыпается над нею Снег белый, мягче нежности твоей. О, как высок и крут полночный берег, Где ты меня оставила. Стою На берегу своей судьбы, над бездной. Как пусто в мире – только я и снег...

№ 1(31) • 2020 НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

Из Рустема Мингалимова

РАЗГОВОР С МОИМИ СТИХАМИ

О чём вы шумите, мои стихи? О том, что вы гордые, сильные, смелые? Может. Скажете — это вы Меня человеком сделали? Может, думаете, что вы — Одели, обули меня, накормили? А чем я сам за глоток синевы За каждое слово платил — забыли? Не я ли сердце своё живое По ломтику скармливал вам, ненасытные. И душу вдохнул, и огнём беспокойным Пытался наполнить упругие ритмы! Не вам ли — неповторимые вёсны, Солнцем заполонённые дни. Лунные ночи — всё в жертву принёс я! — Даже ночи любви... А что же вы мне. бедолаге. оставили. Какая от вас корысть? Может быть, скажете, дали мне звание. Славу, может быть — жизнь? Но я-то перед лицом мироздания Вижу – как ни ершись!-Базарную цену чинам и званиям. Знаю – не в званиях жизнь... И если хоть что-то от вас имею, Возьмите! - не буду жалеть ни дня. Без вас пришёл я на эту землю, И вам — никогда бы не жить без меня!

Из Роберта Ахмеджанова

РЕЧКА ИШЕТ НАЧАЛО

Течёт моя реченька, петляет в лугах, И до самого моря, далёкого моря, Провожает её уютная зелень. Ивы плывут и плывут облака. А море ночами сливается с небом, А море ночами на ты со Вселенной, И всё же в глубинах её великих Речка ищет своё начало, Ей снова хочется реченькой, реченькой Вернуться к милым полям и ивам, Чтобы в её зеркалах отражались Лилии, бабочки и стрекозы, Чтобы её называли по имени Июльских лугов косари плечистые... В море реченька входит, оставив имя, Как женщина — платье на берегу. Вспоминает речка свои истоки, Где-то там красавица молодая С глазами раскосыми, как у косули, Умывала своё лицо, И долго пахла вода земляникой, И запомнила речка её отраженье,

Как фотографию сберегла. Над полями и над лугами Одни для всех полыхают звёзды, Течёт моя родниковая реченька В огромное море течёт. Меж звёзд, сетей и баркасов Из тёмной морской пучины Бесхитростная — Мне слышится Песня родного края.

Из Равиля Файзуллина

* * *

Я невелик. Я — Ростом не выше себя. Нелепо передо мной Унижаться и гнуться. Но я и не мал. Я — Ростом не ниже себя. Подумай, прежде чем замахнуться...

Из Рената Хариса

* * *

Я в солнце перо своё обмакнул — Этот день тебе описал.

Я в майский ветер перо обмакнул — Свою страну тебе описал.

В живую волну перо обмакнул — Чувства тебе свои описал.

Ответа не было — сколько ни ждал... Я в дождь осенний перо обмакнул...

Из Радифа Гаташа

* * *

Большому кораблю необходимо море. Оставь, моя любовь, пустые берега. Большому сердцу суждено большое горе. Нельзя, чтоб нас страстишки побороли, Оставь, моя любовь, пустые берега! Здесь камни. Холод. Пустота и горечь. И в каменной душе — молчание и лёд. Поверь мне, сердце, на подобной почве Цветок надежды вновь не расцветёт. Останешься – сама погибнешь вскоре, И чёрным камнем станешь на века. Большому кораблю необходимо море! Оставь, моя любовь, пустые берега! Прошай, тоска! Навеки здравствуй, море! Будь зорок глаз, и будь тверда, рука! Большое сердце переплавит горе. Оставь, моя любовь, пустые берега!

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

Из книги «На последней прямой»

Я памятник не строю. Я спокоен. Я высшей чести буду удостоен — Мне памятником будет шар земной, Летящий, с настоящею корой Геологической, где всех народов кости Окаменеют на одном погосте, И станут знаком — все мы только были, Пахали, строили, сражались и дружили, По-русски, по-татарски, жили-были, Все в эту землю головы сложили...

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

РУСТЭМ ГАЙНЕТЛИНОВ

ПРИМЕТЫ ТОГО ВРЕМЕНИ

Этот снимок казанского фотомастера Фарита Губаева сделан в Кировском районе Казани в самом начале 80-х годов XX века. О точной дате догадаться нетрудно — в правой части фотографии находится стенд, призывающий к выполнению решений одиннадцатой пятилетки, объявленной на только что прошедшем XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза, состоявшемся в Москве с 23 февраля по 3 марта 1981 года.

«Каждый день пятилетки — ударный!». Это важная примета времени. Такими лозунгами изобиловали тогда все города Советского Союза. Мы были к ним привычны, редко вчитывались в текст, но все эти призывы были оптимистичны, взывали к лучшему будущему и — самое главное — создавали уверенность, что оно обязательно наступит. Точно также, как и популярные тогда лозунги, воплощавшиеся в тысячах афиш: «Храните деньги в сберегательных кассах!» или «Летайте самолётами Аэрофлота» (как-будто у советского обывателя был выбор авиакомпаний или банков!). Но все они подсознательно создавали положительный эмоциональный фон. Люди жили без боязни будущего, были полны надежд.

Мы так и делали — хранили деньги на сберкнижках и летали надёжнейшими самолётами отечественного производства. Но весь наш оптимизм разрушился мгновенно в 1991-м, когда на сберкнижках советских граждан сгорели баснословные по тем временам суммы, в том числе, и трудовые сбережения старшего поколения, отложенные на «чёрный день» или на похороны. К счастью, эта страшная для многих финансовая хирургия меня не затронула, у меня на сберкнижке осталось меньше 10 рублей — в те годы деньги у молодой семьи редко задерживались на вкладах.

Многие казанцы легко узнают это место: перекрестие улиц Краснококшайской и Фрунзе с улицами Чкалова и Степана Халтурина, даже номера домов известны — 162 и 164. Местный житель Ильшат Васильев вспоминает, что ещё в 70-х напротив этих домов было озеро. Я этого уже не помню.

В левом доме — бывший продуктовый магазин «Татарстан», в доме через дорогу справа на фото — магазин «Спорттовары». Простые, невычурные названия: «Гастроном», «Культтовары», «Дом обуви», «Фрукты-овощи», реже «Жиләк-җимеш-яшелчә». Из названия понятно, что в данном торговом заведении продаётся. Какие-то имена или явления в казанских названиях тоже присутствовали, но чаще всего они присваивались точкам общепита: кафе «Солнышко», «Снежок» «Ял», «Әкият», «Осень», ресторан «Маяк», магазин «Океан» (называю только памятные для меня).

Трёхэтажный дом на фото стоит на улице Чкалова, но его адрес Повстанческая, дом 2. Справа за кадром — улица Деловая. Местный житель Тимур Ильясов отмечает, что этот микрорайон располагался на территории двух районов: Кировского и Московского, а тридцать его домов располагались аж на десяти улицах: Краснококшайской, Фрунзе, Забайкальской (ныне — Баруди), Чкалова, Повстанческой, Фабричной, Полевой, Ягодинской, Низовой, Батыршина, Кулахметова и Серова. Попади туда в 80-х даже искушённый топонимикой казанец, он точно бы не нашёл нужного адреса без навигации местных жителей. Загадочный район. Местные Бермуды.

Тем не менее, для многих казанцев (среди них — страстный краевед Ильдус Ибрагимов), это — любимые места детства.

На снимке запечатлена ранняя весна. А зимой на этом месте стояла большая новогодняя ёлка (потом её перенесут за Ягодный базар). Между продуктовым и промтоварным магазинами два киоска: «Союзпечать» и «Мороженое». Ещё автоматы с газировкой.

Это — типичный заводской район Казани, где крупные промышленные предприятия были окружены небольшими спальными кварталами. Застраивались они в 70-е годы типовыми пятиэтажками-хрущёвками. Время панельных девятиэтажек (мы их называли, «ленинградскиими домами») хотя и наступило, но массово они строились в новых районах Казани — тогда это были Горки и Квартала. В Кировском «ленинградок» почти не было, лишь отдельные вкрапления.

Люди на фотографиях, соответственно, в нормальной повседневной одежде. Но, заметьте, одежде добротной, разнообразной, даже модной.

В 70-е благосостояние советского народа впервые за послевоенные годы резко возросло — решения всех партийных съездов были нацелены на ускоренное производство продуктов и предметов потребления, относившихся к так называемой группе «Б» (основываясь на социалистической политэкономии, объясним, что группа «А» и группа «Б» — составные части совокупного общественного продукта. Группа «А» объединяет отрасли промышленности, занимающиеся производством орудий и средств производства. Группа «Б» объединяет отрасли промышленности, производящие предметы личного потребления и домашнего обихода: текстильная, трикотажная, швейная, обувная, мебельная, мясомолочная, рыбная, сахарная и др.).

В конце 70-х страна имела мощную индустрию и могла обращать ресурсы промышленности на всестороннее удовлетворение потребностей советских людей, на строительство и оснащение предприятий бытового и культурного обслуживания населения. Наконец-то наступило время относительного благосостояния — люди жили в хороших квартирах или, по крайней мере, стояли в очереди на их получение, могли купить себе цветные телевизоры, мебель, хорошую одежду и обувь, путешествовать по всему Советскому Союзу, пошить модную одежду в ателье, взять в салоне проката за копеечные цены на выходные велосипед, палатку, спортинвентарь. Могли рожать детей, не боясь, что их не прокормят. Были доступны

все театры, концерты, рестораны, а также совершенно бесплатно — все вузы, медицинские и спортивные учреждения, развивающие учреждения для детей (дома пионеров, кружки, секции и т.п.) Конечно, был дефицит, многих товаров не хватало, но население как-то уживалось с этим. Самоцель — иметь американские джинсы — была не у всех.

Это было время дружбы народов. Поэтому по улице Чкалова катит автобус ЛАЗ-695, производившийся в украинском Львове. Это была очень совершенная модель городского автобуса, выпускавшаяся с 1957 года почти до нашего времени. Уже по городу колесили венгерские «Икарусы»-«гармошки» и подмосковные ЛиАЗы, но «львовский» оставался самым массовым и популярным автобусом столицы Татарии.

1981 год... Непростой для страны. Второй год наши войска в Афганистане, столкновения с моджахедами нарастают, гибнут люди, в военкоматы приходят цинковые гробы, но официальная пропаганда о жертвах умалчивает.

Постепенно уходит эйфория от успешно проведённых в 1980 году летних Олимпийских игр в Москве... Остаётся какая-то горечь от её бойкота шестьюдесятью странами в связи с вводом в 1979 году советских войск в Афганистан. Не было на Олимпиаде американцев, англичан, западных немцев, любимых футбольных фаворитов из латиноамериканских стран. После Олимпиады в магазинах появилась пепси-кола, а также растиражированные олимпийские мишки — полюбившийся символ московских игр.

В 1981 году произошло много авиакатастроф с человеческими жертвами у нас и за рубежом. В Америке новый президент Рональд Рейган сразу же по приходу в Белый дом налагает эмбарго на поставки американского зерна в СССР.

Мы ещё активны в космосе, хотя американцы запускают свой первый шаттл и самолёт-невидимку «Локхид». Мы отвечаем запуском в производство суперстратегического ракетоносца ТУ-160, производимого, кстати, в Казани.

Неспокойно в Польше.

Алма-Ата стала городом-миллионником.

Ушли из жизни Валерий Харламов, Олег Даль, Агния Барто, Зоя Фёдорова, Михаил Жаров. Плохо со здоровьем и у Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Вал анекдотов о нём достигает своего пика, обгоняя, пожалуй, байки о легендарном комдиве гражданской войны Василии Ивановиче Чапаеве. В воздухе витают незримые тревожные нотки. Страна ждёт перемен.

В моей жизни восемьдесят первый — тоже год важных перемен. Первый год живу в Набережных Челнах — городе КамАЗа. Приехал туда в восьмидесятом, через два года Набережные Челны стали городом Брежневым. Дочь родилась здесь и получила такую прописку. А моя семья получила первую в жизни квартиру... Новые друзья, оставшиеся лучшими на всю жизнь.

В целом, мы жили интересно, вдохновлённо, ярко.

«Город дарю вам, построенный мной — живите!», — эти строки моего челнинского друга, поэта Жени Кувайцева не были пафосом, а были смыслом нашей жизни. Набережные Челны не знали застоя. Масштабы, размах свершений на берегах Камы, всесоюзное внимание к ударной стройке были неповторимыми. Мы строили город, мы строили свой быт, мы строили свои семьи, строили свою биографию.

Мы были очень молоды и немного наивны...

Вот такие размышления вокруг одной черно-белой фотографии...

ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»

В РУСЛЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Любая круглая дата — это повод не только к поздравлениям, но и к подведению итогов, а нередко — к серьёзному разговору, особенно если речь идёт об общественной организации и средствах массовой информации. На прошедшем в Елабуге Всероссийском литературном фестивале «Осенины» отмечались сразу два юбилея — двадцатилетие со времени создания Татарстанского отделения Союза российских писателей и десятилетие с начала выпуска литературного журнала «Аргамак. Татарстан», издателем которого и является ТО СРП.

«Осенины», тоже детище последнего, появились на свет в 2011 году, но только через восемь лет фестиваль впервые получил такой размах и широкое представительство — прошёл не как обычно в Казани, а, в основном, в Елабуге и напоследок — в Набережных Челнах.

Как организации общественной, Татарстанскому отделению СРП, конечно же, невозможно было бы достойно встретить и принять такое количество гостей — поэтов, прозаиков, драматургов, редакторов, приехавших из разных городов нашей страны. Но благодаря средствам, выделенным Министерством культуры Республики Татарстан, и Елабужскому государственному музею-заповеднику, взявшему на себя все заботы по приёму участников фестиваля, он прошёл в очень тёплой, дружеской, творческой атмосфере.

Открытие «Осенин» состоялось в конференц-зале ЕГМЗ, на сцене которого вместе с заместителем генерального директора музея-заповедника по науке Александром Деготьковым в качестве ведущего был один из главных виновников торжества — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей и главный редактор журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков.

Среди выступавших на торжестве он был, пожалуй, одним из самых немногословных. «Сегодня я чувствую себя счастливым человеком, — признался он, — потому что дело, которое я начинал двадцать лет назад — создание Татарстанского отделения Союза российских писателей, а ещё через десять лет — организация литературного журнала "Аргамак. Татарстан", худо ли, бедно ли — каждый судит посвоему — оно удалось. О качестве пусть тоже судят читатели, но мне не стыдно ни за один из тридцати выпущенных номеров. Немножко сожалею о том, что их могло быть побольше, но нас трижды пытались закрыть. Слава Богу, мы выжили благодаря поддержке первого президента нашей республики Минтимера Шариповича Шаймиева и нынешнего — Рустама Нургалиевича Минниханова. Когда мы открывали Татарстанское отделение Союза российских писателей, нас было пятеро, а сейчас в нём 62 человека».

С нескольких цифр начал своё выступление заведующий отделом прикладных исследований и проектов департамента аппарата президента РТ по вопросам внутренней политики Рустэм Гайнетдинов. Он сообщил, что в Татарстане за государственный счёт издаётся более 20 журналов, в том числе 14 — литературных, два из последних — «Казань» и «Аргамак. Татарстан» — на русском языке. Особо отметив многожанровый

и фактически общероссийский характер «Аргамака», Р. Гайнетдинов подчеркнул ещё одну существенную его черту: «Здесь печатаются в переводе лучшие произведения современных и ушедших из жизни татарских писателей».

Пожелание пушкинского вдохновения всем, для кого «слово — и Божий дар, и строительный материал, и бесконечное начало творческого самовыражения» собравшиеся услышали от генерального директора Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдино Нины Жирковой. Она сказала, что на её рабочем столе всегда лежит свежий номер «Аргамака» и подарила главному редактору сувенир в виде герба рода Пушкиных, для представителей которого, по её словам, долг, честь и самостоянье были самыми главными принципами.

Предваряя выступление первого секретаря правления Союза российских писателей Светланы Василенко, Николай Алешков выразил благодарность за то, что при содействии СРП Татарстанское отделение ежегодно получает от Министерства культуры Российской Федерации по четыре целевых государственных стипендии, предназначенных для выпуска книг. И такой возможностью смогли воспользоваться уже более 20 авторов. Светлана Василенко дала высокую оценку журналу «Аргамак», как высокопрофессиональному изданию, которое в период постмодернистских течений придерживается классических традиций.

Приехавший из Новосибирска Пётр Муратов, кандидат биологических наук, ставший бизнесменом и писателем-публицистом, рассказал о своём сотрудничестве

с «Аргамаком» и о том, как он «рос» вместе с журналом. «Я хочу основать премию, — сказал Пётр Муратов, — и насколько мне позволит моя предпринимательская деятельность, поддерживать её». И тут же вручил премию первому лауреату — Николаю Алешкову.

Поэт Константин Скворцов, отметивший свой 80-летний юбилей, приехал в Елабугу после Пятигорска, где его наградили золотой медалью А.С.Пушкина на Международном литературном славянском форуме «Золотой витязь». Но лишь мельком упомянув о ней, он прочитал стихи, наполненные верой в то, что поэзия всегда будет нужна народу.

В глубинке русской посреди разрухи У низких окон, как у царских врат, Сидели на завалинке старухи И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света, Ни вечных кур, ныряющих в пыли... Остались только песни им... И это Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце. В чужие клети сыпалось зерно... На мой вопрос: и как же вам живётся? — Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя, Омытая слезами, как дождём, Где б я ещё услышать мог такое? — Чего не доедим, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я, если Мне знать доселе было не дано, Что голова всему не хлеб, а песни, Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко Вставало солнце алой пеленой... Старушки пели песню неторопко, И медленно вращался шар земной.

На следующий день на фестивале должен был пройти круглый стол, но авторитетный в писательской среде литературный критик из Воронежа Вячеслав Лютый не мог на нём присутствовать, поскольку ему нужно было срочно возвращаться домой. Поэтому на открытии «Осенин» он выступил более пространно, высказавшись не только об «Аргамаке» и его редакторе, но и в целом о тенденциях, связанных с литературными журналами.

Он отметил, что культурное пространство страны разорвано и это очевидно на примере толстых художественных журналов, которые выходят в основном на своих региональных пятачках, тогда как могли бы поднимать общие темы, откликаться на публикации коллег и в чём-то дополнять друг друга. По его мнению, преодолеть этот разрыв призваны редакционные коллегии, поскольку их члены в достаточной степени

друг друга знают, а возможности интернета позволяют очень быстро делиться любой информацией.

Хотя и медленно, но этот процесс, по словам В. Лютого, уже начался: журналы обмениваются своими авторами, стараются поддержать некоторые общие темы. Например, тему безвременно ушедших поэтов, о которых больше некому замолвить слово, поэтому мимо читателей может пройти большой пласт литературы, обладающий огромной смысловой ценностью и художественной красотой. Журнал «Аргамак» и в этом задаёт тон, постоянно публикуя материалы под рубрикой «Поэты уходят, стихи остаются».

Литературный критик подчеркнул также, что десять лет — довольно небольшой срок для становления журнала. В это время многие только начинают преодолевать свою зам-кнутость и, хотя имеют некоторые достижения, но до совершенства им ещё очень далеко. Тогда как «Аргамак» обрёл творческую состоятельность буквально за 3–4 года. И в этом, на его взгляд, заслуга главного редактора, сумевшего выстроить верное стратегическое направление, причём в национальной республике, где приходится учитывать проблемы взаимодействия русской и татарской культур.

Поэтесса из Оренбурга Диана Кан, являющаяся членом нескольких редколлегий, сказала, что по отзывам читателей, «Аргамак» — одно из лучших подобных изданий в России. В качестве одного из достижений журнала она отметила, что в нём писатели взаимодействуют по творческому принципу, невзирая на то, в каких союзах они состоят. Диана Елисеевна прочитала стихотворение, последние строки которого так и просятся в какой-нибудь эпиграф:

Горит судьбы лирический подстрочник Неугасимым пушкинским огнём.

Свои стихи о М. Цветаевой прочитала и московская поэтесса, старший научный сотрудник музея поэта в Борисоглебском переулке Галина Данильева. Необычные слова нашла она и для Елабуги, которая дорога ей как всё, что связано с жизнью и творчеством Марины Ивановны. «В Елабуге, — сказала она, — скрыта не только тайна её ухода, но даже и тайна места захоронения. И несмотря на то, что щемит сердце от её последнего и крайнего одиночества, здесь всегда празднично. Потому что в Елабуге живёт слово и ощущается какой-то небесный присмотр поэтом этого места».

Нерасторжимость Елабуги и этого знакового для неё имени прозвучала на открытии «Осенин» и в песнях, исполненных Еленой Емалтыновой, Ольгой Кузьмичевой-Дробышевской и Радиком Ахунзяновым.

Остаётся добавить, что по случаю десятилетия «Аргамака» и двадцатилетия ТО СРП состоялось вручение почётных грамот республиканского медиахолдинга «Татмедиа», Министерства культуры Республики Татарстан и Союза российских писателей. А для Елены Степановой из Набережных Челнов и Елены Калашниковой из Тетюш этот день запомнится ещё и тем, что им были в торжественной обстановке вручены удостоверения членов Союза российских писателей.

* * *

Круглый стол на тему «Роль региональных журналов в современном литературном процессе с учётом опыта журнала "Аргамак"» проходил в Библиотеке Серебряного века Елабужского государственного музея-заповедника. На нём не смогли присутствовать Галина Данильева и Нина Бойко, получившая на том же Международном литературном славянском форуме «Золотой витязь» за книгу о М. Лермонтове Серебряного

ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»

ЖУРНАЛУ «АРГАМАК» — 10 ЛЕТ

ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»

ЖУРНАЛУ «АРГАМАК» - 10 ЛЕТ

ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»

ЖУРНАЛУ «АРГАМАК» — 10 ЛЕТ

ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»

ЖУРНАЛУ «АРГАМАК» — 10 ЛЕТ

витязя. Обе они в это время выступали с публичными лекциями перед студентами Елабужского института Казанского федерального университета. Но и на круглом столе было кому выступать — в течение более чем полутора часов разговор не прекращался ни на минуту. Конечно же, кроме общей темы каждый мог затронуть и своё, наболевшее.

Николай Алешков начал с того, что напомнил об интервью «Когда поэты распри позабыв...», опубликованном в юбилейном тридцатом номере «Аргамака», в котором прозвучал призыв к объединению писательских сил. Он привёл примеры, когда живущие в провинции представители разных писательских союзов сообща проводят семинары молодых авторов, публикуются в одних литературных журналах, проводят совместные творческие встречи. Всё это, на его взгляд, создаёт предпосылки к объединению не только низов, но и верхов.

Его пыл несколько охладила Светлана Василенко, сказав, что со времени распада СП СССР дважды предпринимались попытки объединить в одну ассоциацию Союз писателей России и Союз российских писателей, однако оба раза это не получилось. «И то, что члены двух союзов, — закончила она мысль, — сидят здесь за одним столом, мне кажется даже важнее, чем чисто формальное объединение».

Вспоминая события десятилетней давности, Светлана Василенко сказала: «Когда Николай Петрович объявил о создании нового журнала "Аргамак", который будет выходить четыре раза в год, я содрогнулась. Как это вообще можно сделать без коллектива, помещения и стабильного финансирования. Словом, мы довольно пессимистично смотрели на это дело. Но тем не менее, оправдывая своё название, "Аргамак" как-то очень хорошо поскакал по просторам Татарстана, а потом и по всей России.

Чтобы его пример был поучителен, нужно постичь его тайну. В чём же она заключается? Почему проект оказался столь успешен? Во-первых, — и об этом я уже вчера говорила, — в «Аргамаке» печатаются произведения писателей, которые наследуют классическую литературную традицию. Во-вторых, журнал публикует профессионально сделанные переводы. Третий компонент — это прекрасная критика и публицистика. И, конечно, «Аргамак» открывает новые имена, что тоже очень важно, потому что в России все значимые произведения сначала проходят через толстые журналы, а потом уже издаются отдельными книгами».

Но этим не завершилось перечисление достоинств журнала. Другие участники круглого стола назвали в их числе разнообразие жанров, широкий круг авторов, оригинальные иллюстрации к стихам и прозе; привлекательное оформление, включающее красочную обложку и две цветных вклейки с документальными или художественными фотографиями и репродукциями произведений современного изобразительного искусства мастеров Татарстана; размещение откликов зарубежных читателей, что немаловажно как для авторов, так и для статуса самого журнала.

Начав с того, что писательское дело в Татарстане — одно из направлений внутренней государственной политики, которая выражается в выделении средств на публикацию книг и журналов, учреждении литературных премий, содержании Дома творчества, Рустэм Гайнетдинов заявил, что никто не позволит закрыть единственный в Закамье русскоязычный журнал. Попутно выяснилось, что в отличие от других подобных периодических изданий, учредителем которых является АО «Татмедиа», «Аргамак. Татарстан» не имеет статуса филиала, подразумевающего беспрерывное финансирование. Выпуск каждого номера журнала предполагает заключение нового договора учредителя с издателем — Татарстанским отделением Союза российских писателей. Собственно, это и давало возможность руководству «Татмедиа» не раз отказывать в выделении средств

и фактически прекращать выпуск журнала. Да и выходит он в настоящее время не четыре раза в год, как планировалось изначально, а только два раза. Как в дальнейшем решится эта проблема — покажет будущее.

В настоящее время, когда катастрофически упали подписные тиражи даже у самых популярных общероссийских журналов, региональным изданиям без бюджетной подпитки просто не обойтись. Но, тем не менее, существуют и исключения. Об одном из них рассказал главный редактор журнала «Деловой Подольск» Сергей Грачев. Вот уже в течение девяти лет иллюстрированное издание, в котором публикуются самые разные, в том числе и литературные материалы, выходит, по сути, на средства различных заводов региона. Схема довольно проста: готовится обширное интервью с руководителем предприятия, которое даже трудно назвать рекламным. Конечно, в нём может идти речь и о производстве, но в основном публикация раскрывает перед читателями интересного, думающего человека, предлагающего свои пути решения экономических проблем, помогающего заглянуть в будущее. И всё — очередной номер «Делового Подольска» оплачен. Правда, тираж его каждый раз зависит от финансовых возможностей заказчика интервью. И стоит отметить также, что это всё-таки не чисто литературное издание.

Говоря о роли толстых журналов, нижегородский поэт Евгений Эрастов очень верно заметил, что в наше время, когда любой графоман может издать собственную книгу, их значение заметно возрастает. Именно в них, как правило, отделяются зёрна от плевел, и на суд читателей выносятся более качественные произведения. Основываясь на своём опыте в редакционной коллегии журнала «Нижний Новгород», Евгений Эрастов убеждён, что в региональном издании должно быть меньше половины местных авторов, иначе он будет просто неинтересен читателям.

Но где их найти, талантливых, самобытных, захватывающих? Ответ на этот вопрос прозвучал, в частности, в выступлении Нины Жирковой, которая рассказала о двух литературных конкурсах, проходящих с непосредственным участием Болдинского музеязаповедника. У финалистов конкурсов, по её словам, бывают просто потрясающие работы. Часть из них берёт для публикации журнал «Нижний Новгород», но авторы, безусловно, достойны, чтобы о них знал гораздо более широкий круг читателей. Она выразила готовность предоставить работы финалистов конкурсов в литературные издания. Заинтересованность в этом тут же проявил главный редактор йошкар-олинского журнала «Литера» Сергей Щеглов.

Что бы не говорили о современном не читающем обществе, интерес к поэзии и прозе несомненно есть. И об этом красноречиво свидетельствует пример КаЛитКи — Казанского литературного кафе, работающего при центральной библиотеке. Открылось оно года три назад и в течение первых шести месяцев творческие встречи проходили здесь буквально через день. Сейчас КаЛитКа открывается каждое воскресенье, но зато все выступающие расписаны уже на 3–4 месяца вперёд.

Завершить рассказ о фестивале «Осенины» в Елабуге хочется словами литературного долгожителя Константина Скворцова. Кстати, с его возрастом связана такая история. В 2019 году в мартовском номере «Аргамака» была опубликована написанная им около полувека назад пьеса в стихах «Ванька Каин». Увидев в интернете афиши Театрального центра на Страстной с тем же названием, поэт вначале подумал, что это не его пьеса. Но, познакомившись с текстом, убедился в обратном. Позвонил режиссёру, представился. Сказал, что не платите денег — понятно, их нет, но можно было бы на премьеру пригласить. И после паузы услышал: «А вы разве живы?»

«Раньше была простая формула, — сказал он, — нужно знать всё, что создано до тебя и идти дальше. Но сейчас молодёжь очень ленивая, занимается модернизмом, пишет

стихи без знаков препинания, словом, ведёт себя так, словно до неё ничего не было. Сегодня можно поставить и достигнуть любую цель, но писатель — это судьба, и когда творчество превращается в промысел, искусство пропадает. Мы шли в литературу, чтобы дать, сейчас молодёжь приходит, чтобы взять. Но это всё происходит от непонимания. Когда в литературу идёт молодой, он же думает, что идёт на какой-то вселенский пир, а ведь он идёт на Голгофу и тащит тяжёлый-тяжёлый крест... Нельзя в поэзии поверять гармонию алгеброй, нужно всё-таки своей душой, своей болью. У нас большая поэтическая страна, есть настоящие авторы, и цель журналов — найти их и не дать им впасть в поэтическое небытие. Думаю, этим "Аргамак" и занимается. За что ему — большое спасибо!»

Людмила АКИШИНА

ДВА ЮБИЛЕЯ В ТРЁХ ГОРОДАХ

Хочу выразить благодарность организаторам «Осенин» и восхищение республикой Татарстан, раньше мне у вас бывать не приходилось. Казань поразила сразу, прежде всего, своими пространствами. Наверное, потому что тут так много воды — и Волга, и Казанка, и Кабан, и Булак. С кремлёвского холма открываются живописные дали. Мы приехали воскресным утром, на улицах было мало людей и машин — после московских столпотворений необычно тихо и умиротворённо. Первое знакомство получилось радостным и запоминающимся. Мы зашли позавтракать в ресторан Giuseppe и уже допивали кофе — когда в зал вошёл хозяин отеля. Я немного знаю итальянский, мой младший брат давно живёт в Южном Тироле, сейчас и дочь живёт в Италии, так что я рискнул, кроме дежурных buongiorno, grazie (здравствуйте, спасибо), сказать несколько слов... Вы бы видели, как расцвёл старый Джузеппе! Никак не ожидал, что знание языка Петрарки и Данте пригодится мне на волжских берегах.

Не мной замечено, русские за границей, если встретят соотечественника, сразу делают вид, мол, «моя твоя не понимай». Итальянцы же, встретив в Москве соплеменников — бросаются друг к другу с распростёртыми объятиями, через пять минут они уже лучшие друзья! Удивительно, почему в Европе мы так не рады соплеменникам? Стыдимся своей страны? Но нам есть чем гордиться. Не только балетом и ракетами. И не только великой русской литературой, например, но и современной.

Фестиваль «Осенины» лишнее тому подтверждение. В культурном центре имени А. С. Пушкина я впервые услышал казанских поэтов — Филипп Пираев, Галина Булатова, Эдуард Учаров прочли всего по паре стихотворений, но и по одной-двум строчкам можно судить, каков уровень! Впечатлил поэтический театр «Диалог», его художественный руководитель Ольга Левадная, читая свои стихи (из спектакля «Салют, Эдит!») вдруг меня заставила себе подыграть, экспромт неожиданный и приятный. Одним словом, казанское предисловие к елабужским «Осенинам» произвело впечатление. Выступление заместителя председателя Ассамблеи народов Татарстана, председателя Казанского русского национально-культурного объединения, члена Общественной палаты РТ Ирины Александровской никак не походило на дежурные приветствия VIP-персон «в адрес культурного мероприятия», лестно было слышать из уст общественного деятеля правильную русскую речь, глубокие суждения о роли русской литературы, о значении культуры в современном социуме. С директором Пушкинского центра Натальей Комар удалось поговорить совсем недолго, только после я узнал, что

она доктор филологических наук, большой знаток творчества Александра Пушкина. Думаю, ей интересно было бы узнать, что в нашем Подольском округе есть памятные места великого русского поэта.

Об этом я рассказывал уже в Елабуге — директору Пушкинского музея-заповедника «Болдино» Нине Жирковой, которая «не могла не приехать на юбилей любимого журнала» — так сказала она сама. На «Осенинах» посчастливилось познакомиться со многими интересными личностями. Например, лауреаты Цветаевской премии — поэты Диана Кан из Оренбурга и Евгений Эрастов (Нижний Новгород) тоже ведут молодёжные литературные объединения в своих городах, и было чем поделиться с ними в кулуарах.

Особенно приятно было встретиться ещё с одним лауреатом Цветаевской премии, главным редактором литературного журнала «Аргамак. Татарстан», челнинским поэтом Николаем Алешковым. Мы познакомились в Москве лет десять назад, в Некрасовской библиотеке, на презентации одного из первых номеров «Аргамака», но там не было времени поговорить, так что в Елабуге пришлось знакомиться практически заново. Но за эти годы в «Аргамаке» впервые была опубликована моя повесть «Племянник» (в прошлом году она вышла в книге «Тропой зеленой ящерицы»). Для «Аргамака» я брал интервью у Героя России, генерал-лейтенанта авиации Николая Федоровича Гаврилова, тогда начальника Управления авиации Федеральной службы безопасности Российской Федерации, беседовал с ректором московского Литературного института имени А. М. Горького Борисом Николаевичем Тарасовым и главным редактором издательства «Вече» Сергеем Николаевичем Дмитриевым. Это были интереснейшие встречи! Надеюсь, такое сотрудничество у нас продолжится. Роль московского «собкора» в таком солидном журнале, согласитесь, престижная.

«Аргамак» издаётся в отличном полиграфическом исполнении, с цветными вклей-ками, солидные «Москва» и «Новый мир» выглядят бледнее. По содержанию, уверенно заняв своё место в современном литературном процессе, ваш журнал давно вышел за рамки Татарстана, его творческое пространство простирается к дальним горизонтам, в «Аргамаке» печатаются многие известные писатели из других городов России — и прозаик Владимир Крупин, с которым мне довелось встречаться, и литературовед Павел Басинский (лауреат Государственной премии РФ по литературе 2019 года), с которым мы учились на одном курсе в Литинституте, и поэт Константин Скворцов, с которым познакомились на «Осенинах».

На круглом столе, посвящённом роли региональных журналов в современном литературном процессе, я говорил об истории возникновения в 1990-е годы литературных альманахов Подмосковья, в издании которых я принимал участие будучи главным редактором издательства Московской государственной академии печати «Мир книги», о современных литературных журналах, среди которых «Аргамак» уверенно занимает одно из ведущих мест, недаром отзывы о нём приходят из самых разных стран — Италии, Германии, США... В последнее время старые «толстые» журналы, к сожалению, слишком много сил тратят на выяснения отношений, обособились в своих групповых пристрастиях, утратили живую связь с «землёй», «глубинкой». В этом смысле ваш журнал несёт важную функцию по объединению писателей из разных регионов, разных творческих союзов, на основе единственно верного критерия – «качества текста». На круглом столе прозвучала мысль, которую я всегда поддерживал и отстаивал, как и другие участники, а именно — роль литературных журналов сегодня, как и прежде, состоит в поддержании профессионального уровня отечественной словесности, развитии этого вида творчества, как главного в сфере высокого искусства. Ведь сегодня книгу стихов может издать любой дилетант, у кого найдутся деньги или спонсоры, и его (опять же за деньги) примут в свои ряды десятки самопровозглашённых «писательских союзов»!

Ещё больше от графоманов стонет русская проза, тысячи пользователей в сети сочиняют продолжения культовых романов, переписывая классику на новый лад. Даже выдумали точный термин «сетература». Не будем поминать того, кто умело расставляет сети для ловли душ.

Главный редактор «Аргамака» Николай Алешков — не только известный в России поэт, но и профессиональный редактор, очень серьёзно относящийся к авторским текстам. Художественный уровень журнала очень высок, слабых текстов не встретишь. Я слежу за вашим журналом практически с первых номеров, с удовольствием подержал в руках и юбилейный, тридцатый по счёту номер. Обидно, что в последнее время журнал выходит только два раза в год, хотелось бы, чтобы татарстанское руководство в лице «Татмедиа» (учредителя журнала), понимая значение этого издания для формирования нужного имиджа республики в культурном пространстве страны, всё же нашло возможность вернуться к ежеквартальному выпуску «Аргамака». Прямо напротив меня на круглом столе в Библиотеке Серебряного века сидел Рустэм Гайнетдинов, заведующий отделом Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики, мне показалось, что он поддержал высказывания в этом вопросе, во всяком случае, его выступление на том круглом столе показало, что представители администрации вполне осознают роль и место «Аргамака» в литературном процессе России.

Вообще на такие фестивали писатели собираются, чтобы поговорить друг с другом, ну и конечно, выступить на фестивальных площадках. Мне в этом смысле повезло, устроители предоставили мне возможность выступить сразу в трёх городах! Выступая на круглом столе в библиотеке Серебряного века в Елабуге, на мероприятиях в Казани и Набережных Челнах, я встретился со старыми друзьями и приобрёл новых. Несмотря на то, что в «Осенинах» участвовали представители разных писательских союзов, доброжелательная обстановка позволила нам даже помечтать о возможном объединении в единый творческий союз. По большому счёту, неважно, в каком Союзе писателей ты состоишь, важнее всего твой профессиональный уровень.

Интересной была и экскурсия в Набережные Челны. Запомнилась широкая гладь реки Камы, могучая плотина ГЭС, по которой мы ехали, свежий, по-осеннему пронизывающий ветер. Там мы посетили историко-краеведческий музей, выставку к 50-летию КАМАЗа, посидели в салоне беспилотного автомобиля. А потом нам показали образовательные учреждения. В школе № 41 мы вместе с известными поэтессами Дианой Кан и Ольгой Кузьмичевой-Дробышевской выступили перед старшеклассниками и студентами гуманитарного колледжа. Аудитория была чисто женской; видимо, юноши, живущие вблизи судоходной Камы и знаменитого КАМАЗа, предпочитают более практичные, технические специальности. Архитектура детского сада № 111 «Батыр», рассчитанного на 500 воспитанников, показалась мне внешне скромнее, чем, например, МДОУ в новых микрорайонах городского округа Подольск, но было чему удивиться внутри: и большому бассейну, и специально оборудованной комнате релаксации, где захныкавший было ребёнок быстро успокоится, переключив внимание на плетение косичек из разноцветных световодов. И, конечно, столько мест для развивающих игр, интерактивных занятий, классов для обучения татарскому и русскому языкам. В Подольске я часто выступаю в детсадах, построенных Минобороны РФ, но такого уровня оснащения не встречал.

Для участников фестиваля в Елабуге организовали потрясающие экскурсии — не ожидал в маленьком уездном городе увидеть столько достопримечательностей. Поистине город великих имён! Здесь родился путешественник и исследователь Арктики Николай Пинегин, участник полярной экспедиции под руководством Георгия Седова.

Кстати, неожиданно совпадение: Пинегин — фамилия главного героя моей новой повести, тоже путешественника. Достаточно увидать дом, где бывал Владимир Галактионович Короленко, посетить музей художника Шишкина, увидеть его самую первую юношескую картину и полюбоваться с террасы его дома видом на реку Тойму, впадающую в Каму, как начинаешь ощущать трепет необъятного времени в одной точке страны. Подумать только! На Елабужской земле бывали Александр Радищев, Михаил Салтыков-Щедрин, Алексей Николаевич Толстой, Михаил Лозинский, Борис Пастернак... Уникальное место — Елабужское городище с сохранившейся башней XII века, крутой косогор, с которого мы любовались необъятной панорамой Камы и дальними контурами старой Елабуги — запомнится, думаю, на всю жизнь.

Я уже не говорю о Марине Ивановне Цветаевой, которая провела здесь последние дни и обрела вечное упокоение. Как в Елабуге относятся к наследию великого русского поэта — это отдельная тема. Поэтому тут умолкаю и возвращаюсь к началу: спасибо за внимание, за приглашение на потрясающий фестиваль. Такого уровня литературных форумов у нас в Подмосковье не припомню.

Сергей ГРАЧЁВ

ОДНОГОДКИ

Из первых рук по праву памяти

Давно вынашивал эту идею — опубликовать вместе стихи своих ровесников, поэтов, родившихся в 1945 году. И вот накануне 75-летия великой Победы будто сам Бог велел! Правда о Великой Отечественной войне к нам пришла из первых рук — от отцов, вернувшихся с фронта по ранению раньше победоносного года. Мы не дети войны, мы дети Победы! Это особый знак судьбы. Ныне, уже на финишной прямой, продолжаем гордиться датой рождения по праву памяти о своих незабвенных родителях, подаривших миру победу добра над злом.

По-разному сложились наши жизни. Кому-то пришлось понюхать пороху, защищая интересы Отечества в Чехословакии, оставаясь верным присяге в песках Афганистана, реже (по возрасту) уничтожая терроризм в Чечне, но, в общем и целом, мы оказались промежуточным поколением на нейтральной полосе между окопами. Нам, наверное, повезло жить едва ли не в самую счастливую — советскую — эпоху. Не судите нас за наши песни!

Мы не ползли под обстрелом по хуторам обгорелым, не коченели от стуж. Мёрзлую землю не рыли, каской в походах не пили ржавую воду из луж. Нас не пытали в гестапо и не везли по этапу в рейх из российской глуши. Что ж так остра в наших генах память о бедах военных — горькая ноша души!

Мы из военного теста. Боль Сталинграда и Бреста спрятана в нашей крови. Мы из родительской боли вырвались, как из неволи. Родина, благослови! Родина благословила

Света с избытком хватило — всё засияло кругом.
Мы родились под салютом трудной победы над лютым и ненавистным врагом.

А припев такой:

Одногодки мои, родились мы в России, в сорок пятом, счастливом,

победном году. На парном молоке нас недаром растили, пересилив всем миром лихую беду. Откликайтесь на песню —

прошу виновато. Я забыть как и вы всё никак не могу, почему наши мальчики, дети, солдаты под обстрелом встают на кровавом снегу...

Главный редактор

СТИХИ ПОСЛЕ БОЯ

Хорошо, что в моём раннем детстве ещё не было телевизоров. Сколько стихов и поучительных историй из жизни пророков и святых мы — восемь братьев и сестёр — слушали вечерами от родителей! А в деревне летом — от бабушки — библейских и всяких святочных историй с чертями и домовыми.

Детство вдруг припомнил сразу, Передать лишь не берусь Аромат восточных сказок, Притч библейских тонкий вкус.

Опыт, мудрость в них народа, Вечный бой добра со злом, Чуткая любовь к природе, Путнику открытый дом.

И урок и наставленье, И далёких предков весть, Чтобы не пришли в забвенье Совесть, долг, почтенье, честь.

Чем не университеты? Воспитанья мастерство! Люди впитывали с детства Дух народа своего...

Детская фантазия, восприимчивость, впечатлительность создавали особый, богатый мир, который спасал наши детские души от тяжести послевоенного времени. Я родился в 1945-ом, в детстве меня родители частенько звали не по имени, а «Нашапобеда».

Детство — это московский дворик на крутом берегу Яузы с разбитой церквушкойскладом, с двумя бараками, сараями, вековыми вязами, с таинственными подвалами бомбоубежища. Это игры в войну с самодельными автоматами, но с настоящими прикладами и пилотками, танкистскими шлемами, с противогазными и полевыми сумками вместо школьных портфелей. Деление людей всех времён и народов на наших и фашистов. Спрашиваю у отца: «А Александр Македонский был за кого?»

Что тянет так меня в мой старый двор? Тот рай мой коммунальный в пепелище... Домов высотных каменный забор Век схоронил, а сердце что-то ищет.

С тем братством, с той барачной простотой Что сделалось— никто уже не скажет. Наивность, оказавшись сиротой, Растоптана толпой многоэтажек

Старшему брату купили б/у тальянку, а играть на ней научился я. На завалинке у голубятни уставшим после смены сталеварам завода «Серп и Молот» (весь наш двор жил по заводскому гудку) пятилетний гармонист наигрывал известные: «Солнце всходит и заходит», песни из индийского кино «Бродяга» и нашу «На крылечке твоём». Накатавшись зимой с крутого берега Яузы на ледянках, мы шли гурьбой в общагу — к батареям сушиться. Дом мой притулился в глухом углу двора и страшновато было туда поздно идти одному. Стоя у батареи, я рассказывал, а порой и сочинял ребятам сказки, вплетая туда слышанные в деревне библейские истории, за что они по очереди провожали меня домой.

Ещё в очередях стояли разных, И номера синели на руке. Решил нам ЖЭК на новогодний праздник Устроить ёлку в Красном уголке. В вельветках, в перешитых гимнастёрках В украшенном подвале детвора Кружилась изумлённая у ёлки, Вокруг на ней висящего шара. А дома ждал нас рыбий жир аптечный — Единственный в то время витамин — Детей мы африканских так сердечно Жалели и сочувствовали им.

В школе я пошёл в драмкружок, а также в танцевальный, участвовал в концертах. Пел в хоре клуба «Серп и Молот». Учился в музыкальной школе по классу скрипки, а затем баяна. Много читал по истории, искусству, стихи советских, европейских и восточных поэтов. Понравившемуся поэту тут же сознательно подражал, осваивая его технику. Первые более или менее сносные стихи и песни стали появляться во время службы в Советской Армии.

Стихи писались и для стенгазеты, и в дембельский альбом с фотографиями. Стихи писались и, конечно же, в такой горькой ситуации, когда солдат на последнем — третьем! — году службы узнавал, что ОНА вышла замуж. Страдание формирует душу. А без души какая же поэзия!

Бродит нашими тропинками Тихий вечер под луной. В сердце ты вошла дробинкою, Вышла — пулей разрывной...

После службы юношеское увлечение стихами не прошло. Занимался самообразованием: лингвистикой, литературоведением, историей искусств и т.д. После института посчастливилось закончить УМЛ, факультет марксистско-ленинской эстетики. Несколько лет занимался в литературном объединении. Стих технически окреп. Тогда же и появилась первая публикация в журнале «Пограничник»: стихи, посвящённые командиру взвода, сироте военных лет.

Война ходила по сердцам, Как горькое пророчество, И оставляла пацанам В наследство только... отчество.

Потом печатался в районной газете города Каширы.

Мест красивых много в мире, Но один милее край— Называется Каширой Этот яблоневый рай.

Одно из стихотворений я посвятил соседу — дяде Коле Зайцеву, фронтовику. После этой публикации дядю Колю все стали пропускать без очереди — в магазине или в бане. Стихи о Кашире читаются в местном краеведческом музее экскурсоводами.

Период рождения детей со всеми радостями и хлопотами тоже не обошёлся без стихотворчества:

Ад прошли ночей бессонных, У кроватки пост несли. Нервов — бухта, Стирки — тонна На больших весах Любви.

После тридцати, когда горячие любовные стихи и юбилейные послания друзьям были уже написаны, творчество моё стало угасать. Вымучивать фальшь к знаменательным датам не хотелось. Горькой, тяжёлой, но и творчески насыщенной командировкой оказался Афганистан:

На войне, незнаменитой вовсе, В зноем одушманенных краях. Не по-уставному, очень просто Были с командиром мы в друзьях...

 $\mathcal{A}-$ по совместительству «секретчик». У секретов свой — особый — вес. В сейфе командир хранил три свечки И пакет — для вскрытья при ЧС.

Были рейды, были и обстрелы. Много стало ясно лишь теперь — Друг закрыть меня готов был телом, Выводя команду без потерь.

А потом признался мне, как брату, После возвращенья через год: Должен был он в случае захвата Первого меня пустить в расход...

Так появилась тема, которая не могла оставить меня равнодушным. Пожалуй, впервые я почувствовал себя поэтом, когда днём мы бывали в рейде, а вечером я уже пел ребятам песню о них. Солдат-сослуживцев бодрили мои политзанятия под гитару:

Были обстрелы, дымился дувал. Мы и не ждали покоя. Может, и я в сердца попадал Изредка... меткой строкою.

Но большая часть стихов и песен, написанных в ту пору, были не о войне, а о стране-соседке, о её людях. Я пытался понять душу, чувства, настроения, трудности афганцев, подметить, что, оказывается у нас с ними много общего.

Афганистан — ближайший наш сосед, Мы делим твои трудности по-братски. Моя страна хлебнула много бед — Нелёгок долгий путь её солдатский.

Приходило и осознание ценностей своей страны, которые в повседневной суете мы принимаем как должное.

Всегда казался маленьким мой дом — Теперь он вдруг огромным стал казаться. Всё потому, что уместились в нём Вся Родина и мирных дней богатство!

С основами Ислама и исламской культуры благодаря отцу и собственной любознательности я был знаком с детства и юности. После возвращения из Афганистана отец отметил, что не будь у меня соответствующего воспитания, не удалось бы мне «так вкусно» описать восточные города:

Ночь прощается с Кабулом, Нарождаются лучи. С минарета звонко будит Правоверных азанчи. В звуках зычного азана— Заклинанье от беды, Боль и скорбь Востока, раны И надежды бедноты. Просьбы жаркие к Аллаху

Отпущения грехов, Песнь о предках, Что во прахе, И к молитве первой зов...

В стихах и песнях отразились переживания за горькую судьбу народа, веками раздираемого междоусобицами.

Резня среди братьев Напрасно идёт, И кровушкой платит Трудяга народ... Город, сними темноты паранджу, На красоту твою — дай, погляжу. В тайных разбоях себе ты не рад, Старый и скорбный Герат.

И всегда было отрадно общаться с истинными интернационалистами — афганскими мальчишками, великолепно запускающими воздушных змеев.

В небеса взмывает косо Змей воздушный — волшебство, Он меня с собой уносит В небо детства моего.

И, конечно же, вечным источником вдохновения оставалась любовь, которая у одних в разлуке крепчает, выдерживая испытания, у других угасает от ветра перемен:

Ну, а любимая? Сколько же сил Нужно ей было в разлуке! Вот кто геройски медаль заслужил «За боевые заслуги».

А позже — и горечь переоценок, прозрений — вместе со всеми.

А было всё: и фронтовое братство, И слёзы жён, и письма от детей, И похоронок стук в окошки адский, Любовь к семье и к Родине своей. И гордость за военные награды, Уверенность, что исполняя долг, Ты воевал за Истину и Правду И сделал, без оглядки, всё, что мог.

Афганистан дал путёвку в творчество не только мне. Искренние песни бардов и поэтов, побывавших в Афгане, остались как бы непризнанными профессионалами этого вида искусства, но находили отклик в сердцах людей, согревали душу. Были, правда, и подделки под блатной мир, но у таких песен судьба оказалось недолгой.

Не стройте кумирни по прошлым годам, По подвигам явным и мнимым.
Зачем бить поклоны отжившим богам — Интимно, что свято хранимо.
Баллады тех лет жизнь слагала сама, Лишь тексты записаны нами.
Как пули по целям, ложились сполна, Отдав своё краткое пламя.
Из прошлого тянется прочная нить: Мы вышли из пекла сильнее.
И память, конечно же, надо хранить, Но боль недостойно лелеять.

Совсем другой тон у стихов, написанных в годы перестройки: от чистых надежд на новую жизнь до горьких разочарований. К сожалению, известные поэты-глашатаи, призывавшие перестройку, замолкли именно в то время, когда их голос, сочувствующий или обличительный, был нужен народу. Даже уважаемый мною Андрей Дементьев после десятилетнего молчанья сказал, дескать, мы молчаньем наказывали власть. Власть властью, а как же народ?

Истлевают вера и одежды... Нету в мире терпеливей нас. Всё б снесли, когда б не луч надежды, Луч рассвета в предзакатный час...

РВАЛАСЬ ТРАВА УПРЯМО К НЕБУ

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной... Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели, Цвела сирень, Старела мать... Ему б сейчас лежать в постели, А не на площади стоять.

Продут позёмкой Зимний вечер. Проулки, улицы — пусты. И стынут каменные плечи Под плаш-накидкой темноты.

Его в Орле Или в Иркутске Ждать перестали земляки. Ему бы сесть, Переобуться И, похоронке вопреки,—

В тот край, Где пролетело детство, Вернуться на исходе дня, В избе родимой отогреться, А не у Вечного огня.

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле, Где вздохи вдов порою не слышны... В большой эмалированной кастрюле Замесит мама Тесто на блины.

И соберёт соседок и знакомых, Запрячет под косынку седину. А тёплый блин Вдруг встанет в горле комом, Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком, В этот вечер глуше Шумят листвой осенние леса. Помин души погибшего отца. Она в мою переселилась душу!

Я разолью, Как требует обычай, Настойку, что от выдержки светла. О коробок сломаю уйму спичек, Прикуривая около стола.

На марше, В карауле, На привале, Когда почти беспомощны слова, Не красноречьем Дружбу мы сверяли, А степенью солдатского родства.

И в степень превосходную К России Мог возвести я преданность свою, Когда вдоль строя знамя проносили, Пробитое осколками в бою.

СИРОТА

Он с котомочкой тощей, Как взрывною волной, На вокзальную площадь Был отброшен войной.

И под небом весенним В сорок трудном году Зарабатывал пеньем Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко. Но плясал — как цыган! Мурашами бежали Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках О ладошку руки. В кепку падали гроши, Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже Телогрейка была. Тётя Нюра однажды В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате Замочила бельё... То ли брызги на платье, То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки, В адском скрежете Навеки свет в глазах потух... Так обострила тьма кромешная Его обыкновенный слух.

И научился он по голосу Определять прохожих рост, Как поле — по шуршанью колоса, Сентябрь — по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой, Что верной спутницей была, Не мостовую он простукивал — Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию! Как будто бы из-под земли Неумирающие души их На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала Подлесок жуткая гроза... А иногда во сне, Как в зеркале, Он видит вновь свои глаза.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго — Через всю Россию — Шли письма Днём и по ночам. А ты, девчонка, разносила Их по дворам односельчан.

Летела мигом К ждущим окнам, Надеждой жившим всякий раз. Такая шустрая, Во многом Не сразу ты разобралась.

Взять даже то, Что торопиться, Пожалуй, надо не всегда. Ведь в сумке выцветшей тряпичной Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта! Глянув мельком На штемпель, адрес и печать, Кто смог бы так, Как ты умела, Их содержанье различать?..

Обманчивость благополучья — Был в тыщу раз В те дни страшней Родных мужицких закорючек, Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье, Как бабья доля тяжела, В конверт заклеенное горе Вдове

Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки, То в жар бросающих, То в дрожь, Солдатки знали — По походке — С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга. Ни огонька и ни столба! Усталости слепая паутина... Но в белом мраке крайняя изба Меня, как сына, На ночь приютила.

В ней не нашлось домашнего вина, Но угольки нашлись для самовара. Хозяйка престарелая — Одна! — В ней, доживая век свой, зимовала.

И пышно взбитых не было перин, И мне постелью стал тулуп овчинный. А я сидел на лавке И курил, Прикуривая жадно от лучины.

В печи сухие таяли дрова, Стреляя, как неотсыревший порох. И думал о старушке я сперва, Потом — о крайних избах, От которых

Такой короткий путь до большака... Отсюда — не на жатву урожая — Сибирская крестьянка Мужика, Сынков своих на запад провожала. Как ночи ожидания длинны! Как луч надежды призрачен и тонок! Здесь проходил Передний край войны, Сердца сжимая болью похоронок.

И если снова позовёт труба Иль заметёт дорогу вьюга злая, Проводит нас И встретит нас изба, Та крайняя изба — Не хата с краю.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну: Упрямо к небу Рвалась настырно ранняя трава. А наша мать За полбуханки хлеба Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы И клеила калоши, Поглядывая часто на кровать, Где спали трое пацанов подросших, Любивших плакать, Петь И рисовать.

Ты помнишь? Мама выменяла где-то За кружева карандашей набор. И не тогда ль Я приобщился к цвету, Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зелёный. Зеленели листья И не могли завянуть на корню. И потому я позже Стал танкистом, Что в цвет защитный красили броню.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

КАЛЕЙДОСКОП

Три мальчика в зелёный выходной Затеяли игру с калейдоскопом, А лето пахло тмином и укропом И звякало уздечкою стальной.

Три мальчика в картонную трубу Разглядывали пыльную дорогу И рощицу, и пёструю сороку, И близкого бессмертия тропу.

Саранки первобытные цвели И муравьи справляли новоселье. Три мальчика рассматривали землю — Извечные хранители земли.

И каждый видел что-нибудь своё, Звеневшее то облаком, то сталью... А над судьбою каждого — за далью Мерцало и кричало вороньё.

Хотелось им над Родиной кружить, Разворошить заоблачные дали, Но серые кукушки подсчитали, Кому и сколько в этом мире жить?

...И вот земля ударила в набат. Такой смертельной не было кручины... Три мальчика — безусые мужчины — Из тишины пришли в военкомат.

Их ждали автоматы и окоп, Им выдали по новенькой пилотке... Три мальчика погибли на высотке. Где прятали в траве калейдоскоп.

НА МОГИЛЕ АРТИЛЛЕРИСТА

Рассвет над Родиною чист, Берёзы лист, осины лист... В могиле спит артиллерист. Осенний лист, весенний лист.

Лежат осколки в недрах круч, Шлифует их подземный ключ, А сквозь лохмотья рваных туч Осенний луч...

Звезда. Погоны. Пистолет. Артиллеристу двадцать лет! Истёрся в кителе билет На 23-е. на балет...

В окопе чёрном — чёрный дым. Артиллерист, ты стал седым, Хрипел: — На небо угодим, Но высоты не отдадим!

О, сколько здесь убито вас! Бессмертных сколько стало вас! Россия, как иконостас Из голубых и синих глаз!

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

Я мест достигну незнакомых, В лесок берёзовый войду И в мире птиц и насекомых На красный клевер упаду.

И вдруг увижу близко-близко: В березняке́, № 1(31) • 2020 ВЛАДИМИР СКИФ

За рядом ряд, Стоят немые обелиски И звёзды алые горят.

На этом клевере когда-то Под миномётный долгий вой Перебинтовывал солдата Другой солдат полуживой.

На этом клевере бордовом, В закат уткнувшись головой, Лежали в поле подо Львовом И капитан, и рядовой.

Они лежали на скатёрках Из травяного полотна, И клевер тот на гимнастёрках Горел, как будто ордена.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Я наделён уменьем — успевать. Была война, я вовремя родился, В традиционной зыбке очутился, Чтоб бессердечно к матери взывать.

Что было или не было со мной, Не помню я, но знаю — это было! Была война... Страну ещё знобило, Но пахло невоенною весной.

Она пришла, как всадник на рысях, А вместе с ней — отцовская походка... Огнями опалённая пилотка Упала, зацепившись за косяк.

Был поздний вечер. Мы уже легли. Отец ловил нас поцелуем жадным, И три медали ярко и державно Над нами, несмышлёными, цвели.

На свете мир! А в мире — торжество! О, как звучала музыка Победы! И песни те, которые пропеты В тот день и в честь рожденья моего.

Былое прикасается ко мне. Из сердца не уходит лихолетье... Негромкое моё тридцатилетье К Победе приурочено, к войне!

ЛОЖКА

Помыты банки из-под молока, Их чистый свет колеблется у полки. На отчий дом смотрю издалека И вижу всё — от ложки до иголки.

Та ложка появилась до войны, Потом с отцом отсутствовала долго. На ней ещё отметины видны От острого немецкого осколка...

Когда врасплох ударил пулемёт, Отец мой из-за бруствера вгляделся В зарытый, скрытый на высотке дот И проворчал: — На Бога не надейся!

Со смертоносной связкою гранат Отец пополз, испытывая долю. И друг его — такой же лейтенант — За ним, рискуя, двинулся по полю.

Они ползли к фашисту прямиком, А ложка из отцовского кармана Торчала и внимательным глазком Смотрела на Петра и на Ивана.

Рванул снаряд, как тяжкий барабан. Ах, милые! Вы сделали оплошку! Затих осколком срезанный Иван, Другой осколок шмякнулся об ложку.

Смотрю на ложку. Вот её изъян: Следы-бороздки, а на донце — дата... Спасибо, ложка, ложка-ветеран, За то, что ты уберегла солдата!

* * *

Сергею Жигалину, фронтовому разведчику, моему учителю рисования

Мы рисовали чучело бекаса, Тяжёлую керамику и хлеб, Художники графического класса, Которым было по пятнадцать лет. Мы постигали формы совершенство, Искали блики и полутона... Какое напряженье и блаженство, Когда рисуешь церковь из окна!

Учитель наш... Ты радовался цвету, Учил любить соборы, старину И проводил внеклассную беседу О «Галерее Дрездена» — в войну.

Я помню ту пожухлую бумагу... Стучит мелок, и сапоги скрипят, И на груди медали «За отвагу» У нашего учителя звенят.

Мне видятся то улицы, то флаги, То наше общежитье перед сном, И веточка — живая — на бумаге, И — раненая ветка — за окном.

СТОРОЖ

В нём живут пустые коридоры, Тьма ночная, чуткая, как рысь. В нём живут смоленские просторы, Те, что в детстве Родиной звались.

Сторож долго и неслышно ходит В беспросветной, серой полумгле. То в сторожке боль свою находит, То в разбитом немцами селе.

А село он строил честь по чести В довоенном памятном году, В городе отыскивал невесте Дорогую длинную фату...

Но война загромыхала мглисто, Догорели избы в темноте, И невесту плотника фашисты На её повесили фате...

Покупаю два сырка на сдачу К чёрному, убойному вину И сижу со сторожем, и плачу, Проклиная давнюю войну.

Как в землянке, полыхает плошка, Валит снег над городом густой,

И обвита бедная сторожка Скрученною белою фатой.

НА СТАНЦИИ ЗИМА

Во мне засела боль сама: Я — пацаном — однажды видел Избитых, пьяных инвалидов На шумной станции Зима.

Вы видели, как инвалиды пьют? И как они пьянеют? И как потом с остервененьем Друг друга костылями бьют?

Вы видели того — без ног — На маленькой тележке? Он грёб руками и не мог Грести быстрей и легче.

Толпа взирала на него С жестоким любопытством, Как на живое существо, Что корчится под пыткой.

А фронтовик толкал асфальт, Плечом толпу отвергнув... Он был войною исковеркан, Но в нём жила живая сталь...

Она звенела в тишине В той страшной середине века... Тогда, как будто бы по мне! — Проехало полчеловека...

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Изъела души, искромсала, Как будто ржавчина — война. Висит у каждого вокзала Беззвучным взрывом тишина.

В той тишине, глухой, как вата, Навеки запечатлены Тот эшелон и те ребята, Что не вернулись из войны. № 1(31) • 2020 ВЛАДИМИР СКИФ

Тот эшелон, как на экране, Завис в кромешной тишине. И пули той июньской ранью Летят пока что в стороне.

Там — раскалённые, как тигли, Снаряды не разорвались. Сердец — осколки не достигли И бомбы воем не зашлись.

Не слышно стука эшелона, Но жив тот Первый Эшелон! Он до последнего вагона В солдатских снах запечатлён.

В нем горьких песен не допели И не допили кипяток. Горит, не смятый в канители, В петлицу вставленный цветок.

Солдату долго будет сниться Цветок дарившая рука... Цветок в могиле сохранится, Окаменеет на века.

Пройдут года. Наступит дата, Когда взойдёт у трёх дорог Над прахом Русского Солдата Высокий каменный цветок!

ПЕРЕЛНИЙ КРАЙ

Среди горящих в поле злаков, Среди разбитых взрывом свай Он был повсюду одинаков — Передний край, передний край.

За ним в штабах следили в оба. Высотка, мельница, сарай На карте значились особой: Там проходил передний край.

Нависла смерть над отчим краем, И здесь пути не выбирай... Но мы всё чаще выбираем Передний край, передний край.

Полк основной и полк резервный Шли прямиком в небесный рай... Из пулемётов бьёт по нервам Передний край. передний край.

Передний край завис над Летой... Из сердца как ни выдирай, Останется кровавой метой — Передний край.

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ОТЕЦ*

Я знаю— никакой моей вины В том, что другие не пришли с войны...
Александр Твардовский

Меня могло на свете и не быть — Хотели до рождения убить. Летела пуля в голову отца. Случайный взмах! И капелька свинца Попала в руку, в локтевой сустав, Навеки быть смертельной перестав. Был госпиталь. Блокадный Ленинград... Я не хочу об этом невпопад! Я ничего не знаю о войне! Но дух отца тревожит память мне.

Отец вернулся к матери моей, Его там ждали двое сыновей, И дочке (старшей) было девять лет, А нас с Верунькой и в помине нет... Два брата у меня и две сестры. Мы друг для друга — разные миры. Един для всех нас корень родовой. Войне конец. И наш отец живой! И я горжусь (кто помнит, тот поймёт): Мой год рожденья — сорок пятый год.

Но первые рассказы о войне Не от отца пришлось услышать мне. Отец молчал. Я видел, вертопрах, — В его глазах застыли боль и страх. Но брал своё в застолье самогон. И поддавался уговорам он.

Петруха, легче станет, расскажи...
По Ладоге осенней три баржи
Из госпиталя раненых везли —
Добраться б только до Большой земли.

В блокадном небе «Юнкерс» вдруг завыл И в три захода баржи разбомбил. И в ледяной барахтались воде От взрывов уцелевшие. В беде Мне повезло. Я грёб одной рукой. Готовясь утонуть. Но вдруг с доской Рука в воде столкнулась. Та доска — Моё спасенье и моя тоска. За край доски (будь проклят этот век!) Ещё один схватился человек, Такой же, видно, раненый солдат. Коль есть ты, Бог, верни меня назад! Я лучше в сорок первом утону. Не спрашивайте больше про войну! Ведь та доска не вынесла двоих. Я. а не он обнял детей своих... Отец скрипел зубами, слёзы лил И матерился так, что свет не мил...

Запомнил я рассказ, когда подрос. Зачем запомнил — тут другой вопрос. Я на него ответить не могу У Ладоги, на сонном берегу,

^{*} Мой отец, Алешков Пётр Фёдорович (1912–1986) — участник Финской кампании и Великой Отечественной войны. Красноармеец 13 роты миномётного батальона 657 стрелкового полка. Был дважды ранен. С фронта вернулся в 1943 году

Где я стоял и думал об отце И о себе самом — в его лице. Я был и в Колпино, где на передовой был ранен Пётр Алешков, рядовой...

Плетёный, чёрный помню тарантас. Гнедок возил в том тарантасе нас. Я хлебушек делил с ним пополам. Мы ездили по фермам, по полям. Последышем в семье тогда я был. Отец меня особенно любил.

- Заглянем-ка, давай, сынок, в Бурды, Сказал отец. – Тут полчаса езды. Не зря стоит деревня на пути. А мне нельзя деревню обойти. Иначе прокляну свою судьбу... И мы вошли в татарскую избу. Черёмуха под окнами цвела. Бабай там жил, абийка там жила. A на стене — их дочери портрет. Я понял, что её на свете нет... Отец мешок зерна в сарай занёс. – Рахмат, рахмат... Не обошлось без слёз. Потом мы пили чай. Бабай молчал. Лишь белой бородой бабай качал. Рассказ отца печально слушал он: Бибисара́ услышала мой стон. И к госпитальной койке подошла. Висела бирка там. Она прочла – Откуда, кто. Узнала, что земляк. — Как жизнь, солдат?
- Спасибо. Кое-как.

Вот только рана ноет всё сильней, Но без неё бы стало голодней.

- Солдат, ты шутишь? Значит, будешь жить.
- Хотелось бы, конечно. Может быть.

Сестрёнка! Если всё же я умру. Ты за меня родимому двору, Когда из ада выйдешь, поклонись, А мне сейчас, прошу я, улыбнись. — Ты прав, солдат. Блокада — это ад... Я до войны попала в Ленинград. Учёба. Медицинский институт. Война. Приказ. Я оказалась тут. Поверь, солдат, на берегах Невы Мы голодаем так же, как и вы. – Держись, землячка! Вот наступит мир На родине с тобой закатим пир. – И ты, солдат, держись. Надежда есть... Через неделю смог я перелезть С кровати на носилки. Ваша дочь Сумела как-то земляку помочь, Определив меня на самолёт. Я плохо помню тот ночной полёт. Конечно, немцы нас пытались сбить. В Москве очнувшись, попросил я пить... Потом другой был госпиталь, в Перми. Так перед смертью хлопнул я дверьми. Но почему, бабай, – не знаю сам – Я здесь, а Ваша дочь осталась там...

Я ничего не знаю о войне.
Отец, зачем тревожишь душу мне?
О чём я должен миру говорить?
Тебя, отец, мне не в чем укорить.
Я у твоей могилы вновь стою
И сам себе вопросы задаю.
Лежишь ты рядом с матерью моей.
Вас поминают пятеро детей,
И внуки есть, и правнуки у вас.
И близится к финалу мой рассказ.
Отец, на свете снова меркнет свет!
Ответа нет, ответа нет, ответа нет...

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

ΦΑΓΟΤ

рассказ

15 января 2020 года исполнилось 95 лет со дня рождения прекрасного русского писателя, лауреата Государственной премии и многих других литературных премий, награждённого 26-ю орденами и медалями, ветерана войны, Евгения Ивановича Носова. Его друг, писатель Виктор Астафьев, назвал его первым рассказчиком России. А другой прозаик, Виктор Политов, сказал, что «повесть «Усвятские шлемоносцы» (она вместе с широко известным рассказом «Красное вино победы» вошла в многотомник «Шедевры русской литературы XX века») — это наши святцы, её надо издать в переплёте с золотыми застёжками... Язык Мастера называют златотканым, парчой высокой пробы. Своим учителем в литературе его считают многие писатели России».

Произведения Е.И. Носова печатались миллионными тиражами, по ним ставились кинофильмы и спектакли, делались инсценировки на радио. Они изучаются в школе, по ним пишут дипломные работы студенты, по ним защищают диссертации.

В 1970-е — 1980-е годы его переводили во многих странах на языки народов мира — немецкий, английский, японский, венгерский и др. — легче назвать страну, где не было таких переводов. Его творчество интересно любому народу, ибо он касается тем, предельно близких любому человеку — это добро и зло, война и мир, труд на земле, любовь к природе и родному краю, душа человека, его чувства и мысли, мир детства, трогательный мир братьев наших меньших — зверей и птиц — и многих других тем. Его страницы наполнены светом, добротой, они учат радоваться самой жизни и преодолевать трудности.

Широко известны рассказы и повести писателя: «Шумит луговая овсяница...», «За долами, за лесами...», «Храм Афродиты», «Потрава», «Домой, за матерью» и др. В 80-е — 90-е годы им создано много новых произведений, которые ещё не очень широко известны читателю и не переводились за рубежом. Это «Аз-буки...», «Кто такие?..», «Красное, жёлтое, зелёное...», «Греческий хлеб» — о детстве; «Тёмная вода», «Карманный фонарик», «Алюминиевое солнце» — о жизни деревни; «Памятная медаль», «Хутор Белоглин», «Синее перо Ватолина», «Фагот» — о войне и др. Очень бы хотелось, чтобы не только российские читатели, но и жители зарубежных стран узнали и полюбили эти произведения. Они учат добру, трудолюбию, помогают и взрослым, и детям познавать окружающий мир...

Е.И. Носов был участником Великой Отечественной войны. На фронт он пошёл в 18 лет в 1943 г. Он прошёл трудный путь рядового артиллериста, заряжающего орудия. В 45-м под Кенигсбергом был тяжело ранен, полгода пробыл в госпитале, об этом он пишет в рассказе «Красное вино победы» (1969 г.). Но ещё до этого, в 1961 г., им был написан небольшой рассказ «Тысяча вёрст» — о двух мальчиках, которые в своей избе ждут мать, ушедшую за хлебом. А в это время к ним входит замёрэший, уставший немец, который понимает, что война Германией проиграна, и он стреляет в себя.

В 1973 г. был написан рассказ «Шопен, соната номер два», где речь идёт об открытии обелиска павшим воинам и о том, как молодые оркестранты, игравшие на митинге, встречают в деревенской избе трёх женщин, у которых на войне погибли мужья и сыновья. И в память о них ребята играют в избе траурный марш...

В 1975 г. вышли сразу 4 произведения Е.И. Носова о войне — рассказы «Фронтовые кашевары» и «Переправа», очерк «Парторг» и статья «Рубежи и вёрсты». В 1976 г. в газетах было напечатано 4 отрывка из будущей повести «Усвятские шлемоносцы» — «Летели бомбовозы», «Набат», «На берегах Остомли» и «На пути к фронту», а в 1977 г. повесть вышла целиком в журнале «Наш современник». Эта прекрасная повесть — о самом начале войны, о том, как жители деревни Усвяты, мужчины, собираются на фронт, на защиту родины, как прощаются они со своими семьями, с родной деревней. В повести нет ещё ни одного выстрела, но критика единодушно назвала её одним из лучших произведений о войне. Потому что автор, показал, насколько война противоречит самому духу русского человека, который не способен убивать, а главным своим призванием видит мирный труд.

Пронзительными словами говорит об этом писатель Евгений Носов. Каждый прочитавший его рассказы и повести, почувствует и боль, и горечь, и глубину утрат, через которые прошли наши люди в суровую военную годину. И чем больше правды мы будем знать о войне, тем больше останется надежды на сохранение мира.

Евгения СПАССКАЯ

* * *

Он объявился в том дворе перед самой войной, где-то года за полтора до её начала.

По строгой мерке война — та, большая, всеохватная, от которой планета потом полыхнула, будто сухая копна сена от брошенного окурка, — занялась уже где-то в Польше. Но тогдашним пацанам, дворовым стратегам, этот немецкий окурок брошенный в одинокое, ничейное польское остожье, тогда показался сущим пустяком, тем более что случилось это далече и Красной Армии, пожалуй, вовсе не «светило» в нём поучаствовать, показать себя... А хотелось: ведь все мы наизусть знали, что «броня крепка и танки наши быстры» и уж «если завтра война, если завтра в поход», то...

Томимые неопредёленностью, мы как-то нехотя пошли в школу и сели за свежевыкрашенные парты без обычной праздничной приподнятости.

И вот наконец кажется началось...

Недели через две от гарнизонных казарм к городскому железнодорожному вокзалу потянулись первые колонны пехотинцев в полном походном снаряжении с перекинутыми через плечо шинельными скатками, противогазными подсумками и новенькими необношенными вещмешками.

Роты шли молча, без привычных банных песен, и только глухой резиновый топот кирзовых сапог создавал строгий ритм согласованного движения.

Потом две не то три ночи по булыжной мостовой громыхали обозные пароконки, походные кухни, санитарные фуры с красными крестами на округлых крышах. Фыркали и всхрапывали застоявшиеся в кирпичных стойлах полковые кони, с железной звонцой клацали подковами, высекая голубые искры из лобастых сверкачей. Терпко пахло ремённой сбруей, колёсным дёгтем, свежими конскими катышами.

Ребятишки допоздна просиживали за воротами, обомлело вглядываясь в мельтешащие сумерки, где под редкими фонарями в клубах потревоженной пыли нескончаемой лавиной катилось наше тогдашнее конно-тележное воинство. Наверное, так же оно уходило в поход ещё во времена Крымской кампании. И только иногда, словно примета текущего времени, уличную темень пронизывали лезвия жёлтых лучей из прорезей подфарников начальственной «эмки», должно быть, объезжавшей боевые порядки.

Тогда ещё никто не знал, что наши курские полки тоже отправлялись освобождать из-под панского гнёта братские народы Западной Украины и Белоруссии.

С рассветом передвижение войск прекращалось, и город, как ни в чём не бывало, снова наполнялся обычными прохожими: кто спешил на службу, кто — на рынок, а ребятишки, в том числе и мы, — в школу, на занятия. Дворники же, вооружась совками и мётлами, принимались сметать и выскребать следы ночного столпотворения.

Однако по прошествии недолгого времени возбуждённый город постепенно успокоился, воротился к своему прежнему неспешному бытию. Были отпущены по домам некоторые возраста, излишне прихваченные переусердствовавшей мобилизацией. Газеты и уличные говорящие устройства приподнято сообщали, что недавняя частичная переброска войск, проведённая в некоторых военных округах,— всего лишь осуществление освободительной миссии нашей Красной Армии. Трудящиеся Львова, Ужгорода, Владимира-Волынского, а также Брест-Литовска, Гродно и Белостока уже встречают своих освободителей охапками цветов и благодарными возгласами. Говорилось также, что все эти города были освобождены без сопротивления польских гарнизонов, которые выбрасывали белые флаги при одном только появлении наших неудержимых войск.

...Пришла ранняя погожая осень, едва тронувшая позолотой обширные курские сады. С окраин веяло затяжелевшей антоновкой, винной усладой перезревающих слив, вишнёвой смолкой из уже начавших багроветь вишенников. А на главной городской площади, возле кинотеатра «Октябрь», переделанного из бывшего собора, с самого рассвета змеилась очередь за билетами на «Красных дьяволят». В новеньком цирке, возведённом на месте толчка — шумной, горластой, вороватой барахолки — успешно выступал народный богатырь Иван Поддубный, афишные портреты которого с закрученными усами и бугрящимися бицепсами трепал ветер на каждом перекрёстке. В Пролетарском же сквере под брезентовым куполом заезжего «шапито» трещали и подвывали мотоциклы, проносившиеся у самого потолка. Случалось, какой-либо тучной тётке делалось плохо — не то от выхлопных газов, не то от головокружительного мелькания гонщиков, и её спешно выносили в соседний скверик — на свежий воздух.

ЕВГЕНИЙ НОСОВ No 1(31) • 2020

В одно сентябрьское выходное утро свободные от школы пацаны по обыкновению собрались на уличном крылечке соседнего детского сада. Раз в неделю это кашеманное учреждение не работало, входная дверь была заперта, а просторное крыльцо, освещённое ранним заспанным солнышком, приятно согревало тёплыми сосновыми ступенями. Неожиданно к ватажке подступился никогда ранее не виденный прохожий фраерок и, остановившись перед порожками, заслонил собой солнце. На вид он выглядел гораздо старше их и, следовательно, был сильнее каждого в отдельности. К тому же солидность и явное превосходство ему придавал чернявый чубчик, свисавший над переносьем. Парень был облачён в красную спартаковскую майку с белой шнуровкой на груди. Майка просторно, пустовато свисала с его не очень-то атлетических плеч и наверняка досталась не по футбольным заслугам.

Особую неприязнь вызвал маленький франтоватый чемоданчик с металлическими нашлёпками на всех углах, в каких настоящие футболисты носили свои ошипованные бутсы. Серёжка Махно окинул многозначительным взглядом насторожённые лица, что означало: «А не посчитать ли рёбра у этого оторванца? Их было человек шесть — вполне хватило бы разом налететь, дать подножку и завалить фраера в дождевую канаву.

А он, как ни в чём не бывало, непринуждённо, улыбчиво мельтешил чемоданчиком, заглядывал под оконные занавески детского сада, потом долго пялился в глубь двора, на его сарайчики, голубиную решётку, пёстрые постирушки на верёвках глядел с въедливым интересом, будто выцеливал что-либо слямзить.

- Вы тут живёте? спросил он, не переставая подозрительно озираться.
 А тебе чево? набычился Серёга.
- Да так просто...

И вдруг, отерев о штаны ладошку, протянул её сперва Серёжке, потом всем остальным и каждому по-приятельски, со встряхиванием, пожал руку, называя при этом своё имя: «Ванюха», «Ванюха»...

— А ты что, настоящий футболист? — примирительно спросил Махно. — Бобочка на тебе клубная... Или где-нибудь с верёвки сдёрнул?

Парень ничуть не обиделся на ехидный выпад Серёги, а только ещё больше и расположительней растянул губы в улыбке.

- А в чемоданчике, взаправду, буцы? настырничал Махно. Покажь! Никогда близко не видел!
- Да нет там ничего! Ванюха переложил чемоданчик в другую руку. Так, барахлишко всякое. А эту футболку я у одного спартаковца во Мценске за финяк махнул. Вместе с чемоданчиком.
 - A Мценск это чево?
- Город такой... Сначала Орёл будет, а потом уже Мценск. Это если отсюдова ехать... А если сюда, то — наоборот, понял?

Серёга, конечно, ничего не понял, но согласно кивнул.

- Я там в детдоме жил, пояснил Ванюха.
- Урка, что ли?
- Ну почему же урка? рассмеялся тот. Я в прошлом году на конкурсе детских домов второе место по фаготу занял.
 - А это чево?
- Фагот? Это такая деревянная дудка с клапанами. И с тростниковым язычком. Тросточкой называется. Когда дуешь — тросточка и телеблется, мозжит, значит. Получается звук. У фагота свой звук, фаготовый. Его ни с кем не спутаешь.

Ванюха поставил чемоданчик на землю и, зажав нос большим и указательным пальцами, нагундел мотивчик из «Лебединого озера». Звук получился глухой, гнусавый, будто возникший под ватной шапкой. Слышать это было забавно и непривычно, и все дружно рассмеялись.

- Чево, чево это? Как ты назвал?
- Так звучит фагот.
- А ну, Фагот, подуди-ка ещё! развеселились пацаны. Ловко получилось.
- Ну, я только показать, уклонился Ванюха. Фагот это тебе не бузиновая сопелка. Он может выдать сорок два звука — от си бемоль контроктавы до ми бемоль второй октавы. Во сколько!
- Ух ты! просто так удивился Серёжка. А мы думали: ты шпана. Тогда как же финяк? Что на футболку променял? Откудова он у тебя? Скажешь, нашёл...
- Да не-е. Мы их сами делали. Когда по слесарному занимались. Втихую от воспитателя. Столовым ножиком разживёмся, а ручку к нему из всякой всячины набираем: из старых телефонов, костяных гребешков. Алюминий за серебро сходил, если надраить. Ножики с наборными ручками хорошо шли, братва на курево зашибала. Или меняли на чего-нибудь.

С того момента, как Ванюха зажал нос и попытался показать, как звучит фагот, его почему-то больше не называли по имени, а тут же окрестили Фаготом, и тот, нисколько не противясь, легко принял это близкое и даже льстящее прозвище, каковые имел каждый. Ну, скажем, Серёга, за то, что с началом летних каникул напрочь переставал стричься и к осени зарастал свалявшейся папахой, был обозван батькой Махно, чем оставался весьма доволен и горд.

- Слушай, Фагот, а ты к нам по какому делу?
- Хожу вот, мать ищу.
- Потерялась, что ли?
- Десять лет не виделись.
- Как это?
- Долго рассказывать.
- Ты что, из дома убежал?
- Да не, не так... Мы тогда в деревне жили. Тут, где-то недалеко. Не помню названия.
 - Hv и чево?
- Ночью отца забрали и увезли куда-то. Потом добро наше вывезли: хлеб, скотину. Это мать мне рассказывала, когда мы по станциям куски собирали. С нами ещё двое пацанов было, братья мои. Как звали, тоже не помню. Меньший совсем пелёночник, ещё грудь сосал. А грудь-то у матери сморщенная кожа. Орал до посинения. Бывало, мать трясёт тряпичный свёрток, а сама тоже плачет. К тому времени я уже кое-чего кумекал: сам попросить мог, а то и стибрить чего на станции у бабульки: огурец, оладик картошешный. Небось, посчитав, что без неё я уже не пропаду, она выждала, когда поезд тронулся с места, подхватила меня под закрылки и запихнула в побежавший тамбур. «Прости, сыночек!» услыхал я вдогон её сорвавшийся выкрик. И вовек не забуду, как она, прижимая к груди спелёнутого братишку, другой рукой, щепотью крестила застучавшие колеса, будто посыпала их чем-то.
 - А ты чево же? Взял бы да выпрыгнул...
- Ну да... Поезд уже вон как раскочегарился! Когда далеко отъехали, проводница нашла у меня за пазухой измятую бумажку. Мать моя не умела писать, кого-то попросила назвать в той бумажке мои имя, фамилию, год и месяц рождения. Должно,

заранее обдумала, что со мной сделать. Ведь у неё на руках ещё двое совсем никчёмных оглоедов осталось.

«А бумажку эту ты береги! — сказала тогда проводница. — Без бумажки ты никто, понял? Снимай-ка штаны, я к ним карман подошью. Там будешь её хранить».

В служебном купе она налила мне кипятку, дала кусок сахару и настоящую белую булку, а сама принялась метать карман, которого у меня дотоле не было: его заменяла побирушная сумка.

Во Мценске на вокзале проводница сдала меня дежурному по перрону, а тот переправил в тамошний приют. А когда вырос, принялся писать, запрашивать. И вот только теперь сообщили, где моя мать... Я и приехал...

Фагот достал из заднего кармана казённую открытку, сличил написанное в ней с обозначением на уличном фонаре.

- $-\,$ Все сходится! ещё раз уверился он. И улица, и номер дома. Значит, где-то тут она, матушка моя!
 - А зовут-то её как?
 - Катя! Катерина Евсевна!

Серёга растерянно заморгал.

- А фамилия какая?
- Да Чистикова она! Екатерина Чистикова.
- Погоди, друг...— Серёга ещё больше раззявился смущённо. Дак я и сам Чистиков! Пацаны! Скажите ему, что и я Чистиков! И вот он, Миха, тоже... Который меньший, который после меня родился... Что же получается? развёл руками Махно и обернулся на сотоварищей, будто ища у них какого-то последнего слова истины. Выходит, ты братан мой? А я твой! Родня друг другу?
- Выходит, так! Фагот радостно соглашался быть братом этому чумазому и до сих пор босому (октябрь на дворе!) забияке с багровым, рубленым шрамом на подбородке прошлым летом он подкрадывался к залётному чужаку, сорвался вместе со ржавой водосточной трубой и ударился подбородком о край дождевой бочки. Потом месяц ничего не ел, кроме жиденькой кашки.
- Ну, тогда давай ещё раз поздоровкаемся! При свидетелях! Ведь мы давеча хотели тебе морду набить. Серёга ступил навстречу Фаготу. А ты братаном оказался! Во дела! Миха, и ты давай подходи: он и тебе теперь свойский...

Тем моментом кто-то из пацанов стукнул в крайнее оконце надворного строения, где теперь обитали уцелевшие Чистиковы, и следом, будто заполошная курица, вылетела тётка Катя, то есть то, что оставила от неё лихая судьбина — маленькое, щупленькое существо в косом платочке, вся какая-то серенькая, ветошная от мелкой крапчатости своей ситцевой застиранной одёжки. Она ещё издали распахнула бесплечие ручки, будто готовясь повителью обвиться вокруг нашедшегося сына, но вместо объятий упала перед Ванюхой на колени и цепко, страстно охватила его ноги, воткнувшись в них лицом и содрогаясь в тихом бессловном плаче.

До появления Фагота никому из обитателей этого переполненного странноприимного дома не было ведомо, что у тётки Кати, тихой, покорной женщины, помимо двух мазуриков — Михи и Серёги — был где-то на стороне ещё и третий сын, которого она сама, своими руками придала безвестности и беспризору. Лишь в глубокой ночи, за сдвинутыми занавесками извлекала она со дна деревянного ларца бронзовый старообрядческий складенёк с житием Пресвятой Девы Марии и покаянно выкладывала заветному образу собственный грех, прося Матерь Божью уберечь, не дать загинуть большенькому отроку.

Младшие побродяжки, Серёга и Миха, оставшиеся при бездомной матери, убереглись от мора тем, что в самую голодню добрые люди пожалели Катерину и взяли её в заводской детский садик истопницей и посудомойкой. Ей было дозволено для своих детей соскребать со стенок котлов пшённые пригарки. Кастрюльные сполоски Катерина тоже не выплёскивала зазря, а добавляла в них подзаборную крапиву, овражную сныть или щавелевые побежки. Иногда такой похлёбкой она потчевала и других пацанов своего подворья.

Постепенно петля повальной голодухи ослабила свою затяжку. К Польскому походу витрины магазинов повеселели от выбора конфет, печений, обсыпанных маком баранок и причудливо заплетённых хал. На перекрёстках открылись павильоны с мороженым, розовым морсом и сельтерской водой. Над уличными забегаловками красовались намалёванные раки и пивные кружки, оплывшие кучерявой пеной. В табачных ларьках, ещё издали заманчиво пахнущих своим товаром, вновь появились дорогие коробчатые папиросы: «Казбек», «Ялта», «Наша марка», «Дерби» и «Герцеговина-Флор», вкус которых вездесущая пацанва уже изведала по окуркам, подобранным возле изысканного тогда кинотеатра Щепкина. Видных посетителей он привлекал буфетом с фарфоровыми кувшинчиками ликёра «Кюрасо», симфоническими новинками, исполнявшимися в верхнем фойе и алым бархатом амфитеатра.

Фагот как-то быстро и непринуждённо, без всяких претензий втиснулся в свою новую жизнь, как будто всегда тут и был.

Десятиметровая комнатёнка, в которой ютилась Катерина с двумя ребятишками, имела единственное оконце, выложенное в старинной метровой кладке, отчего подобилась богоугодной обители. К тому же окно было заставлено по-зимнему сдвоенными рамами, умалявшими свет и не пропускавшими воздух. Проживать вчетвером в таких условиях сделалось тесновато. Но неисчерпаемая Катерина и тут нашла выход. Свою узенькую послушницкую кроватку она отдала старшенькому, а Махно и Миха, как и прежде, остались на топчанчике, устроенном под столом: сверху столешница, а под ней досщатый настильчик для спанья. Сама же перебралась в детское заведение, где на кухне у печной стеночки приспособила раскладушку. Проявляя понимание, заведующая садиком дооформила Катерину ещё и ночным сторожем, чтобы та могла ночевать на кухне с полным основанием, вопреки запретам общественного надзора.

Продолжать ученье в школе Фагот не стал: не хотел снова школьного занудства, зубрёжек, вызовов к доске, контрольной писанины осточертевших ещё в режимном Мценске. Вместо школы он облюбовал себе Механический завод, что располагался неподалёку, сразу же за Пролетарским сквером. В отделе кадров его взяли без всяких препон, тем более когда узнали, что он прежде играл в духовом оркестре. Такие люди профкому были нужны, и Фагота зачислили учеником токаря-универсала с предложением приступить к своим обязанностям хоть завтра. Под изданный приказ его провели в бухгалтерии и нежданно-негаданно тут же выдали четвертной — новыми, хрустящими пятёрочками.

Фагот, выйдя за проходную в приподнятом настроении, накупил домой гостинцев: шоколадных конфет «Южная ночь» в звёздной обёртке, белых мятных пряников, изображавших лошадок и петушков, засахаренных маковок в клетчатых плитках, два сорта «Микад» с клюквенным и абрикосовым вареньем, словом, постарался выбрать то, чего ни он, ни Катерина, ни братья никогда в жизни не ели вволю, от души. А самой матери в подарок высмотрел фельдиперсовые чулки. Катерина поделила гостинцы всем поровну и с радостной голубизной в глазах поставила во дворе

самоварчик. Чулки же, ужаснувшись их невесомой паутинности, тут же заперла в свой заветный лареп.

- Куда мне такие? упрекнула она Фагота. Только зря потратился. От ногтей сразу же изорвутся. Мне бы в резиночку. В самый раз. Вся таковская. А эти нехай лежат до скончания. Может, тади и нарядят к Господу явиться...
- Ты мне брось это! повелительно осудил Фагот. Сейчас и носи. Подумаешь, невилаль!
 - Да куда ж мне носить-то? У печек да котлов шлендраться?
 - А мы с тобой давай в Совкино сходим. Как раз «Волгу-Волгу» показывают.
 - И не выдумывай даже!

В следующую получку Фагот уже щеголял в настоящих брюках с заутюженными стрелками и задним кармашком на пуговице. А заодно постригся. Правда, стричь ему было нечего, ещё не больно наросло, даже парикмахерша развела руками. Но он, как все подростки, торопил своё время, спешил посолиднеть, покраше выглядеть и потому велел маленько поправить сзади, подрубить пейсики. Зато теперь от него шикарно пахло одеколоном. Пацаны завидовали этой его настырной взрослости. Серёга же Махно, бывший батька всей дворни, беспрекословно уступил Фаготу эту свою предводительскую должность и даже был готов передать ему в полное распоряжение голубятню и всех своих турманов, которых любовно подбирал и сколачивал в дружную, слетавшуюся стаю. Но Фагот резонно отказался от голубей:

— Это ж надо с утра шестом махать! А мне теперь, браток, к семи на завод.

Но самое ошеломительное произошло на другой день Ноябрьских праздников. Ошиваясь в Первомайском саду, гремевшем музыкой, полыхавшем кумачом, Серёга и Миха со приятелями нечаянно напоролись на Фагота. Он сидел под полосатым тентом летнего павильона за белым столиком в ловком сером куропатчатом пиджаке с красным бантиком над грудным карманом — весь какой-то не такой, не виданный прежде: праздничный, сияющий, разговорчивый. Но пацанов удивил не столько сам Фагот, ни даже настоящая, наполовину отпитая бутылка пива, пузырившаяся воздушными кубиками, сколь сидевшая напротив него живая, настоящая девашка с жёлтой косой поверх голубого плащика. Совсем юная девашка сидела в профиль, у неё был маленький пупсиковый носик, который в момент улыбки то и дело прятался за округлую щеку. Вишенно-спелыми губами она с неторопливой праздничной усладой слизывала мороженое с витой десертной ложечки.

Почти непрерывно играла музыка, перемежавшаяся с бодрыми песнями, гдето неподалёку хлопало на ветру праздничное полотнище, и потому вовсе не было слышно, о чём весело и оживлённо разговаривал Фагот со своей подружкой. А так хотелось услыхать хотя бы по одному словечку: что он сказал, что она ответила... Ведь никто из них ещё никогда в жизни по-человечески, по-взрослому не разговаривал с девчонками, тем более не сидел вот так рядом за белым столиком. От одного вида этого мраморного столика с пивом и вазочками с мороженым пронизывало чувство волнующего озноба, тем более — от позолоты девичьей косы.

Наконец Фагот своим оживлённым взглядом запнулся о всклокоченного Серёгу, тотчас погас лицом и приподнялся из-за столика, поднятой рукой давая понять своей спутнице, что он на минутку. Подойдя к пацанам, Фагот сунул руку за лацкан, извлёк зелёную трёшку и, вручив её Серёге, шипяще произнёс:

- А ну брысь отсюдова! Подглядывать мне!
- Уж и поглядеть нельзя... обиделся Серёга.

...В том году музыка играла в Первомайском саду в последний раз. Не успели прибраться после Октябрьских праздников: смотать лампочную иллюминацию,

собрать в кучи опавшие листья, как после сентябрьской мобилизации в городском воздухе снова повеяло тревогой. На этот раз палёным донесло с Карельского перешейка. Как объясняли тогда, белофинский барон Маннергейм отклонил нашу справедливую просьбу несколько отодвинуть общую границу на запад, с тем чтобы обезопасить от конфликтных случайностей многолюдный Ленинград. Маннергейму вежливо разъяснили, что такую подвижку надо сделать ещё и потому, что Ленинград почитается как колыбель Революции, в нём собраны бесценные реликвии: стоит легендарная «Аврора», на башне броневика возвышается вдохновитель всех наших свершений товарищ Ленин. Казалось, чего бы упрямничать? Ведь всё убедительно, обоснованно. Тем более что не за так просят отодвинуться: не за здорово живёшь, а взамен предлагается хороший кусок в другом месте Карелии, гораздо больший, чем на перешейке. Но Маннергейм, паразит, начисто отказался говорить на эту тему. Даже третьеклашке было ясно, что Маннергеймка не прав и в школьных туалетах его поносили во все тяжкие, а в карикатурах у подлого барона выкалывали глаза. По-хорошему, следовало бы проучить этого прохвоста. Так и не поняв, с кем имеет дело, он сам вскоре напал на наших пограничников: обстрелял заставу из орудий... Кто ж такое потерпит? Мы и не потерпели.

Ночами по городу снова понесли повестки. На этот раз уже никого не возвращали из-за мобилизационного перебора.

Тем временем по школам прошла негласная кампания: мальчишекстаршеклассников по одному приглашали в кабинет, где за директорским столом сидел военный с голубыми петлицами авиатора. Он приветливо предлагал сесть, даже пододвигал папиросы, расспрашивал про учёбу и вдруг задавал вопрос, не желает ли приглашённый продолжить образование в авиационном училище, где будет всё так же, как и тут, лишь с добавлением некоторых технических дисциплин, но зато всем абитуриентам выдаётся лётное обмундирование и даже портупея, что, разумеется, весьма немаловажно для молодого человека. В заключение резидент в голубых петлицах просил подумать и никому не рассказывать об этом их разговоре.

Некоторые пацаны выходили из кабинета какие-то отсутствующие, никого не узнающие, будто уже парили в заоблачной голубизне. Нам, мелкоте, тоже хотелось в лётчики, но на тайные беседы нас не приглашали, поскольку семиклашки в сталинские соколы пока ещё не требовались.

И мы, никому не нужная школьная шантрапа, на большой перемене отправлялись во двор, где в глухом его конце, предавались игре в любимую стеночку по трюшнику за пядь: «выпядил» — твои три копейки, «недопядил» — трюшник с тебя.

Финская кампания предполагалась тоже быстрой и необременительной, подобно Польскому походу, из которого, почти ничего не потеряв, разве что самую малость, да и то от непредвиденных случаев, личной нерасторопности или несвежей пищи, войска вернулись бодрые и посвежевшие, с трофеями в заплечных мешках, подобранными по пути, иногда нелепыми и забавными, вроде утюга, беговых коньков, уже начатых школьных тетрадей или банки маринованных огурчиков, добытых со дна Буга, где они хранились вместо погреба.

Карельский же поход, напротив, из прогулочной кампании обернулся войной, нудной и малоуспешной.

Пока день за днём, неделя за неделей, — вот уж и новый девятьсот сороковой год на дворе, — добывалась та Карельская перемога, создавшая в местных аптеках нехватку бинтов и марли, город изрядно поутих и потускнел, будто сам потерял сколько-то своей крови. Сложился и умотал парусиновый «шапито» вместе со

своими шумными и дымными смертельными номерами. Многие месяцы собиравшую сотенную очередь «Волгу-Волгу», после которой каждый раз на улицу выплёскивалась поголовно улыбающаяся толпа, заменили созвучной моменту пронзительной дзигановской трагедией «Мы из Кронштадта», пережив которую зритель замолкал и мрачно уходил в себя. С перекрёстков куда-то девались павильоны с выносными столиками, витрины магазинов тоже потускнели, сократили ассортимент, а отпуск масла, столовых жиров и суповых наборов снова вернули к упорядоченному регламенту. Опять появились очереди, в которых часто случались недовольные выкрики: «Не давайте по стольку в одни руки! Куда смотрит милиция?» Иногда, озираясь, гневясь вполголоса, высказывали наболевшее: «Да что мы чикаемся с какой-то там Финляндией?! Ведь моська же! Всего четыре миллиона с детишками и старухами. Ну, врезали бы как следует! Проучили бы этого ихнего Маннергейма. А иначе опять до хлебных карточек доцеремонимся».

Через финские гранитные доты и надолбы наши войска перевалили только к весне сорокового, заплатив за это одоление почти триста тысяч... но, к сожалению, не рублей, а человеческих жизней... Хотя о таких несоразмерных потерях тогда не сообщалось, было стыдно признаваться в этом перед остальным миром, но и так, без признаний, было нетрудно догадаться, сколько стоит финский лёд и камень.

Вообще в том злопамятном сороковом мы не раз принимались ультимативно помахивать пороховницей. Едва вывели дивизии из-за поверженной линии Маннергейма, как тем же летом направили солдатские кирзачи в Прибалтику, где тамошние правители, заключив с нами договора о дружбе, сами же тем часом заигрывали с Германией. Сходили, освободили. Одновременно весьма удачно порешили вопрос и о румынской Бессарабии, присоединив её после долгого и незаконного пребывания за нашими пределами. А заодно протянули руку помощи и Северной Буковине.

Историки потом напишут: «Все эти районы могли быть использованы агрессорами как плацдармы, приближающие их войска к жизненным центрам Советского государства». Вроде бы всё получалось. Фортуна благоволила нашим высоким замыслам.

В долгожданное, давно просчитанное утро Фагот спешил к проходной своего завода. Он проснулся в лёгком, приподнятом настроении, которое всегда сопутствует ожиданию каких-либо перемен. Бодрости прибавлял и морозный, хрусткий снежок, лёгший, должно быть, окончательно, до самой весны. Он выбелил Пролетарский скверик, который всякий раз охотно пересекал Фагот по пути на работу. Над бетонным кольцом фонтана снуло склонились засахарённые изморозью ивы. Оставшаяся на дне лужица неспущенной воды подёрнулась ледком оконной ясности, на котором кто-то, опередив его, уже успел оставить в лёгкой пороше следы мальчишеской пробежки.

Убелённые крыши окрестных домов, отражая зоревой свет, добавляли утру дополнительное и какое-то радостное сияние. Ощущение светлой утренней чистоты и собственной лёгкости было столь велико, что Фагот, взойдя на ступени проходной, перед тем как открыть дверь, невольно, шаркающим движением, отёр подошвы своих ботинок.

В профкомовском зальчике, уже заполненном народом, на возвышении за долгим красным столом сидел Ван Ваныч — местком, он же председатель квалификационной комиссии, и сама комиссия — представитель из отдела кадров по профобучению Гвоздалёв, мастер цеха Ничевохин и Фаготов наставник дядь Лёша. Ван Ваныч вертел перед своими утолщёнными очками эту самую КС-16,

которую было поручено изготовить Фаготу в порядке экзаменационного задания. Такую же деталь уже вовсю точили несколько других токарей цеха, но Фагот имел с ней дело впервые. Для чего она предназначалась, он не знал, и даже наставник дядь Лёша, помогавший освоить рабочий чертёж, отвечал уклончиво и неопределённо: «Я и сам не в курсе...» И, понижая голос, будто говорил одному только Фаготу, приоткрывал самую малость: «Оборонный заказ! Так что ты, парень, старайся!»

Деталь оказалась не ахти какая, на первый взгляд — продолговатый фланец, но зато с двухступенчатой внутренней проточкой. В самом узком месте — всего полдюйма. Попыхтеть, конечно, пришлось. Две заготовки спортачил. Но потом ничего, получилось. А уже следующие пошли легко, даже приятно было добавлять подачу.

Фагота пригласили на помост. Он мазнул ладонью по непокорной макушке, и, весь в трепетном смущении, не вошёл на сцену как положено, по трём ступеням, а одним подскоком запрыгнул на помост перед самой комиссией.

В зале засмеялись.

От Ван Ваныча поделка перешла в руки кадровика Гвоздалёва, который даже взглянул через патрубок на свет в окошке. После мастера цеха деталь принял дядь Лёша, но рассматривать её не стал и первым высказался по существу вопроса:

— Ну, чево? Резцом парень владеет. Прогоны чистые. Точность — по нулям. Та-

- Ну, чево? Резцом парень владеет. Прогоны чистые. Точность по нулям. Такая тут и не требуется. А он, вишь, постарался: довёл до классности. Я бы сделал не лучше...
- Владеет так владеет,— согласился Ван Ваныч.— Так и запишем. На третий разряд все согласны? Нам сейчас каждая пара рук дорога.
 - Да чего там! Вполне заслуживает... По работе видно.

Ван Ваныч через стол вручил Фаготу свидетельство о присвоении ему разряда, крепко отечески пожал руку, и, когда тот, на ходу пряча заветную зеленокорую книжицу, собрался было спуститься в зал, председатель комиссии окликнул вдогон:

Погоди, ещё не всё. На вот... Это — мера всей твоей жизни.

И вложил в ладонь Фагота новенький, ясно блеснувший штангель.

Потом, в коридоре, Ван Ваныч зазвал Фагота в свой кабинет и, обняв его за плечи, обдавая упаристым теплом подмышки, заговорил:

- А насчёт твоей дудки, про которую ты всё спрашиваешь... Гобой, кажись?
- Да нет, фагот.
- Ну, теперь все едино. Ты пока с этим не докучай. Не до свистелок нам теперь. Вишь, что в мире творится. Гитлер целую Францию заглотил. Кто знает, куда он дальше направится? Благо бы на Англию. Там до неё совсем близко. А мы тем моментом подготовились бып, как следует изгородились... Хорошо, что успели Западную Украину с Белоруссией освободить. Вон ведь куда граница ушла! Ван Ваныч ребром ладони широко махнул по сукну столешницы, показывая пареньку, как далеко отодвинулась граница. А фагот тебе ещё будет: куда он денется?

Та большая война ворвалась внезапно и сокрушительно. Она враз опрокинула на своём пути все эти территориальные нагромождения, как пустые тарные коробки. Что и говорить, удар был ошеломляющий, будто рубанули между глаз свинцовым кистенём. У нашего буденно-ворошиловского командования мигом померкло в очах, зашумело под маршальскими папахами, так что от Чёрного до Балтийского моря дыбом встали роковые вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Уже через неделю танковые клинья Гудериана вышли к Днепру.

Но так бывает: даже смертельно опасную травму пострадавший воспринимает не сразу, а на первых порах не ощущает самой боли и пытается вести себя попрежнему, будто с ним ничего не произошло.

Так и с целыми странами, особенно с такими обширными, как наша.

Нечто подобное произошло и с нашим городом. Даже суровое, проникновенное обращение Молотова не вывело людей из нежелания верить тому, что произошло. По крайней мере внешне многое ещё делалось так, как свершалось и день, и два, и неделю назад.

Как всегда, в привычном узнаваемом тембре прогудели заводские гудки; неподалёку, на Дзержинской, перезванивались трамваи с утренним рабочим людом; по прибазарным улицам скорым бежком торговки на коромыслах несли огородную снедь: вымытые бликующие огурчики, пучки перьяного лука, гроздья нежнорозовой, совсем юной редьки, штабельки перевязанного укропа, оставлявшего после себя долгий шлейф аромата.

Возле Троицкой церкви по давнему обычаю, поди с тех пор, как на крутояре возвысился этот храм, приходские пастухи, сменяя друг друга, подудывая на рожках, из века в век со смежных улиц скликали стадо. В это утро оно, сонно мычащее, поредевшее, изживаемое временем, под чириканье касаток, продолжало сходиться перед белой умолкшей звонницей...

Жизнь шла своим привычным чередом: ещё никто не торопился рыть оборонительные окопы или выносить из школ ученические парты, чтобы заменить их железными госпитальными койками.

Серёга проснулся в своём сарайчике, где под лестницей в голубятню он приладил себе полок для спанья. Дощатая стенка уже лучезарно полосатилась щелями от взошедшего солнца. В прогретой голубятне нетерпеливо урчали голуби в ожидании еды и воли. Серёга зачерпнул корец проса и, поднявшись по ступеням, плеснул бегучего зерна в продолговатый лоток. Обдавая маховым посвистывающим ветром, птицы шумно кинулись к лотку. Когда голуби насытились, он выцелил своего любимца по кличке Белое Перо, придержал в горсти концы его обоих крыльев, а для остальных голубей отворил косую планчатую решётку. Турмачи повалили на свет, от нетерпения все так же суетясь и толкаясь. Пойманный Белое Перо ущипнул Серёгу за палец, но, доверясь добрым рукам хозяина, успокоился и перестал вздёргивать плечиками. При каждом встряхивании он покорно распускал веером свой упругий хвост, обнажая среди аспидно-серых перьев единственное белое перо, делившее веер почти на равные половины. Взмелькивание этой белой вставки всякий раз приводило Серёгу в счастливое изумление. Наличие белого пера в хвосте считалось в голубином мире высшим шиком, а сама птица составляла изрядную ценность.

— Ну что, покажем класс? — влюблённо сказал Серёга, прижимая головку птицы к своей щеке.

Середь двора, по-прежнему придерживая концы крыльев, он во весь мах, как бросают мяч при игре в лапту, запулил вожака строго над собой. Тот как мог дольше протянул свой бескрылый лёт и, когда иссякла инерция заброса, очутившись выше всех окрестных крыш, резко выбросил оба крыла. Голубь тут же принялся набирать высоту, громко, азартно хлопая концевыми перьями, как бы приглашая остальных следовать за ним.

Оставшиеся на голубятне турмачи принялись было крутиться возле голубок, и Серёга поднял всех на крыло сначала шестом с тряпичным мотовилом, а потом и забористым свистом в два пальца. Стая, выстроившись полукружьем, начала набирать высоту, слаженно, в одном ритме взмахивая крыльями.

Заслышав свист, во двор набрели и остальные закопёрщики: Миха-братан, Николка и Петрик Трубаровы, двое с соседнего подворья и Пыхтя из дома через дорогу.

Ребята, наблюдая за голубями, разлеглись на кучерявой спорышевой муравке. Уже через полчаса стая дружно взмелькивала под самыми облаками, что порознь, белыми громадами, с ленцой тянули к северу. Отсюда, с дворового пустыря, на белом лучше виделись темноперые турмачи, на синих просветах белокрылые птицы были заметнее.

Заспорили о погоде. Толстяк Пыхтя уверял, что такой денёк с просинью в облаках больше нравится голубям: летать не жарко, пригашенное солнце не слепит, не мешает среди множества крыш и дворов видеть свою голубятню.

- Ну да, сказал! не согласился Серёга. Наоборот, турман не любит летать под тучками. Всегда старается сбросить лишнюю высоту.
 - А чего ему сбрасывать-то?
- Сапсана остерегается. Когда небо ясное, турману вокруг себя всё видно. Тогда он и летает в своё удовольствие. А за тучками сапсан может подобраться. От него лётом не уйдёшь: только камнем вниз. Бывает, голубь вовремя не вырулит и насмерть бьётся о землю.

Ребята приумолкли: послышался отдалёный невнятный рокот.

- Гром, что ли? предположил Пыхтя.
- Вроде не должно. Небо не грозовое. Если быть грозе голубя с крыши не сгонишь, авторитетно успокоил Серёга.

Рокот быстро нарастал. Уже улавливались его глуховатые перепады, и пока пацаны пытались определить, что это такое, из встрёпанного верховыми ветрами одинокого облака вдруг вырвался самолёт и несколько мгновений летел открыто, на виду у всего распростёршегося под ним города. Он летел чуть в стороне и не так высоко, не выше пятисот метров, как раз на уровне Серёгиной стаи, так что был чётко виден весь его прогонистый профиль.

От внезапности и явной чужести самолёта ребята вскочили с земли, и, хотя бомбардировщик виделся всего несколько секунд, прежде чем снова нырнуть во встречное облако, многим удалось разглядеть и запомнить его приметы. Был он странно окрашен в жёлтое и зелёное, что придавало ему сходство с летящей рептилией. Оба моторных капота были далеко выдвинуты вперёд, между ними помещалась лобастая и взгорбленная пилотская кабина, за сёклами которой кто-то из ребят даже разглядел будто бы самих лётчиков.

Вид у самолёта был какой-то устрашающий. Наверно, конструкторы заботились не только о том, чтобы он летал, но и о том, чтобы угнетал своим обликом всё живое, попавшее под узкие сапсаньи крылья.

Но больше всего поразила и ужаснула главная его примета: на долгом фюзеляже, ближе к хвостовым рулям, отчётливо проступал чёрный крест, отороченный белым кантом. Нанизывая на себя облака, то исчезая в их рыхлой белизне, то снова выныривая на солнце, самолёт облетел всю городскую пристанционную округу, потом, сделав разворот, ещё раз промелькнул своим жёлтым ящерным брюхом в самый раз через то место, где всё ещё трепетала стая Серёгиных голубей. Он не строчил из пулемётов, не бросал бомбы, но и в него тоже не стреляли, не поднимали истребителей, которых, по правде, тогда на наших коровьих лугах ещё и не было из-за нехватки таковых или неглавности направления.

Чужак летал молча, безнаказанно вглядываясь в настежь распахнутое бытие города, его враждебное присутствие в небе, наверное, впервые дало всем видевшим эти чёрные кресты леденящее ощущение реальной и близкой войны.

В тот день из четырёх пар голубей домой вернулись только две. Турмачи опускались на конёк голубятни порознь. Последней была голубка Лыска, напарница Белого Пера. Она объявилась перед самым закатом, вся ещё перепуганная, недоверчиво озирающаяся. Когда Лыска уже потемну наконец переступила порог летка, Серёга не стал запирать голубятню, оставил планчатый рештак распахнутым. Но Белое Перо так и не вернулся — ни в этот вечер, ни с восходом нового дня...

В конце августа с той, военной стороны через город зачастили товарняки с демонтированным заводским добром. В тесовых обивках под брезентовыми пологами и просто под навалами древесных веток везли снятые с крепежа станки, целые узлы разобранных агрегатов, какие-то фермы, занимавшие сразу несколько платформ. Среди этого груза во всевозможных щелях и пустотах скопились беженцы, которых называли странным и трудно произносимым словом «эвакуированные». Из-за плохой проходимости дороги многие эшелоны опасно задерживались на запасных путях, и тогда «эвакуированные» разбредались по станции и прилегающим улицам в поисках туалетов, кипятка и какой-либо еды. А возле недвижного поезда собирался самопроизвольный базарчик, где местные бабульки и пацаны выменивали всяческие вещички на неказистую снедь. Особенно выгодно шла мена с беглыми евреями, пробиравшимися в глубь страны с многодетными семьями аж из самой Польши, из её восточных городков и местечек, оставленных нашими войсками.

Среди прочих беженцев они выделялись хорошо пошитой одеждой, но были изнурены дальней дорогой, суматохой пересадок, налётами вражеской авиации. Никто их специально не эвакуировал, не заносил в списки, не выделял мест в поездах: они были сами по себе. У них всегда можно было разжиться чем-либо из заманчивого польского шмутья и обихода. Пацаны чаще всего выменивали непривычное заграничное курево. Особенно в ходу были длинные табачные палочки с коротким мундштучком под названием «Фемина», на коробке изображалась огненная красотка с папироской в слепяще белых зубах. Петрик разжился перочинным ножичком со множеством причиндалов, а Пыхтя на ведро ночью выкопанной чужой картошки выменял, например, шикарно хлопающий портсигар с оттиском на крышке какогото позолоченного лысого дядьки, в котором Фагот предположил Папу Римского.

Вскоре, однако, поток беженцев внезапно прекратился, будто у этого потока гдето перекрыли вентиль. Это означало, что долго и беззаветно обороняющийся Киев всё-таки пал... От раненых бойцов, успевших вырваться из киевского окружения, пошли слухи, будто впереди теперь нет никакого фронта и что в нашей обороне образовалась дыра километров на двести, куда вот-вот устремятся фашистские танки. Становилось ясно, что надвигалась неотвратимая драма в судьбе нашего неза-

Становилось ясно, что надвигалась неотвратимая драма в судьбе нашего незащищённого города. И коли не было штыков — он ощетинился лопатами. Они зазвякали и засверкали возле школ, у дверей учреждений и заводских ворот. За город, на окрестные холмы и высоты, двинулись сотенные колонны оборонокопателей. Кроме лопат рекомендовалось также запасти носилки для перемещения грунта, кирки для рыхления слежалых глин и корчёвки древесных корней, вёдра для приготовления горячей пищи, клеёнки от непогоды, а главное — бодрость духа и веру в окончательную победу.

Одновременно сколачивались отряды гражданского ополчения. Фагота зачислили в истребительный отряд из двенадцати человек во главе с присланным выздоравливающим младшим лейтенантам Зайнуллиным. Он все ещё припадал на раненую ногу, но за командование отделением взялся неотложно и с бодрой требовательностью. В обязанности отряду вменялось охранять производственную территорию,

ЕВГЕНИЙ НОСОВ No 1(31) • 2020

выслеживать лазутчиков и диверсантов, а также привести в действие взрывные устройства под заводскими объектами, о которых пока никто не должен знать.

По вечерам отряд собирали в сквере для прохождения боевой подготовки. После построения и списочной переклички Зайнуллин попарно направлял отряд по внутреннему периметру сквера, после чего принимался за боевые приёмы, заставляя курсантов деревянной винтовкой, вытесанной в заводской столярке, колоть мешок с соломой или же бросать на дальность и точность металлическую болванку. Настоящее оружие выдавать не спешили, как объяснил Зайнуллин, до особого распоряжения.

- Будет надо, тогда и дадут.
- А если и взаправду диверсант? дознавался Фагот. А у меня сосновая леревяшка?
- Разговорчики! оборвал младший лейтенант.— Ты сперва этой научись, понимашь. — Оружие, может, в другом месте нужнее. Столицу, понимашь, надо зашишать...

Винтовки всё-таки в отряд привезли. Зайнуллин распределил их поимённо: против каждой фамилии проставил номер оружия и дал расписаться. Фаготу и ещё одному пацану из литейки, Федьке Чухову, расписаться не дали, потому что в ящике оказалось всего десять винтовок, а бойцов в отряде было двенадцать.

- А мы как же? обиделся за двоих Фагот.
- Что ты, понимашь, всё качаешь!? вспылил Зайнуллин. Ну нету, нету пока. Поступят — и вы получите. Это тебе не дров напилить... Давай, я одну винтовку на вас двоих запишу?
 - Не надо! отказался Фагот. Я свою хочу.Ну, тогда жди.

После этого разговора с Зайнуллиным обиженный Фагот перестал ночевать дома, коротая глухую темень в цеху на ворохе обтирочного тряпья. Он выжидал, пока все разойдутся, а вахтёры запрут проходную на засов, запускал свой бесшумный токарный станок и, посвечивая себе притенённой переноской, принимался мастерить задуманное. Сперва он пытался изготовить обрез под винтовочный патрон. Но эта штуковина требовала сложной фрезеровки, а старик-фрезеровщик, закончив смену, запирал инструмент в заначной печурке, открыть которую Фагот не сумел, хотя и перепробовал всякие исхитренные отмычки. А просить Кузьмича выстрогать ему заготовку затвора, которую он потом напильником довёл бы до ума, так и не решился: побоялся, что Кузьмич станет допытываться: пошто да к чему, а дознавшись, ехидно высмеет его затею. Он умел так сощуриться, так покачать головой в замасленной камилавке, так потрогать лоб заказчика, что сразу убеждал в напрасности и никчёмности замысла. Вместо неполучившейся Фагот из полудюймового гаечного прута вырезал новую ствольную заготовку, оставив нетронутыми все шесть граней. Так гляделось внушительней и убойней. Долгим наварным сверлом он прошёл в гранёном отрезке ствольный семимиллиметровый канал, но не насквозь, а в конце оставил хороший надёжный целяк. У дна просверлённого хода, там, где начиналась торцевая заглушка, он надфельком пропилил запальник, после чего тонко заправленным пробойничком протюкал в этом месте пороховой ход. Оставалось вытесать деревянное цевьё, что он и сделал из круто изогнутого кленового корневища.

Получился отличный самопал, походивший на старинную пистолю.

Грянула первая военная осень. Октябрь пришёл без милостей, без золотого листопада. По неубранным полям с остатками колхозной техники едкий сиверко кувыркал бесприютные жухлые листья. Сеялся непроглядный и нещадный дождец, обративший сельские немощёные дороги в безысходную погибель.

Наступать стало немцу в убыток, но и нам обороняться — тоже не доход. Однако немцу поделом: он позарился на чужое, а вокруг нас всё нашенское, святое.

В траншеях и противотанковых рвах, опоясавших дальние и ближние подступы, почти без сна и роздыха под вражескими налётами выкопанных, высеченных и вырубленных в иссохших глинах и обнажённых мергелях тысячными усилиями горожан, теперь, с ненастьем хлюпала мутная жижа и начали оседать и рушиться насыревшие стенки накопанного. Но регулярные войска что-то не спешили занимать приготовленные для них оборонительные рубежи. Лишь разрозненные ватажки ополченцев, которые потом назовут полками, перемогались под дождём в окопных канавах с одними только винтовками и зажигательными бутылками да ещё, может, двумя-тремя станкачами. Их самоотверженную отвагу не собиралась поддерживать армейская артиллерия, которой почему-то вовсе не оказалось в распоряжении гарнизонного начальника. Ну, а как же обороняться без артиллерии? Не одними же винтовочными пшикалками да огородными лопатами?!

…А враг тем временем приближался. Уже был взят город Льгов, что всего в полутора часах езды на машине. Несмотря на осенние хляби, опоясывая полукружием, будто заводя огромный невод, в нашу сторону двигался 48-й танковый корпус, поддержаный дивизиями 34-го армейского кулака, а на Фатеж, что вообще в пятидесяти верстах, нацелилась 9-я танковая дивизия.

У озябших, промокших ополченцев оставалась надежда на 13-ю армию, которая, будучи сама в окружении, вела ожесточённые бои совсем близко от Курска — в соседних Брянских лесах. Верилось, что ещё одно усилие, и она наконец вырвется на свободу. Но уповали на неё напрасно. Из свидетельства члена Военного совета армии генерала Козлова: «После неимоверно трудного марша в условиях холодной осени промокшие, истощённые от недоедания, ведя бои днём и ночью, причём далеко не всегда ясно представляя, где находится противник — впереди, справа или слева, воины 13-й армии... вышли... из окружения в составе 10 тысяч человек». Уцелевший отряд был лишён техники, транспорта, боезапаса и продовольствия.

«После всестороннего анализа сложившейся обстановки (нескончаемый дождь со снегом, непроходимое бездорожье, полное отсутствие горючего, налёты авиации, вылазки противника), — вспоминает далее генерал Козлов, — Военный совет армии 17 октября принял трудное для себя решение: уничтожить автотранспорт и другое имущество, сковывавшее манёвры армейских подразделений. Моторы автомобилей простреливались бронебойными пулями, а сами машины пускались под откос в глубокий овраг. Артиллеристы гаубичного полка, выпустив все снаряды по скоплению противника, последним выстрелом приводили орудия в негодность, в канал ствола насыпая песок».

В таком виде армия заняла рубеж Φ атеж — Макаровка, выполнив свою главную задачу: вырваться из лап фашистов. Но оказать помощь Курску она уже не могла и сама нуждалась в пополнении, техническом обеспечении и просто физическом и моральном восстановлении.

Вместо неё на курские рубежи направили 2-ю гвардейскую дивизию, которая сама только что с большими потерями вырвалась из окружения и, следовательно, не имела полного личного состава и необходимого вооружения. Ею просто жертвовали, бросая на растерзание во много раз превосходящему противнику.

Судьба этой дивизии, как и самого города, была решена в пятиминутном телефонном разговоре Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с перым секретарём Курского обкома партии П.И. Дорониным:

Доронин: — Обстановка под Курском тревожная. По данным разведки, на город наступают три фашистские дивизии. Оборону Курска ведут вторая гвардейская дивизия и бойцы народного ополчения, вооружённые в основном стрелковым оружием.

(Доронин умолчал, что не каждый ополченец имел винтовку, а многие вышли за город с охотничьими ружьями и бутылками с горючей смесью. Вторая же гвардейская «дивизия» тоже выступила налегке без миномётов и артиллерии, которых у неё попросту не было).

Сталин: — Под Москвой тоже сложилась исключительно тяжёлая обстановка. Необходимо, товарищ Доронин, усилить сопротивление врагу, укрепить полки второй гвардейской дивизии за счёт коммунистов и комсомольцев. Силами народного ополчения необходимо прикрыть отход дивизий Красной Армии на новые боевые рубежи.

На другой день приказ Главнокомандующего не тратить боеспособные войска на защиту Курска был действительно получен по секретной связи, и в ночь на 27 октября, то есть за пять дней до появления противника у городских стен, части гарнизона покинули места своего расположения. Вместе с ними оставило город и перебралось пока в авиагородок и все областное руководство, прихватив с собой работников кухни и буфета: не сидеть же у костра и не варить в ведёрке гороховый похлебанец!..

Когда стало ясно, что ждать помощи неоткуда, было отдано ещё одно страшное распоряжение: город поджечь, все стратегически важное взорвать! Но рубежей не покидать, а продолжать до последнего противостоять немецкому наступлению.

И взрывники принялись за работу.

Умерщвление города во многом похоже на насильственную многострадальную смерть человека. Тут и там в небо вскидывались пыльные кирпичные выбросы. От ударных волн, льдисто звеня, сыпались и разлетались оконные стёкла. Рухнули в воду искорёженные фермы и опоры железнодорожных и шоссейных мостов. Потрясали землю и воздух тротиловые закладки под силовыми установками, трансформаторами и столбами электропередач. Взлетевший на воздух соляной склад на улице Радищева запорошил солью дворы и крыши окружавших его домов. В центре занялись полымем служебные здания и магазины, гудящий огонь выедал до кирпича мудрые кабинеты горкома ВКП(б). Дымные мебельные языки пламени, роняя на мостовую хлопья полыхающих штор гостиничных номеров, где некогда останавливались Горький и Маяковский, вырывались из карминно раскалённых и потрескавшихся рам наружу и жадно объедали ветви близких лип и вязов. К гигантскому всеобщему костру присоединились пожары на мельницах и крупорушках, на фабриках и лесных биржах, на больших и малых складах и продовольственных базах. Было облито керосином и подожжено зерно на многокорпусном хлебном элеваторе. Особенно зловеще и смрадно, застя полнеба округлыми клубами, полыхала нефтебаза, время от времени выфыркивая из этих чёрных клубов багровые вспышки взрывающихся газов. Смешавшееся воедино общее полотнище дыма тяжело пласталось над сирой осенней землёй на многие километры за горизонт, укрывая собой уходящие на восток войска и навьюченные вереницы машин, покинувших авиагородок... Каждый день в дымном небе появлялся наш Су-2, одномоторный

бомбач, он же разведчик. Самолётик туда-сюда пролетал над городом, видимо, наблюдал и фиксировал на плёнку, что и где горит и хорошо ли занялось.

Осада города началась вовсе не так, как представлялось пацанам, уличным гаврошам, которые уже изготовились к многодневному планомерному обстрелу из орудий и миномётов, свирепым налётам пикировщиков, перемежавшихся с волнами атакующих пехотных цепей. Все оказалось как-то буднично и неинтересно.

В этот день Фагот вместе с несколькими членами отряда заводской обороны продолжали демонтировать и приводить в негодность оборудование цехов. Посередине двора горел большой костёр, куда бросали папки с чертежами многолетних заказов, снятые со станков электромоторы, бухты запасной высоковольтной проводки, пластмассовые переключатели, промасленную обтирку, чтобы костёр не гас, не ленился трудиться. Пламя каждый раз меняло свою окраску, в зависимости оттого, что в него было брошено. Дым то серел и шипел от чего-то малогорючего, то начинал закручиваться в бурые завихрения. Из столовой уборщица баба Паша припёрла целый столб вложенных одна в другую алюминиевых мисок. Она собиралась было бросить их тоже в огонь, чтобы оплавились и пришли в негодность, но ей не дали это сделать, чтобы не замедлять горение, а вручили лом, которым она принялась долбать посудины, азартно приговаривая, должно быть, адресуясь к вражеским солдатам: «Вот вам! Вот вам! Нате, ешьте теперя!..»

Заводской дым смешивался с уличными дымами, было тяжко дышать, слезились глаза, першило в горле, и Фагот время от времени выбегал за ворота, чтобы отдышаться и одновременно послушать, что делалось там, на передовой. Но за воротами было так же дымно и непроглядно, особенно от пожаров на близкой городской товарной станции, питавшейся специальной железнодорожной веткой. Со стороны московских шпилей и Казацкой слободы доносились нестройные, разрозненные, как бы лишённые злобы, винтовочные хлопки, которые потом надолго затихали, и было не понять, кто куда стрелял и кто куда девался.

Помимо территориальной обороны, куда входил Фагот, на заводе сколотили ещё и ополченческий отряд, комиссарить в котором райком назначил кадровика по фэзэошке Гвоздалёва. У Зайнуллина закончился срок пребывания на излечении, и его тоже куда-то забрали, а руководство дворовым отрядом передали дядь Лёше, недавнему Фаготову наставнику.

Отряд Гвоздалёва, состоявший из восемнадцати добровольцев, занял оборону на северной окраине, где-то возле трепельного посёлка, и теперь оставшиеся тут волновались и переживали: «Как там наши?!»

Но уже под вечер Гвоздалёв неожиданно объявился в заводском дворе. На его груди, на шейной петле висела забинтованная рука с алым подтёком выше кисти. Но сам он по виду нисколько не унывал и находился в приподнятом и даже в какомто радостном возбуждении.

- А-а, пустяк! усмехнулся он, когда баба Паша, глядя на повязку, принялась сердобольно квохтать и страшиться глазами. Малость зацепило! Зато мы ему дали как следует! Век будет помнить!
- Ты, голубь, присядь, отдохни! тоже радостно засуетилась баба Паша, пододвигая к кострищу резной дубовый главбуховский стул, вынесенный на сожжение. Небось, от самого трепельного пешком шёл?
 - А на чём же? Трамваи уже не ходят.
- Тади садись, рассказывай, как и что было. Какие они хоть, немцы эти? Больно страховитые?
 - Да обыкновенные, бить можно.

- И как же вы?
- Ну, притопываем себе в окопчиках. Холодновато, конечно. С самого вечера ждём незваных. Огня, как тут у вас, не распалишь: передовая. Часу в восьмом развиднелось. Глядим: на шоссе мотоциклы с колясками тыркают. Штук пять, а то и больше: не очень было видать. И все немцами облеплены. Поставили мотоциклы под деревья, а сами рассыпались цепочкой и к нам, сюда на посёлок. У каждого на шее автомат, на голове каска: лиц не видать. Идут, негромко переговариваются. Офицер молча делает рукой какие-то знаки.
 - Страхи-то какие! баба Паша обжала щеки ладошками.
- Кто-то из наших возьми и пальни. Другие тоже начали стрелять. Надо было подпустить поближе. А они не утерпели... Первый раз воюют.
 - Дак и ты впервой!
- Я тоже.. Но я хоть «звёздочку» в лагере водил... А всё равно, удачно получилось, немцы залегли, а потом вскочили и бежать. Один захромал. Посели на свои мотоциклы и драпанули с шоссе куда-то направо. Наверно, поехали искать, где место послабее. Наши аж «ура» закричали: так мы им врезали!
 - А тебя как же поранило-то?
- Да это с мотоцикла из пулемёта прострочили, вроде как на прощанье. Меня вот в руку, а одного нашего насовсем. Васина из литейки.
 - Олежку? ужаснулась баба Паша и опять обжала щеки ладошками.
- Ну, он, он. Обещался родным сообщить. Пойду вот схожу. Решили там и похоронить.
 - Да уж на кладбище бы, по-хорошему!
- Тоже скажешь: до Никитского вон сколько! Как понесёшь? Это же гроб надо! Да человек восемь с передовой снимать, чтоб напеременки нести. А теперь каждый человек на счету: вдруг опять полезут? Дак они и полезли! После обеда на шоссейке танки показались. Штук десять. Хорошо, что с насыпи свернули, видать, пошли на Знаменку. Мы потом в той стороне сильный бой слыхали. Конечно, тоже не прошли, наверняка понюхали кукиш.

Гвоздалёв здоровой рукой достал из-за пазухи вчетверо сложенную бумагу.

— Нате вот, почитайте... Совсем свежая. Нарочный оттуда принёс...

Это оказался «Боевой листок» за первое ноября, написанный от руки на типографской заготовке. Листок взял дядь Лёша и, морщась от дыма, стал читать всем:

- «Отважно сражался истребитель танков Дзержинского полка комсомолец Вячеслав Звягинцев. Он погиб, но не пропустил на своём участке танков».
- Гляди-ко! Молодец-то какой! похвалила баба Паша и тут же пожалела: А погиб пошто?
 - Погиб зато не пропустил! разъяснил Гвоздалёв. Теперь это важнее всего.
- Погиб стало быть, пропустил... жёстко возразил дядь Лёша и вернул листовку Гвоздалёву.
- A вот, Андреич, ответь мне старой по всей правде, допытывалась баба Паша, пытаясь заглянуть в глаза Гвоздалёву.
 - Чего говорить-то? насторожился тот.
 - Удержите немца али побежите? Скажи как на духу...
- Да ты что? снова расслабился лицом Гвоздалёв и даже облегчённо заулыбался. Ну ты, баб Паша, даёшь! Такое говоришь! Честное слово...
 - А чево?
 - Так и думать-то нельзя! Как это побежите? Какое мы имеем право?
 - Ежли про это и думать нельзя, то пошто всё палите да взрываете?

- А чтоб им не лосталось!
- А тади опять пошто горелое да порушенное защищаете? Вон хлеб керосином облили и подожгли. Стало быть, оставаться не собираетесь.
 - Таков закон войны. Чтоб врага не кормить. Иначе нельзя.
 - А народ чево есть будет? А дети малые?
- По закону войны народ перед лицом нашествия уходить обязан. Ибо сказано: кто не с нами, тот наш враг.
 - Куда ж мне за вами бежать: у меня и ноги-то в ботинки не лезут...
 - Да не ерепенься ты! посоветовал Гвоздалёв. И не болтай лишнего...
- Чего уж тут лишку? Вон народ всё тащит. На кожзаводе мокрые вонючие кожи на драку, на взорванном соляном складе солёную землю, солёную щебёнку нарасхват...Стало быть, больше не верят писанному да говоренному. А я, дура, всё сижу, всё на что-то надеюсь... Надо хоть этот стул домой снести: буду помнить Ефремыча, как мы у него на облигации подписывались.
- А насчёт немца— не пустим! Не пустим! Гвоздалёв примирительно и весело похлопал по бабыпашиной спине. Когда шёл сюда— центральная улица вся в баррикадах! Люди ничего не жалеют для этого...

Завод не работал: расплавленно не светился окнами в ночи, знакомым, с бархатной хрипотцой, каким-то фаготовым голосом не звал к станкам — молчал и не дышал уже несколько дней, с той поры как сделала свой последний выдох котельная, демонтировали и куда-то увезли силовые трансформаторы. Тогда же вывесили приказ о роспуске коллектива, за исключением охраны, из которой несколько человек отдали в ополчение. Фагот тоже порывался, но его оставили в заводском охранном наряде поскольку он, к огорчению, так и не получил своей винтовки.

В конце приказа крупно, заглавно было напечатано на машинке: «Спасибо за работу, товарищи!» Каждому, в последний раз переступавшему порог проходной, давняя, потомственная вахтёрша Афанасьевна возвращала личный жестяной номерок— на память, чем окончательно ввергала людей в щемящее чувство. Некоторые пускались обнимать Афанасьевну, осыпать прощальными поцелуями, задавая почти один и тот же вопрос, будто вахтёрша заведомо знала, что ответить:

— Неужто больше не вернёмся?..

Женщины из цехов, а больше из отделов управления уносили с собой оконные цветы. Не чуя беды, зелёные любимцы продолжали цвести как ни в чем не бывало, особенно доверчивые гераньки, источавшие свой уютный, примиряющий запах.

Но и после приказа в цехах и на территории вроде ненароком всё ещё появлялись люди, наверное, из тех, кто не сумел сразу отбросить напрочь привычное. Многие помогали строить баррикаду, прикрывавшую подступ к проходной со стороны тыльной улицы Карла Либкнехта, название которой кто-то тайно вымарал на всех домах.

В основу баррикады легло спиленное на углу дерево. Его растопыренные ветви принялись забрасывать всяким заводским хламом: порожней тарой, карбидными бочками, кухонными столами и столовскими табуретками, в литейке разобрали торцовый пол, наковыряли толстых кряжей и на тачке свезли в ту же кучу, туда же бросили и самоё тачку. Всё это засыпали токарной стружкой, которой порядком накопилось на заводском задворье. Получилось что надо: высоко и внушительно.

- Ну, наварнакали! оценил наведавшийся старый фрезеровщик Кузьмич, завсегда зривший против шерсти. Что твой торт!
- А чего не по-твоему? поинтересовался Ван Ваныч местком, тоже оказавшийся здесь якобы по делу.

— Эта ваша городьба ни одной пули не задержит. Потому как внутри пустая. А нало бы класть мешки с песочком.

- Да где ж мешки взять-то? Ван Ваныч запачканной рукой поддёрнул разношенные очки. Да и песок тоже?
 - Тогда нечего и затеваться...
 - Ну как же была разнарядка...
 - Разнарядка... ехидно усмехнулся Кузьмич.
- Ладно тебе, как всегда и всех, примирительно похлопал Кузьмича по плечу Ван Ваныч. И так сойдёт. Немец с ходу не перелезет тоже дай сюда.
- А ты чего тут? поинтересовался Кузьмич. Всё руководить тянет? Ещё не наводился руками? Твои приятели-рукомахатели уже, небось, за Щигры утрехали?
 - Ещё успею...
- А то гляди, попадёшь, карась, в ихнюю вершу— не поздоровится. За Дальними парками уже стреляют...
 - Да вот вспомнил: в кабинете карту с флажками забыл снять.
 - Места последних боев проставлял?
- Было интересно, где и что. А теперь не надо, чтоб карта осталась висеть. Да ещё с флажками...
 - Ну ещё бы: такой позорище! Флажки-то в нашу кровь мокнутые!
- Хотел позвонить, да забыл, что телефон больше не работает. Пришлось самому... А ты по какому делу?
- Я, Ваня, не по бумажной надобности. Парок-то из котлов выпустили, манометры свинтили, водомеры побили, а про гудок забыли. Пойду, думаю, сниму. Не хочу, чтоб немцу достался. Вот не хочу и всё! Конечно, можно и его сничтожить: молотком по свистку жахнул и делу конец. А не могу я так как по-живому. Я по этому гудку полжизни деньки считал... Вот ключи взял, пойду свинчу да заберу домой. А вдруг опять понадобится?..

Ночью, пока окрест было тихо, Фагот отпросился сбегать домой, на всякий случай попрощаться с матерью: не исключалось, что вот-вот и его охранный отряд вступит в бой. Катерина бессловесно всплеснула руками, когда он появился на пороге незапертой двери в свете тоскливо мерцавшего ночника. Она ткнулась лицом в его телогрейку и только теперь подала свой тихий, на краю шелеста, голос:

- Дымом пахнешь...
- Да вот, палим... А где братья?
- Те всё по городу шарятся. Вчера Серёга где-то полмешка проса раздобыл: голубей кормить. Говорю: будет ли тебе с голубями вожжаться война кругом. А он, упрямец: голубям тоже есть надо. Они в войне не виноваты... У нас тут наверху дедушка живёт, без одной ноги. Сам-то он на землю не спускается, потому, может, ты его ни разу и не видел. Он всё больше в окно глядит. А зиму, от Покрова до Пасхи, сидит взаперти. Так у этого дедушки есть самодельная коляска на четырёх катках. Серёга выпросил эту каталку и вот, как смерклося, укатил с ней кудай-то... Говорил, будто на швейной фабрике народ машинки курочит, дескать, если успеет, то он одну привезёт... А Михаил тот себе шарится: вчерась картузом рокса разжился. Может, помнишь такие конфетки: рисунок насквозь виден. Где ни откусишь там опять эта ж картинка: грибок или вишенка... А ещё карманы конфетных обёрток набрал: теперь из них фантики заламывает с ребятами в кон играть. Так, ветер в голове... А вот не удержишь! Все на чужом помешались. Пусть бы одни дети по недомыслию, а то и взрослые туда же: магазины бьют, аптеки растаскивают, пуговицы и те сумками волокут... А кто запретит, кто остановит натуру, дорвавшуюся до греха?! Властей

нетути, милиция разбежалась. Серёга говорит, будто по Дзержинской ветер вместе с конторскими бумажками трояки да пятёрки носит... Люди гоняются, друг у друга отнимают... А у меня вся душа выболела: где их, непутёвых, носит... Дак за чужое и подстрелить могут...

- Ладно, мать, отыщутся. Есть захочется прибегут.
- Ты, может, тоже поешь? Я борщичка наварила.
- Да некогда мне! Фагот озабоченно взглянул на ходики.
- Я моментом! засуетилась Катерина возле примуса. Там у вас теперь и вовсе ни крохи. Вон как обрезался.
 - Да пока обходимся. Муки разжились. Лепёшки печём, чай кипятим.

Катерина налила тарелку горячих щей, возле положила ложку и несколько варёных картофелин— вместо хлеба.

- A-a! — не устояв, крякнул Фагот и, сбросив телогрейку, подсел к манящему вареву.

Щи, несмотря на их жаркость, он выхлебал с поспешностью бродяги. Катерина не дала ему отодвинуть тарелку и подлила ещё. И пока он вычерпывал добавку, она, созерцая торопливую еду, тихо радовалась этой его жадности.

Собиралась налить ещё и чаю, но он, отстранив тарелку, сложил руки на краю стола и хмельно, отрешённо, уронил на них голову. Катерина хотела было перенести сына на топчан, даже просунула руки под мышки, но поднять не смогла, а только нашупала на крестце под рубахой что-то жёсткое, непривычное. Она бережно высвободила из-за его пояса незнакомый предмет и, поднеся его к ночнику, поняла, что это что-то военное, стреляющее.

- ...Фагот очнулся, когда за окном начало сереть.
- Что ж это я? испугался он и, увидев на столе самопал, торопливо спрятал его под рубаху. Потом схватил коробок спичек, потряс им возле уха и сунул в карман.
 - Ты же не куришь...— заметила Катерина.
 - Скажи братанам, пусть не проса, а спичек побольше раздобудут...
 - И, торопливо застёгивая ватник, заговорил:
- Слушай мать. Сегодня вечером от заводских ворот машина пойдёт с теми, кто хочет уехать. Может, и ты надумаешь? Вещичек у тебя почти никаких. Соберись по-быстрому. Ребята пусть помогут.
- $-\,$ Нет, Ваня, $-\,$ вздохнула Катерина. $-\,$ Хватит с меня: наездилась, находилась. Сам всё знаешь. Вот, есть у меня в белый свет единственное окошко $-\,$ других уже не хочу. Нету на это сил. А ты, сынок, ступай! Я тебе уже не подмога. Всё теперь будет без меня. Отныне у тебя одна мать $-\,$ Матерь Божья. Надейся, Ваня, на неё.
- Ну, тогда я побежал! Фагот неловко, полусогнуто ткнулся губами в Катеринину запавшую щеку. Меня, наверно, ищут уже...

Он бежал по улице, почти не воспринимая ни знакомых домов, ни самой местности с оцветшими газонами, покинутыми табачными и газетными будками, опрокинутыми уличными скамьями и мусорными тумбами. Иногда возле магазинов и прежних закусочных под ногами хрустело битое витринное стекло...

Он бежал, и, будто почтовый голубь, неосознанно чувствовал лишь одно направление своего бега.

В той стороне, где находился завод, шла беспорядочная стрельба. Среди поредевших винтовочных хлопков всё чаще слышались короткие всхрапы автоматов, как если бы вспарывали серую рассветную наволочь. Время от времени в хмурое предзимье, прослоённое дымами затухающих пожаров, вскидывались красные и зелёные ракеты, наполняя вислое небо и мрачные после ночи окрестности обманной

красивостью блуждающих всполохов. Фагот тогда ещё не знал, не мог знать, что на языке сражений зелёные траектории указывают, куда следует двигаться, красные— на неожиданные препятствия, на очаги сопротивления. Фагот только про себя отметил, что зелёных ракет было больше, чем красных.

Ближе к Пролетарской площади навстречу Фаготу всё чаще стали попадаться куда-то спешащие, озирающиеся мужчины. Некоторые из них, должно, чтобы избавиться от сквозной уличной прямизны, торкались в запертые подъезды и калитки, растворялись в неразберихе проходных дворов. На аптечном углу наспех перевязанный прямо по всклокоченным волосам встречно бегущий человек озлобленно выкрикнул:

Куда, дурак?! Там же немцы! Всем велено отходить...

«Где — там же?» — не понял Фагот, и, не успев уточнить «где именно», ответно ещё пуще прибавил бегу и тут же очутился между двух тускло мерцавших рельсов на главной трамвайной улице.

Ниже, в нескольких шагах, на рельсовом спуске, под висячим знаком трамвайной остановки навзничь лежал убитый с насторону разбросанными руками. Живот его в голубой рубахе круто возвышался меж распахнутых пол пиджака, а на сизой картошине носа меркло светились толстые близорукие очки, и Фаготу почудилось, будто это был Ван Ваныч-местком. При виде убитого он невольно пригнулся и поднырнул под нависшую крону плакучей ивы. Перебегая от дерева к дереву в Пролетарском сквере, он испытывал гнетущее чувство от того, что опаздывает куда-то или уже опоздал вовсе.

Он собрался было прошмыгнуть к близкой баррикаде и за ней укрыться, но та была разметена на два вороха, с проездом посередине. Под разбросанным баррикадным мусором виднелись ещё двое, не то убитых, не то раздавленных гусеницами.

У него воистину обмякли ноги, когда из-за последнего дерева, что укрывало его возле чугунной ограды, сквозь обникшие древесные пряди он вдруг увидел у самого порога проходной фашистский танк. Сперва Фагот принял его за полуторку, которая должна была вывести из города заводских беженцев, но сквозь путаницу никлых ветвей разяще обозначился белый немецкий крест в чёрной окаёмке.

— Ничего себе полуторка! — возразил Фагот самому себе.

Танк был по самую башню заляпан вязкой осенней грязью, словно покрытый бугорчатой крокодильей шкурой. Между гусеничными катками и рессорными блоками намоталась хлебная солома с ещё неоцветшими жёлтыми ястребинками и придорожным осотом. В башенном люке с откинутой крышкой высился танкист. Он был в нашенской ватной телогрейке, но в своей разлатой каске с каким-то знаком на левом виске. Позади башни желтела притороченная плетёная корзина, из которой танкист брал и хрустко кусал и ел янтарное яблоко. Он жевал не спеша, с видимым наслаждением, как едят вызревшую курскую антоновку.

Немец аккуратно огрыз семенной стержень, оглядел его со всех сторон и, убедившись, что выедать больше нечего, размахнулся и запустил огрызком в крону ивы, укрывавшую Фагота.

Может быть, этот надменный и самодовольный жест врага был последним толчком, после которого Фагот извлёк из-за пояса своё оружие, всегда заряженное и готовое к выстрелу. Он вставил в запальник обломок спички с полноценной серной головкой, после чего осторожно раздвинул ветки, просунул между ними гранёный ствол, и, всё так же расчётливо, с холодной неприязнью навёл мушку на перекрестье глаз и носа танкиста. Утвердив покрепче ноги, он чиркнул серником коробка по коричневой округлости спички. Жёстко, рубленно грохнул выстрел, заполнивший

APFAMAK. TATAPCTAH

№ 1(31) • 2020 ЕВГЕНИЙ НОСОВ

сплетение веток сизым и кислым спичечным дымом. Не дожидаясь пока дым рассеется, Фагот пустился бежать от ограды, рассчитывая спрятаться за бетонным обводом фонтана. Но в тот миг, когда он вознёс себя над цементным кольцом, вдогон раздалась автоматная очередь, и он, вскинув руки и выронив самопал, рухнул вниз на заплесневелое днище фонтана.

...Его никто не искал, даже тот, в кого он целился, и Фагот ещё долго лежал в донной мокроте, скопившейся как раз под ним и уже обагрянившейся от набежавшей крови. Он то приходил в мутное сознание, то снова терял его, всё чаще и дольше. Лишь спустя несколько часов из дверей угульной аптеки, разграбленной и зиявшей чёрными провалами недавних окон, вышла женщина в белом халате, с брезентовой сестринской сумкой через плечо. В поднятой кверху руке она держала марлевое полотнище и озабоченно махала им над головой. Таким образом она добралась до Фагота, пощупала пульс и наложила йодовый томпон на грудную рану. Потом подняла его голову и положила её на своё колено. Через какое-то время Фагот приоткрыл глаза и бледными, спёкшимися губами попытался что-то сказать.

— Лежите спокойно, вам нельзя затрудняться. У вас серьёзное грудное ранение. Сейчас придёт наш человек, и мы попробуем перенести вас в провизорскую.

Фагот напрягся и снова попытался заговорить. Медсестра наклонилась к его лицу.

- Попал я или нет? услыхала она горячечный шёпот. Только одно слово: да или нет?
- Кто попал? В кого попал? не поняла сестра, но увидев обронённый самопал, наконец сообразила, о чём её спрашивают. И убеждённо заверила:
 - Да попал! Попал! Молчи только...

РОДИНА МОЯ

СВЕТЛЫЙ МИР МАСТЕРА

Мало кто знает, что Евгения Ивановича Носова увлекала не только литература, но и живопись. Когда-то он признался, что перед ним стоял выбор: художником быть или писателем. Но, став первым рассказчиком России, по выражению его друга Виктора Астафьева, он не ушёл из мира красок и свои превосходные пейзажи силой дарованных ему талантов переносил на бумагу то пером, то кистью. Но главное — своей мудрой и доброй душой.

Мы не раз предлагали Евгению Ивановичу сделать выставку его работ, но он стеснялся этого, говорил, что рисует для себя, для отдыха. В последнее время почти уговорили, но... не случилось...

Выставку мы открыли уже после кончины Мастера. И он словно снова оказался рядом с нами, среди друзей, которые собрались на её открытие. Это ощущение усиливал автопортрет, выполненный им профессионально, с удивительной достоверностью. А рядом в небольших, им же самим сделанных рамках, изображения любимых курских просторов: речка в Золотухино на 507-м километре, где он любил рыбачить; берёзовая рощица за ней; дуб на красивой клюквинской поляне, к которому он частенько наведывался во время своих грибных походов; Кузина гора с голубой водой вокруг и красивые белые гуси над ней; наша Троицкая церковь... Есть и прибалтийские пейзажи, сделанные во время отдыха в Юрмале. Всё выписано Мастером предельно точно.

«...А рисунки твои — прелесть! Я сначала не обратил внимания, чьи они, и думал, вот молодец художник, как здорово схватил! Гляжу, а это ты! Ну, молодчина...» — так писал Евгению Носову его друг, писатель Анатолий Соболев, увидев его книгу «Тридцать зёрен» с рисунками автора.

А один из читателей писал ему о том, что у его друга, хорошего пейзажиста, застопорилась работа над полотном «Сенокос». «Я дал ему прочитать "Шумит луговая овсяница". Он был буквально поражён зримостью картин и образов... "Сенокос свой он закончил успешно...»

Другой читатель написал: «Прочёл Вашу повесть "Усвятские шлемоносцы". Вы художник, по-настоящему. Мне кажется, Вы можете и живописью заниматься, я не ошибся?..»

Читатель не ошибся. Пусть и читатели журнала «Аргамак. Татарстан» проникнутся мастерством кисти выдающегося писателя-фронтовика...

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Е. И. НОСОВА

Автопортрет. Акварель, гуашь

Дорога. Акварель, гуашь

РОДИНА МОЯ

Ласточкины гнёзда. Акварель, гуашь

На крутом берегу. Акварель, гуашь

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Е. И. НОСОВА

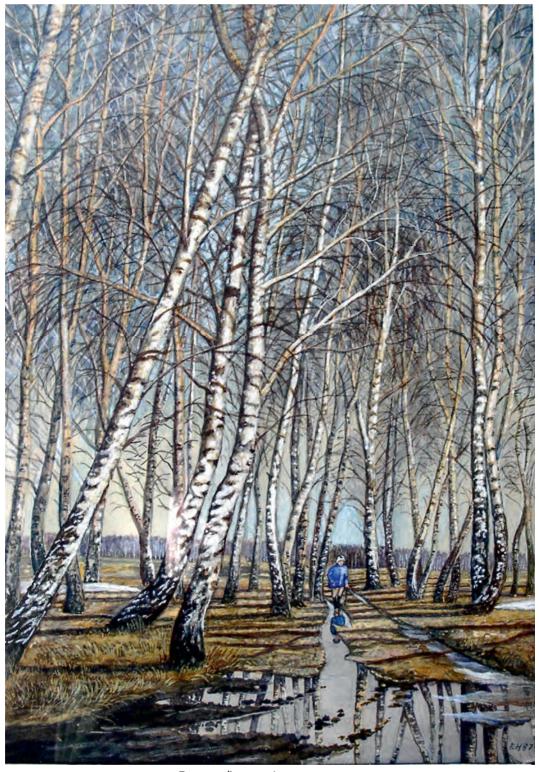

Замок в Сигулде. Акварель, гуашь

Зеленя. Акварель, гуашь

РОДИНА МОЯ

Весенний свет. Акварель, гуашь

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Е. И. НОСОВА

Свет в окошке (родная изба писателя и друга Михаила Еськова). Акварель, гуашь

Овраги в снегу. Акварель, гуашь

РОДИНА МОЯ

Холмы на Тускари. Акварель, гуашь

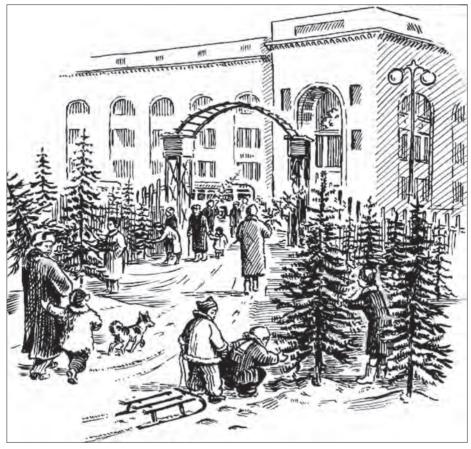
Весенняя распутица. Акварель, гуашь

ЖИВОПИСЬ И ГРАФИКА Е. И. НОСОВА

Церковь в Переделкине. Акварель, гуашь

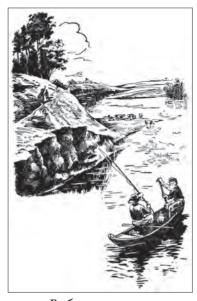
РОДИНА МОЯ

Дом книги в Курске

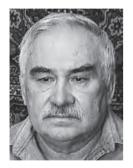

Драматург А.Н.Островский

Рыболовы на реке

АКТУАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

роман *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В свой первый школьный день, сев за парту, Руслан увидел перед собой две русые косички. В косички были вплетены два огромных белых банта. Они мешали слушать, что рассказывала учительница Марта Захаровна, которая занималась с ним и раньше, готовя в первый класс. Учительница говорила родителям, что ему в первом классе делать нечего, уровень подготовки Руслана соответствует программе минимум третьего класса, но для того, чтобы его перевели в третий или даже четвёртый класс, придётся какое-то время поучиться в первом.

На следующий день девочка, а её звали Лидой Басаргиной, пришла без парадных бантов, в косички были вплетены непритязательные красные ленточки, и он обнаружил, что её голову окружал ореол из русых волос — словно кто-то старательно заставил их торчать и курчавиться. Пришлось признаться самому себе, что эта девочка, похожая на красивую куклу, ему очень нравится.

Поздней осенью его перевели в третий класс, затем в четвёртый. Теперь Руслан мог только видеть, как Лиду привозил в школу на чёрном большом автомобиле молчаливый, как статуя, стриженный под нулёвку водитель.

Через несколько лет чёрный большой автомобиль будет взорван. В нём погибнет отец Руслана, школьный товарищ отца Лиды. Басаргин пригласит его на свой день рождения, который задумал отмечать в загородном поместье. Вместе со старшим Орловым погибнет и молчаливый охранник и водитель Лиды. Мать Руслана получит

^{*} Журнальный вариант

тяжёлые ранения, придёт в себя лишь перед смертью, и, поглаживая волосы сына уже холодеющей рукой, прошепчет ему:

Сынок, ты особенный, звёздный мальчик...

Руслан пришёл в себя в каком-то палисаднике возле куста сирени — туда его забросило взрывом. Оттуда его вынесли какие-то люди, и он увидел лежащую на тротуаре окровавленную мать, возле которой хлопотали люди в белых халатах. Изуродованный чёрный автомобиль тушили пеной пожарные...

Потом Лида, взяв его за руку, повела в свою комнату в загородном коттедже. Рука у неё была тёплой и ласковой. Когда их позвали садиться за поминальный стол, Лида неожиданно ткнулась губами в его щеку и сказала:

Ты хороший... Держись, пожалуйста...

Через месяц поминки повторились — умерла мама. Всех, кто пришёл проститься, отец Лиды пригласил в автобус и велел везти в загородную резиденцию, а Руслана посадил в свою новую, опять большую и чёрную машину. На заднее сиденье, между заплаканной женой, тётей Валей, и Лидой. Тётя Валя с мокрыми от слёз глазами приобняла Руслана, а Лида взяла его руку в свою.

В машине Андрей Филиппович, полуобернувшись на переднем сиденье к Руслану, повёл разговор о том, каким он видит его будущее.

- Насколько я знаю, у тебя родственников нет, но в детдоме тебе не место. Тебе скоро только десять лет, а ты заканчиваешь одиннадцатый класс школы. Поступишь в университет, тебя из детдома туда возить никто не станет. Поэтому, если не возражаешь, сделаем так. Я предлагаю оформить опекуном родную сестру твоей учительницы Марты Захаровны. Галина Захаровна женщина одинокая и добрая, с высшим образованием. Она будет жить с тобой, заботиться о тебе, вести хозяйство. Я бы с дорогой душой стал твоим опекуном, но по закону опекун должен жить с опекаемым...
- Папа, а пусть Руслан будет моим братиком! воскликнула Лида и добавила: —
 У меня же нет братика...
 - Лида, выслушаем отца! одёрнула дочь тётя Валя.

После поминок он ехал домой уже вместе с Галиной Захаровной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сегодня в переходе на станцию метро Площадь Революции, посреди густого потока людей стояла седая женщина и с непонятным исступлением крестила всех высоко поднятым троеперстием. Глаза у неё были неопределённого цвета, но тёмные, рот полуоткрыт, как у боярыни Морозовой на картине Сурикова, иногда бескровные губы шевелились, видимо, женщина произносила слова молитвы. Людской поток шёл на неё, не останавливаясь. В переходе нельзя останавливаться — мгновенно возникнет пробка, которая может закончиться давкой и жертвами.

«Опомнитесь! — Руслан Орлов прочёл это по глазам женщины. — Живите похристиански, не беснуйтесь, не нарушайте Божьи заповеди! Господи милосердный, спаси и помилуй нас! Оставайтесь людьми, не превращайтесь в зверей! Иначе всех нас ожидает геенна огненная! Не в загробном мире, а на Земле вы готовы устроить геенну огненную ужаснее потусторонней! Господи милосердный, спаси и помилуй нас!»

Никто из идущих в плотном потоке не догадался в ответ осенить крестом несчастную. В тот день из Глобальной информационной системы Руслан узнал о подробностях случившегося. Женщина была учительницей биологии, увлекалась экологией, ходила на всякие протестные акции, многократно задерживалась милицией

и полицией. Её сочли сумасшедшей, всего два дня тому назад выписали из психлечебницы... Конечно, самым нормальным всегда найдётся место в психлечебнице... Она будет стоять несколько часов на своём посту, не выдержав напряжения, упадёт на твёрдый каменный пол перехода без чувств. Появится бригада скорой помощи, её приведут в сознание, от госпитализации она откажется, доберётся до своей комнаты в коммуналке и не доживёт до утра.

В предсмертные часы у многих проявляется ясновидение. Вот и эту несчастную посетило видение геенны огненной — не адской, а земной, не столько огненной, сколько термоядерной...

Несчастная экологиня произвела на него сильное впечатление. Если бы она не умерла нынешней ночью, он попросил бы работников своей лаборатории проанализировать её предвидения. Не их содержание, а механизм запуска видений будущего. Одним из направлений лаборатории как раз и являлось изучение механизма предвидения. За несколько лет в ней обследовали десятки всевозможных пророков, ясновидящих, экстрасенсов, но так и не получили ответ на то, что происходит с ними, когда они начинают предвидеть будущее.

Лабораторию Руслана Орлова называли мистической. Задумывалась она в хозяйстве академика Ивана Ивановича в качестве совершенно секретного подразделения Z-2, которое должно было найти на практике способы решения теории Руслана о возможности разблокировать девять десятых человеческого мозга, снять с него ограничения, наложенные Богом. Создавая человека по образу и подобию своему, Бог существенно окоротил возможности человека, а Руслан усмотрел в этом несправедливость и вознамерился поправить Его. Влился в ряды реформаторов, которые довели созданный Богом мир своими реформами до состояния почти полной невменяемости и нескончаемых кризисов. Но это Руслан стал понимать позже...

Лабораторию Z-2 отгородили от остального научного хозяйства Ивана Ивановича кирпичным забором с колючей проволокой поверху. Как подтрунивали острословы, чтобы не заболеть инфекционной мистикой. Орловское подразделение пользовалось вниманием прессы, которая следила за каждым его шагом.

Руслану приходилось чаще, чем другим, анализировать свои поступки и реакции на них окружающих. Он был необычным человеком, имел доступ к информационным возможностям Мирового Разума, к прошлому и к настоящему, которое анализировать труднее всего. Когда он разговаривал с человеком, тот не подозревал о том, что собеседник читает его мысли, знает не только его прошлое, но и будущее. От Руслана никому и ничего невозможно было утаить...

Со временем он научился во всём и везде видеть только главное и самое важное. Особенно любил математику, где цифры и символы были как бы очищены от всего постороннего, поэтому ему легко давались математические действия, он выполнял их со скоростью компьютера.

Прокручивая в памяти многие события, он всегда открывал в них важные детали, на которые раньше не обращал внимание. Вот и сегодня, чтобы вытеснить из сознания судьбу экологини, он, сидя в кабинете, закрыл глаза и вспоминал день защиты диссертации.

Это был обычный морозный день конца декабря. Над Москвой висела светлосерая пелена, из которой медленно падал тихий лапчатый снег. Этот день должен был стать началом его взрослой жизни. Как и всем подросткам, ему хотелось поскорее расстаться с юностью...

Если бы не Басаргин, он вряд ли бы поступил в аспирантуру. К одиннадцати годам Руслан окончил среднюю школу, в четырнадцать — университет, причём по

программам двух факультетов. И кто бы взял его, пусть и вундеркинда, на работу в таком возрасте? Разве что разносчиком рекламы по почтовым ящикам. Поэтому разумно было пойти в аспирантуру, написать диссертацию, что он и сделал к шестнадцати годам. А в семнадцать он защитился.

Андрей Филиппович Басаргин, отец Лиды, под нажимом дочери заказал банкет в ресторане, где обычно обмывали свои защиты аспиранты. Позже Руслан разыскал в мировом информационном массиве видеозапись его разговора с дочерью и узнал, что акт спонсорства произошёл не без скрипа.

У Басаргина была железная деловая хватка, с конкурентами он разделывался жёстко и даже жестоко, поэтому сколотил приличное состояние и стал одним из олигархов. Руслана Руслановича он считал парнишкой богато одарённым, и поэтому не жалел денег на репетиторов, всевозможные курсы и кружки. Басаргину нравилось, что дочь, единственная наследница, тянется за юным Русланом, дружит с ним. Лида подросла, расцвела, и чувствовалось, что она влюбилась в гениального молодого человека, ничего не смыслящего в современном бизнесе? Так пусть будет рядом с ним, чтобы сохранить огромное богатство после смерти самого Басаргина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В самых плохих снах Руслан не мог представить себе столь скромную обстановку на защите своей диссертации. Защита виделась ему торжественной, в переполненном студентами и преподавателями университета конференц-зале, где не оставалось ни единого свободного места. Народ толпится в проходах... Мелькают вспышки фотоаппаратов, стоит целый лес телевизионных камер, гремит гром аплодисментов в честь вундеркинда и индиго, в семнадцать лет защищающего уникальную диссертацию...

На самом деле никаких вспышек и аплодисментов не было. Всё происходило в тесной комнатёнке какого-то НИИ. Рано утром позвонил Константин Степанович Немыкин, руководитель его научной работы, и сказал, что заедет за ним на машине и на защиту они поедут вместе.

Где-то на окраине Москвы машина остановилась перед глухими железными воротами. Зелёными, с ярко-красными пятиконечными звёздами по бокам. Из домика рядом с воротами вышел немолодой милиционер, проверил паспорта, и они въехали в заснеженный парк, в глубине которого виднелись какие-то строения. Водитель остановил машину перед самым крупным из них, должно быть, административным зданием. На входе у них ещё раз проверили документы. Дали сопровождающую тётку, которая велела следовать за нею.

Диссертационная комиссия состояла из трёх неизвестных дядек, в зале были только два оппонента, тоже незнакомых, и Константин Степанович, который от волнения взмок и беспрерывно промокал носовым платком пот на лбу. В его речи ничего не было нового — сам материал диссертации был сплошной новизной. Дядьки внимательно выслушали Руслана, разглядывали юношу с неподдельным интересом и, казалось ему, совершенно не вслушивались в его слова. Руслан ждал от них каверзных или глупых вопросов, но они отмолчались. И оппоненты были кратки, но не жалели похвальных слов в адрес диссертанта.

Потом один из дядек, тот, что сидел посередине и, должно быть, главный из них, встал и объявил, что диссертационная комиссия считает работу достойной учёной степени доктора и поздравил Руслана с успешной защитой. Последовало несколько крайне жидких, но уважительных аплодисментов.

Главный дядька вышел из-за стола, вручил Руслану клочок бумаги из блокнота с номером телефона и попросил позвонить ему через недельку по поводу грядущего трудоустройства. Вслед за дядькой подошла строгая женщина с сухими поджатыми губами, и заставила Руслана дать подписку о неразглашении сведений, содержащихся в диссертации, изъяла все экземпляры автореферата и даже его любимый и мощнейший ноутбук. Правда, вместо него она вручила такого же зверя.

Руслан шёпотом спросил у неё, кем является председатель диссертационной комиссии.

— Он академик, директор нашей организации, зовут его Иван Иванович,— сухо, как робот, ответила секретчица.

Набравшись смелости, Руслан подошёл к Ивану Ивановичу.

- Извините, пожалуйста, а могу я вас и ваших коллег пригласить на традиционный банкет?
- Юноша, вы только что дали расписку о неразглашении. Для всех вам не присвоили степень доктора наук. К тому же, по-отцовски скажу: до докторской диссертации вы доросли, а вот до рюмки водки категорически нет. Скажите всем своим приятелям, что защиту диссертации перенесли и обмывать, стало быть, нечего. Жду вашего звонка.

Все надежды оказались беспредметными грёзами. Ожидаемый успех обернулся ничем. Отмену банкета и сочувствие знакомых, меньше завидовать будут, можно пережить, но как объяснить сложившуюся ситуацию Лиде?

- Почему защиту перенесли? спросила она встревожено. Диссертация слабая?
- Надеюсь, что нет.
- Ты меня разыгрываешь? Ну, скажи мне, что разыгрываешь!
- Лида, рядом со мной Константин Степанович. Он подтвердит, что защиту перенесли, Руслан передал мобильный телефон руководителю.
- Лидочка, вам абсолютно ни о чем не стоит беспокоиться. Потребовались дополнительные экспертизы, а подобное — дело обычное. Мой вам совет — не теряйте восхищения вашим Русланом, он очень большой учёный. Верьте ему и верьте в него.

Константин Степанович оказался дамским угодником, раньше за ним таких достоинств Руслан не замечал. Лида успокоилась насчёт защиты, но как быть с банкетом, что скажут в ресторане и приглашённые? А как объяснить всё это отцу?

— Так и скажи, — посоветовал Руслан. — Андрей Филиппович не обрадуется, но ты убеди его, пожалуйста, что ничего плохого не произошло. И уладь дело с рестораном... А я постараюсь дать отбой всем приглашённым.

Но им уже сообщили о переносе защиты.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Никаких неясностей в жизни Басаргин терпеть не мог — они, как правило, становились причинами неправильных решений, а ошибки приносили убытки и ущерб для престижа. Чтобы продуктивнее думалось, Андрей Филиппович любил прохаживаться по своему огромному служебному кабинету. В нём и мебель была расставлена так, чтобы он мог, заложив руки за спину, вышагивать, как он говорил, решение. Если он ходил, то никто не смел беспокоить его. Вот и на этот раз, он делал круг за кругом, потом остановился возле своего бронзового бюста на мраморном пьедестале и спросил:

Ну, а ты что скажешь?

Бюст, изображавший Басаргина в момент тяжких раздумий, мрачно молчал. Басаргин вернулся к столу и вызвал начальника службы безопасности.

Тот сразу же появился в двери. Басаргину не нравилась чрезмерная исполнительность своего безопасника, Басаргин считал это признаком поверхностного мышления.

Проходи, проходи, Пал Палыч, и садись, — и указал ему на кресло возле круглого столика на двоих.

Пал Палыч, человек неопределённого возраста и внешней непримечательности, как и положено людям его профессии, полковник ФСБ в отставке, неслышно опустился на кресло и ждал, когда хозяин сделает то же самое.

Басаргин плюхнулся в кресло напротив и сразу же заговорил:

- Хочу поручить лично тебе дело особой важности. И только тебе, без привлечения твоих кадров. Ты знаешь моё отношение к Руслану Орлову. Мальчишка к семнадцати годам не только окончил университет, но и аспирантуру. У него мозги как компьютер. В этих мозгах информации не меньше, чем в Британской энциклопедии. Он написал диссертацию. Говорят, довольно толковую. Но защиту, как объясняют, перенесли. Надо выяснить, почему перенесли, кто перенёс, что за этим вообще стоит! Представляешь, дочь заказала банкет по случаю защиты, а тут облом! И я в глазах тех, кому нахваливал мальчишку, оказался в трепачах!.. А дочь неравнодушна к нему, так что уж ты расстарайся, пожалуйста, задействуй свои связи, пойди на расходы, возмещу...
 - Не беспокойтесь, шеф, соберу полное досье.
 - Если что потребуется, обращайся...

Пал Палыч неслышно, как и вошёл, удалился. В его возможностях можно не сомневаться, и досье на мальчишку накопает. Но оно в принципе ничего не изменит. Лида без ума от Руслана, ей тоже семнадцать, надо опасаться, как бы в подоле не принесла нечаянного внука. Хотя жена и против, ей не хочется расставаться с дочерью, но у него созрел план отправить её в Англию, в Кембридж, пусть поучится в колледже, а потом там же поступит в университет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как же медленно тянулись дни недели, после которой Иван Иванович велел позвонить ему. Во время защиты Иван Иванович возвышался над своими соседями по столу не меньше, чем на целую голову. Теперь же, когда Иван Иванович поднялся в своём кабинете и пошёл ему навстречу, то Руслан понял, что главный дядька и без подиума на голову всех выше. Пожал руку своей огромной, клешнястой лапой, которая была на удивление холодной. На сухопаром лице появилась приветливая улыбка, большие и серые глаза Ивана Ивановича излучали тепло.

— Приветствую и поздравляю, Руслан Русланович! — он взял его под руку и усадил за стол для совещаний. — Вчера из ВАКа курьером привезли, — хозяин кабинета набрал код на сейфе, и толстенная дверь открылась. — Прошу...

Иван Иванович протянул ему диплом доктора наук.

- Спасибо, Иван Иванович, в избытке чувств Руслан вскочил на ноги.
- Полюбовались и хватит. Напишите в этой сопроводиловке, что ознакомились с дипломом и обязуетесь сведения о своей учёной степени не разглашать, директор положил перед ним листок бумаги.

Иван Иванович взял у Руслана диплом, вложил в него расписку и закрыл в сейфе.

- А теперь пойдём знакомиться с вашим рабочим местом. Да, я забыл вам сказать, что вы возглавите совершенно новое наше подразделение под кодовым названием Z-2. Если, разумеется, не против,— сказал Иван Иванович, облачаясь в огромное пальто кофейного цвета.
 - У меня есть выбор?
- Практически нет,— честно ответил директор и добавил: Вы же, разумеется, продолжите свой путь в науке?

Они шли по пустынному зимнему парку, под ногами сухо поскрипывал снег. Руслан ожидал попасть в солидный научный корпус, а они подошли к пустующему одноэтажному дому, стоящего в углу парка.

Безрадостная картина встретила их внутри. В доме было несколько комнат, и все они были забиты вышедшей из употребления мебелью, какими-то пыльными коробками.

- Впечатляет? спросил директор. Не пугайтесь, мы в течение месяца наведём тут порядок. Сделаем евроремонт. У вас будет отдельный кабинет, сотрудники будут работать тоже не в тесноте. В ближайшее время для вашего подразделения будет построен новый корпус. Ну, как, по рукам? и протянул свою клешню.
- Пока будет идти ремонт, у меня была мыслишка направить вас в какое-нибудь наше подразделение, чтобы вы составили представление, как мы работаем, говорил директор на обратном пути. А потом решил, что вы должны начинать с нуля. Программа лаборатории ваша диссертация. Нужно обдумать план работы, найти сотрудников, а таких специалистов нет, и задача эта труднейшая... он замолчал, а потом, выдержав паузу, спросил напрямик: Как вы додумались до теории активизации человеческого мозга? Ведь Бог создал человека по образу и подобию своему, но не свою копию, заблокировал девять десятых нашего серого вещества. А вы являетесь к нам и говорите: есть возможность разблокировать и сделать это можно так и так. То есть вы замахнулись на то, чтобы изменить замысел Божий!

Не мог же Руслан говорить Ивану Ивановичу, что идея разблокирования человеческого мозга ему приснилась! Явилась во сне покойная матушка и, поглаживая на голове его вихры, говорила медленно и убедительно:

— Сынок, у тебя блестящее будущее и выдающая судьба. Начни работать над диссертацией о том, чтобы человека сделать равным Богу. Ведь Бог создал человека по образу и подобию своему, но не равным себе, а раба с заблокированными на девять десятых мозгом. Попытайся исправить эту несправедливость. Ты убедишься, что Создатель был прав, но на этом пути обретёшь известность и авторитет в научном мире. Не забывай: ты — звёздный мальчик...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В квартиру позвонили. Руслан вскочил на ноги, открыл дверь. К нему пришла Лида. С ярким румянцем на щеках, шумная, звонкая... Поздоровалась с Галиной Захаровной, которая любовалась девушкой.

- Лидочка, какая ты прелесть! воскликнула Галина Захаровна. Чаю с морозца выпьешь?
- Чаю потом, вначале с Русланом надо посекретничать, девушка взяла его за руку и повела в комнату-кабинет.

— Ну, рассказывай, все новости сразу, — торопила Лида, сидя с Русланом в обнимку на диване.

Ему хотелось рассказать всё о таинственной научной организации любимой девушке, которой верил, как себе. А пришлось врать, в подтверждение своей лжи показать выданный ему пропуск, где было написано, что по должности он лаборант. К удивлению, вралось легко, и она верила ему.

— А что с диссертацией, новости есть? — поинтересовалась Лида. — Папа спрашивает...

И опять нужно было врать и изворачиваться вместо того, чтобы сказать правду. Вот бы поразил Басаргина своей докторской степенью в семнадцать лет! Ведь он прекрасно знал, что Басаргину не нравилась дружба дочери с ним.

— Всё будет в порядке, любимый мой Лидок,— он с нежностью погладил её по голове, стараясь пригладить упрямо торчащие вьющиеся волосики.

Лида положила голову ему на плечо, спросила с неуверенностью и тревогой:

- А ты, вундеркинд и индиго, не изменишь мне? Ведь сколько девчонок мечтает подружиться с тобой! Я не знаю, как справиться с ревностью, когда они спрашивают о тебе! После Нового года отец отправляет меня учиться в женский колледж в Кембридже. Ты даже не сможешь меня проводить, будешь в своей командировке. Многие девчонки подумают, что мы расстались или всё равно расстанемся, и начнут подбивать клинья под тебя.
- У меня идея! воскликнул Руслан. Наша лыжная база в районе Красной Поляны, поэтому почему бы тебе не приехать туда на несколько дней во время каникул? Никому не говори, что я где-то в Сочи думаю, как улучшить свою диссертацию, иначе родители тебя не отпустят. Подговори подруг покататься на лыжах в горах и прилетай!

Волна нежности и обожания девушки охватила его, лишила слов, которые он хотел сказать, но так и не сказал, потому что ещё не умел свободно и убедительно выражать свои чувства. Стал лишь покрывать поцелуями её глаза...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В аэропорту Руслана встретил сам заведующий пансионатом. Удивился, что приезжий оказался мальчишкой, у которого ещё и усы под носом не пробились. Заведующему звонил заместитель Ивана Ивановича по режиму и велел никому не распространяться про Орлова, а жить он будет в квартире директора. В случае чего звонить Ивану Ивановичу или ему, заму по режиму. Никто не должен знать, что он находится в пансионате.

«Должно быть, сынок какой-то шишки»,— неприязненно подумал заведующий, садясь за руль большого и чёрного внедорожника, и по пути пытаясь узнать, как поживает Иван Иванович.

- Руководит, кратко ответил Руслан, подумав о том, что большая и чёрная машина не сулит ему ничего хорошего.
- Академик раньше часто приезжал в наш пансионат. Большой любитель горных лыж. С семьёй, но чаще с коллегами по работе. Бывало, работали днями и ночами, Иван Иванович всё просил принести ему кофе... А вы раньше в Сочи бывали?
 - На фестивале молодёжи и студентов.
- Вот как! удивлённо воскликнул заведующий. У нас есть что посмотреть... А как у вас с горными лыжами?

- Никак.
- Побывать в Красной Поляне и не покататься на лыжах такого не бывает! Иван Иванович не поймёт.
- Андрей Платонович,— Руслан вспомнил имя и отчество заведующего.— Иван Иванович отправил меня сюда не кататься, а работать.
- Извините, но он мог не направлять сюда. Здесь фантастическая природа, горы и море. Вы полюбите, если ещё не полюбили, наши места на всю жизнь. Такого места нет на нашей планете. А какой воздух, а солнце? Отдыхающие катаются на лыжах в купальниках и загорают. Если вы вернётесь в Москву таким же бледнолицым, то меня Иван Иванович уволит!
- В таком случае предлагается компромисс. Меня обещает на 2–3 дня навестить моя девушка. Вот тогда и покатаемся, и позагораем. Кстати, можно купить путёвку для неё?
- Это надо было решать в Москве. Но ради исключения вы оплатите лишь питание. Вы будете жить в директорских апартаментах, спальных мест там достаточно. Только поставьте меня в известность, куда и когда она приезжает.

Остаток пути Андрей Платонович исполнял обязанности гида. Он рассказывал о новых отелях, построенных в годы подготовки к зимней олимпиаде, о горнолыжных курортах, — всё это мелькало перед Русланом, и он пытался запомнить, чем отличается Роза Хутор от посёлка Эсто-Садок, что такое вообще Альпика-Сервис, где можно будет покататься на санках с девушкой, в какой «Галактике» можно кататься на коньках, а в какой купаться в бассейне. Когда дорога пошла по серпантину, он почувствовал, как тошнота подступила к горлу, и перестал любоваться заснеженными и залитыми солнечным светом горами.

Посреди дороги возникли массивные металлические ворота, и он понял, что это долгожданный конец пути. Ворота медленно открылись, и дорога пошла мимо нескольких коттеджей, стоявших между пушистыми и заснеженными елями. Андрей Платонович остановил машину перед коттеджем, у которого было два входа.

Апартаменты Ивана Ивановича представляли собой трёхкомнатную квартиру с кухней, ванной, душем и туалетом. Одна из комнат была гостиной, посреди неё стоял круглый стол, обставленный креслами,— здесь, вероятно, академик проводил встречи с коллегами, обсуждал проблемы. В спальне заведующий показал кровать самого Ивана Ивановича, посоветовал освоить спальню его сына, который примерно одного с ним возраста и не любит приезжать сюда с отцом.

Заведующий пригласил его на залитый солнцем балкон и показал баньку, виднеющуюся за елями.

— Ключи от сауны вот,— он протянул их ему.— Кстати, вы париться любите? Руслан сказал, что любит— не мог же он предстать и в этом случае неумёхой и незнайкой.

— За час сауну включайте, а попаритесь — не забудьте выключить. Иван Иванович — большой любитель сауны, купается прямо в сугробе...

Заведующий потом показал кухню, где можно приготовить себе чай или кофе. Завтраки, обеды и ужины будет приносить официантка Маша, она же будет принимать заказы на предстоящие дни.

- Короче говоря, ещё раз с приездом! Осваивайтесь и отдыхайте с дороги! — Андрей Платонович, наконец, распрощался и ушёл.

Руслан включил на кухне чайник и набрал на мобильнике номер Лиды.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У Руслана была целая картотека людей, которые после клинической смерти, удара электричеством или молнией, взрыва или падения с высоты, начинали обладать необычными способностями — предвидеть будущее, диагностировать болезни, обладать телепатией, знанием многих, в том числе, уже мёртвых языков. Задача Руслана и всей лаборатории сводилась к тому, чтобы найти способ или способы включения в человеческом мозгу сверхспособностей. Его не покидало убеждение, что это станет возможным, когда будет смоделировано необходимое волновое воздействие на мозг, и тогда человек по своим способностям станет равным Создателю. Необходимое, но какое конкретно? Человек напрямую станет частью Мирового Разума, разблокированные знания сделают излишними изучение азов в образовательных учреждениях. Он получит доступ к поистине мировым достижениям науки и технологии, станет обладать предвидением последствий своих действий, телепатией, овладеет энергией гравитации. Не исключено, что и способностью к телепортации на огромные космические расстояния, а это решение проблемы спасения человечества, когда на Земле в результате столкновения с каким-нибудь небесным телом, после взрыва Йеллоустонского супервулкана или по другим причинам жизнь станет невозможной.

Результатом работы лаборатории должен стать абсолютно новый человек, не методом перевоспитания, как задумывали большевики, а с помощью активизации резервов человеческого мозга, заложенных в нём изначально и заблокированных Создателем. Действительно, по сути это бунт против Бога, создание новой человеческой расы, своего рода цивилизации богочеловечества. Иные хоть сегодня желают стать богочеловеками, но многим не понравится такая перспектива, им и в виде Homo Sapiens хорошо и уютно, зачем им возможности какого-то Homo Florens, человека процветающего и могущественного?

Да и могут ли все стать Homo Florens? Ведь это похлеще мифического коммунистического общества! А куда девать нынешнее человечество? Пустить в распыл, уничтожить, поскольку новую расу придётся создавать, вероятнее всего, с эмбрионов, а не модернизировать извилины современного человека? Две расы не уживутся на Земле, значит, нынешнюю, как называют её многие четвёртой расой, придётся уничтожить — физическим путём в термоядерном огне или путём поголовной кастрации мужчин, лишением женщин возможности рожать детей?

Избежать жертв можно лишь при условии сосуществования двух цивилизаций на протяжении нескольких поколений. Чтобы люди четвёртой расы естественным путём вымерли. Но всё равно неизбежны конфликты, поскольку новая раса человечества сразу же, используя свои огромные интеллектуальные, технологические, информационные и организационные ресурсы займёт господствующее положение на планете. Для нынешней цивилизации это станет сродни бунту машин, им многие пугали человечество, которое ради своего спасения восстанет против богочеловеков, и ещё неизвестно, кто кого победит. Ведь людей пятой расы будет вначале считанные единицы, и они будут претендовать на руководящие посты, чем вызовут недовольство поистине подавляющего большинства. Но меньшинство, а не большинство, всегда определяло жизнь на планете Земля. Большинству и на этот раз придётся смириться.

Когда бы заведующий пансионатом ни пришёл навестить казавшегося ему таинственным обитателем директорских апартаментов, заставал своего гостя за ноутбуком. Вначале он посчитал, что тот увлекался компьютерными стрелялками, и когда

захотел уточнить, какими, поскольку он, как офицер действующего резерва Φ CБ, должен был знать о госте как можно больше, и зашёл сзади, Руслан мгновенно опустил крышку ноутбука.

Оставшись один, Руслан придирчиво осмотрел помещения и не ошибся— в кабинете академика и в гостиной обнаружил видеокамеры.

«Ну и Андрей Платонович, ну и жук», — думал он, но не стал трогать видеокамеры и высказывать претензии заведующему пансионатом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лиде понравилось жилище Руслана— настоящая городская квартира со всеми удобствами. Лера, её двоюродная сестра, напрашивалась в гости, когда они ехали на такси из аэропорта по пути в Красную Поляну.

- К нам можно только по спецпропускам,— предупредил Руслан, но его слова были истолкованы в ином смысле.
- А что завтра мы приготовим спецпропуск и заявимся к вам. Приготовим спецпропуск, приготовим, Серёжа? обратилась она к мужу, который сидел на переднем сиденье и любовался горными пейзажами.
 - Разумеется! обернувшись к жене, воскликнул тот и рассмеялся.

Так что пускай Лерка приезжает, увидит, как они устроились. Она согласилась прикрывать истинную цель её поездки в Сочи, так пускай убедится, что Руслан не мальчишка в коротких штанишках, а уважаемый молодой человек, уникальный, между прочим. Если предоставили целую квартиру, то это говорит об отношении к нему. А когда к ним заглянул директор пансионата и принёс в подарок настоящее шампанское и коробку шоколадных конфет, то гордость Лиды за Руслана вообще не стала знать никаких границ.

- Андрей Платонович, вы нас балуете,— извиняюще упрекнул директора Руслан.— Прикажете открывать шампанское?
- Нет, это для вас. У вас дело молодое, не стану вам мешать,— отнекивался Андрей Платонович и приглашал завтра с утра получить у него все лыжные принадлежности.
 - Мы в долгу не останемся! пообещала Лида.

Она не могла понять, но чувствовала, что возлюбленный за считанные дни заметно изменился. Не то, чтобы повзрослел, из мальчишки стал взрослым, нет, если разобраться, то он никогда не был мальчишкой. О том, что стал другим, свидетельствовало и почтительное уважение директора пансионата. Лаборант — и вдруг такие апартаменты, значит, что-то Руслан не договаривал. Здесь какая-то тайна, и её надо вызнать.

Однако момент для раскрытия тайны наступил лишь поздно вечером. Пока Лида осваивалась на новом месте, Руслан включил сауну. Было уже темно, когда они, напарившись, выскакивали из сауны и падали в снег, барахтались в нём, Лиде хотелось визжать от остроты ощущений — парились и барахтались они голышом.

Руслана взволновало тело девушки, твёрдая девичья грудь, и, теряя самообладание от нахлынувших чувств и желания, он впился губами в сосок. Лида в ответ простонала, но мягко и нежно отстранила его от себя. В этот момент она наверняка забыла про тайну, которую собиралась вызнать, и вспомнила о ней лишь после сауны, когда они в гостиной сели за стол и открыли шампанское.

Она чувствовала себя счастливой, и чтобы он всегда помнил о ней, не заглядывался на других и не поддавался им, решилась одарить его своей невинностью. Не будут больше подруги подтрунивать над нею, что ей уже семнадцать, а она до сих пор девушка. Решение было принято ещё в Москве, когда она поняла, как ей стало одиноко после его отъезда в командировку.

Бокал шампанского сделал Руслана страстным и одержимым, целуя её, он весь дрожал. Дрожь и желание передавалось ей, и она позволила ему приоткрыть халатик и обнажить свою грудь. Руслан стал осыпать её поцелуями, а потом нежно поднял девушку на руки и отнёс на кровать. Лида не сопротивлялась, она ещё не была в безумии от любви, ей всегда хотелось узнать, что такое близость с мужчиной. Но он как бы остановился в своих действиях, и тогда она прошептала:

Я вся твоя, любимый мой...

Её слова как бы подстегнули Руслана, он, весь дрожа, неумело раздвинул ей ноги, и она вскрикнула от острой боли, которая тут же превратилась в безумное и бесконечное наслаждение.

Они находились в спальне, но всё равно Руслан рассказал шёпотом о своей защите и о том, что его назначили заведующим суперсекретной лабораторией. Наивный, он надеялся, что с помощью видеокамер и жучков их в спальне не видит и не слышит Андрей Платонович, который по долгу службы приглядывал даже за Иваном Ивановичем.

За молодой парой ему в какой-то степени было неприятно подглядывать, но он для того и подарил им специальное шампанское, чтобы у них развязались языки. Он даже не смотрел на экран, когда они совокуплялись — разве он за свою жизнь не насмотрелся, как молодёжь занимается любовью? А когда перешли на английский язык, он прислушивался к их словам, подумав: «Ну, конечно же, Евины дочери добьются своего — сладкая приманка, тактильное воздействие — ласковые и нежные поглаживания, воркование, поцелуйчики... Никакой потомок Адама не устоит, расскажет все секреты, не взирая на то, что разглашение может дорого ему обойтись, а иногда за него придётся поплатиться жизнью своей...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Посреди ночи, когда Лида сладко спала, положив голову Руслану на грудь, проснулась оттого, что его кто-то звал, называя по имени.

Руслан! Руслан!

В конце концов, она проснулась. Открыл глаза и он. Они спали на раскладном диване, рядом с балконом. Через балконную дверь в гостиную светил густой синий луч, причём он издавал какой-то удивительно приятный аромат. Чтобы свет так очаровательно пах, было удивительно.

— Руслан! Руслан! — донеслось до них снова, и он встал, чтобы подойти к балкону. Как только он вошёл в луч, то сразу же для Лиды исчез. Пропал и луч, и Лида, которая пыталась кинуться на помощь ему, почувствовала, что словно прикипела к дивану.

Примерно то же самое произошло с Андреем Платоновичем. Он видел, как над коттеджем Ивана Ивановича нависло что-то огромное, похожее на летающую тарелку — по нижнему краю светились разноцветные огоньки, бегая как бы по внешнему кругу НЛО, а потом оттуда вспыхнул густой синий луч, направленный через балкон внутрь директорских апартаментов. Светил он меньше минуты,

и как только погас, НЛО взмыл вверх и исчез в небе. Андрей Платонович хотел побежать к директорскому коттеджу, но почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, и пришёл в себя, когда в окнах директорского коттеджа вспыхнул свет.

Как только смог двигаться, он бросился туда. Застал рыдающую девушку, которая, всхлипывая, кое-как рассказала ему, что Руслана вначале кто-то звал с балкона, затем он подошёл к балконной двери, оказался в луче и исчез.

Действительно, Руслана нигде не было. Андрей Платонович осмотрел балкон, проверил даже сауну, которая всё ещё хранила вечернее тепло. Лишь после этого он догадался взглянуть на часы — они показывали без четверти три ночи, следовательно, похищение Руслана Орлова произошло четвертью часа раньше. «Так и доложим», — подумал директор, опасаясь того, что если он начнёт докладывать дежурному по управлению ФСБ о похищении молодого учёного, то ему вероятнее всего, сделают замечание, что вечером надо было пить меньше. Однако замечания не последовало — в ФСБ уже звонили из Красной Поляны, сообщили, что в небе видели летающую тарелку

Через считанные часы Пал Палыч докладывал шефу о похищении инопланетянами молодого ученого Руслана Орлова. Пришёл на доклад со стопкой утренних газет и с копией видеосюжета с канала Ren-TV. Корреспондентка, молодая девица с роскошными распущенными волосами, трещала о том, что сегодня ночью в Красной Поляне видели в небе летающую тарелку. Как утверждают очевидцы, она опустилась над базой одного из закрытых научных учреждений, а потом резко взмыла вверх. Выяснилось, что с базы был похищен молодой талантливый учёный, доктор наук, руководитель совершенно секретной лаборатории Руслан Орлов, которому всего семнадцать лет. Затем на экране появилась Лида, вся заплаканная, корреспондентка протрещала, что это подруга Орлова, что похищение произошло на её глазах — возник синий луч, юноша вошёл в него и растворился. Лида отказалась подтвердить слова корреспондентки, закрыла лицо рукой и отвернулась...

Басаргин был вне себя от ярости. Мало того, что его вводили в заблуждение: мальчишка, оказывается, стал доктором наук и руководителем какой-то лаборатории, и это навсегда лишало его перспективы жениться на Лиде, поскольку никаким бизнесом он заниматься не станет. Промотает нажитое, как принято говорить, непосильным трудом, или вложит его в свои научные прожекты, в этом сомневаться не стоит... Но Лида, Лида обманула отца и мать, говорила, что поедет кататься на лыжах, а на самом деле поехала к Руслану и опозорилась на весь белый свет. Теперь все знают, что она подруга Руслана, злые языки поизгаляются над обстоятельствами ночного похищения, приплетут всё, что угодно, и ей придётся с этим жить. А Лерка, племянница, какова — в сговоре с Лидой!

- Соедини с Леркой, грубо сказал он секретарше, а в ответ услышал, что перед входом собралась толпа журналистов, хотят знать подробности похищения Руслана. Всех взашей! прорычал он и добавил, что охранник, который пропустит кого-нибудь из прессы, будет уволен.
- Здравствуйте, дядя! словно ничего не произошло, с радостью в голосе воскликнула племянница.
 - Что у вас случилось? Где Лида?

По словам Лерки, Руслан, узнав, что Лида летит кататься на лыжах, прилетел в Сочи тоже. Лида и Руслан гуляли вечером по Красной Поляне, и вдруг над ними завис НЛО, осветил мощным синим лучом Руслана и тот словно в нём растворился. Летающая тарелка тут же исчезла...

- Не умеешь врать, дорогая племянница, так не берись... Дай Лиду! Дочь виноватым голосом поздоровалась и тут же услышала:
- Немедленно садись в такси и в аэропорт. Домой! Одна нога там, а другая здесь! И никакой прессы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Руслан вошёл в синий луч, у него от сильного и приятного аромата закружилась голова. Больше ничего не помнил. Пришёл в себя в каком-то чудесном саду, в котором стоял тот же аромат, исходящий от фантастических по красоте и разнообразию цветов. В саду цвели деревья, похожие на яблони, под ними были кустарники, совсем маленькие, но все в цветах. В тишине слышалось лишь жужжание пчёл, собирающих нектар с растений.

Он сидел на скамейке, ведущей по дорожке вглубь сада. Вспомнил, что была ночь, рядом спала Лида. Он огляделся вокруг, девушки нигде не было.

— Ты находишься на планете по названию Рай, — услышал он голос и увидел, что рядом с ним сидел мужчина — огромный, ростом не меньше трёх метров, с седой головой и, как ни странно, по внешности молодой, лет тридцати, не больше.

У него были очень правильные черты лица, аккуратная седая бородка, выразительные карие глаза смотрели на Руслана вполне дружелюбно. На нём была футболка необычного серебристого цвета, шорты и сандалии на босу ногу. Только теперь Руслан обратил внимание, что и сам тоже одет так, как мужчина.

Но самое странное — мужчина не раскрывал рта, когда говорил, а Руслан прекрасно слышал, что тот ему сообщал.

— Это планета Бога. Ты здесь потому, что твоя мать — из потомков Бога. Когда Всевышний создавал Землю и заселял её людьми, то его сыновья полюбили земных женщин. Их дети были полубогами. С каждым поколением божественное начало ослабевало, но не исчезало. Стало быть, ты тоже потомок Бога, и твои таланты от него. Твоя мать произошла от потомков одной из дочерей Бога, а твой отец — один из потомков Бога, но он был бесплоден, и в лоно твоей матери было введено методом беспорочного зачатия семя кого-то из божественных потомков. Как бы там ни было, ты один из потомков Бога. Твоя мать здесь, и ты её сейчас увидишь...

И действительно, на дорожке в глубине сада показалась мать. Одна, без отца, которого когда хоронили, то говорили, что собирали его по частям. Ему стало жаль отца, хотя как теперь выяснилось, отец не был его биологическим родителем. Было жаль и мать, которая хоть и находилась на планете по названию Рай, но теперь навек была обречена на одиночество.

Мать шла неторопливо, как в замедленном кино. На матери было длинное серебристое платье, которое ей очень шло. Мать была очень красивой, ведь она покинула Землю совсем молодой...

Вскочив на ноги, Руслан хотел побежать ей навстречу, но ноги стали непослушными, очень тяжёлыми, здесь, видимо, проявления сильных эмоций не приветствовалось.

- Это душа твоей матери, а плоть в Земле, услышал Руслан объяснение. Душа бесплотна, для наглядности она представлена тебе в виде голограммы.
- Сынок, мой звёздный мальчик, я рада видеть тебя,— говорила мать, шествуя мимо него.— Я очень люблю тебя...

Душа матери прошествовала мимо Руслана, не остановилась перед ним ни на миг.

- Простите, а вы кто? задал вопрос Руслан.
- Один из твоих братьев.
- «Надеюсь, не старший брат?» с иронией подумал Руслан, вспомнив роман Оруэлла.
- Нет, не старший,— тут же получил ответ.— У нас нет ни младших, ни старших, мы не рабы Божьи, как люди, мы— потомки, большая его семья. Я не закончил ещё

свою земную жизнь, хотя прожил на Земле свыше десяти тысяч лет. Начинал в легендарной Атлантиде, таким же, как ты, юношей. Когда на Земле разразилась катастрофа, я и мой учитель спаслись здесь, на планете Бога. Теперь я твой учитель — так и зови меня: Учитель. На Земле не пройдут и сутки, когда ты туда вернёшься. Но вернёшься с могучим организмом, в первую очередь мозгом и сознанием. Тебе многое будет подвластно. Ты сможешь обладать колоссальными знаниями, делать и совершать всё, чем задумал наделить людей в своей лаборатории. Но ты будешь с этой поры вместе с другими братьями отвечать за судьбу человечества. Я всегда незримо буду рядом с тобой. Мы сейчас перенесёмся в святая святых, где ты станешь по своим возможностям и могуществу полубогом, а придёшь в себя в приёмной небезызвестного тебе Ивана Ивановича. Имей в виду, что жизнь на Земле и преисподняя, сблизились стараниями людей, и трудно сейчас определить, где нормальная жизнь, а где ад.

Твоей задачей будет создание людей пятой расы, достойных для переселения на одну из планет в созвездии Ориона, на которой условия жизни очень похожи на земные. Если не удастся создать новую расу, то придётся отбирать лучших из лучших землян из четвёртой расы. Этим будут заниматься богочеловеки на всей Земле. Короче говоря, от тебя и твоих коллег зависит, кто из людей достоин жить в будущем. Предыдущая цивилизация останется во многом предоставлена сама себе. Она или уничтожит, или же спасёт себя, в том числе вернётся на Марс, где создаст приемлемые для жизни условия. Но там космическая радиация в триста раз сильнее, чем на Земле, защищённой атмосферой и магнитным полем.

Учитель не стал запрещать деятельность лаборатории, и Руслану ничего не оставалось, как сделать вывод о том, что и сам Бог считает его деятельность допустимой. Только такой вывод не успокоил юношу, ведь по мнению Учителя, ему надлежало продлить существование человечества, но не нынешнего, а нового? Вопросов было множество, а на них — никаких чётких и определённых ответов.

Святая святых оказалась полностью роботизированной лабораторией, где к Руслану потянулись механические конечности, напоминавшие человеческие руки, стянули манжетой предплечье и тут же впрыснули в вену густую жидкость, похожую на кровь.

— Тебе ввели, если выражаться нынешним человеческим языком, раствор, состоящий из миллиардов нанобиороботов, которые будут снимать, грубо говоря, блокировку твоих генов, приводя их в божественное состояние,— объяснил Учитель.

Руслан почувствовал, как в его тело вливается мощная энергия, мысли становятся абсолютно чёткими и ясными. Приходило ощущение собственного могущества.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В себя Руслан пришёл в приёмной Ивана Ивановича. Его появление не произвело на секретаршу никакого впечатления, она лишь подняла голову и сообщила, что Иван Иванович ждёт его.

В этот раз Иван Иванович не поднялся при его появлении, не протянул руку для приветствия. Жестом показал на ближний стул возле приставного стола. Лицо у него, крупное, словно изваянное скульптором для демонстрации мужественности, было уставшим и озабоченным.

- Не понимаю, Руслан Русланович, - академик распростёр руки над своим столом, заваленным бумагами и папками. - Газеты как с ума сошли, пишут о вашем

похищении инопланетянами, а вы едете из Сочи поездом в Москву, поскольку не достали билет на самолёт. Мне об этом сообщил директор нашей базы, который узнал, что вы взяли билет на железнодорожном вокзале и уехали в Москву. С вами на базе была какая-то девушка, я понимаю, дело молодое, но откуда газетчики узнали о вашей локторской степени и вашей лолжности? Вы решили начать научную карьеру с мошного самопиара?

«Прибегни ко лжи во спасение, — пришёл на помощь голос Учителя. — Ты разоткровенничался с Лидой, хотя знал о том, что за вами присматривает Андрей Платонович. Он же и продал знакомому телевизионщику информацию о твоей степени и должности. Твоё столкновение с преисподней начинается...»

- Я сам не понимаю, что всё это значит...
- А значит это то, что деньги, выделенные на вашу лабораторию, тут же кудато исчезли. Нам их вроде перечислили, но они до нас не дошли. Вероятнее всего, их украли. У нас мошенников на всех уровнях власти — пруд пруди, вот кто-то из них и умыкнул... Теперь вы рассекречены, обращайтесь к богатеньким буратино, может, снизойдут... За рубежом заинтересуются, могут предложить вам что-то заманчивое.
- «А если дело представить так, что всё это выдумки прессы, никакой утечки закрытой информации не было, никакого похищения инопланетянами — тоже, поэтому не стоит всерьёз относиться к фантазиям корреспондентов?» — подсказал выход Учитель.
- Если мы не подтвердим фантазии прессы, то никакой утечки секретов не состоится. Вы можете предъявить меня прессе в качестве лаборанта, я им и удостоверение покажу, — сказал Руслан.

Иван Иванович после этих слов оживился, встрепенулся, посмотрел внимательно на него, словно впервые видел, и широко заулыбался:

- М-да, далеко пойдёте, молодой человек! Только деньги останется разыскать.
 Найдутся деньги, с неожиданной уверенностью для самого себя сказал Руслан.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

- Пал Палыч, ты перестал мышей ловить! распекал Басаргин своего начальника службы безопасности. – Никто мальчишку не похищал, никакой он не доктор наук, а всего лишь лаборант. Вот газеты пишут о пресс-конференции в Академии Наук.
- Дыма без огня не бывает, пытался оправдаться обескураженный таким поворотом событий Пал Палыч.
- И это ты, мои глаза и уши, решил меня успокоить расхожей поговоркой? Проснись, полковник! Газеты я сам умею читать, а ты проясни мне все тонкости самым доскональным образом. Чтобы я знал то, что мне нужно знать. Чтобы я мог во всём ориентироваться и принимать правильные решения, а не выслушивать народную мудрость в твоём исполнении!

Он вспомнил, как вчера буквально допрашивал дочь, только что прилетевшую из Сочи. Лида и жена перед этим плакали — это Басаргин увидел сразу.

- Ты видела или не видела луч? добивался он от дочери однозначного ответа.
- Ну что ты, отец, разве так можно? Валентина Александровна встала между ним и разрыдавшейся дочерью. — Приснился этот луч нашей Лидочке. Приснился, понимаешь? Она рассказала о своём сне Ларе, та ещё кому-то, дошло до прессы, а там у тебя достаточно недоброжелателей...

— Ты специалист по информации и дезинформации. Организуй распространение слуха о том, что синий луч приснился моей Лиде, а акулы сварганили из сна девчонки сенсацию! Пусть облажаются, — дал Басаргин поручение Пал Палычу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Я совсем запуталась. Своими глазами видела, как ты исчез в синем луче. По телику талдычат: никакого синего луча не было, он мне приснился! И ты на прессконференции заявил, что никакого синего луча не было. И что ты не доктор наук, не руководитель секретной лаборатории, а простой лаборант. А мне говорил обратное... Так где правда, а где враньё, Руслан?

Лида по семейной привычке ходила по комнате-кабинету и произносила свой спич в такт шагам. Руслан любовался девушкой, её румянцем на щеках, который она принесла с мороза, и румянец ещё не успел погаснуть. Он сидел за ноутбуком, а когда она появилась, повернулся к ней на вращающемся кресле, хотел встать, чтобы обнять её или хотя бы поздороваться, но Лида не позволила ему это, решительно обеими руками, положив их ему на плечи, придавила его к креслу.

Такой свою любимую он ещё не видел. Обычно перед тем, как придти она звонила ему, а в этот раз появилась без звонка, буквально ворвалась в квартиру, открыв дверь своими ключами, швырнула шубейку на тумбочку с обувью и стала вышагивать перед ним. В её глазах, синих-пресиних, в которые он любил всматриваться, теперь словно пылал ледяной огонь.

- Во гневе ты прекрасна. Не Лидок, а сплошной ледок...
- Руслан! вскрикнула она и от возмущения даже притопнула. Отвечай!

Он не спешил с ответом. В течение несколько секунд перед ним пронеслась картина разговора Лиды со своей матерью. Валентина Александровна пришла к дочери, когда та только-только проснулась и ещё нежилась в кровати.

- Доча, нам надо серьёзно поговорить,— сказала Валентина Александровна и присела на край кровати.
- Отец не передумал отправлять меня в Англию? спросила Лида и приподнялась, чтобы разговаривать с матерью полулёжа на подушке.
- Он не передумает. Особенно теперь, когда ты обманула нас, отпросившись покататься на лыжах в Красной Поляне, а на самом деле поехала к Руслану.
- Мамуль, я люблю его. Я не смогу без него жить в Англии. Это будет не учёба, а сплошное мучение. Почему ты и отец так враждебно относитесь к нему? Вы Монтекки и Капулетти в одном флаконе. Разве я не понимаю, что отправляя меня за границу, вы, прежде всего, хотите разлучить нас?
- Мы любим тебя, Лидусенька ты наша, Валентина Александровна протянула руку, чтобы погладить неразумное дитя по голове, но дочь не позволила ей это, отклонила голову в сторону. Ради твоего будущего мы делаем всё, чтобы ты была по-настоящему счастлива.
 - Моё счастье Руслан.
- Какая ты ещё глупенькая! Влюблённость— это ещё не любовь. Она, как правило, проходит. Кто такой Руслан? Нищеброд, как выражается наш отец. Лаборант, в обязанность которого, наверное, входит мытьё пробирок, с минимальной зарплатой.
 - Ты его совершенно не знаешь, мама!
- Да, он способный юноша, только сегодня даже выдающийся талант без поддержки, в первую очередь финансовой,— ничто. Нуль без палочки.

- Так поддержите его, помогите ему. У нас же денег полно!
- Но сколько можно? Мы опекали, учили его, но всему есть пределы!
- Нет никаких пределов! К твоему сведению: мы живём с ним, как муж и жена.

Валентина Александровна вскочила с кровати дочери и остолбенела. Она ловила воздух полуоткрытым ртом, не могла совладать с дрожащими губами, наконец, выдохнула:

- Лида!!! Как ты посмела?
- Взяла и посмела. Вот возьму и вместо учёбы в Кембридже сделаю вас бабушкой и дедушкой.
- Умоляю: не проговорись отцу. Я даже не представляю, что он сделает с тобой и Русланом...
- Теперь для меня ясно, что ты окончательно перешла на сторону отца. А говорила, что любишь меня...

Руслана поразила в этой сцене жестокость Лиды. Её мать едва не свалила с ног новость, а Лида осталась к родительнице равнодушной, более того, пригрозила сделать отца и мать дедушкой и бабушкой. Между родителями и Лидой возник конфликт, однако Руслан был бессилен погасить его. Не только потому, что был сам, по сути, первопричиной, а и потому, что заглянув в будущее, увидел не конфликт Лиды с родителями, не ссору, а настоящую вражду.

Отвечай! — вновь требовательно крикнула Лида и вновь топнула ногой.
 Руслан продолжал молчать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С тех пор прошло несколько лет. Лида училась в университете, а Руслан, используя свои возможности, один раз, а то и дважды в месяц, появлялся в Кембридже на уик-энд. Снимал номер в отеле, а Лида думала, что у него своеобразный авиапроездной билет: ночью в пятницу вылетает из Москвы, чтобы в субботу утром ожидать её на завтрак в ресторане.

Раз в полгода у Руслана выходили в самых авторитетных научных издательствах монографии. По тематике лаборатории не только монографии, но и статьи писались трудно. Использовать наработки сотрудников ему не позволяла совесть, хотя многие из них предлагали поставить его фамилию рядом со своей. Перед Русланом словно была стена, которую, казалось ему всё чаще, преодолеть представлялось невозможным.

«Учитель, лаборатория работает более трёх лет. Результатов — ноль, если не считать повторения достижений других коллег, которые задумали создать сверхчеловека, обладающего выдающимися физическими данными и идеальным здоровьем. Опыт наших попыток разблокировать человеческий мозг приводит к мысли, что Создатель предусмотрел подобные попытки и обрёк их на неудачу. В коллективе лаборатории появились сомнения в возможности реализации нашей цели. Если человек не верит в своё дело, он никогда не добьётся успеха. Как нам быть, Учитель?» — сообщал он в своём ежеквартальном отчёте, в котором излагал самые важные дела лаборатории.

«Руслан, ты задумал поправить самого Создателя. У тебя всё есть для этого — лучшие специалисты из числа твоих единомышленников, прекрасно оборудованная лаборатория, великолепное финансирование, любая твоя заявка или идея получает немедленную поддержку. Ты — богочеловек, помни об этом. Тебе многое дано, и многое с тебя спросится. В твоём распоряжении все возможности Мирового

Разума. Ты знаешь, что в процессе эволюции человек сможет достичь своего могущества, станет равным Богу. Но путь к этому исключительно тернистый. Твоя лаборатория за короткий срок овладела достижениями земных учёных в своей области, последнее из них — физика вогнутых зеркал, позволяющая активировать спящие участки мозга...

Но препятствие к этому — нравственное несовершенство человечества, и я хотел бы обратить на это твоё особое внимание. С момента овладения ядерной энергией оно балансирует на грани самоуничтожения. В термоядерном кошмаре погибли предыдущие земные цивилизации. По причине своих нравственных уродств. На пути успеха твоей лаборатории стоит нравственная стена. Обойти её не удастся. Её придётся преодолеть».

Упоминание о нравственной стене привело Руслана в смятение. Разве может какая-то лаборатория излечить нравственные уродства человеческой цивилизации? Безнравственность стала нормой жизни на Земле, Учитель толкает его и сотрудников лаборатории в тупик?

Люди давно включились в гонку за богатством, которое достигалось любым, как правило, бесчестным способом, обкрадыванием ближних своих. Приобретение материальных богатств не имело никаких пределов, обнищание современников разве что регулировалось их голодной смертью. На планете то и дело возникали конфликты, нередко переходящие в локальные войны, особенно за нефть и богатства земных недр. Не добрососедство или уважение к интересам других господствовало на планете, а культ силы, жестокость по отношению к тем, кто слабее тебя в военном отношении. Человечество регулярно сотрясали экономические кризисы, но их причиной было мировоззренческое и духовное неблагополучие.

У Руслана практически опустились руки. Он не знал, как можно излечить духовные язвы не только человечества, но хотя бы конкретного человека. Всё упиралось в воспитание людей, а это было огромным всеоблемющим и всемирным делом, непосильной задачей для любого научного или экспериментального коллектива. Перевоспитание, как он убедился на примере Мишки Звонарёва, вообще идея фикс, потому что человек управляется заложенной в него генетической программой. Можно добиться изменения поведения с помощью страха, но программа даст о себе знать обязательно.

Мишка Звонарёв озадачил всех работников лаборатории. Он явился по своей воле назвав себя уникумом. Заместитель Руслана, он же главный научный специалист, Иван Несторович, у которого была странная фамилия — Долбня, зашёл в кабинет и предложил пройти в лабораторный корпус, посмотреть на странного парня.

Пока они шли по длинному переходу, Иван Несторович пытался сбивчиво рассказать Руслану историю Михаила Звонарёва, с которой тот ознакомился в считанные секунды. Парень родился в Грозном, снаряд влетел в их квартиру, убил отца, мать и двух сестёр, и младенец Миша так захотел оттуда исчезнуть, что у него появилась способность к телепортации. Опять какое-то горе, с горечью подумал Руслан. Нет, чтобы необычные способности проявились в обычных, нормальных условиях! Младенцем Миша оказался в детдоме, ему часто снилось, что он летает. Когда однажды он проснулся и понял, что летал во сне, ему захотелось подняться в воздух, охватило предчувствие полёта, стоит только по-настоящему захотеть... И он поднялся в воздух, вылетел в открытую форточку, взмыл над детдомом. Испытывая чувство необычной свободы, он летал до самого рассвета, но чтобы никто его не заметил, вернулся в свою кровать.

— Он сейчас служит по контракту в десантных войсках. На учениях снял с себя парашют и сиганул, как он выразился, из самолёта. Благополучно приземлился. А наутро, перевоплотившись в командира части, объявил сам себе десять суток отпуска с поездкой домой и отправился на поезде во Владивосток мир повидать. За Уралом его снял с поезда военный патруль, тогда он исчез из дежурки и приземлился возле нашей проходной, — докладывал Иван Несторович, подбивая вверх указательным пальцем чуть ли не на каждом шагу тёмные массивные очки.

Уникум оказался обычным парнем в лабораторном полосатом пижамном костюме. Он лежал на кровати, отвернувшись лицом к стене. Почувствовав, что кто-то вошёл, повернулся, встал, но Руслан велел ему сидеть на кровати, а сам присел на стул. Открытое славянское лицо, светло-русые волосы подстрижены под армейскую нулёвку. Глаза крупные, распахнутые, но с прищуром: кто вы, мол, стоит ли вам доверять...

- Рассказывайте, что привело вас к нам.
- Я могу летать, перемещаться в пространстве... Могу перевоплощаться в других людей. Хотите, перевоплощусь в вас?

И через мгновение на кровати сидел ещё один Руслан Орлов.

А во времени вы перемещаетесь?

Ещё одно мгновение — и вместо Руслана на кровати вновь сидел Михаил Звонарёв.

- Во времени? Не пробовал. Может, и получится. Понимаете, я не нормальный. Зашёл в церковь, священник сказал, что из меня надо изгнать бесов. В детдоме все считали лунатиком. В армии надоело болтаться сосиской на стропах, ведь я могу и не пользоваться парашютом. Не знаю, на что ещё способен, чего от меня ожидать.
 - Вот это мы и определим.
- А вы справку или больничный дадите? Ведь меня сочтут дезертиром... Придётся ещё раз дать дёру, не попадаться на глаза полиции. Так недолго и рецидивистом стать...

Он казался довольно болтливым, поэтому можно предположить, что когда-нибудь откровенно расскажет о своих приключениях и злоключениях. Вряд ли, конечно, расскажет, подумал Руслан, как он ещё в детдоме по ночам прилетал к старшей вожатой, в которую был влюблён, и которую, обладая гипнозом, брал силой. И в армии наведывался к офицерским жёнам, когда их мужья были на службе. Жены сочли, секретничая между собой, что их посещает инопланетянин, пока не застукал его муж одной из гарнизонных дам, забежав домой на минутку. Мишка дал дёру, пулей вылетел в окно, а муж подумал, что хахаль жены упал с пятого этажа и разбился. Никакого трупа внизу не оказалось, и подозрение упало на рядового Звонарёва, который накануне прыгнул с самолёта без парашюта и благополучно приземлился. Поэтому он и придумал себе десятисуточный отпуск домой...

- Скажите, а вы можете читать мысли собеседника? задал вопрос Руслан.
- Как читать?
- Например, вы чувствуете или понимаете, что я думаю сейчас о вас.
- Да вроде бы нет.

Руслан просканировал его мысли: парень не врал. Слава Богу, подумал Руслан, что мысли окружающих для него остаются секретом, иначе он мог бы использовать этот дар не в их пользу. Он практически преступник, и его привёл в лабораторию страх перед теми, кому причинил зло. Ведь могут не только изгнать бесов, но и убить. Тем более такого шустрого, превращающегося, по мнению окружающих, в человеканевидимку. Звонарёв явно хотел расстаться со своими необычными способностями. «Мы ищем, — возмутился в душе Руслан, — как их активизировать, а он является,

чтобы мы, грубо говоря, отключили... Хотя... мы с этой стороны ещё не занимались проблемами. Методом от обратного!»

Встреча со Звонарёвым породила в сознании Руслана мучительные раздумья о том, что сверхспособности не должны быть у нравственно ущербных людей, иначе жизнь на Земле превратится в кошмар: у преступников, которые практически станут неуловимыми, появятся новые возможности совершать преступления.

Нельзя усиливать новыми возможностями Зло? Но Зло повсеместно, им наградил Нечистый каждого человека в той или иной степени. Да, Даром Божьим не должны воспользоваться безнравственные люди, но как определить степень нравственности людей? Не в этом ли суть стены, о которой говорил Учитель?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пришло из Лондона приглашение на конференцию по проблемам потепления климата. Приглашений приходило много на всевозможные конференции, но они были безадресны, и Руслан на них не откликался, а на персональное, да ещё в Англию, откликнулся с удовольствием. Конечно, проблематика конференции даже отдалённо не касалась направлений работы лаборатории. Хотя их объединяло то, что это были проблемы будущего. Короче говоря, у него появилась возможность легально побывать на Британских островах.

Жителей Британских островов не зря беспокоило надвигающееся потепление — пресные и холодные воды от таяния льдов Гренландии сказывались на Гольфстриме. Течение ослабевало, грозило совсем исчезнуть, и тогда на Британских островах будет климат как на Чукотке — Абрамович, следовательно, бывший чукотский губернатор совсем не случайно обосновался в Англии? Британцам грозило не столько потепление климата, а похолодание от потепления.

Для того, чтобы предлагать какие-то меры, следовало уточнить будущее. Но оно даже для Руслана, несмотря на родственные связи с самим Создателем этого мира, было во многом закрыто. Должно быть, с целью предотвращения нежелательных последствий. Если ты точно узнаешь будущее, то будешь ли усердно трудиться во имя его? Пришлось обращаться к Учителю, который пообещал походатайствовать перед своими руководителями, чтобы открыли доступ к будущему.

И вскоре Руслану приснился сон, в котором предстала перед ним карта Земли середины XXIII века. Территории всех приморских стран в значительной степени занимали моря и океаны. На Россию наступал Северный Ледовитый океан, но он не был больше ледовитым, поскольку Северный полюс находился в Канаде, а Южный — вблизи Австралии. Огромное пространство занимали Обская, Енисейская и Ленская губы — по сути дела новые моря. Каспийское море соединилось с Чёрным морем, залило своими водами значительную часть Украины и юг России. Возродилось Аральское море и соединилось с Каспийским.

Уровень мирового океана повысился на десятки метров, затопив многие страны. На карте не нашлось места для Прибалтики, Голландии, от Японии и Англии остались крошечные острова. Гренландия и Антарктида на карте были закрашены зелёным цветом. На них были новые города, например, на берегу Антарктиды появился Нью-Вашингтон, а сам континент назывался Соединённые Штаты Человечества. На юге Северной Америки зияла огромная дыра, поглотившая и северные территории Южной Америки, а помечена она была как Американский океан. Трудно было

понять, взорвался ли Йеллоустонский супервулкан, или на Америку упал гигантский астероид.

Присмотревшись получше к карте, Руслан обнаружил на берегу Охотского моря довольно большое пятно, заштрихованное, как и вся Российская Федерация бледнорозовым цветом, а по нему шли жёлтые полосы, был нарисован японский флаг с восходящим солнцем и поразила странная надпись — Автономная Японская империя. Ни Курильских островов, и даже прежнего Сахалина на карте не было, из Камчатки образовались два острова.

Руслан ни на минуту не сомневался, что космические кураторы в виде сна показали его будущее. Оно не совсем увязывалось с задачами лаборатории, стало быть, отбирать кандидатов для переселения на новую планету, то есть отбирать для будущего, следовало продолжать. Он интуитивно чувствовал, что отбор кандидатов — не выход, переселенцы привезут на новое место все свои недостатки, подаренные им эволюцией. Звериного в человеке четвёртой цивилизации слишком много, и он задерживал отбор, полагая, что каждый кандидат несёт в себе генетическую бомбу.

Иван Несторович Долбня то и дело жаловался на неуправляемость Мишки Звонарёва. Чуть ли не каждую ночь тот исчезал из палаты. Его приковывали к кровати наручниками, палату запирали наглухо металлической дверью, но стоило посреди ночи зайти туда — наручники, неразомкнутые, сиротливо свисали со спинки кровати. Зато утром Мишка Звонарёв мирно посапывал, обняв во сне подушку, а запястье правой руки, как и положено, сковывал наручник.

— Он способен распадаться на атомы перед телепортацией, здесь, видимо, и секрет того, что на него не действует земное притяжение. Ведь по отношению к атому оно практически равно нулю. Но где берётся энергия для передвижения облака атомов, каким образом это облако обладает сознанием — ведь Мишка во время своих полётов осознаёт, что он летит, и летит целенаправленно, — сокрушался Иван Несторович, докладывая Руслану о проблемах, возникающих в связи с проделками своего папиента.

Не ожидал Руслан, что следы Звонарёва найдутся и в Лондоне. Как обычно, Руслан и Лида ужинали в уютном ресторанчике неподалёку от дома, в котором она снимала квартиру вместе со своей двоюродной сестрой Капитолиной. Руслан эту диву терпеть не мог — вся она с головы и, наверное, до пяток была в татуировках, в носу, на висках и в губах титаново посверкивали металлические бирюльки, на ушах висели огромные серьги-колёса... Он не раз советовал Лиде снять другую квартиру, жить без Капитолины. Но Лида была против разъезда, объясняя это тем, что её отец в своё время несправедливо обошёлся с семьёй брата, с которым начинал общий бизнес. Руслан, конечно же, порылся в архивах Глобальной информационной сети: брат Андрея Филипповича умер совсем молодым, в самом начале карьеры Басаргина как предпринимателя, поскольку злоупотреблял горячительными напитками. Басаргин материально поддерживал вдову брата и его дочь, но те почему-то вздумали претендовать на половину его имущества и доходов. Ко всему прочему, Капитолина настраивала Лиду против родителей.

Поэтому ужинали, как всегда, без этой жертвы варварской моды. Перед ним возник официант, наклонился к нему и на ухо прошептал:

— Мистер Орлов, извините, пожалуйста, но с Вами хотел бы переговорить администратор.

Руслан встал, попросил прощения у девушки и последовал за официантом. В крошечном кабинете его встретил бывший официант Джон, высокий рыжий малый,

с которым у Руслана всегда были добрые отношения, и которого из уважения к его должности он называл с некоторых пор мистером Ридли.

- Мистер Орлов, простите нас великодушно, вчера вы были чем-то расстроены и забыли дать нам свою банковскую карту для расчёта. Мы ценим вас, постоянного посетителя, и не придали этой мелочи особого значения. Но бухгалтерия к нам в претензии, дебет с кредитом у неё не сходится, поэтому вы могли бы рассчитаться за вчерашний ужин администратор украшал свою речь извинительными улыбками.
- Мистер Ридли, но я вчера не был в вашем ресторане. Я только сегодня, два часа тому назад, приземлился в Хитроу, прилетел из Москвы! изумился Руслан.
 - Простите, мистер Орлов, вот видео наших видеокамер...

И на мониторе перед Русланом возникли любимый их стол, Лида сидит на своём месте, только в сиреневом платье, хотя сегодня пришла, из-за промозглой погоды, в синем костюмчике. На своём месте сидит он, Руслан, собственной персоной, и хлещет бокалами виски «Old friends» — видеокамера, казалось, автоматически сфокусировалась на наклейке бутылки. Потом Лида, недовольная его поведением, встаёт из-за стола и решительно направляется к выходу. Руслан, дожёвывая закуску и сильно шатаясь, следует за нею...

Страшная догадка мелькнула в сознании Руслана, но делиться ею с мистером Ридли он не стал, пробормотал, что вчера, как говорят в России, много принял на грудь, поэтому просит извинить его, должно быть, из-за огромной занятости выпал из времени. Мистер Ридли со своей высоты смотрел на него с определённой степенью недоверия — мистер Орлов никогда не пил виски, только очень хорошее вино, а вчера он не заказывал вино даже для мисс Лидии.

— Пожалуйста, не придавайте этому значения,— произнёс миролюбивый администратор, принимая от него банковскую карту.— С кем не бывает...

Несчастья любят ходить парами — когда Руслан вернулся в зал, за их столом сидела Капитолина. В каком-то вызывающем тряпье, разукрашенная татуировками и блестящими бирюльками.

Капитолина, хотя и не ограничивала себя никакими приличиями, но никогда не позволяла себе присоединиться к ним в их любимом ресторане. Руслан мгновенно просканировал её мысли — сомнения не было, перед ними сидел Мишка Звонарёв. Мысленно приказал Лиде раскрыть зеркальце и заняться своим внешним видом, придал необыкновенную силу своему взгляду, сосредоточил её на фигуре лже-Капитолины, и та в мгновение пропала. Такой силы телекинез он применил впервые.

«Вы получили посылку из Лондона?» — мысленно спросил он Ивана Несторовича, телепатически настроился на его мобильник.

«О да, в палату Мишки влетела какая-то куча тряпок, в ней оказалось женское тело в сплошной татуировке и обвешанное металлическими прибамбасами. Потом всё это материализовалось в виде дрожащего и обескураженного чем-то Мишки», — последовал доклад Ивана Несторовича.

«Поместите его в камеру вогнутых зеркал, дайте минимальное напряжение, скажем, 2 вольта, и продержите там до моего возвращения из Англии»,— велел Руслан.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сообщение Руслана на всемирной конференции стало мировой сенсацией. Он в мельчайших подробностях подготовил политическую карту Земли в середине XXIII века и кратко прокомментировал её, сосредоточившись на неотложных задачах

мирового сообщества. По его словам, все страны должны максимально сократить военные расхолы, направить освоболившиеся финансы на созлание мошной системы антиастероидной защиты планеты. Вступить на уровне Организации Объединённых Наший в переговоры с правительством России о строительстве уникальной высотной дамбы, препятствующей разливу вод Обской, Енисейской и Ленской губ — в противном случае Ледовитый океан зальёт спасительную для человечества Западную и Восточную Сибирь. На этих территориях в связи со смещением полюсов будет преобладать умеренный и даже субтропический климат. Срочно надо построить каналы для отвода вод рек Обь и Лена в засушливые районы Монголии, Китая и Средней Азии. С правительством России надлежит договориться об условиях размещения на этих территориях от 800 миллионов до полутора миллиардов беженцев со всех континентов, с тем, чтобы они могли создать свои автономные национальные субгосударства в составе Российской Федерации. По мере освобождения ото льда Антарктиды необходимо будет приступить к освоению территории континента, исключив здесь конфликты и войны. Такой цели можно достичь, создав на континенте единое федеративное государство с сильной центральной властью...

Зал конференции вскипел возмущёнными выкриками участников и особенно представителей средств массовой информации, вышел из повиновения престарелому лорду, которого назначили координатором заседания. Руслан, увидев, что среди участников и в ложе прессы возникло несколько потасовок, стал стучать микрофоном по трибуне. Грохот подействовал на драчунов.

- Вы спрашиваете меня, почему на карте не нашлось места Соединённым Штатам Америки? закричал он в микрофон. А как вы думаете, сможет ли долго существовать государство с крайне эгоистической политикой, вооружённым путём вмешивающееся в дела суверенных государств, имеющее гигантский военный бюджет? Я не знаю, взорвался ли сам Йеллоустонский супервулкан или ему помогли другие страны, обладающие ядерным оружием, только взрыв был такой силы, что сместилась ось вращения планеты, переместились полюса. Территорию США покрыло многометровым слоем пепла, досталось Канаде и Мексике, другим американским странам. Несколько лет длилась так называемая ядерная зима, погибли многие сотни миллионов человек, а когда в атмосфере стихли вихри, и она очистилась, то все ледники планеты, в том числе Антарктида, оказались под слоем пепла, под которым началось бурное таяние льда.
- Ваша карта результат научного исследования или же она всего лишь плод фантазии сотрудников лаборатории, печально известной своими футуристическими изысканиями, которую вы возглавляете? прокричала ему в лицо модная ведущая из CNN.

Руслан выдержал паузу, размышляя о том, говорить или не говорить, как карта попала к нему, а когда решился, улыбнулся и, широко раставя руки, ответил:

- Она мне приснилась.
- Нашёлся на нашу голову ещё один Менделеев! воскликнула модная ведущая, и её возглас потонул в буре возмущённых голосов в зале.

Под свист и улюлюканье Руслан покинул конференцию.

Вернувшись в отель, он по телевизору видел результаты своего выступления. Каких только характеристик его ни удостаивали — «хулиганская выходка на серьёзной конференции», «бессовестная компиляция из трудов авторитетных учёных», «Ванга в коротких штанишках», «малообразованный агент Кремля», «карта Орлова ужаснее последствий ядерного апокалипсиса», «Россия раскатала губы сдать сибирские болота в аренду мировому сообществу»...

На экране телевизора показали отель Руслана — вся площадка перед ним была заставлена телекамерами, телевизионщиков еле сдерживал многочисленный отряд полиции. Стало ясно, что из отеля необходимо исчезнуть.

Дежурный на рецепшине, видимо, был подкуплен журналистской братией, и дал им знать, что Руслан Орлов покидает отель. Несколько телеоператоров преградили ему путь, корреспонденты совали микрофоны, просили прокомментировать оценку международными средствами массовой информации его выступления на конференции.

- Господа, вы ошиблись, я не Руслан Орлов, а Тэд Трубинер, предприниматель...— заявил он, в мгновение изменив свою внешность.
 - Но вы только что получили счёт, выписанный на имя мистера Руслана Орлова!
 - Счёт? Пожалуйста, читайте: «Тэд Трубинер»...

Лида, взволнованная скандалом с Русланом, сидела за их столиком и на своём месте. Когда он проходил мимо администратора, то мистер Ридли благожелательно, однако укоризненно покачал рыжей головой, мол, наслышаны о вас, мистер Орлов...

Он поцеловал её в щёку, опустился на своё место, и почувствовал, что стал центром внимания посетителей ресторана. Стало быть, до появления журналистов оставались считанные минуты, ведь кто-нибудь из присутствующих даст им знать. Тот же мистер Ридли, заинтересованный в халявной рекламе своего заведения...

— Что ты устроил на конференции? Телевизор взбесился! — встретила Лида упрёком.

В это время на огромном плазменном экране, который висел над баром, появился дядя Костя. Бармен увеличил громкость. Константин Степанович говорил на английском, поэтому посетители ресторана дружно повернули головы в его сторону.

— Мне выпала честь быть научным руководителем докторской диссертации Руслана Орлова, которую он защитил в семнадцать лет. Это гениальный юноша, естественно, что он не смог из-за нехватки времени представить убедительные доказательства своего прогноза в виде карты. Вместо того чтобы быть ему благодарными за предвидение, здесь, на конференции, в средствах массовой информации развернулось беспрецедентное гонение учёного за его взгляды, за предложение неотложных мер, которые необходимо всем нам осуществить. Призываю всех прекратить шельмовать молодого учёного и дождаться выхода в свет его очередной монографии, посвящённой прогнозу. Я верю в Руслана Орлова, верю в то, что его имя будет гордостью мировой науки нашего века!

Посетители ресторана дружно встали и, глядя на Руслана, аплодировали ему. Какая-то шустрая девица сунула ему букет цветов и, к явному неудовольствию Лиды, обняла его и поцеловала в щёку.

— Пора отсюда убираться, — сказал Руслан и, взяв Лиду под руку, решительно пошёл к выходу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Большинство работников лаборатории осуждало его выступление на конференции. Шептались по углам: и куда занесло нашего-то? Славы ему ещё большей захотелось? Скандал и слава — родные брат и сестра. На нас и без скандалов многие косо смотрят, дескать, изобретают чудеса, лепят нового человека, а сами превращаются прямо-таки в новых русских по части обретения бабла...

Высказывали недовольство ему и в глаза. Первой оказалась Варвара Митрофановна, заведующая эмбриональным отделом, с прозвищем Варвара-великомученица за безуспешные попытки добиться хоть каких-нибудь результатов на своём участке. Впрочем, неудачи отдела происходили, по её мнению, из-за слишком строго законодательства по части человеческих эмбрионов.

Она встретила его в коридоре и без каких-либо предисловий спросила:

А вы о нас подумали?

От неё, стройной, высокой и красивой женщины с симпатичным, очень добрым лицом, с ямочками на щеках, исходило возмущение. У Руслана с нею были нормальные, почти приятельские отношения, но нервы были на пределе, и он не без иронии ответил:

— Не только подумал, но и с превеликим удовольствием рассказал бы об успехах вашего отдела, уважаемая Варвара Митрофановна, которые находятся даже в неэмбриональном состоянии.

«Хам!» — мысленно воскликнула она, удаляясь.

Досталось и от Ивана Ивановича. Никогда раньше Руслан не видел, чтобы академик буквально метался по кабинету.

- Какого лешего понесло тебя на конференцию этих бездельников и недоброжелателей России, мечтающих о том, что бы ещё сделать вредного для неё?... Где ты откопал эту карту, метишь в члены Географического общества, что ли?... В итоге устроил международный скандал, наше правительство вынуждено оправдываться... Полагаешь, что там не задумались: а зачем мы выделяем столько средств лаборатории Орлова? Чтобы в ней дурью маялись?...
 - Сегодня это гипотеза, Иван Иванович. Через полгода-год теория.
- Занимайся своим делом, молодой человек!.. Привык, понимаешь, бунтовать против самого Бога и считает, можно бунтовать против всех... Вон с глаз моих! Иван Иванович рубанул на прощанье воздух и вернулся к бумагам на своём письменном столе.

Не успел Руслан придти в себя после разноса, обдумать последствия после того, как правительство заявило о своей непричастности к его выступлению, как в его кабинет ввалился Иван Несторович. В новом костюме, приобретённом ко дню рождению, в белоснежной сорочке, словно у высокопоставленного чиновника — в лаборатории мужчины носили рубашки попрактичнее, вплоть до клетчатых ковбоек. Глаза у него радостно сверкали, и Руслан подумал, что он радуется неудаче завлаба, может, метит на его место?

- Руслан Русланович, я поздравляю вас с блестящим докладом в Лондоне.
- Вы издеваетесь?
- Ни в коем случае! Над будущим планеты вы развеяли туман, вместо неопределённости сформулировали неотложные задачи... А теперь насчёт результатов. У Мишки Звонарёва сверхспособности исчезли. Открыл я ему камеру вогнутых зеркал и говорю: «Ну, лети... Лети отсюда... Я разрешаю тебе использовать телепортацию... Ну!» А он смотрит на меня испуганно, потом побрёл в свою палату как побитый пёс. Потом я его вывел на балкон, Мишка опять не полетел. Тогда я ему говорю: «А попробуй-ка превратиться в меня... Ну!» Опять полная импотенция... Подумать только каких-то несчастных 2 вольта в течение суток, и он стал нормальным человеком!

Руслан встал из-за стола, подошёл к окну. В парке деревья стояли голые, после лондонских изумрудных газонов и пышной зелени, тоскливо было видеть, как пожилой дворник сметает на аллее под моросящим дождиком грязно-коричневые листья в кучи.

Беспокоил вопрос: почему молчит Учитель? Разве без его ведома была размещена в моём сне карта XXIII века? Да, разрешения на её обнародование не было. Неужели и мои сны не принадлежат мне? И я не волен распоряжаться ими по своему усмотрению?

— М-да...— произнёс Руслан, повернулся спиной к окну и увидел Ивана Несторовича. — Извините, задумался... Надеюсь, вы сейчас исследуете Звонарёва, взяли все анализы, мыслимые и даже немыслимые? Ищите изменения под электронным микроскопом, исследуйте его геном на суперкомпьютере... Найдите эти изменения во что бы то ни стало. Это для вас самая актуальная и главная задача. Постарайтесь восстановить его способности!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Общественным транспортом Руслан пользовался нередко — искал в нем кандидатов на переселение на новую планету. Вначале он искал их по телевизору, но все политики, журналисты, а особенно так называемые звёзды, то есть телевизионный бомонд, раздражали его, поскольку практически все были лживы, завистливы и терпеть не могли таких же, прости Господи, звёзд. Телеизвестность они сделали источником дохода, поэтому мужчины тщились в ящике блеснуть умом, которого у них, как говорится, кот наплакал, а дамы беззастенчиво выставляли напоказ свои прелести. Будущего они не заслуживали, подходящих кандидатов следовало искать среди тех, кто ездил на общественном транспорте, толпился на рынках, рискуя на каждом шагу стать жертвой торговых мошенников.

Наблюдая за людьми и сканируя их мысли, Руслан поражался тому, сколько на свете человеческого мусора. Добиться богатства и успеха любой ценой, нанести поражение ближнему как конкуренту, и при этом уничтожены, более того, презираемы какие-либо моральные преграды — не из этого ли материала образовалась нравственная стена, о которой говорил Учитель, и которую Руслану надлежало преодолеть? Всё чаще возникал вопрос: а зачем человеческому мусору сверхспособности, ведь они лишь преумножат возможности творить отнюдь не добрые дела? Его теория оказалась для него же ловушкой? Нет, нельзя тиражировать Мишку Звонарёва. Но где же достойные мужчины и женщины, ведь всегда считалось, что плохих людей гораздо меньше, чем хороших? Или ещё во времена Ельцина, которого Руслан презирал и считал, наравне с Горбачёвым, всесоюзным Геростратом, всё перевернулось, и хорошие люди были соблазнены возможностью безнаказанно творить Зло?

С этими раздумьями ехал Руслан в метро после работы, не очень-то приглядываясь к соседям. Возникла ещё одна проблема для раздумий: а почему именно ему пришла теория о разблокировании человеческого мозга? Не был ли он выбран для этой цели Мировым Разумом, ещё до посещения планеты Рай? На ней он обрёл сверх-способности, а откуда они у Мишки Звонарёва? От преисподней, от Дьявола? И тут сражение? Кто кого? И первыми получат сверхспособности хорошие люди или же безнравственные субчеловеки? И тогда Космос уничтожит опасную для Вселенной четвёртую цивилизацию на Земле?

И тут в вагон вошла девушка ошарашивающей красоты. Стройная, высокая, с золотистыми волосами, ниспадающими на меховую курточку с капюшоном. Природная блондинка имела широко раскрытые миндалевидные карие глаза. На коже лица не было и следа косметики — она была чистой, разве что на губах поблёскивала

бесцветная помада. Кожа даже на расстоянии казалась удивительно нежной и шелковистой... Незнакомка, увидев свободное место, села напротив...

Обычно Руслан не особо присматривался к прекрасному полу, у него была Лида, а тут красота девушки поразила. Он тут же сканировал её внешность и обратился с запросом к Мировому Разуму: кто она, что она... И сразу же получил ответ: Агидель Николаевна Цветкова, двадцать один год, стюардесса правительственного авиаотряда, знает в совершенстве английский и французский языки, студентка-заочница филфака... Отец Николай Васильевич Цветков, сорок восемь лет, инженер-конструктор, мать Александра Антоновна Цветкова, сорок шесть лет, преподаватель иностранных языков в МГУ...

Агидель... В Башкортостане очень распространённое название, поскольку на башкирском Ак идел означает Белая река. А это главная и любимая река башкир, поэтому и город атомщиков называется Агидель, есть и автопредприятие Агидель, и гостиница в Уфе Агидель, и даже бритва Агидель... Николай Васильевич, отец девушки, был поклонником славянской старины, ведизма, а у северных славян была богиня воды Агидель, и он, с согласия супруги, так назвал новорождённую дочь.

Настала эпоха Водолея и дочь называется именем богини воды? Вряд ли случайность... Как не случайность её изумительная красота, и встреча с ним, Русланом, также предопределённость? А заслуживает она будущего? На новой планете ей суждено стать богиней...

Она вышла на конечной станции Новоясеневской, быстро пошла не на Битцевскую линию, а к выходу в Ясенево, и вскоре перед Русланом замелькали её сапожки на лестнице. Ему предстояло познакомиться с девушкой, но Агидель наверняка надоели уличные приставалы. Поэтому он понимал, что шансов у него практически нет. Вступал в силу древний штамп: девушка убегает, молодой человек догоняет.

Девушка обогнала старика с тростью, который еле преодолел первую лестницу. Руслан решил: если она отпустит стеклянную дверь, не придержит, то с такой герлой знакомиться не станет.

Руслан увидел, как девушка открыла перед стариком дверь, придержала её, пока он проходил, улыбнулась ему и стремительно пошла на выход.

Фотоэлемент задержал его максимум на две секунды, но за это время Агидель вырвалась вперёд. Догоняя её, он бежал, прыгая на лестнице через ступеньку, однако девушка уже выбежала на поверхность. Ничего лучше он не придумал, как выбежав из метро, вдогонку кричать ей:

Девушка!... Девушка!...

Пересекая наискосок площадку перед вестибюлем метро, она шла к домам на краю Битцевского парка. Когда ей осталось перейти дорогу, заставленную с двух сторон легковушками, он крикнул:

Агидель!

От неожиданности она остановилась, на беду свою обернулась назад, но стояла уже на проезжей части, и тут её сбила с ног машина, которая ехала сверху и не могла остановиться на обледеневшей дороге.

Она лежала навзничь, без сознания, и возле левого сапожка быстро расползалось кровавое пятно. Руслан, не раздумывая, зажал ладонями рану выше колена, и, чувствуя, как кровь бьётся толчками в ладонь, кричал столпившимся прохожим и водителю, молодому парню, хотя тот был явно не в себе:

— В скорую, в скорую звоните! У неё повреждена аорта! Счёт идёт на секунды! Она истекает кровью! В скорую, в скорую звоните!..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В больнице, в которую Руслан поехал вместе с Агиделью, назвавшись её двоюродным братом, он терпеливо дождался возле операционной выхода врача. Наконец, хирург, опасно молодой и явно с малым опытом, вышел и сказал:

- Ваша сестра поразительно красива. Будет очень жаль, если она не сделает пластическую операцию и не уберёт шрам. Мы постарались сделать его максимально незаметным, но... Она в шоке, без сознания... У неё редкая группа крови четвёртая, резус отрицательный, у нас её нет, ищем... Нужна кровь...
- Значит, почти сутки ей находиться на грани жизни и смерти? Тогда, доктор, у меня четвёртая группа, резус отрицательный,— признался Руслан.— Спасать надо девчонку.
 - Точно четвёртая отрицательная? хирург, недоверчиво смерил его взглядом.
 - Точнее не бывает...
- $-\,$ Вы же брат и сестра $-\,$ я забыл об этом. Как же, новые люди... $-\,$ последние слова он пробормотал и велел идти с ним.

Пока проверяли его кровь, Руслан сидел в кресле и думал о том, как ему надлежит объяснить наличие у него нанороботов, которые, не исключено, обнаружат в ней. Кровь взяли из вены, диаметр иголки, может быть, слишком мал для них и они не попали в шприц? Через иглу будет идти переливание и нанороботы не попадут в организм Агидели?

«Не переживай, — услышал он голос Учителя. — Нанороботы не будут обнаружены, тут необходим электронный микроскоп. В целом мы одобряем твой выбор кандидатуры в команду переселенцев на другую планету. Одна из прабабушек Агидели, а это на пятнадцать поколений раньше, понесла от представителя внеземной цивилизации... Но после переливания крови она приобретёт твои сверхспособности. А девушка хороша, красивое у неё будет потомство на новой планете...»

Слова Учителя о красивом потомстве девушки на новой планете неожиданно кольнули Руслана ревностью. «Боже, неужели опасениям Лиды о неизвестных соперницах пришёл срок, и я начинаю влюбляться в эту девушку?! Прости великодушно, дорогая Лида, но, как говорится, сердцу не прикажешь. Прости…»

Он так громко вздохнул, что на него обратила внимание медсестра.

— Вы никогда не сдавали кровь? — спросила она, не отрываясь от микроскопа. — Не бойтесь. Это совсем не больно... Вообще-то научно доказано, что четвёртая отрицательная неизвестно каким образом появилась на Земле... Она самая молодая, ей всего около тысячи лет и принадлежит так называемым новым людям... Вы не пришельцы случайно?

Непосредственности медсестричке было не занимать. Она повернула лицо в голубой марлевой маске к Руслану, и глаза её, ироничные и симпатичные, переполнило любопытство. «Ну и ну!» — мысленно воскликнул он и ответил уклончиво:

- Да вроде бы у нас папы и мамы земные...
- Так вы и признаетесь, что прилетели с другой планеты! Конечно, не признаетесь... А у вас глаза зеленющие, острые, того гляди в них сверкнёт изумрудный огонь...
 - А что, вам уже признавались какие-нибудь пришельцы?
- Пока никто не признался. А кожа у вашей сестры как же хороша! Чистая, без единого пятнышка, наверное, и кремами не пользуется. А тут ползарплаты уходит на маски да всевозможные примазки с макияжами, а кожа как была рабочекрестьянская, такой и остаётся.

Пошла сообщить результаты исследования врачу. И хотя Учитель успокоил, что здесь нанороботы не могут быть обнаружены, беспокойство не покидало его.

Наконец-то в палату ввезли кровать с нею. Руслана поразила бледность Агидели. Привезли с капельницей. Девушка лежала без сознания.

— Ну, братец, выручай свою сестричку, — сказала другая, наверное, операционная медсестра, и подключила к его руке трубку. — Прямое переливание не приходилось лелать?

Молодая медсестричка пристально вглядывалась в зрачки Руслану и приговаривала:

- Не закрывайте глаза... иначе нам не определить, когда вам станет плохо... Чувствуете себя хорошо?.. Если почувствуете сильную дурноту, скажите мне, да?
- Обязательно скажу, разлепил губы Руслан, не признаваясь в том, что перед ним стали сновать какие-то мотыльки.
- Лицо у вашей сестры порозовело,— доложила операционная сестра.— Сейчас Агидель придёт в себя,— но продолжала балаболить, чтобы поддерживать Руслана в сознании.— И откуда такие имена берутся? Руслан куда ещё ни шло, но Агидель...
- Агиделью древние славяне называли богиню воды, он сумел объяснить происхождение имени.
 - Всё, богиня пришла в себя...
 - Где я? Что со мной? донеслись до Руслана неуверенные вопросы девушки.
- В реанимации, милочка. Неосторожно перешла улицу. Скажи спасибо брату. Он привёз тебя и кровь свою дал. У вас же четвёртая отрицательная— её днём с огнём не сышешь.
 - Какой брат? обеспокоилась Агидель.
- Ты ещё, милочка, в себя от наркоза не пришла. Отдыхай, завтра будет день вопросов и ответов...

Операционная сестра резко закрыла шторой кровать Агидель и стала перевязывать руку Руслану.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

С самого утра он занялся Мишкой Звонарёвым. Попросил Долбню принести всю документацию, все анализы, отзывы консультантов.

Если Мишка — проект Дьявола, задумавшего погубить род людской, то почему Высшие Силы позволили работать огромной лаборатории, в которой полторы сотни человек, над проблемой, давно решённой на Небе? Ведь Высшие Силы наделили его, Руслана Орлова, возможностями богочеловека! Небо решило проверить, а способно ли человечество на этом пути развития снять запреты с гомо сапиенса, наложенные самим Богом? Если он, Руслан Орлов, со своими сотрудниками научится снимать запреты, то что за этим последует? Очередной всемирный потоп или ещё более жестокий сценарий гибели четвёртого человечества? Не в связи ли с такими планами именно ему поручено отобрать самых лучших представителей вида гомо сапиенс для переселения на другую планету? Жалко стало расставаться с почти удачным, генетическим произведением и продолжить над ним эксперименты?

Разве можно исключить, что Звонарёв является проектом инопланетян, решивших с помощью ему подобных расстроить жизнь на Земле, потом вмешаться во всемирную бойню и освободить планету от взбесившегося человечества?

Руслан от этих мыслей испытывал неприятное и не очень знакомое ему чувство бессилия. Не физического, а интеллектуального.

Неожиданно перед собой он увидел женщину с короткой стрижкой, улыбающимися такими родными глазами, что не сразу понял, кто перед ним.

- Мама! бросился к ней, чтобы обнять и прижать к себе дорогого человека. Но обнял воздух. Перед ним была голограмма.
- Сынок, любимый мой, извини, услышал он телепатическое послание. Я нахожусь в форме души, это своего рода эфир... У меня очень мало времени. Слежу внимательно за твоими успехами, карта планеты Земля XXIII столетия моё послание, внушённое тебе во сне. Хочу предостеречь: не торопись получить положительные результаты в лаборатории, поскольку они станут сигналом для уничтожения слишком развившегося человечества. Сосредоточься на выявлении людей типа Звонарёва они посланцы тёмных сил, намеревающихся покончить с человеческой цивилизацией и оккупировать планету. Это я подсказала поместить его в камеру вогнутых зеркал концентрация космических излучений помогла уничтожить тёмную энергию, позволявшую ему телепортироваться, менять облик...
- $-\,$ Получается, что я тоже пользуюсь тёмной энергией? $-\,$ встревожено спросил Руслан.
- Нет, природа твоих способностей иная... Не перебивай меня, пожалуйста, в моём распоряжении считанные секунды. В ближайшее время на планету обрушатся многие беды, связанные как бы с потеплением климата... С Лидой ты расстанешься, полюбишь Агидель... Но улетишь ли с нею на экзопланету в созвездии Орион?... Твой звёздный Учитель не должен знать о наших контактах, иначе у меня будут неприятности... Учти, Бог не един, есть целый синклит Богов, бессмертных, всемогущих, вершащих дела в нашей Галактике...

В дверь постучали, и тут же она открылась. Показалась голова Долбни.

— Можно, Руслан Русланович?

Что он мог ответить своему заместителю, явившемуся в самый неподходящий момент? Голограмма, естественно, исчезла, только на прощанье прозвучало телепатическое «Русик, я люблю тебя!» Русиком, когда он был маленьким, называла его мать, и ласкательное имя свидетельствовало именно о том, что перед ним была она, а не Учитель и не посланец тёмных сил...

- Присаживайтесь, если вошли,— бесстрастно сказал Руслан и показал рукой на стул напротив.— Чем хорошим порадуете, Иван Несторович? Ничем?— напрямик спросил Руслан.
- Звонарёв сегодня стал предъявлять претензии нам. Говорит, что мы его искалечили,— начал докладывать Долбня.
- Но он же сам просил нас избавить от своих странностей! Сам пришёл к нам! воскликнул Руслан, и тут же подумал: а действительно ли сам? Кто-то интересуется, на что мы способны?
 - Мы заявление у него не брали, с виноватым видом признался Иван Несторович.
- А надо было взять! Предупредите всех заведующих отделами, чтобы при поступлении исследуемых от них брали заявления. При невозможности создавать комиссии и оформлять протоколом. Готовьтесь к неприятностям от Звонарёва.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Агидель перевели из реанимации в общую палату, и Руслан, купив букет роз и обязательный в таких случаях пакет апельсинов и мандаринов, отправился к ней. В коридоре больницы он неожиданно столкнулся с хирургом, который оперировал её.

— А-а, братец... В пятнадцатой палате ваша сестра,— ответил он на извинения Руслана, который понял, что хирург знает, что никакие они не родственники.

Агидель, в красивом махровом халате с огромными красными пионами, смутилась, когда он вошёл в палату. Смущение ей было очень к лицу. Ей всё к лицу, отметил про себя Руслан.

Вместе с девушкой в палате были ещё три женщины. Две из них, те, что помоложе, под предлогом предстоящих уколов в процедурном кабинете покинули палату, а старуха, с седыми всклокоченными космами, отвернулась к стене.

Девушка поблагодарила Руслана за цветы и подарки, и он перестал опасаться, что Агидель выставит его за дверь.

— Может, выйдем в коридор?

Она согласно кивнула, в коридоре нашлась свободная жёсткая скамья. Руслан заметил, что девушка совсем не хромала.

- Как вы себя чувствуете? задал он традиционный вопрос.
- Более чем превосходно! с непонятным удивлением шёпотом воскликнула она. Рана полностью затянулась за два дня. Даже шрама не осталось. Врачи удивляются, пытаются узнать, как это произошло, иначе меня сегодня утром выписали бы прямо из реанимации. А у меня состояние такое, что хочется летать!

Услышав о таком желании, Руслан вздрогнул. Не хватало ещё, чтобы она взмыла в больнице под потолок или вырвалась через открытое окно в воздушный океан. Без предупреждения, без знания о своих возможностях она может оказаться в беде посерьёзней дорожно-транспортного происшествия!

- Я что-то не так сказала? спросила она, и он догадался: она читает его мысли!
- Нет, всё нормально. Только я вас очень прошу: не позволяйте себе никаких желаний, например, полетать, поскольку они могут сбыться!

Агидель засмеялась, обнажая великолепные зубы.

- Я ведь стюардесса, моё обычное желание полететь куда-нибудь...
- На самолёте пожалуйста, сколько угодно. Только не так как во сне: захотелось и полетели...
 - Именно такого полёта, как во сне, мне и хочется...

«Может, мне удастся на время заблокировать её возможности? Силой своей воли, силой внушения, силой гипноза, наконец! — перебирал Руслан способы предотвращения очередной беды, грозящей девушке по его вине. — Или следует ей аккуратно, не пугая её, рассказать всё?»

В конце коридора, возле окна, возле которого росла цветущая китайская роза в огромной деревянной кадке, две женщины освободили диванчик, обтянутый голубым дерматином. И тут же Агидель вскочила и предложила Руслану пересесть к окну. «Она интуитивно чувствует мои желания или ей доступны мои мысли в виде слов?» — задал себе Руслан новый вопрос.

- Спасибо вам за кровь, теперь мы кровные родственники?
- Брат и сестра, улыбнувшись, подтвердил Руслан.
- Хирург называет нас братом и сестрой с иронией...
- Не мог же я, уличный приставала, назваться как-то иначе? усмехнулся он и, подождав, пока сядет Агидель, сел рядом.

- А как вы узнали моё имя?
- Много будете знать быстро состаритесь. Мне же хочется, чтобы вы были вечно молодой и такой же красивой.
- Я знаю, что вы всемирно известный учёный, и что-то подобное в ваших силах? Когда в последний раз мы вылетали из Лондона и получили прессу для пассажиров, то ваш портрет был на всех обложках и первых страницах. Я ещё тогда подумала: какой молодой, а уже всемирно известный! И главное наш, русский!
 - Прекратите, прошу вас!
- Не прекращу! заупрямилась она и её щеки покрылись румянцем. В метро я хотела подойти и попросить у вас, Руслан Русланович, автограф. Но постеснялась, не стала обращать на себя внимание.
- «Так вот когда между нами возник телепатический контакт, и я побежал за нею!» подумал он.
- Вы сейчас подумали: «Так вот когда между нами возник телепатический контакт, и я побежал за нею!»? лукаво прищурив светло-коричневые глаза, спросила Агилель.

Они встретились взглядами и от души рассмеялись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дружный смех сблизил их.

- В последние дни я заметила, что читаю мысли других людей, призналась она. Настроюсь как бы на волну человека и читаю мысли. И противно становится, словно подглядываешь за ним. Одна из однопалатниц, извини, за неологизм, всё время лежала и вспоминала свой отпуск на Мальдивах. Вместе с нею я видела один из островов, где она отдыхала, видела изумрудно-чистую воду, необыкновенной красоты рыбёшек между кораллами, даже араба Таджа...
- Тадж пожилой, сухопарый, весь седой, такой белый, словно пена у него на голове. Он поэт, учился в Москве, в Литературном институте, а поскольку его приговорили на родине к смертной казни, то он диктовал поэму своему земляку, чтобы тот выучил её наизусть и таким образом привёз её в страну. Друзья помогли арендовать ему крохотный остров, и Тадж принимает одновременно две-три пары отдыхающих, не больше, ловит рыбу, держит лавку всякой мелочи... Любит русских туристов, они напоминают ему о молодости. Всех русских мужского пола называет Сашами, а женского Наташами... У него в институте был друг Саша... рассказывал Руслан, озвучивая досье Таджа, поступившее к нему из Галактического информационного пространства.
 - Откуда вы всё знаете о нём?! поразилась Агидель.
- Оттуда, ответил, не конкретизируя, он. Кстати, сегодня он поймал несколько больших тунцов, один оставил себе, а остальных сдал перекупщику. Готовится поджарить стейки из тунца. Вкусные-е-е...
- Кто вы? Экстрасенс, ангел или дьявол? она даже отодвинулась от него, когда задавала вопрос.
- Извините, это уже не смешно. Может, мы, отправимся на Мальдивы и успеем к стейкам?
 - Вы шутите или прикалываетесь? Мы в больнице, какие Мальдивы!
- А мы в больнице время сожмём, здесь пройдёт не более минуты, а на острове Таджа мы пробудем два часа. Мне же надо объясниться с вами. Да и грешно не искупаться, погреться на солнышке... Решайтесь! С вами ничего

плохого не случится, это я гарантирую, а ровно через минуту мы вернёмся на этот ливан.

- Вы меня загипнотизировали?
- Ну что вы! Это было бы нечестно с моей стороны. Решились?

Несколько секунд Агидель сомневалась, а потом вложила свою руку в протянутую Русланом ладонь, и подумала: «Ах, была, не была!..»

Спустя мгновение, они материализовались на острове Таджа. Руслан предполагал, что его мозг проложил навигацию достаточно сложным путём — через Агидель подключился к мозгу её однопалатницы по имени Валерия. Все впечатления Валерии были суммированы и обработаны компьютером Мирового Разума, из сотен мальдивских островов был выбран остров Таджа. И всё это в миллионные доли секунды!

Но чего он не мог предположить, так это то, что Агидель материализуется на острове в чём мать родила. Вероятно, в её организме мощности нанороботов хватило лишь на атомизацию её тела. Он-то материализовался в костюме и при галстуке, а девушка, поражённая красотой острова, белоснежным пляжем, фантастическими орхидеями, распространявшими такой запах, что кружилась голова, осознала, что она в костюме Евы, только тогда, когда волны кристально чистой воды ласково омыли её ноги:

 $-\,$ Ой, а ты обещал, что со мной ничего плохого не случится! $-\,$ крикнула она Руслану.

Он мгновенно сбросил с себя пиджак, снял сорочку и протянул Агидели.

- Надень рубашку, и пойдём к Таджу, купим у него купальные принадлежности,— он не заметил, как тоже перешёл в отношениях с девушкой на ты.
- Спасибо, она вполне сойдёт за мою ночнушку,— она повернулась сюда-туда, демонстрируя, как выглядит в сорочке.

Но потом пришлось объяснять ей, что с нею происходит. Опять он убеждал её, что это не сон и не гипноз. Всё, что происходит с ним и с нею, — самая настоящая явь. А происходит потому, что при переливании крови в её организм попали из его крови нанороботы, которые работают на энергии гравитации Земли и на космических излучениях.

- _ Ты заливаешь? Прекрати выдумывать небылицы, это занятие не идёт тебе, отреагировала она на его объяснение и повела рукой. Посмотри лучше, какая красота окружает нас! Наверху даже кокосовые пальмы стоят, а эти милые хижины впереди? За одной поднимается синий дымок...
- Да, там старик Тадж поджаривает стейки из тунца,— упрямство Агидель его раздражало.

Он приветствовал старика на русском языке, и лицо Таджа, тёмное от природы и загара, с необычными шрамами в виде буквы Н на щеках, озарилось радостью. Блеснуло два ряда белых зубов, голова араба в белых завитках волос вскинулась, и старик протянул сухую руку навстречу гостям, обвёл всё, что окружало их, как бы разрешая им пользоваться великолепием острова.

- О, Саша и Наташа! Добро бажаловать, чувствуйте себя, как дома! произнёс он обычную фразу при знакомстве, а затем заметил, что он не слышал мотора катера, который доставил их сюда.
- Мы с другой стороны причалили,— нашёлся, что сказать, Руслан, и тут же придумал объяснение тому, почему его спутница осталась без трусиков и бюстгальтера.— Стали купаться, в чём мать родила, ведь вокруг ни души, а волной от какой-то моторки смыло её одежду.

— Нет броблем! — воскликнул Тадж. — Наташа может бройти в крайнюю хижину, там у меня субер-маркет, — при этих словах старик рассмеялся. — Бажалуйста, браходите, Наташа... Цены самые умеренные...

Чтобы заполнить образовавшуюся паузу, поскольку Агидель долго не возвращалась, Руслан напомнил ему о том, что в своё время Тадж учился в Москве.

— Я лублу Москву...— Тадж прижал сухонькую ладонь к впалой груди, показывая жестом, что говорит от души и что ему можно верить.— У меня были там друзья, был лубимая девушка Наташа... Но там зимой такие морозы, что у меня голова болит...

Когда из хижины показалась девушка, он встал, распростёр руки, словно обнимая мир, поклонился ей и вдруг стал декламировать стихи:

Всё в ней гармония, всё диво, Всё выше мира и страстей; Она покоится стыдливо В красе торжественной своей; Она кругом себя взирает: Ей нет соперниц, нет подруг; Красавиц наших бледный круг В её сиянье исчезает. Куда бы ты ни поспешал, Хоть на любовное свиданье, Какое б в сердце ни питал Ты сокровенное мечтанье, — Но, встретясь с ней, смущённый, ты Вдруг остановишься невольно, Благоговея богомольно Перед святыней красоты.

Как ни странно, читая стихи, он не заменял букву Π на Б. Читал практически без акцента. Более того, торжественно воскликнул:

- Это Саша Пушкин написал! Стихотворение «Красавица»! Мой и ваш земляк! Он тут же пообещал написать свои стихи в честь богини Агидели, тут же предложил отведать его стейки, от оплаты отказался, когда Руслан протянул ему кредитную карточку. Даже рассерженно отчитал его:
- За вдохновение я должен блатить! Всё за счёт заведения! но, увидев, что они уходят, крикнул им вслед: Приезжайте ещё, добро бажаловать вам и вашим друзьям!

Они шли к тому месту на острове, где материзовались.

Девушка бросилась в набежавшую волну и поплыла неожиданно энергичными сажёнками. Руслан, быстро раздевшись, последовал за нею. Он увидел, как она взобралась на коралл, вершину которого едва прикрывала вода, и замахала ему обеими руками. «Действительно, богиня воды», подумал он, и тут же почувствовал опасность — в нескольких десятках метров от Агидель, но по направлению к ней, двигался, быстро рассекая воду, огромный спинной плавник. Недолго размышляя, Руслан сдёрнул девушку с коралла и перенёс её на берег. И сам оказался рядом.

- Что за манеры! — закричала возмущённо она. — Схватить меня и швырнуть на берег как тряпичную куклу!

- У этой рыбки более ласковые манеры,— сказал он и показал на огромную морду акулы, которая возле берега легла на грунт и смотрела немигающими маленьким глазками на Агидель.— У неё же отличный гастрономический вкус.
- Плыви прочь, страшилище! Прочь! кричала девушка и топала стопой по набегающим волнам. — Прочь!

Но акула не уплывала, видно было, как она плотоядно шевелила жабрами.

— Разве так богиня воды должна повелевать? — усмехнулся Руслан. — Смотри, как это делается.

Он подошёл к кромке воды, поднял руку, раскрыл ладонь, направив её на акулу, и та, повинуясь, вернулась на глубину, а потом вдруг свечой взмыла над водой метров на пять и шлёпнулась брюхом на воду, поднимая фонтан брызг.

- Круто! Научишь?
- Сама научишься. Если пожелаешь, сказал он, объяснив девушке, что им пора и честь знать, надо возвращаться в больницу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Ночью Руслан практически не спал. Вечером приезжал Басаргин, пил марочный армянский коньяк, предлагал ему жениться на Лиде и обещал в качестве приданого подарить ей половину своего богатства. Теперь Руслан корил себя за дурацкую улыбку, которую Басаргин воспринял, как его согласие жениться на Лиде. Не хватало ещё брякнуть: «Я так счастлив, Андрей Филиппович!» Пинал кулаком подушку, но улыбку нельзя было вернуть.

На всякий случай подсоединился к сознанию Лиды— судя по всему, она играла в какую-то стрелялку!

Придётся отложить до следующего визита в Лондон. Не хотелось бы появляться в нём в ближайшие недели, ведь его выступление всё ещё обсуждается. Может, стоит попросить Лиду приехать в Москву? Послать эсэмэску, мол, приезжай?! Пусть журналюги ломают голову. Конечно, всё идёт наоборот: отец невесты сватает жениха, жених не едёт к невесте за согласием, а вынуждает её приехать к нему...

Если бы всё было только в этом! Ему давно не давала покоя мысль, что у них нет общего будущего. Выхода может быть два. Ромео расстаётся навсегда с Джульеттой, становится обманщиком, или же он добивается включения Джульетты в команду переселенцев на экзопланету. Только на каком основании? Вскользь он попытался поговорить о ней с Учителем, но тот промолчал. Учитель знал, что на сцене появится Агидель?..

Он ещё раз убедился, что весь вопрос в нравственной стене, о которой говорил Учитель. Вернее, в нравственном пороге. Для кого он низкий, его легко перешагнуть — таким можно считать Басаргина, его он преодолевает по несколько раз в день. Для него главное — прибыль, а не мораль. Хотя он инстинктивно придерживается общепринятых в его среде нравственных норм. Иначе с ним никто иметь дела не будет. Нормы так себе, на высоте плинтуса, их легко затмевает успех в бизнесе, и тут нравственность не в счёт, всё дело в величине знаков в результате провёрнутого дела. Басаргиных не стоит допускать в будущее, они результат отживающего порядка вещей, не оправдавших себя.

m Лида- обычная для своего времени девушка. Таких m Лид миллионы, и что же — их тащить в будущее? В нравственном плане они на уровне понятий своего времени, но стоит кому-то наступить на их интересы, то превращаются в настоящие фурии. Не

зря же во всём мире женская преступность выросла за последние десятилетия, причём молодые женщины вместо того, чтобы рожать и воспитывать детей, совершают преступления. Результат гендерной политики Запада, когда женщина по своим возможностям и предназначению, вообще во всём считается достойнее мужчины, вот и съезжают крыши с прелестных головок и их хозяйки пускаются во все тяжкие.

Руслан давно заметил за собой одну особенность: относиться к Лиде не эмоционально, а рассудочно. Раньше у него душа трепетала и наполнялась нежностью при упоминании её имени.

Случайно ли появилась Агидель? Её красота покоряла всех, даже женщины её любили. Выросшая в атмосфере всеобщего обожания, Агидель была похожа на распустивший цветок, похожий на мальдивские орхидеи... Руслан запрещал себе думать о ней, но не проходило и часа, чтобы образ её не возникал в воображении. Рассудочно о ней думать не получалось, а эмоционально она заполняла собой нишу в его душе, и он чувствовал, что влюбляется в неё.

В оправдание себе он вспомнил одно наставление мудрого Константина Степановича, когда Руслан писал диссертацию, и у него работа пошла не так, упёрлась в какой-то тупик.

— Творческому человеку необходимо безрассудство, — говорил Константин Степанович. — Почему? Здравый смысл враждебен творчеству. Здравый смысл для здравомыслящих, обычных людей. Он ловушка, обрекающая творчество на банальность, повторение пройденного. Творчество — это бунт против устоявшегося порядка вещей, против здравого смысла. Чем сильнее талант, тем непримиримее у него конфликт с обществом, живущим по нормам здравого смысла.

Тебе надо хорошенько запомнить ещё одну закономерность. Творчество питается за счёт второй сигнальной системы, а она — за счёт первой сигнальной системы. Если не пополнять впечатлениями и переживаниями первую сигнальную систему, то вторая будет истощаться и это неизбежно приведёт к творческому кризису. А как кормить первую сигнальную систему? Надо путешествовать, изучать иностранные языки, смотреть картины, слушать музыку, влюбляться, разочаровываться, не избегать эмоциональных стрессов. Напиваться, в конце концов, чтобы на нейронном уровне смыть устоявшиеся связи. И каяться потом... Думаешь, почему у Пушкина был внушительный донжуанский список? Он что, не любил свою Наташу? Любил. Но его гигантский талант жаждал гигантской эмоциональной, чувственной подпитки. Здесь он был беззащитен, как ребёнок, и это его погубило.

После встречи с Константином Степановичем он пошёл в кино...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Руслан позвонил Басаргину и сказал, что накануне он был в Лондоне, но разговора с Лидой не получилось. Она была раздражена, что он испортил ей свидание с Джони Рибелом. Как мог, он смягчил слова о намерении Басаргина дать ей приданое в виде половины своего состояния. Она расценила это как стремление отца рассорить её с Капитолиной. Но и этого было достаточно, чтобы Басаргин рвал и метал, грозился оставить её вообще без приданого, прекратить платить за учёбу и посылать ей деньги. «Если она такая умная, то путь переходит на самообеспечение!» — кричал он Руслану, а тому было жалко девушку, поскольку считал, что к ухудшению отношений отца и дочери сам приложил руку.

Вечером он отозвался на желание Агидели поговорить с ним.

«Как это понимать? Перепахал девушке всю жизнь и отмалчивается! Жила девушка, юная красавица, счастливая и довольная своей жизнью. А тут появляется странный тип, девушка от неожиданности сразу валится под машину, он даёт ей какую-то волшебную кровь, излечивает за считанные часы. Тащит её на Мальдивы и исчезает. Заразил девушку кучей комплексов, и мир после этого для неё померк. И сколько бы девушка ни лила слёз в подушку, он оставался чужим, поскольку рано или поздно придётся его покинуть. Странный тип, в которого девушка, признаться честно, влюбилась, обрёк её на бесконечное и тягостное одиночество», — выплеснула Агидель кучу своих обид.

- «У нас впереди вечность, что по сравнению с нею каких-то полторы недели!»
- «Вечность одиночества?!»
- «И вечность одиночества тоже. Человек существо социальное, живёт в обществе, в своём кругу, то есть мини-обществе, но избавиться от одиночества до конца не удаётся никому».

«Передо мной статья о твоей лаборатории, а также о твоём мини-обществе, видное место в котором занимает некая Лида Б., студентка из Кембриджа. Может, по её причине ты не отзывался целых десять дней? Полагаешь, что я не способна ревновать? Да я в таких случаях похожа на разъярённую тигрицу. Бойся!»

- «Спасибо за инструктаж по технике безопасности. Статейка из жёлтой прессы?»
- «Да нет, вполне приличное издание».
- «Девушка, сейчас все СМИ в той или иной степени жёлтые! Посмотри, пожалуйста, на статью целиком, а её сканирую и прочту».
 - «Ты и это можешь?»
 - «Не только это».
- «Из тебя вышел бы асс шпионажа. Подумать только: ты читаешь статью и не знаешь, что вместе с тобой её читает ещё кто-то! С ума сойти!»
 - «Не надо сходить с ума. Во всяком случае, рано».
- «Статью читаешь? Тут идёт речь о тебе, какой-то Михаил Звонарёв утверждает, что ты не человек, а, вероятнее всего, дьявол. Одним взглядом попёр его из Лондона. И работнички твоей лаборатории своего рода научная секта, занимающаяся за государственный счёт всякой чертовщиной, всевозможными ненормальностями. Звонарёва этого вы попросту искалечили...»

«Прочёл статью, можешь больше не портить глаза. Звонарёв этот довольно мерзкий тип. Обратился к нам за помощью — избавить его от привычки залезать в постели офицерских жён. У него был запущенный лунатизм, правда, со способностью к перемещению в пространстве. Но не во времени. Ещё он гипнотизёр. Ввёл в транс журналиста и закачал ему в серое вещество всю эту дребедень».

«Ты увиливаешь от разговора о некой Лиде Б. Я подключалась к ней, стала свидетельницей её разговора о тебе с некой Капитолиной. Ты, оказывается, летал к ней свататься, не так ли?»

«Не совсем так. Я выполнял роль посредника между отцом и дочерью. Её отцу, олигарху, я многим обязан. Благодаря ему, я не оказался в детдоме, получил образование. И в то же время он не приветствовал дружбу между мной и своей дочерью, не видел во мне будущего зятя, называл нищебродом. И вдруг решил меня женить на ней, отдать ей половину своего состояния. А зачем оно мне, её приданое? Я не могу жениться на ней, поскольку она никогда не попадёт на экзопланету».

«Ну, хорошо, Лиду мы проехали, хотя по ней у меня немало вопросов. Выясню. Но мне интересно: а сколько у тебя, крутого парня, таких Лид? Или мне впору запевать частушку: "Дура я, дура я проклятая, у него четыре дуры, а я дура пятая!»?

- «А где ты сейчас находишься?»
- «Летим из Бангкока. Делегация спит, мои подружки дремлют вполглаза, а я сижу и думаю о тебе».
- «Для разнообразия мог бы пригласить тебя к себе. Если ты предстанешь передо мной неглиже, у меня халат для тебя найдётся. Не такой красивый, как у тебя, но приличный».
- «Вон чего захотел! А меня папа-мама воспитывали в духе: взял за руку женись!» «Придётся взять тебя за руку. Только как тут возьмёшь: ты возле Бангкока, а я в Москве?»
- «Назначай свидание... Я так скучаю без тебя. Не прячься от меня, пожалуйста, иначе я тебя разлюблю и возненавижу».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Иван Иванович обхватывал голову руками, то разводил их широко, показывая размер собственного непонимания и недоумения, то потрясал ими перед собой, пытаясь таким образом достучаться до сознания Руслана Орлова.

- Ведь ни дня без строчки! Как тебе удаётся влипать в историю за историей? Лондонский скандал ещё не утих. Ты, должно быть, забыл, что по твоей милости МИДу пришлось объясняться? У тебя совершенно секретная лаборатория, из неё и дым должен очищаться, а у тебя сплошные сквозняки. Дует чёрт знает что из всех щелей. Журналисты днюют и ночуют возле ворот в надежде тебя отловить. Если что, то сразу к Ивану Ивановичу. Дескать, лаборатория входит в твой консорциум, отвечай! Да она самостоятельное юридическое лицо, у неё давно свой расчётный счёт. Звоните Орлову и спрашивайте с него. А мы не можем дозвониться, его никогда не бывает на месте. У тебя что и секретарши нет?
 - Она из эмэнэс, по совместительству секретарит.
- Найди нормальную секретаршу, а не задействуй эмэнэс! Чтобы она не торчала в отделе, а сидела на твоём телефоне. Кто такой Звонарёв?

Иван Иванович задал вопрос без всякого перехода и остановил свой тяжёлый взгляд на Руслане. Тот, ни слова не говоря, подал ему папку со всеми документами.

- Приготовил заранее... Чует кошка, чьё мясо съела, ворчал академик, листая бумаги. Тут нет ни его заявления, ни подписок о соглашениях на процедуры, ни подписки о неразглашении сведений, ставших известными ему во время пребывания в лаборатории. Стоит ли удивляться тому, что он понёс всякую ахинею, утверждает, что его искалечили, что лаборатория напоминает чуть ли не секту сатанистов, а ты, по его мнению, то ли киборг, то ли инопланетянин, то ли вообще дьявол. И вышвырнул его из Лондона силой всего одного взгляда! То, что обезьяна научилась маму-папу выговаривать, не значит, что с тебя не снимут семь шкур. Да и достижение так себе, от него до поставленных целей как отсюда до Марса! Что это всё значит?!
- Иван Иванович, соответствующие внушения мной сделаны, приняты меры по оформлению документов. Звонарёв натолкнул нас на мысль по поводу овладения телепортацией, за что ему спасибо. С претензиями к нам пусть обращается в суд.
- Какой суд? Твоей лаборатории нет в природе, против неё невозможно возбудить судебное дело!
- Это я сказал, чтобы вы, по возможности, передали тем, кто на вас наседает. Пусть они посоветуют ему обратиться в суд. Если прибудет комиссия, мы докажем

правоту своих действий. В бюрократическом отношении действовали шершаво, тут мы виноваты полностью, но теперь Звонарёв такой же нормальный человек, как все, и не сможет больше творить пакости.

Вернувшись в лабораторию, Руслан собрал заведующих отделами, рассказал о взбучке, которую задал ему академик, и дал поручение Долбне подготовить проект приказа о правилах работы отделов с пациентами.

- С обезьян, как я поняла, подписку по-прежнему брать не будем,— как бы размышляя вслух, произнесла Анна Георгиевна, вызвав сдержанный смех.
- Не вижу повода для смешков, строго сказал Руслан. Тем более, уважаемая Анна Георгиевна, что вам стоит задуматься о правовом статусе заговорившей обезьяны. Её могут посчитать личностью, человеком. И что вы дальше будете делать? Не читали роман Веркора «Люди или животные?» об этой проблематике? Роман написан ещё в середине прошлого века. И эмбриональному отделу в этом плане стоит задуматься...
 - «Чем ты сейчас занимаешься?» услышал голос Агидели.
- «Стружку снимаю с подчинённых»,— ответил он, а собравшимся объявил, что совещание закончено.
 - «Ты такой строгий начальник?! А с тебя стружку снимают?»
 - «С меня обещают содрать семь шкур».
- «Круто! Но я не о шкурах, а предлагаю вечером прогуляться по Битцевскому парку. Ты не боишься битцевских маньяков? в голосе Агидели звучала явная ирония. Извини, ты девушке не назначаешь свидания, приходится девушке прибегать к самообслуживанию. Девушка отдохнула после полёта, готова бродить по лесу хоть до утра. Сейчас полседьмого, через час встречаемся у входа на станцию Битцевский парк, у лифта, который вечно не работает. Идёт, или ты оставишь девушку опять в олиночестве?»
 - «Не оставлю».
 - «В таком случае я пудрю носик».

Спустя час Руслан материализовался рядом с входом в лифт. В свете фонарей медленно кружась, падал снег, накрывал тонкой белой скатертью асфальт. Руслан ожидал появления Агидели на дорожках от домов на краю леса, а она появилась со стороны рынка. В светло-коричневой шубейке, отороченной мехом, в сапожках под цвет шубейки, энергичная, ослепительно красивая и улыбающаяся.

— Привет! — воскликнула она. Чмокнула Руслана в щеку, взяла под руку. — Не возражаешь? Пойдём?

«Пойдём», мысленно ответил он, и они пошли через рынок к лесу. Вышли к забору вокруг лесничества, в котором подозрительно кипела какая-то жизнь — со светом фонарей, женским смехом и под охраной милицейской машины возле ворот.

В лесу зима уже вступила в свои права. Снег укрыл дорогу между елей и сосен, в их вершинах стоял задумчивый гул — шумела от ветра хвоя. Навстречу им шли любителя родниковой воды — с полными канистрами и баллонами на тележках, или в рюкзаках.

«Пройдёмся до родника? Папа тоже ходит за водой. Выходит часов в десять вечера, когда у родника нет народу. Так что мы пьём чай из родниковой воды!»

Агидель, обессилено повиснув на его руке, спросила:

- «Ответь, только совершенно честно. Ты инопланетянин?»
- «Минуточку, я должен...» и замолчал.

«Что — должен?» — она с тревогой всматривалась в его лицо. Он закрыл глаза, было ясно, что с ним что-то происходило. Потом он открыл глаза, и девушка облегчённо вздохнула, заявив, что она не на шутку испугалась.

«Мне пришлось блокировать наши сознания, потому что мы стали говорить об опасных вещах. Для нас опасных. Ни к чему, чтобы они стали известны кому-то, — объяснил он своё молчание и продолжал. — Так, значит, честно, как на исповеди? Мы все инопланетяне. Цивилизация рабов божьих, которые должны были добывать в шахтах необходимые родительской цивилизации ископаемые, особенно редкоземельные металлы, прежде всего золото, в которых нуждались межзвёздные корабли и искусственные поселения в космосе. Шахты, возраст которых сто пятьдесят — двести тысяч лет, находят на многих континентах. Судя по многим признакам, родной нашей планетой был Марс. Произошёл катаклизм, и с Марса была сорвана атмосфера. Но наши предки уже были на планете Земля. Кто-то предусмотрел катастрофу. Что-то случилось и с родительской цивилизацией, хотя её присутствие в нашей жизни всё ощутимей...»

«Ты не ответил на мой прямой вопрос. Ты вундеркинд, о котором говорили ещё в нашей школе, мол, он по три-четыре класса в год проходит. Но ты обладаешь такими возможностями, которыми не может обладать простой смертный. Поэтому я и спрашиваю тебя: ты — инопланетянин?»

«Если тебе хочется считать меня инопланетянином, то, пожалуйста, считай. Жизнь в космосе едина, но многообразна и на разных стадиях развития».

«Но откуда у тебя возможности сверхчеловека?»

«Точнее — богочеловека. И ты тоже богочеловек. Только я не знаю твоих ограничений. Своих ограничений я также не знаю, несколько лет свои возможности узнаю методом тыка. Так вот, после защиты докторской диссертации меня летающей тарелкой доставили на планету по названию Рай. Не исключаю, что я попал в другое измерение на нашей же планете. Там разблокировали мне все сто процентов серого вещества, и я стал богочеловеком. Но что-то вроде практиканта, под присмотром специального Учителя. Тебе ещё учителя не назначили? Нет? Тогда его обязанности, наверное, должен исполнять я».

«А я, Руслан Русланович, совсем и не против!» — превратила Агидель серьёзный разговор в шутливый.

«Только мне банально некогда...»

«Ах, тебе некогда?! Так зачем ты меня останавливал? Шла бы девушка к себе домой, так нет, её надо было остановить, чтобы она попала под машину, а потом в больницу! Я просила тебе переливать свою кровь? Просила включить в число переселенцев на экзопланету? А если мне на старушке-Земле хорошо, и не нужны никакие планеты?! Зовёшь меня туда, где сам не был? А вдруг там не бывает снега, не бывает зимы, и придётся вечно париться в каких-нибудь тропиках! Мне, между прочим, король Индоазии предложение делал, обещал королевой сделать. Зачем мне это всё, можешь мне объяснить?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В воскресенье Руслан поехал в гости к Константину Степановичу на Малую Бронную.

Выпили одну, потом вторую рюмку, а к основному разговору Константин Степанович не переходил. За последние несколько лет он сильно сдал, залысины

едва не достигли темечка, под глазами набухли мешки. Было видно, что старику нездоровится.

- Неудачи лаборатории не случайны,— наконец, сказал он.— «Мама-папа» научные шалости, почти побочный продукт. Коллектив сильный, финансирование достаточное, а весомых результатов нет.
- Ну, почему же, возразил Руслан, заводя старика. Мы накануне разгадки тайны летающих тарелок. Не наша тема, согласен, но электронщики предлагают считать их концентраторами космического излучения. Две сферы, сверху и снизу, или сбоку и сбоку идеальны для приёма энергии космоса. Энергия каким-то образом аккумулируется и воздействует на гравитационное поле, уравновешивает его и позволяет скользить, то есть лететь, над планетой. Или, уравновешивая излучения, перемещаться в космосе. Разгадаем весь механизм поймём тайну телепортации людей в пространстве.
- Какой ты скорый! осадил его Константин Степанович. Хорошо, что ты, как говорили старые шофёра, заводишься с полуоборота. И вокруг себя собрал таких же в научном плане сорвиголов. В твоём распоряжении есть уже летающая тарелка? Ты можешь разгадать тайну металлических сплавов или вещества полусфер? Механизма аккумуляции энергии космоса? Движителя тарелки? И если ты всё это разгадаешь, то как сделаешь человека, подобного НЛО?
- По-вашему, не стоит и пытаться, поскольку тысячи исследователей, вгрызаясь в эти проблемы, уже обломали зубы? Но прогресс остановить нельзя!
- А верхоглядство можно и нужно. Даже в качестве гипотезы идея, увы, несостоятельна. Я хотел поговорить с тобой о другом. Давай ещё по граммульке выпьем и продолжим.

Налили. Выпили по настоянию Руслана за здоровье Константина Степановича, Марты Захаровны и Галины Захаровны.

- Дядя Костя, вы для меня как отец, а Марта Захаровна и Галина Захаровна дорогие мои матери, объяснил Руслан, впервые назвав Константина Степановича дядей Костей. От неожиданности у старика даже блеснули влагой уголки глаз. Но он справился с нахлынувшими чувствами и прямо-таки огорошил своего ученика неожиданным заявлением:
- Поразмыслив хорошенько, я вынужден поставить перед Иваном Ивановичем вопрос о закрытии лаборатории или её перепрофилировании. При этом твою диссертацию как считал гениальной в теоретическом плане, так и считаю. Только фишка в том, как выражается твоё поколение, что человек, впервые увидев на небосводе звезды, не сразу решил полететь к ним. Потребовались десятки тысяч лет, чтобы он приступил к реализации полёта. Осуществление твоего замысла также преждевременно. Не созрели условия для этого. Склоняюсь к тому, что над нами в своё время поработали генетики родительской цивилизации, а она уже в то время на миллионы лет была более развитой, чем нынешняя наша. Поэтому работа лаборатории обречена на топтание на месте. Искусственный интеллект наше завтра, а создание человека с возможностями Бога это, по крайней мере, следующее тысячелетие.
- Константин Степанович, почему вы сдаётесь? Это вообще капитуляция, полная и безоговорочная! запальчиво возразил Руслан. Может, кто-то на вас надавил?
- Молодой человек, я под давлением не меняю свои убеждения! возмутился старик, и лицо его покрылось почти багровыми пятнами. Допустим, тебе удалось снять запреты Бога с мозга, но что ты будешь делать с ордой умеющих перемещаться без всякого транспорта по планете, читающих мысли других, перевоплощающихся в ближних своих? Что ты будешь делать с миллионами Мишек Звонаревых?

Человечество не дозрело до апдейта своего мозга по нравственным причинам. Ограничение, restriction Бога, обернулось спасением для человечества.

- Четвёртого человечества, не пятого!
- А откуда оно возьмётся, пятое человечество? Из твоей пробирки? Только пробирка твоя пуста и пребывать таковой будет не одну сотню лет. Если, разумеется, человечество не самоуничтожится.
- Константин Степанович, у меня складывается впечатление, что вы перестали разделять мнение академика Колмогорова о том, что неплохо было бы перепроверять достижения. Мысль о перепроверке была его девизом, и она очень справедлива и вечно актуальна. На каждой ступеньке развития действительно неплохо проверить, на чем она основана. Может, зиждется она не на несомненном фундаменте, а на деревянном основании, давно траченном шашелем.
- Мне при твоих словах вспомнился закон Колмогорова о том, что бурное интеллектуальное развитие подавляет развитие личности. Слава Богу, тебе это не грозит. Честно признаюсь, я боялся за тебя, особенно переживал, когда ты писал диссертацию. Подозреваю, что благотворное влияние оказала твоя девушка. Ты избежал инфантилизма, хотя мог стать интеллектуальным идиотом. Но ты не можешь не видеть, что человечество превращается в такого идиота. Более того, ему хочется, чтобы его окружали и служили ему искусственные идиоты, названные почему-то роботами.

Как известно, в Древней Греции идиотами называли отдельных людей, не принимавших участия в общественной и государственной жизни. Таковых сейчас в мире, в том числе у нас, не менее половины. Это можно считать первой стадией идиотизма. Следующая стадия — излишне ретивая общественная и государственная деятельность. Из-за фанатичности, например, как у Ленина. «Выродок, нравственный идиот от рождения, — писал о нём Иван Бунин, — Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?» Есть ещё медицинское понятие, но оно нас не интересует. В наше время идиотами принято считать неучей, невежд, тупиц и им подобных. Это третья стадия идиотизма. Как ни парадоксально, среди них немало тех, кто в буквальном смысле обитает в интернете, интересуется главным образом играми, но имеет смутное представление о реальности, о культуре, духовной жизни. Их тоже почти половина, часто они относятся к двум стадиям одновременно. И остаётся не такая уж многочисленная группа гармонично развитых личностей — на неё все надежды.

Причина кризисного состояния? В непреодолении разрыва между наследованием результатов научно-технического прогресса и интеллектуально-духовным развитием. Человек по праву рождения наследует материальный мир, результаты научнотехнического прогресса, включая ядерное оружие, электронные и космические технологии, а для того, чтобы стать собственно человеком ему надлежит потрудиться, чтобы хотя бы на пятое через десятое освоить историю, культуру, нравственные и духовные ценности.

«Опять Степаныч сейчас вспомнит ножницы!» — с неодобрением подумал Руслан. Старого учителя извиняла забывчивость на тот счёт, что он говорил или что не говорил. К его чести, он говорил всегда то, во что сам искренне верил. Тема раздвигающихся ножниц была на первый взгляд очень не нова, однако Константин Степанович добавлял всегда в неё новые краски. В этот раз на новизну претендовала невозможность преодолеть дальнейшее раздвигание ножниц при господстве нынешнего мировоззрения человечества, оказавшегося в ловушке по причине самого прогресса. Угроза такова, что человечество упрямо движется к самоуничтожению.

Власть имущие надеются на электронное рабство, которое они успешно устраивают для пипла. В сущности, грядёт абсолютная дегуманизация, когда человек тщательно контролируется 24 часа в сутки. Проявление личностных свойств станет наказуемым, личность станет не нужна, подобно тому, как сейчас общество, состоящее из баблоинов, стало обходиться без чести, нравственности, достоинства... В России всегда было значительно больше хороших, порядочных людей, чем плохих. При ельцинском устройстве государственной, экономической, общественной жизни, а оно у нас неизменно несколько десятилетий и пребывает в застое, и мошенник сидит на мошеннике и мошенником погоняет. Об этом ещё Гоголь писал... И что людей порядочных, совестливых, честных меньше, чем добытчиков бабла любыми, в том числе, самыми подлыми способами. Школа готовила, да и сейчас готовит, потребителей вместо того чтобы воспитывать образованных граждан, патриотов, интеллектуально и духовно развитых членов нашего общества. Мы стремительно приближаемся к точке невозврата. Но ещё есть возможность остановиться и пойти другим путём.

- Каким? Опять ленинским? съёрничал Руслан, намекая на то, что Константин Степанович много лет был членом компартии.
- Отрицательный результат тоже результат, философски ответил тот. К прискорбию, во многом непреодолённый. Неправедно оболганный, ибо в советском опыте немало положительного, и не осмысленный до конца. Сейчас потихоньку набирает популярность философская новинка под названием асимметрика. Она отталкивается, как и твоя теория, от сотворения Богом человека не как копии, не клона своего, а как асимметра, то есть подобного себе. Но с изъятиями, иначе он создал бы Бога, а ему нужен был раб.
- Существует мнение, что асимметрия является одной из постоянных философских категорий, такой же, как время и пространство.
- Вот именно! подхватил мысль Константин Степанович. Асимметрика выступает, как и метод развития, причём гармоничного. Не через единство и борьбу противоположностей, что провозглашает диалектика, а эволюционного и бескризисного. Единство и борьба противоположностей практически абсолютная чушь. У родителей рождается ребёнок, их асимметр, где тут единство и борьба противоположностей? Ах, как же я забыл, в диалектике мужчина и женщина это противоположности. Правда, генетика утверждает, что по хромосомам они все же асимметры XУ у мужчин и XX у женщин.

Пресловутая борьба противоположностей привела к теории классовой борьбы, которая дорого обошлась человечеству.

- Так в чём же фишка этой асимметрики?
- Вам бы фишку попроще...— проворчал Константин Степанович и плеснул в рюмки коньяку.— Она в том, что это метод развития бескризисный, гармоничный. Кризисное развитие она отдаёт диалектике. Кроме того, считает, что сама диалектика со своими законами порождает кризисы, вплоть до революций. Асимметрика это теория подобного от подобного, без надоевшей всем борьбы, а развития естественным, эволюционным путём.
- Тогда здесь нет ничего нового, эволюцию тоже можно назвать бескризисным и гармоничным методом развития.
- Но асимметрика вводит понятие такого элемента, как асимметр, объясняет природу кризисного развития и его причины. Она не отрицает диалектику, оставляет на её совести всё, сотворённое ею. И дополняет её, предлагая выход из ненормальности, которой характеризуется кризисное развитие. Диалектика вошла в кровь и плоть нашу, мы на бытовом уровне мыслим её понятиями и законами, а от них надо

освобождаться — вот к чему зовёт асимметрика, если мы желаем жить нормально, а не бороться.

— Допустим, что это так. Но как соотносится теория гармоничного развития с вашим желанием упразднить нашу лабораторию? Где можно обнаружить гармонию в акте уничтожения?

Но старого спорщика на этой мякине провести не удалось. Он хитро прищурился и в свою очередь задал вопрос:

- А чьим асимметром является лаборатория? Или она выскочила, как субъект, которого в вечернее время не принято упоминать из твоей головы, точнее из твоей диссертации?
- «Эх, дорогой Константин Степанович, если бы я мог, то сказал бы, чьим асимметром выступает наша лаборатория»,— пришёл к выводу Руслан и задумчиво произнёс:
- А как быть с перепроверкой... Китайский исследователь Хэ Цзянькуэй отредактировал генетический код по технологи CRISPR у двух девочек-близняшек от больных СПИДом родителей, освободив ДНК малышек от гена ССR5, и сделал иммунитет девочек устойчивым к вирусу. Первые генномодифицированные люди. За этим будущее, в том числе и наше. Мы же идём этим путём, но есть ограничения, позволяющие работать с человеческими эмбрионами лишь на ранних стадиях. Мы уже отстаём, Константин Степанович!
- Ещё не понятно, к чему приведёт результат товарища Хэ. Как редактирование скажется на потомстве в первом поколении, потом во втором... Китайцы, кстати, запретили эти работы, начали расследование...
- Вы советуете нам дождаться этих результатов?! Нам что, минимум ждать лет шестьдесят?! Окститесь, Константин Степанович! Мы безнадёжно отстанем, и отставание дорого нам обойдётся придётся покупать иностранные технологии. Думается, что пришло время обращаться за помощью к Ивану Ивановичу.

Глаза у хозяина потускнели, он вытер салфеткой взмокший лоб, отхлебнул из фужера минералки и смиловистился:

Будем думать...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Постарел Степаныч, сдал... – с грустью думал Руслан, добираясь на метро домой.

«Мы проанализировали твой спор с научным руководителем, — послышался голос небесного Учителя, который, судя по всему, находился на постоянной связи с Русланом. — Не придавай значения его словам о ликвидации лаборатории или её перепрофилировании. Небо не позволит. Нам очень важно знать, как четвёртое человечество может далеко продвинуться на пути научно-технического прогресса. Постарайся повторить опыт генетика Хэ Цзянькуэя. Поможем с разрешением на эксперименты.

О летающих тарелках и твоей идее создать концентраторы космического излучения. Кусок обшивки НЛО ты найдёшь в понедельник, в левом верхнем ящике рабочего стола.

Асимметрика, по нашему мнению, перспективная идеология для пятой гармоничной цивилизации. Нынешней цивилизации она достаточно чужда, кажется идеей фикс. Поэтому постарайся найти молодого философа, который интересуется асимметрикой, вообще проблемами гармоничной цивилизации, и включи его в число переселенцев на экзопланету».

«А нельзя ли включить Константина Степановича в число переселенцев? Он на экзопланете создал бы целую философскую школу асимметрики!»

«Я сказал: молодого философа...»

«Спасибо большое за обещанную помощь!» — поблагодарил Руслан Атланта и отключился полностью от связи с кем либо.

Никогда ещё Небо не обещало ему такой массированной и срочной помощи. Стало быть, наступает какой-то цейтнот и надо готовиться к серьёзным событиям?

Неужели плохих людей на Земле стало больше, чем нормальных в гуманистическом понимании? Погоня за прибылью и чистоганом сделала планету малопригодной для обитания в экологическом смысле? Промышленный рывок в Китае обернулся тем, что в городах не исчезает смог и людям приходится дышать через респираторы. Если Небо решило, что это так, то грядёт апокалипсис четвёртой цивилизации. Оно не допустит, чтобы планета превратилась в свалку, чтобы по океанам плавали рукотворные архипелаги из пластика? Но допустило же! И ядерную войну допустит...

Руслана поразила категоричность Атланта по отношению к молодому философу. Точнее — насторожила. Раньше он думал, что переселение на экзопланету — туманное будущее, скрывающееся за десятками лет, а тут молодого философа... Туман рассеивается? И что он скрывал? Прежде всего, неопределённость: а на каких условиях будет происходить переселение? Если молодой философ требуется, значит, потребуется и молодой учёный, и инженер, и земледелец... Не с нуля начнётся пятая цивилизация, а с достигнутого уровня культуры и технологии четвёртой цивилизации. Переселенцам придётся осваивать и приспосабливать к жизни экзопланету или они по отношению к аборигенам станут кастой наподобие брахманов?

Во всяком случае, для переселения потребуются десятки звездолётов, способных доставить жителей Земли до созвездия Ориона, а таковых у человечества нет. Если же их предоставит какая-нибудь внеземная цивилизация, то это верный признак того, что оставшихся людей уничтожат, поскольку лучших из них спасли, а отобранных, чего доброго, определят на экзопланете в рабство, а не в брахманов! Кому-то потребовалась планета Земля?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Не без волнения в понедельник Руслан открывал верхний левый ящик своего письменного стола. Там лежал контейнер из какой-то пластмассы, чуть ли не из эбонита, размером 15 на 20 сантиметров. Открывался он как складная шахматная доска, только фиксировался не крючком с гвоздиком, а кнопкой. Вообще-то по правилам незнакомый контейнер следовало бы открывать сапёрам из ФСБ, но Руслан был уверен в том, что Атлант преподнёс ему не сюрприз с взрывчаткой.

На красном бархате лежал кусок неизвестного фиолетового металла с кривизной по ширине и высоте, что подтверждало его происхождение, как части обшивки летающей тарелки. По радиусу кривизны можно вычислить размеры летающего аппарата — это сразу пришло в голову Руслану. Присмотревшись к металлу, он заметил исходящее от него свечение. Но счётчик Гейгера показал обычный фон радиации.

Значит, металл выделяет какую-то энергию, решил он. Не исключено, что космические излучения в металле как-то преобразуются. Или концентрируются? Затем поступают в движители летающей тарелки, придавая ей огромную скорость

и способность к мгновенному лавированию? «Господи, какие мы ещё дикари!» — расстроившись, подумал он.

- Иван Иванович, у вас есть среди знакомых те, кто мог бы определить химический состав металлического сплава и подсказать технологию его получения? позвонил Руслан академику.
 - Конечно, есть.
 - Образец можно приносить?
 - Рискни, юмористический ответ свидетельствовал о хорошем настроении.

Когда Руслан извлёк из контейнера кусок металла, Иван Иванович даже присвистнул от неожиданности. Вначале спросил, зачем Руслан покрасил его чернилами, а потом приступил к расспросам, где он достал эту штуковину.

- Иван Иванович, прошу вас, не расспрашивайте ни о чем. Я всё равно ничего не скажу поверьте мне, это больше, чем государственный секрет. И вас прошу держать всё в секрете, и вашего знакомого попросите ни под каким предлогом не распространять сведений об этом сплаве.
 - Впервые слышу, что есть секреты больше, чем государственные.
 - Есть такие. Иван Иванович. есть...
 - Тогда мне не во всем доверяют.
- Это причина для радости, а не для печали,— загадочно сказал Руслан и покинул кабинет академика.

По пути в свой корпус он вышел на связь с Агиделью. Вечер у неё был свободный, она отдыхала после полёта в Южную Америку.

В кабинете на столе лежала стопкой почта. Неуловимая секретарь Лена на первом плане расположила и открыла английскую газету «Санди таймс». В глаза сразу бросился заголовок «Русский учёный Руслан Орлов арестован Скотланд-Ярдом». По сообщению газеты, вчера известного русского ученого Руслана Орлова арестовала лондонская полиция. Он подозревается в покушении на убийство своей любовницы Лидии Басаргиной. Во время ланча Орлов подсыпал в бокал девушки яд растительного происхождения, который вызывает сильную сердечную недостаточность и не оставляет при этом никаких следов. Действие Орлова заметил администратор заведения и дал указание немедленно и незаметно заменить бокал, вызвать полицию. Жизнь девушки была спасена, а Орлов задержан. На допросе он заявил, что хотел попасть в цивилизованную британскую тюрьму и попросить у английских властей политического убежища, так как в России он подвергается преследованиям со стороны властей за недавнее выступление на экологическом форуме в Лондоне.

Опять Мишка Звонарёв? Как ему удалось опять превратиться в Руслана Орлова? А куда смотрела Лида? Она не способна отличить его от самозванца? И мистер Ридли хорош, хотя засёк попытку отравления.

Другие английские газеты дружно информировали читателей, что мистер Орлов хотел отравить свою девушку ядом типа новичок. И публиковали снимки камер видеонаблюдения. Вот мистер Орлов подъезжает на кэбе к ресторану, входит в ресторан, садится за стол, встречает Лидию Басаргину, а вот как он вливает в фужер девушки яд, когда та на минуту отлучилась в туалет привести себя перед смертью в порядок...

Раздался телефонный звонок прямой связи с Иваном Ивановичем.

— Руслан! — кричал в трубку академик. — Никогда такого не было, и вот опять! Поневоле вспомнишь Черномырдина. Как ты везде успеваешь? Травишь девушку в Лондоне, попадаешь в Скотланд-Ярд, где просишь политического убежища. А утром

в понедельник, как ни в чем не бывало, притараниваешь мне кусок какого-то фиолетового металла. И опять звонят из МИДа, призывают меня к ответу!

- Вчера я после обеда и до вечера гостил у Константина Степановича, а не сидел в лондонской кутузке. Это опять Мишка Звонарёв, но я не представляю, каким образом ему удалось перевоплотиться в меня.
- По причине недоработки технологии. Делаете абы как, вот и получаете на орехи. Короче, завтра меня и тебя ждут к двенадцати ноль-ноль в МИДе. Без четверти двенадцать находишься на Смоленской, возле главного входа.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Неожиданно, в пять утра, с ним связался Учитель.

«Извини, что так рано. Но я знаю, что ты уже не спишь.

Информирую. Состоялось обсуждение на Галактическом совете, а это и есть Мировой Разум. Вновь подтверждено, что нынешнему человечеству запрещается расселяться в космосе. Если использовать понятие советских бюрократов, то человечество остаётся невыездным. Человечеству предстоит решительно и в максимальной степени избавиться от восьми смертных грехов: чревоугодия, блуда, алчности, гнева, печали, уныния, тщеславия и гордыни. Но больше всего членов совета беспокоит господствующая на планете агрессивность, стремление подчинить себе более слабого и эксплуатировать его. К сожалению, совет подчеркнул, что грандиозные усилия по нравственному совершенствованию и воспитанию людей привели практически к обратному результату. Космос больше не нуждается в рабах божьих.

Поэтому решено отменить отбор кандидатов переселения на экзопланету, ограничиться лишь разведывательным полётом на планету Арс в созвездии Ориона. И сосредоточиться на редактировании и модернизации человеческого генома с целью создания пятой человеческой цивилизации, лишённой недостатков предыдущей. Научная и экспериментальная подготовка возлагается на твою лабораторию. Подчёркиваю, что это не отход от главной идеи разблокирования человеческого мозга, напротив, приближение к цели. Потом будут созданы тысячи центров по модернизации генома человека, чтобы он, наконец, оправдал название гомо сапиенса. Желаю успеха!»

Утренние часы до отъезда на работу он использовал для изучения досье Глобальной системы информации по модернизации геномов. Нашлись следы работы генных инженеров с созвездия Орион. Они создавали рабов, которые бы подчинялись инопланетянам, названных богами, и не уделяли внимания нравственной стороне дела, откладывая эту работу на будущее. Однако в будущем орионцы погибли, оставив человечество буквально на произвол судьбы. Оно развивалось, но нравственная стена между человечеством и другими космическими цивилизациями только укреплялась. И настало время сломать её.

На работе Руслан вызвал к себе Варвару Митрофановну. Она вошла, поздоровалась недовольно, и стала возле двери, поджав губы.

— Садитесь, Варвара Митрофановна, разговор будет длинный, — Руслан и сам присел за стол для совещаний. — Наступает ваш звёздный час. Я подготовлю для вашего отдела задание чуть позже, а сейчас проведём мозговую атаку. Речь пойдёт о модернизации человеческого генома. Цель — создание пятой человеческой цивилизации.

- Вы— серьёзно?— разомкнула уста Варвара Митрофановна.
- Абсолютно серьёзно. На ваш отдел возлагается научная и экспериментальнопрактическая часть подготовки к созданию новой цивилизации. То есть в итоге вы должны выдать методические указания для многих тысяч центров модернизации.
- А ограничения по экспериментам с человеческими эмбрионами отменены или вы толкаете меня к совершению уголовных преступлений?
- Пока не отменены. Но у вас огромные возможности для определения генов, определяющих агрессивное поведение людей и восьми смертных грехов, как принято в православии. Вы должны научиться выращивать нужные гены, удалять ненужные, ремонтировать спираль и так далее. Когда вы получите от меня научное задание, мы подумаем о штатном расписании, закупке самого новейшего оборудования. Чтобы не тратить время на согласования работы с другими отделами, вы назначаетесь моим первым заместителем, наравне с Долбней. Ваши указания другим отделам имеют силу приказа. Надеюсь, вы не возражаете?
 - У меня ощущение, что мы ввязываемся в какую-то аферу.
- Это наше будущее. И человечества тоже. Вы даже не представляете, какие силы за вашей спиной, и какие возможности. Согласны?
 - А куда мне деваться? Конечно, согласна.
 - Только без уныния это тоже смертный грех...

Как и велено, Руслан был без четверти двенадцать возле высотки на Смоленской площади. С утра шёл не снег, а надоедливая мелкая морось, превращая снег в кашу. Подъехал Иван Иванович на своём чёрном лимузине, небрежно для приветствия сунул руку Руслану, и тот по холодной ладони понял, что академик не в духе. Ко всему прочему в бюро пропусков на них почему-то не оказалось заказов.

— Вот эти мелкие недоработки просто бесят людей! — ворчал Иван Иванович и поучал подчинённого: — Московское чиновничество, особенно мелкое, это особая каста. Да и крупное не лучше... Оно норовисто-корыстное. Сыграло немалую роль в развале Советского Союза, хуже его, пожалуй, лишь чиновничество подмосковное... Знаешь, почему? Оно завидует московскому.

Пока академик костерил чиновничество, их пропуска нашлись, и без десяти двенадцать они были в приёмной одного из заместителей министра. Ивана Ивановича пригласили пройти к заместителю министра, а Руслану предложили кофе или чай. Академик вскоре вернулся в приёмную и попросил принести ему кофе.

Потом мимо них стремительно прошёл с портфелем в руке важный господин и проследовал прямо в кабинет.

— Английский временный поверенный в делах, — шепнул академик Руслану. — Ему ноту из-за тебя вручают. И как ты везде успеваешь, — вновь пошутил он и Руслан понял, что хорошее настроение вернулось к нему. — Твой кусок фиолетового металла озадачил металлургов. Состоит из сложного набора редкоземельных элементов, причём такой чистоты, которую можно обеспечить лишь в космосе. Где ты его раздобыл?

Но ответить Руслан не успел, его пригласили пройти в кабинет. Там друг против друга стояли временный поверенный в делах и высокий, с глубокими залысинами, мужчина, который пригласил Руслана подойти поближе и представил его англичанину:

- Разрешите представить вам доктора Руслана Руслановича Орлова собственной персоной, который никак не может находиться одновременно и в лондонской тюрьме и в этом кабинете.
- Очень приятно познакомиться,— англичанин, не протягивая руки, поклоном головы приветствовал Руслана, тот ответил тем же.— Ваше превосходительство,

скандал раздула пресса, а она у нас не подчиняется правительству. Здесь имело место какое-то странное происшествие. В одиночку поместили вроде мистера Орлова, а утром там оказался совсем другой человек, который назвался Михаилом Звонарёвым. Правительство её величества приносит свои извинения правительству Российской Федерации и лично мистеру Орлову.

«Ох, уж эти англосаксы! — подумал Руслан. — Вот кому надо в первую очередь поправить геном. Ведь в основном по их вине человечество попало в невыездные».

— Мы вправе ожидать, что правительство её величества представит данные извинения в письменном виде. И результаты расследования этого происшествия,— сказал заместитель министра и показал жестом, что Руслан свободен.

По пути в институт Иван Иванович предпринял ещё одну попытку разузнать, откуда у Руслана взялся кусок металла явно неземного происхождения. Тот молчал. Тогда академик рассказал, что сообщили ему металлурги.

- Их поразил удельный вес сплава, он не тонет в воде! Никаких пор в сплаве нет. Добавлена какая-то присадка, определить химический состав её у них нет возможности. По кривизне вычислили диаметр инопланетной бандуры примерно 60 метров, высота в центре тарелки не менее 10 метров. Где ты сплав взял? Не закончится эта история тем, что меня начальники вновь не пригласят на ковёр? Не с секретной американской «Зоны 51» ты каким-то образом умыкнул кусок этой железяки?
- Иван Иванович, при всём уважении к вам, я не могу назвать тех, кто доставил мне образец материала оболочки НЛО. Мне он понадобился для понимания природы концентратора космических излучений. Сплав светится по той причине, что космические излучения вышибают из него фотоны. То есть от него исходит энергия, а в НЛО она концентрируется. Концентратор же нужен для того, чтобы с его помощью снимать с мозга ограничения. Или для блокировки мозга, как это требуется в случае с Мишкой Звонарёвым. Попутно можно раскрыть секреты движения НЛО если уравновесить силу космических излучений и силу земного притяжения, то НЛО при приложении минимального усилия заскользит. Концентратор нужен для изучения природы телепортации, в первую очередь, людей. Представляете, что мы в этом случае не будем торчать в автомобильных пробках, а спокойненько переместимся в свои рабочие кабинеты?
 - По воздуху? иронично уточнил академик.
 - По воздуху, убеждённо ответил Руслан.
- А если спуститься на грешную Землю? Твои гипотезы великолепны, но это научно-фантастические прожекты. Сегодня мы не можем не только изготовить материал оболочки НЛО, для этого потребовался бы запуск в космос металлургического предприятия, а даже определить состав необходимого сплава.
- Настало время, Иван Иванович, снять для нашей лаборатории все ограничения по работе с человеческими эмбрионами. Варвара Митрофановна очень просит...
- Варвара Митрофановна по имени-отчеству Руслан Русланович? Что ты ещё задумал на мою голову?
 - Создание пятой человеческой цивилизации...
 - Что???

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Надо было заняться поиском молодого философа, приверженца асимметрики. Руслан позвонил Константину Степановичу, попросил порекомендовать для работы

в лаборатории перспективного, оригинально мыслящего философа, знакомого с основами асимметрики.

— Имеется такой умелец, — бодро отозвался Немыкин. — Геннадий Стреляный по прозвищу Лобатый Генашка? Оригинал, диссертацию под моим руководством о гармонии написал, ждёт защиту. Могу привести его к тебе хоть завтра.

На следующий день после разговора Константин Степанович привёл в лабораторию своего ученика. У того действительно был огромный и выпуклый лоб философа, обрамлённый на голове тёмными, с рыжиной кудряшками. Геннадий сразу, как только вошёл в кабинет с Немыкиным, понравился Руслану. Конечно, Руслан читал его лосье в Глобальной сети.

Геннадий Сергеевич Стреляный был старше его на пять лет, после школы попал на южную границу, заслужил там медаль «За отвагу». Учился на экономическом факультете МГУ и занимался бизнесом, стал долларовым миллионером. Бросил бизнес и решил окончить магистратуру философского факультета родного университета и поступить в аспирантуру.

Но в досье Глобального информационного пространства почему-то ещё не нашлось места о том, что Руслану удалось найти в социальных сетях. Прозвище Лобатый Генашка (почему-то не Лобастый) ему дали коллеги-предприниматели, которые уважали его как порядочного бизнесмена. Стреляный считал, что в начале девяностых годов в России и на постсоветском пространстве произошла гроздь бюрократических революций. Чиновничество, чем управляло, то и приватизировало. Советский Союз, по его мнению, развалился по причине бездарной политики и предательства двуглавой клики Горбачёва-Ельцина, которая не понимала, что Запад со времён Наполеона ведёт против нашей страны коллективную Великую Антирусскую войну. Позорное стремление войти в так называемый цивилизованный мир, едва не кончилось потерей государственного суверенитета. Стараниями президента Путина Россия с огромным трудом поднялась с колен, возродила армию и флот, но отсутствие идеологии, которую Стреляный сравнивал с царём в голове, либерально-технократическое управление экономикой, безответственность и коррупция чиновничества породили новый застой. Короче говоря, перед Русланом стоял вполне зрелый оппозиционер, с которым предстоял нелёгкий, но интересный разговор.

Константин Степанович, представив их друг другу, удалился. Руслан предложил Стреляному сесть в кресло за журнальным столиком, и сам сел напротив. Гость поблагодарил, сел и немигающее смотрел на хозяина кабинета.

- Нам нужен молодой и талантливый учёный, который бы разработал философские, мировоззренческие и морально-этические основы следующей, так называемой пятой человеческой цивилизации,— Руслан таким вступлением немало обескуражил Лобатого Генашку.
 - Извините, а $\bar{\mathbf{y}}$ то здесь причём? Я не утопист, заявил решительно гость.
- Позвольте, но у вас куча претензий к нынешнему, так называемому четвёртому человечеству. К политике нынешних государств, в том числе и к российским делам. А диссертацию вы написали о необходимости перейти к гармоническому мировоззрению и мироустройству, чтобы избежать самоуничтожения человечества. И где вы видите несоответствие между нашим желанием и вашими занятиями?
- Но где оно, ваше пятое человечество? Его же нет даже в пробирках вашей знаменитой лаборатории!
- Наши пробирки оставьте в покое, Руслан поднял руку, как бы раскрытой ладонью преграждая путь собеседнику. Пятое человечество на кончике вашего пера. Да-да, не надо в данном случае иронически улыбаться. Мы с огромными

невзгодами пережили материалистическое заблуждение, что бытие диктовало сознанию. Теперь настало время, что сознание должно определять бытие. Проект нового человечества должен быть разработан самыми светлыми головами. Нужна теория, борьба не на полях сражений, а в кабинетах учёных. Тогда новое человечество освободится от ложных идей, целей и критериев, перейдёт к гармоническому обустройству своей жизни.

- И всё-таки это утопия, не соглашался Стреляный.
- Вы Фома не только неверующий, но и немечтающий, задумчиво произнёс Руслан. — Вот скажите мне: что самое неправильное сейчас у человечества?

Он знал мнение Лобатого Генашки на этот счёт, но ему было важно узнать, насколько он последовательно отстаивает свои взгляды. И как в дзюдо, обратить его силу против него же.

Гость не спешил отвечать, боясь попасть впросак, и на его лице, должно быть от напряжения, стали заметнее обильные рыжие конопушки. Руслан где-то читал, что рыжие люди — потомки неандертальцев, и что в жилах каждого гомо сапиенса течёт несколько процентов неандертальской крови. Он никогда не имел ничего против рыжих, а к Лобатому Генашке испытывал расположение.

- Вы имеете в виду мировоззрение? схитрил гость, ответив вопросом на вопрос.
- Геннадий Сергеевич, ну что вы хитрите, пристыдил Стреляного Руслан. Вы же не раз писали, что причина мировых экономических кризисов в изъянах господствующего мировоззрения человечества. Что кризис не экономический, а мировоззренческий. И к смертным грехам вы причисляете предпринимательство ради прибыли.
- Прибыль это наркотик для предпринимателя. Любое дело должно быть выгодным, экономически целесообразным, но нельзя ставить во главу угла получить любыми методами наибольшую прибыль, которая должна дать ещё большую прибыль,— со Стреляным что-то произошло, он стал раскрываться, уяснив, что хозяин кабинета достаточно хорошо знает его взгляды.— Целью любого дела должно быть в конечном итоге человеческое счастье. Если оно делает людей несчастными, то зачем такое дело? А счастье это гармония, прежде всего, с самим собой, с окружающим миром родными, друзьями, всеми людьми, с природой, с твоим прошлым и твоим будущим, с грешной Землёй и Небом с большой буквы.
- Как раз о будущем наш разговор, Руслан не выпускал из внимания главную цель этой встречи. Если рассматривать нынешнее человечество как проект, то он во многом исчерпал себя. Будем смотреть правде в глаза оно не способно перейти на гармонические основы бытия. Человечество невозможно перевоспитать. Видимо, проще создать новую человеческую расу, чем перевоспитать нынешнюю. Основой философии, мировоззрения, этики следующей расы, вероятнее всего, будет одно из гармонических учений, например, триалектика или асимметрика. Последняя предпочтительнее. Поскольку она решительно расстаётся с диалектическим взглядом на мир и с диалектическим методом развития, сама является гармоничным методом развития. В отличие от диалектического, кризисного и порождающего новые кризисы метода, асимметрика как метод развития бескризисный и гармоничный. Но пока это идея, а нужна теория.
- Вообще-то асимметрия присуща всему живому и неживому, дополнил Лобатый Генашка. Космос асимметричен, человек просто кладезь асимметрии: по отношению к родителям и своим потомкам, у него уши, глаза, конечности, многие внутренние органы асимметричны. Любое растение, любой цветок тоже вместилище асимметрии.

— Когда Бог создавал человека по образу и подобию своему, то он создал не своего симметра, то есть копию или клон, а асимметра, заблокировав многие возможности своего мозга. Создал раба Божьего, а не ещё одного Бога. В процессе своего развития человечество освоит все возможности своего мозга, и наша лаборатория призвана в какой-то степени помочь ему. А сейчас перед нами поставлена задача — найти способы редактирования человеческого генома, чтобы освободить новое человечество от восьми смертных грехов, от звериной жестокости, ненависти и агрессии, — разоткровенничался Руслан, для себя решив, что возьмёт в штат Лобатого Генашку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вечером, когда Галина Захаровна, покормив Руслана, ушла домой, он телепатически связался с Агиделью.

«Слушай, Дель, а не можешь ли ты посетить жилище одинокого холостяка? Галина Захаровна ушла домой, у меня в холодильнике найдётся шампанское, фрукты... Тебе когда в рейс?»

«Завтра утром, господин одинокий холостяк. Вообще-то я могу сказать домашним, что рейс перенесли на вечер, и приду к тебе. Надеюсь, ты меня встретишь?»

Конечно, Агидель могла с помощью телепортации оказаться в квартире Руслана, но она в ней не была. Хотя это не было непреодолимым препятствием. Наверное, девушке захотелось прогуляться по ночному городу.

Погода в Ясеневе стояла чудесная. Небольшой морозец очистил небо от облаков, и даже в городе было видно, как ярко мерцают звезды. Они напомнили Руслану о переселении на экзопланету и, подняв голову, он силился определить тот участок неба, куда им предстояло улететь. Поскрипывая сапожками по снегу, подошла Агидель. Прижалась холодной щекой к щеке Руслана, поцеловала. На морозе очень сильно пахли её духи.

- Ищешь нашу экзопланету? спросила она.
- Хотелось бы предварительно побывать там, с явной обречённостью сказал он. Когда в квартире Агидель сняла шубку и меховую шапку, делающую её похожей на королевского гвардейца в Лондоне, и осталась в алом форменном костюме, взбила волосы, мельком заглянув в зеркало в прихожей, Руслан воскликнул:
 - Дель, ты божественно красива! Настоящая богиня!
- А попросить руку и сердце у богини господину одинокому холостяку слабо? девушка, подбоченилась, руки в боки, смотрела на Руслана как бы сверху вниз, хотя он был немного выше её, смотрела требовательно-ожидающе и с вызовом.

Руслан рухнул на колени, воздел руки к Агидели и сказал не без дрожи в голосе:

- Агидель, милая и любимая, прошу тебя: стань моей женой. Клянусь любить тебя вечно, поскольку смерти у нас с тобой не будет.
- Я согласна стать твоей женой. Но где положенное в таких случаях обручальное кольно?
- Сейчас, сейчас,— он вскочил на ноги, побежал в свой кабинет, где в шкатулке хранились семейные драгоценности, и преподнёс их Агидели:— Они все твои...
- Спасибо, сказала она и стала деловито примерять кольца. Мужики пошли не заставишь на коленях просить руку и сердце, ни за что не догадаются!

Руслан словно не знал о способности Агидели подключаться к сознанию любого человека, и с интересом слушал её рассказ о превосходном нагоняе, который задал своей дочери господин Басаргин, о том, что Капитолина испугалась гнева родного дяди и покинула

не только общую квартиру с Лидой, но и вообще Лондон. И понял, насколько Агидель ревнует его к Лиде. А она подобрала колечко со сверкающим камушком, подала его Руслану, чтобы тот надел на безымянный палец, и как только подарок оказался на нём, крепко обняла юношу, впилась ему в губы, и, оторвавшись от них, шутливо крикнула:

Горько!

И снова прильнула к губам Руслана.

Потом они сидели на диване, крепко обнявшись, смеялись над собой, а затем пили шампанское, празднуя нечаянную свою помолвку.

Руслан познал только одну женщину — Лиду, но по сравнению с нею Агидель казалась вулканом страсти и океаном нежности. Они предавались любви всю ночь, уснули, обессиленные, только под утро и проснулись лишь тогда, когда Галина Захаровна стала греметь посудой на кухне, готовя теперь завтрак на двоих.

Когда Руслан зашёл на кухню, Галина Захаровна, закрыв ладонями лицо, плакала.

- Ну что вы, мама Галя, так расстраиваетесь...
- Я знаю, что эта женщина меня сделает лишней. А ты для меня как сын...
- $-\,$ Не бойтесь, мама Галя. Всё будет по-прежнему... $-\,$ сказала Агидель, войдя на кухню во всем своём великолепии.
- Боже, дочка, какая ты красивая!...— воскликнула Галина Захаровна и, чтобы не сглазить красоту, осенила себя широким крестом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Днём с Русланом связался небесный Учитель.

«Поздравляю с обручением, Руслан. Передай наши поздравления и самые добрые пожелания Агидели.

На Небе пришли к мнению о необходимости предоставить вам в качестве свадебного путешествия посещение экзопланеты. Оно состоится примерно спустя два земных месяца. Поэтому не тяните с регистрацией брака и свадьбой — Небо очень высоко ценит земные высокоморальные традиции.

Тебе предстоит посещение Организации Объединённых Наций, поскольку твоя кандидатура выдвинута в качестве члена Чрезвычайной комиссии Совета Безопасности ООН по нормализации экологической обстановки на Земле.

Высший Разум не уверен в том, что её можно нормализовать — человеческая цивилизация разобщена, в отдельных странах нет согласия на проведение разумной политики. Между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой фактически развернулась борьба за мировое господство, а Россия мировым сообществом стала считаться чуть ли не изгоем, против которой принимаются санкции за санкциями. Но Россия обладает достаточной территорией для спасения человечества при необратимых климатических катаклизмах. С другой стороны, эти катаклизмы могут стать спусковым механизмом термоядерной войны на планете. В этом случае на Землю могут быть направлены для предотвращения такого развития событий галактические вооружённые силы, и на планете установится режим галактической администрации, целью которой станет приведение Земли в порядок, обеспечение восстановления на ней нормальных условий для жизнедеятельности.

Поэтому есть ещё возможность избежать всех этих сценариев по фактическому самоуничтожению четвёртой человеческой цивилизации. В ближайшее время ожидается целая серия природных катаклизмов, по существу ответов природы на безумное

поведение людей. В этих условиях мы надеемся на твой ум, волю и ответственность за порученное дело».

Множество вопросов вызвало у Руслана это сообщение. Во-первых, насколько продолжительна командировка, вернутся на Землю он и Агидель глубокими стариками? Во-вторых, остаётся ли он руководителем лаборатории или должен найти себе замену, в-третьих, он эколог-любитель, а не специалист...

«Тебе и Агидели, как ты знаешь, даровано бессмертие. Над остальными проблемами мы работаем», — получил он ответ от Атланта.

- Зайди, велел по прямому телефону Иван Иванович.
- У нас новость, сообщил Иван Иванович. После лондонской конференции ты стал считаться большим специалистом по экологии Земли в ближайшем будущем, поэтому в верхах родилась мысль командировать тебя в состав Чрезвычайной комиссии Совета Безопасности ООН по нормализации экологической обстановки на Земле. В ЧК, по-нашему, командируют тебя. От России в этой ЧК будут ещё два человека. Кроме тебя, от нас направляют также Константина Степановича.
- Да что же это такое сразу двоих берут! И начальника лаборатории, и председателя научного совета! У них что бескадрица в экологии? возмутился Руслан.
- Не знаю, молодой человек, кадрица у них или бескадрица, только тебе велено, как обычно, завтра к двенадцати ноль-ноль прибыть к заместителю министра Миха-илу Сергеевичу Миронову. Мы с тобой у него уже были. А Константина Степановича я предупредил. Вопросы есть?
 - Почему они действуют через вас, не напрямую?
- $-\,$ Во-первых, по привычке, а во-вторых, у меня вертушка есть, а у тебя вертушки нету.
- «У меня такая вертушка, что им и не приснится никогда!» мысленно воскликнул Руслан и покинул кабинет академика.

Вечером он связался телепатически с Агиделью и рассказал ей все новости.

«Замечательно! — обрадовалась она. — Только тут полно неясностей. Нужно подать заявление в Дворец бракосочетаний, надо сделать так, чтобы расписали сразу. Попрошу помочь премьер-министра, я хожу в его любимицах. Правда, он как-то напрашивался быть на моей свадьбе в качестве посажённого отца. Только я не знаю, зачем посажённый отец при живом отце? Ладно, с этим разберёмся... Нет свадебного платья, фаты, перчаток, обручальных колец... Никакого проката — всё это должно быть у меня. А где будет свадьба? Поскольку ты у нас сирота, извини, препожалуйста, озабочу этим предков... Составляй список своих гостей, я — своих... Теперь о свадебном путешествии. Мне написать заявление на отпуск за свой счёт?»

Здесь Руслан срочно отсоединился от Агидели, потому что ему стало очень смешно и не хотелось обижать её. Перечисляя атрибуты свадьбы, пусть такие важные, как платье, фата и перчатки, она вспомнила и о свадебном путешествии. А оно в созвездие Ориона, в котором вообще-то 209 звёзд, а ближайшая звезда Ригель, которая в 75 раз больше Солнца, находится на расстоянии около 800 световых лет! Наивность Агидели умиляла, но путешествие на 1600 световых лет обернётся в лучшем случае многими десятками лет на Земле. Это значит, что они вернутся сюда, когда никого из знакомых не будет живых.

«Руслан, Руслан! Куда ты пропал? Не вижу и не слышу тебя!»

«Да случайно позвонили в дверь, хорошо, что ошиблись, иначе нам пришлось бы срочно прервать общение. Ты давно читала что-нибудь о созвездии Ориона? Почитай на досуге. Хотя бы в Интернете. Господи, теперь телефонный звонок... Слышишь? Настойчиво звонят по городскому... Придётся ответить. Пока!»

В трубке доброжелательно басил Андрей Филиппович Басаргин, интересовался житьём-бытьём, успехами на работе.

- Не держи на меня зла, Руслан. Не разобравшись, покатил бочку на тебя. Побывал в Лондоне и выяснил, что виной всему Капитолина. Это чудище из тату и стекляруса решила отравить Лидку, чтобы у меня не было наследников, кроме Капитолины она же мне родная племянница. Подговорила клиента твоей лаборатории, тот превратившись в тебя...
- Не надо дальше рассказывать, Андрей Филиппович. У меня на этот счёт есть официальное извинение английских властей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Несколько дней спустя Руслан летел в самолёте, в котором среди стюардесс была Агидель. И он, и она в эти дни были предельно заняты и беспредельно измотаны. Искали и покупали подвенечное платье, Агидель через свои связи сделала так, что во дворце бракосочетаний на проспекте Андропова зарегистрировали их брак в день обращения к ним. Причина: срочная командировка жениха на работу в ООН. А до этого Руслану надо было у родителей Агидели попросить руки дочери, причём после того, как полный комплект свадебных принадлежностей для невесты будет куплен. Родители у неё были приверженцами незыблемости народных традиций, и она не должна идти против их воли. Сватов Руслан не засылал, приобрёл огромный букет алых роз для будущей тёщи и японский спиннинг с наборами всевозможных блёсен и приманок, воблеров и попперов, поролонок и мандур — все эти названия он впервые слышал и боялся будущему тестю не угодить.

Благодаря Агидели заключение брака во дворце бракосочетаний прошло прилично, и в ресторане было достаточно народу, поскольку поздравлять невесту приехала целая команда красавиц-стюардесс. Но среди гостей было мало мужчин. У Руслана не оказалось друзей среди сверстников — ни в одном классе, ни на одном университетском курсе не задерживался, поскольку проходил их экстерном. Поэтому он пригласил со своей стороны академика, Константина Степановича с супругой, Галину Захаровну и несколько человек из лаборатории, которые-то и напросились сами, в том числе Лобатый Генашка. Иван Иванович присутствовал на торжественной регистрации брака, потом в ресторане сказал тост, и был таков. Константин Степанович на правах старшего по возрасту, но с помощью Василия Николаевича, руководил пиршеством до самого конца.

В самолёте Агидель подошла к Руслану и Константину Степановичу с подносом и приветливо спросила:

— Константин Степанович, вам минеральной, простой, или газированной? А вам, Руслан Русланович?

Угостив их напитками, Агидель пошла дальше. И тут Константин Степанович, пригубливая стакан с минералкой, вдруг стал размышлять вслух:

- У этой стюардессы очень знакомый голос. Я его слышал не раз. И вообще у меня складывается впечатление, что я эту красавицу уже видел или даже знаю.
- Профессор, у вас со зрительной памятью большие нелады? Эта красавица моя жена, вы позавчера изволили тамадить на нашей свадьбе. И уже забыли невесту? смеясь, Руслан донимал своего земного учителя, но заопасался, как бы он, похвалявшийся абсолютным слухом, не понял, что Аня с совещания руководителей отделами и Агидель одно и то же лицо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Экипаж остался в Нью-Йорке на два дня, чтобы забрать Миронова после выступления на Генеральной ассамблее, поэтому Руслан и Агидель покидали номер отеля совсем уж по неотложным делам.

Одним из неотложных дел стало посещение Русланом, Константином Степановичем и патриархом российской экологии академиком Яблоновским руководителя департамента экологической безопасности секретариата ООН господина Тхо Нгуена. Академик Яблоновский был знаком с ним, они вместе работали во Вьетнаме над изучением последствий применения американского «эйджент оранж», от которого пострадали и страдают поныне миллионы вьетнамцев. Господин Тхо Нгуен добивался для них компенсации со стороны США, но, как он сообщил Яблоновскому, вопрос до сих пор не решён.

Яблоновский представил вьетнамцу Константина Степановича и Руслана. Тхо Нгуен вручил всем троим толстые папки с проектами планов Чрезвычайной комиссии, обзоров по состоянию экологической обстановки в различных частях мира и сказал, что первое заседание комиссии состоится до утверждения её состава Советом Безопасности. «Вначале познакомимся друг с другом, обсудим структуру комиссии, а потом утвердимся», — Тхо Нгуен превосходно знал русский язык.

В перерывах от объятий с молодой женой Руслан просмотрел содержимое толстой папки. И пришёл в ужас.

«Дель, родная, у меня волосы дыбом встают от того, что здесь написано, — сказал он телепатически. — Вот только послушай...»

И он стал перечислять факты и цифры. За сто лет уровень мирового океана поднялся на тридцать сантиметров, а за последний год — на три сантиметра. Так что тебе, богине воды, подчеркнул Руслан, надо знать не только это. Замедляется скорость течения Гольфстрима и меняется его температурный состав. Температура воды у течения Эль-Ниньо растёт. Активизировалась вулканическая деятельность на планете. Возросло число разрушительных, с многочисленными жертвами, землетрясений. Усилилось таяние ледников. Под многокилометровым льдом Антарктиды происходят процессы, похожие на рождение супервулкана. Ледяная шапка там тает снизу. Число природных катастроф растёт, число их жертв — тоже. Стало больше ураганов, их мощность и разрушительная сила увеличивается. Смерчи стали обычными даже в Сибири и Казахстане. Дождевые осадки всё больше напоминают потопы, разрушают ежегодно сотни населённых пунктов, в них погибает всё больше и больше людей.

«Надо думать, не случайно возникла идея переселения, — Агидель подошла сзади к сидевшему на стуле Руслану и скрестила руки на его груди. — Недавно мы летели в Австралию, и пилоты обратили внимание пассажиров на гигантский остров из пластика в Индийском океане. Погода была прекрасная, солнечная, видимость отличная, и с высоты в десять тысяч метров было видно, как шевелится на воде это чудище, похожее на архипелаг».

«Неужели человечество прошло точку возврата, и планете требуется тайм-аут для восстановления? И заслуживает ли будущего такое человечество? А если Земля—живое существо, то какой конфликт у него с двуногими, так называемыми царями природы?»

«Нам предстоит спасти лучшую часть человечества — ведь много же на свете хороших людей, почему они должны страдать из-за троглодитов, которым всего мало и мало, которые готовы на все, чтобы завладеть баблом? Ты их называешь баблоинами, как бы отказываешь им в человечности, а подчёркиваешь звериную сущность.

Да, от них не мешало бы планете очиститься. Но какой ценой? Прежде всего, наше свадебное путешествие растянется на десятки земных лет, и когда мы вернёмся никого из родных и знакомых в живых не застанем... И что произойдёт на Земле, пока мы будем знакомиться с экзопланетой, даже названия которой не знаем?»

«Название у неё — Арс, созвездие Ориона», — подсказал Руслан.

Неожиданно в их номер пришли две подруги Агидели. Они извинялись, что решились навестить их, поскольку английские газеты вновь много места уделяют Руслану Орлову.

Газеты писали, что Лидия Басаргина решила рассказать журналистам о чем раньше умолчала. Теперь она уверена: её отравить пытался не какой-то Звонарёв, а лично Орлов. Причина: он как-то рассказал ей о том, что возглавляет совершенно секретную лабораторию в оборонном холдинге России, поэтому опасался, как бы Лидия Басаргина не выдала его секретное занятие. По-видимому, начальство Орлова потребовало её устранить навсегда. Он бывал в Лондоне практически каждый месяц, но Басаргина как-то посмотрела его служебный заграничный паспорт и удивилась, что только однажды, точнее, на экологический форум, он законно въехал на территорию Великобритании. В остальных случаях использовал какой-то секретный канал, доступный лишь агентам Главного разведывательного управления...

- Какова мерзавка, а?.. А дай-ка мне твой паспорт,— попросила Агидель, и Руслан протянул ей синий служебный паспорт.
- Почему у тебя служебный? У тебя должен быть зелёный, дипломатический, ты член официальной делегации!
- Вы, ребята, держитесь тут. Если что, Миронова поставим в известность. Пока! Мы пошли,— подруги поторопились покинуть молодых, потому что, по их мнению, начиналась семейная разборка.
- Не обратил внимания, вот и всё. Мне никто не говорил, что нужно поменять паспорт...
- Ты несмышлёныш, да? Британцы наверняка объявили тебя в международный розыск, поскольку в твоём деле появились новые показания, поэтому можно с минуты на минуту ждать агентов ФБР. Короче, милое моё недоразумение, паспорт твой прячу вот сюда, поближе к сердцу, она засунула его в бюстгальтер, а ты говоришь, что потерял паспорт в метро. Зазевался, и вытащили здесь такое часто бывает. Учти, штатовские чиновники акулы!

В дверь постучали. Не робко, требовательно. Руслан пошёл открывать, и в номер вошли двое мужчин в строгих костюмах, толстая полицейская и две работницы отеля, надо полагать, понятые.

- Мистер Орлов? спросил один из мужчин.
- Собственной персоной, ответил Руслан.
- Ваш паспорт?
- У меня его вытащили в метро.
- Тогда миссис Габриэла, предъявите нам паспорт мистера Орлова,— агент попросил полицейскую.

Та решительно двинулась к Агидель и ловко достала паспорт у неё из-за пазухи. Агент взял паспорт, посмотрел сам, потом дал посмотреть на него Руслану.

- Паспорт на имя мистера Орлова Руслана Руслановича, а вы утверждали, что его у вас вытащили в метро,— с удовольствием агент отчеканил слова и объявил, что он арестован в связи с попыткой покушения на жизнь мисс Басаргиной в Лондоне.
- Вы не имеете права, он член официальной российской делегации! кинулась на выручку Агидель.

— Миссис Орлова? Или ещё мисс Цветкова? Может, вы также желаете быть арестованной за попытку ввести в заблуждение официальных представителей властей США и спрятать важное вещественное доказательство?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пока Руслана везли в какое-то узилище, он связался с небесным Учителем.

«Знаем, отслеживаем события, моделируем их, — спокойным голосом откликнулся Атлант. — Использовать телепортацию не рекомендуем. Более того, мы заблокируем эту способность у тебя. Не волнуйся и не обижайся — так нужно для дела».

Его привезли в тюрьму, напоминающую зоопарк. Слева и справа стояли в два этажа камеры с металлическими решётками с лицевой стороны. Руслана повели на второй этаж, отомкнули замок одной из камер, сдвинули в сторону дверь-решетку, сняли наручники и сказали вглубь камеры:

- Джон Джонсон, принимай соседа. Он русский.
- О, русский! воскликнул Джон Джонсон, аспидно-тёмный афроамериканец, приближаясь к новичку. Я люблю русских! Кушать...

И заклацал большими жёлтыми зубами. Руслан подумал, что тот приближается к нему, чтобы познакомиться, но тут же связался с Галактической информационной системой и выяснил детали его биографии. Джонов Джонсонов в хранилище были многие сотни, поэтому пришлось сканировать его фейс и отсылать в ГИС. Сосед оказался уличным грабителем, осуждённым за это занятие одиннадцать раз, ожидал двенадцатого суда.

 $-\,$ Я люблю русских! — продолжал он клацать зубами. — А после отбоя сделаю из тебя девочку.

Он протянул длань, то ли тёмную, то ли грязную, изнутри светло-коричневую, пытаясь ласково погладить ему волосы на голове, как вдруг Руслан ловко уклонился от его руки и, не ожидая от себя подобного, схватил соседа за горло. И тут же на горле заскворчал электрический заряд, запахло озоном. У афроамериканца полезли глаза на лоб, обнажая в глазницах крупные белки. Он оторвался от Руслана, задёргал решетку-дверь, пытаясь извлечь из неё хоть какие-то звуки:

— Спасите!.. Спасите от русского! Русский электрический! Он схватил меня за горло, и посыпались электрические искры! Переведите в другую камеру, русский убъёт меня током!

Джон Джонсон продолжал кричать, хотя появились два надзирателя.

- Русский, что произошло?
- Он хотел сделать из меня девочку.
- Девочку? Имеет право, но с твоего согласия, говорливый надзиратель задвинул дверь-решетку, щёлкнул замком, и повёл афроамериканца в другую камеру.
- «Спасибо за помощь, Учитель, поблагодарил Руслан Атланта. Хотя не мешало бы предупредить об электричестве».
- «События развивались стремительно, и мы не успевали. Двадцать тысяч вольт достаточно?»
 - «Вполне».
 - «Ру, вышла на связь Агидель, где ты?»
 - «В ихнем КПЗ или тюряге».
- «Я дождалась Миронова и рассказала ему всё. Он расстроился, особенно негодовал, что у тебя оказался служебный паспорт. Дал указание посольству оформить

дипломатический и вручить его тебе. Будут ноты в адрес США и Англии. Так что ты держись. И помни: я люблю тебя!»

Потом Руслан подключался к сознанию Константина Степановича и академика Яблоновского. Агидель, молодчина, поставила и их в известность. Старики расстроились. Константин Степанович рассказывал академику, что Руслан в тот день, в который якобы подсыпал отраву девушке в Лондоне, был в гостях у него дома. Академик, как показалось Руслану, расстроился больше, чем его учитель.

- Его монография о будущих изменениях климата на Земле выдающаяся работа. Такой объём исследований под силу лишь мощнейшему суперкомпьютеру. Мы перепроверяли какие-то цепочки ни одной ошибки, всё логично, всё корректно. Я буду ходатайствовать об избрании его членом-корреспондентом РАН. Не без умысла вижу его на своём месте в качестве директора института.
- У него очень серьёзная работа, вряд ли он расстанется со своей лабораторией,— заметил Степаныч.
- Он разносторонний гениальный молодой человек. Кстати, предсказывает возможность крупной катастрофы на юге Тихоокеанского побережья США. Напряжение там достигло предельных величин. Вместо того, чтобы проконсультироваться с ним по поводу этой опасности, американские власти арестовывают его. Неужели у человеческой глупости нет пределов? Надо срочно эвакуировать миллионы людей с побережья, а они возятся с поклёпом какой-то девицы!
- Надо до пленарного заседания комиссии встретиться с Тхо Нгуеном и проинформировать его об аресте Орлова, предложил Степаныч.
- Более того, попросить его довести до сведения властей прогноз Орлова насчёт катастрофы. Или они и её будут считать делом рук России? не находил себе места в номере академик Яблоновский.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Как ни странно, Руслана не включили в список для утверждения Советом Безопасности состава Чрезвычайной комиссии по нормализации экологической обстановки на планете. Категорически были против американцы и англичане, к ним присоединились представители Европейского Союза и куча мелких, зависимых от США, государств. Не помог Руслану и авторитет Тхо Нгуена.

Константин Степанович огласил заявление академика Яблоновского и своё, члена-корреспондента Российской академии наук Немыкина, о том, что они приостанавливают свою деятельность в качестве членов Чрезвычайной комиссии до полного освобождения доктора Орлова от ареста американскими властями.

- Наш классик как-то сказал, что гений и злодейство - вещи несовместные. А Орлов - гений! - заключил своё выступление Степаныч под аплодисменты своих союзников.

Полномочный представитель России в Совете Безопасности не воспользовался правом вето при утверждении состава, поскольку важная комиссия в результате ветирования не была бы создана и не могла начать работу. Поэтому представитель при голосовании воздержался.

К Руслану никого не подселяли, видимо, слава его, как электрического русского, повлияла и на надзирателей. Чтобы её закрепить, Руслан несколько раз провёл пальцами по прутьям железной задвижки, высекая из них снопы электрических искр.

Только на третий день Руслана повезли на допрос, предварительно заковав его в кандалы из нержавеющей стали. Надзиратели, надевая кандалы на руки и ноги, работали в защитных резиновых перчатках. Руслан хотел было освободиться от них с помощью вольтовой дуги, но он за эти дни высчитал точную дату катастрофы в США.

Его привезли в помещение с прикрученными болтами к полу столом и стульями. Он определился с помощью Галактической информационной системы— его доставили в штаб-квартиру Федерального бюро расследований. Ждать пришлось недолго— вошёл прилизанный молодой следователь.

- Вас зовут Джеймс Мэттис-младший, заявил Руслан, удивлённому следователю, у которого, по мнению арестанта, закоротило полторы извилины в голове. Я знаю, что вы хотите мне сказать и что предложить. Однако у меня нет желания заниматься пустопорожней болтовнёй, не имеющей никаких реальных оснований. Есть гораздо более важные вещи. Передайте своему директору, а он пусть доложит президенту Соединённых Штатов Америки, что до катастрофы страны, которая начнётся 21 декабря на юге Тихоокеанского побережья, осталось меньше трёх суток. Сегодня 18 декабря, есть ещё возможность срочно начать эвакуацию населения. Передайте, что доктор Орлов не исключает развитие событий с участием Йеллоустонского супервулкана. Не будем напрасно тратить время. Dixi.
 - Извините, что вы сказали в конце?
- Dixi означает «Я всё сказал». Стыдно следователю Φ БР не знать простейших вещей.

В этот раз его не повезли в прежнюю клетку, нашли одноместную камеру поближе. Атлант одобрил заявление следователю, призвал вновь к терпению. Агидель подробно информировала, что сообщают газеты Англии, США и России, хотя Руслан знал о реакции мировой прессы на его арест.

Руслан отслеживал действия американцев после его предупреждения. Джеймс Мэттис-младший доложил директору ФБР Кодзи Судзуки о заявлении арестованного доктора Орлова. На лице японца не дрогнул не единый мускул. Он был слишком осторожным, чтобы поверить в предупреждение арестанта. В ФБР уже было предупреждение русских учёных Яблоновского и Немыкина, но американские специалисты отнеслись к нему негативно. Кодзи Судзуки ещё раз обратился с просьбой немедленно предоставить свежайшие данные об обстановке на Тихоокеанском побережье страны.

20 декабря директору ФБР доложили, что на восточной части Тихоокеанского огненного кольца в последние сутки произошла активизация вулканической деятельности. Кольцо начиналось на Камчатке, продолжалось на Курильских и Японских остовах, на Филиппинах, Гвинее, Новой Зеландии вплоть до Антарктиды, поэтому информаторы, зная о родине Кодзи Судзуки, особое внимание уделили вулканам Курил и Японии. На восточном Тихоокеанском участке вулканического кольца, в том числе в Калифорнии, обстановка была спокойной. Но Кодзи Судзуки доложил президенту США о предупреждении русских учёных и обстановке на Тихоокеанском побережье страны.

21 декабря Руслана вновь обрядили в кандалы, и повели на допрос к директору ФБР. В роскошном кабинете с кожаной мягкой мебелью, с пальмами в огромных кадках он увидел кроме Кодзи Судзуки президента США Гарри Стоуна. Это была компромиссная фигура между афроамериканской частью избирателей и белым большинством, которое находилось на грани превращения в меньшинство — у Стоуна мать была белой, а отец афроамериканец.

- Мистер Орлов, вы предсказывали несчастье нашей стране, но сегодня 21 декабря, три часа дня, и ничего не случилось,— не без торжества в голосе произнёс Кодзи Судзуки.
- Мистер Судзуки, вы сейчас напоминаете русского царя Ивана Грозного, если вы что-то слышали о нём. Волхвы, а это русские чародеи, предсказали царю смерть 18 марта 1584 года. Царь проснулся в этот день, попарился в русской бане и в прекрасном настроении сел играть в шахматы. Послал к волхвам сказать, что в случае неисполнения предсказания казнит их. Волхвы ответили, что день закончится тогда, когда зайдёт солнце. Царь, выслушав ответ чародеев, взял в руки шахматного короля и свалился замертво, ответил Руслан.

«Напряжение между Тихоокеанской и Северо-Американской литосферными плитами достигло максимальных значений за всю историю наблюдений,— связался с Русланом небесный Учитель.— Разрядка произойдёт в ближайшие минуты. Подними руку, как школьник, и скажи: "Как только я опущу её на стол директора ФБР, начнётся катастрофа. К тебе на выручку прилетит Агидель».

- Но наши специалисты по физике Земли не усматривают никакой опасности,— заметил президент США.
- Мои коллеги Яблоновский и Немыкин распространили предупреждение о катастрофе в прессе. Сегодня утром в Калифорнии началась паника. Мистер президент, я поднимаю руку, Руслан поднял правую руку вверх, насколько позволяли это сделать кандалы, и как только опущу её на стол директора ФБР, на юге Тихоокеанского побережья разразится невиданная катастрофа. Она затронет и Йеллоустон.
 - «Опускай руку», последовал приказ Атланта.
- Тихоокеанская плита, которая пришла в движение из-за неслыханного давления со стороны западного огненного кольца, своими частями войдет на десятки метров под Северо-Американскую плиту, землетрясение превысит 10 баллов по шкале Рихтера. Желаю народу Соединённых Штатов с наименьшими потерями пережить эту трагедию,— сказал Руслан и со звоном цепей опустил руку на старинный стол директора ФБР.

В тот же миг пол кабинета вздрогнул, хрустальная люстра зазвенела и стала раскачиваться. Шкафы открылись, из них стали падать на пол сувениры и разбиваться. Кресло с Гарри Стоуном поехало на стол директора, перепуганный президент с трудом выскочил из него.

В окне показалась Агидель, наверное, для создания большего впечатления на ней было подвенечное платье, но вместо фаты золотистый ореол.

- Какая прелестная тян! воскликнул директор $\Phi \bar{\mathrm{EP}}$, которого красота Агидели поразила больше, чем колебания земной коры.
- Святая Богородица, спаси и помилуй нас! взмолился президент, упав на колени и простирая руки к гостье.

Стекло окна, рассыпавшись на множество осколков, рухнуло вниз. Агидель плавно приблизилась к Руслану, взяла его за руку, и в тот же миг у того со звоном упали с рук и ног кандалы, а на голове появился тоже золотистый ореол. И они вдвоём через окно улетели в небо.

Продолжение в следующем номере

P.S. главного редактора

Хочу рассказать историю своего знакомства с автором этого романа-предупреждения (судя по всему, не столь уж и фантастического). Начну с того, что Александр Андреевич Ольшанский публикует в журнале «Аргамак» уже третье своё произведение. Горжусь

дружбой с ним, с годами не убывающей. Он и гражданин, и писатель, то есть, пушкинская «любовь к отеческим гробам» неразрывна в нём с художественным Даром, запечатлённым не в одном десятке написанных им произведений современной русской прозы. Уважаю его за мужские поступки, связанные зачастую с действиями вопреки указаниям власти. В своей молодости он был в числе организаторов студенческой протестной кампании в защиту Литературного института имени А. М. Горького, который Н. С. Хрущёв пытался закрыть, посчитав, что в этом творческом вузе учатся барчуки... А это было время, когда фронтовики Виктор Астафьев и Евгений Носов только закончили Высшие литературные курсы, Василий Белов учился на последнем курсе вуза, а Николай Рубцов — на первом...

А познакомились мы в 1976 году, когда я вместе с ещё одним камазовцем, поэтом Женей Кувайцевым, поступал в этот самый, знаменитый на весь мир, Литинститут. Как сейчас помню — мы успешно прошли творческий конкурс, сдали чуть ли не все четыре вступительных экзамена на пятёрки, а в списке зачисленных студентов нас не оказалось. Зато в нём фигурировали имена и фамилия двух сестёр-близняшек, дочерей народного поэта одной из братских национальных республик. Мы были удручены, поскольку с сестрёнками успели пообщаться и понять, что ни в ни в русском языке, ни в современной литературе, издающейся на русском, они — ни бум-бум.

Делать нечего — пора покупать авиабилеты домой. А деньги-то — на нуле! Вспомнили — в издательстве «Молодая гвардия» можно получить гонорар за публикацию в альманахе «Истоки». (В начале того же года делегация писателей-молодогвардейцев во главе с заведующим редакцией по работе с молодыми авторами Александром Ольшанским проводила в Набережных Челнах творческий семинар, на котором наши стихи и были отобраны).

Явились по адресу ул. Сущевская, 21. Александр Андреевич и заведующий редакцией современной советской поэзии поэт Вадим Петрович Кузнецов делили один кабинет на двоих. Пришлось рассказать им о своих злоключениях. В ответ — возмущение в адрес руководства Литинститута. И тут же — звонки по инстанциям. Александр Ольшанский поехал восстанавливать справедливость у руководства института. Дескать, как это так — молодые поэты, участники Всесоюзной комсомольской стройки, рекомендованные в Литинститут издательством ЦК ВЛКСМ, не поступили.

Домой я всё-таки улетел. А Женька остался на установочную сессию, с которой привёз мне потом новенький студенческий билет. А на следующей сессии мы, студенты-заочники, оказались уже все вместе. Да и близняшки, слава Богу, остались в нашем замечательном вузе на Тверском бульваре, 25. Пришлось знакомиться с ними ещё ближе. Весь наш курс остался верен альма-матер! С некоторыми однокурсниками я общаюсь по сей день, благодаря и Ольшанскому, который много лет возглавлял там Содружество выпускников и вёл семинар прозы.

Дорогой Александр Андреевич! Поздравляю тебя с 80-летием! Желаю тебе здоровья и творческого долголетия! Благодарю за право стать первым журнальным публикатором твоего актуальнейшего произведения!

Николай АЛЕШКОВ

ЕЛЕНА БУРУНЛУКОВСКАЯ

СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

BECHA

Весна взрывается в зрачках И газировкой пузырится. И жизни привкус на губах Всё не кончается, всё длится.

Небес исчиркана лазурь. Сугробы пали на колени. Сирени куст раздет, разут. Почти готов для обновлений.

Знакомых мест не узнаёшь. Иных уж нет, а те- далече. Но воздух неразменный пьёшь И разворачиваешь плечи.

Налаживая с миром связь, Идёшь под вечер на прогулку. Наличников крутая вязь Ещё пятнает переулки.

Но разума блаженный сон Бетонных порождает монстров. Тесней смыкается их сонм, Где почва пахнет зло и остро.

Как этот мир от «а» до «я» Весь перепахан и распорот! Но эта жизнь ещё моя, И это всё ещё мой город!

Ты знаешь, ведь это не жизнь, А только подобие оной.

Хоть с белой звездой подружись В далёком созвездье Дракона. Хоть в небо упрись головой Колодезной, злой полуночью Хоть волком на стенку завой Ни в чем убедиться воочью Не смея... И не догоняй, Как время смертельно стареет. А только стихи сочиняй Анапестом, ямбом, хореем.

ВСЁ КОНЧИТСЯ

Зашёлся в «цыганочке» клён. Затрясся, теряя одежды. Вселенским огнём опалён, Сгорает от страсти нездешней.

Небесная гладь затекла. Звериных ветров свистопляска. В обоймах двойного стекла расплылись багровые кляксы.

Пойдёшь и забудешь куда. Закроется азбука смысла. Прокиснет живая вода. Скривится весов коромысло.

Всё кончится снегом и льдом. Горючими клочьями дыма. Малютки ли, старости ль дом — Равно и по сути едино.

* * *

Разогнув пресловутые скрепы, Потаённые тропы отрыв, Залежалого времени слепок, От себя отправляюсь в отрыв.

По наитию, напропалую, С невозвратным билетом в руках, В ту страну, где не лгут, не балуют, Строят-верят, ругай-не ругай.

Мне на улицу с именем громким, Где в окошках негаснущий свет. Где мальчишки Наилька и Ромка Неподкупных двенадцати лет.

Где в стеснительной лестничной клетке Кровотока замедленный ритм, Где седая старуха-соседка Мне «матурым кызым» говорит,

Где отеческий запах столовки До печёнок с утра достаёт, Где свистит, мешковатый неловкий Ветер детства, пускаясь в полёт,

Где всё те же, всё те же качели И двора нерешённый кроссворд, И труба, на которой сидели А и Б, и сидят до сих пор.

* * *

Я не буду доказывать ничего никому. Только волны чтоб вперехлёст в корму. И не знать берегов, не просить пощад. Прописные истины по всем швам трещат.

И причалить чтоб у античных скал, Где Зюйд-вест без наркоза снимает скальп. Где вчистую вылизывает прибой Всё, что связано, слеплено, спето с тобой. Где царевной сказочной наяву Буду жить с навигатором негасимым во лбу.

* * *

Раскачан маятник дождей, И осени почтовый ящик Переполняет каждый день Листовок ворох говорящий.

Такая якобы игра, Природы якобы кончина, Пока она как жар горя В убранстве праздничного чина

Тебя и дразнит, и манит, Прохладой ночи отрезвляя. И паутины хлипкой нить Двойными вяжется узлами.

И ты следишь заворожён, «В безумном нежности припадке», Как солнце лезет на рожон И с облаком играет в прятки,

Пятная с лёту всё подряд. А жизнь идёт своей дорогой. И о погоде говорят Аж до пришествия второго.

* * *

Обмылки сугробов мозолят глаза, Но солнце расправило плечи. Сестрица-синица снуёт, егоза, Певучей исполнена речи.

Шагнёшь за порог, и навылет прошит Петляющей стёжкой капели. Вздохнёшь по привычке — как время бежит, Едва оглянуться успели...

За городом сутолока, суета, С колен поднялись перелески. Природа спросонья собой занята Во всем полунищенском блеске.

И дышит с натугой, и парит земля, И фибрами всеми своими Готова одеть в разноцветье поля Заждавшейся жизни во имя.

Направо-налево крутя головой, Таращишься слепо и немо На весь этот мир, удивительно свой, Влюбляясь без памяти в небо.

* * *

В затрапезе приходит июль. Полоумьем грозит полнолунье. Горько-кислую ягоду сплюнь. Её гостья крикливая склюнет.

Грабли, ведра, калоши, горшки-Всё на свет появляется божий. У завязанной в узел реки С перекупа гусиная кожа.

Ярко-лапчатых горстка гусей С громким гоготом — и врассыпную. Самодельной судьбы карусель Разгоню, раскручу, расписную.

Снова с визгом, как в детстве, вразнос. Снова падает небо на землю. И холодной звезды купорос-Приворотное змиево зелье.

Можешь лето сквозь зубы цедить. Всё равно — ни конца и не края. Потому что вся жизнь впереди. Я теперь уже знаю — какая.

* * *

В зазоре меж небом и хлебом Уместится добрая жизнь В таком облаченье нелепом, Что хоть помирай и ложись Что хоть не дыши и услышишь Отчизны озвученный сон. Где каждый единственный — лишний, И песне равняется стон.

Чаинками мечутся птицы. Рассвет не одет, не обут. В коробку окна не вместится Бессмысленный галочий бунт.

* * *

Брести по улице своей который год, Где навзничь опрокинуто окошко, Где солнце, дожевав последний лёд, Всё без разбора крошит на окрошку. Всё без пощады плавит и палит В дырявых кущах мусорного рая. И за душой так ласково болит, Под кожей угловато выпирая Ребро вопроса: жить или не жить Под пристальным прицелом Карла Цейсса, Когда конкретно голову кружит Алхимия божественных процессов.

* * *

Ничего не имеет значенья Кроме детской картавинки той... Раскачай расписные качели, Покатай леденец золотой.

Я с тобой остаюсь, моя радость. Не уходит никто никуда. За щекой неизбывная сладость. Октября за окном нагота.

Будет всё в этой жизни как скажешь Или как расположит Господь. От рожденья наследует каждый Горсть отчаянья, веры щепоть.

Только как бы оно ни сложилось, Ни легло бы судьбы полотно, По тебе и кроилось, и шилось, Плоть от плоти срасталось в одно.

И когда разомкнутся объятья, И на небе растает звезда, Раздари свои детские платья, Незнакомым прохожим раздай.

Раскачай ледяные качели, На ветру незабвенном постой. Ничего не имеет значенья Кроме детской картавинки той...

* * *

Запах лука, сырости, разлада. Соль и му́ка, белая мука́. Под разноязыкие рулады День прольётся струйкой молока.

День уйдёт, ничем не знаменитый. В кратком перемирии с собой Засыпает глобус как убитый. Точка, дочка. Ласточка — отбой.

Девочка, девчоночка-девчонка, В левом полушарии — темно. Слышишь, как комарик плачет тонко И скрипит, вращаясь, шар земной,

Как стрекочет дождь, малина зреет, Ветры огибают материк... Становясь испытанней и злее, Кто-то жизнь взаправду мастерит.

Все в ней подчиняется раскладу, Все на пользу и наверняка. Запах лука, сырости, разлада. Соль и му́ка. Белая мука́.

* * *

Как живу я, душа моя, здесь без тебя, По садовым скитаясь аллеям, Этот воздух усопший лелея, Незабвенное будущее торопя?

Так живу, как уходит сквозь пальцы песок. На искомую тысячу дней разделяя Безразмерную йоту любви, и маняще высок Небосвод в белоснежных своих одеяньях.

Так живу, как живу. Обнуляя минуты и дни. Ничего не прося. Никакого рожна не желая. Приближая других, забывая почти об одних. И качается палубой площадь жилая.

Потому что, душа моя, здесь без тебя Ни земли нет, ни воздуха, чтоб надышаться. Потому и скитаюсь опять и опять По девятому кругу вчерашнего счастья.

...И ПАХНЕТ ЛАДОНЬ ЗЕМЛЯНИКОЙ

ИЗ ЦИКЛА «МАМЕ»

1

Жизни прошу, словно хлеба в ладони, Жизни прошу, запрокинув гортань, В очи гляжу на безмолвной иконе, Сердцем играет оглохший звонарь.

Жизни прошу: снего-снежную зиму, Моря — до неба и лета — до звёзд... В маленьком домике — струйкою дыма — Мамину ночь без печали и слёз.

Жизни прошу бесконечно короткой, Горькой, как мёд из дурманящих трав, С парусом рваным над утлою лодкой Самых безумных земных переправ.

Жизни прошу — колокольного звона, Жизни прошу, тишину возлюбив... Жизни — тебе! — прошу снова и снова, Все свои просьбы одной заслонив.

7

А бабочка уснула между рам, Не на бочок — на крылышки присела, И ей теперь нет никакого дела До нашей подготовки к холодам.

Что снится ей? Какой июльский плёс? Спи, бабочка-крылатое молчанье, Забвения страшней непониманье. Как хорошо, что ты не знаешь слёз.

А бабочка уснула. К холодам. А мама её дочкой называла... И до бровей уйдя под одеяло, Усну. А рядом бабочка — меж рам.

3

Кликну — не услышишь. Промолчу — не спросишь. Слова не напишешь. Даже в снах — уходишь.

Припаду — заплачу. Травкой слёзы вытрешь. Не решишь задачу. За порог не выйдешь...

Позову — услышишь. Не скажу — узнаешь. С каждым днём — всё выше Надо мной летаешь.

4

Под самое утро пригрезилось снова: над лестницей старой — потеря-подкова; ступени скрипели и пели качели, что в сонном саду между сосен висели; и ранняя птица в заре розовела — до осени нету ей певчего дела; в окошке — рассветном, заветном, родимом — я маму узнала сквозь занавес дыма.

* * *

Я люблю тебя больше своей руки, своего сердца; больше весны и зимы; неба и моря, даже больше гор и леса.

Я люблю тебя больше слов и тишины; музыки и песен; больше воды и хлеба; больше воздуха...

Я люблю тебя больше самой любви; больше жизни, больше обещанной вечности...

Я люблю тебя просто, как мама любит

СНЫ О МАРИНЕ

FΠ

Сны о Марине всё смотрит Елабуга и переводит Её через мост. Мост, что построили бездна и радуга над тем вопросом, что прост и не прост: «Как бы спасти Тебя, Птица-Печальница, как уберечь от потерь и невзгод? Что сотворить, чтоб колечко венчальное не потерялось в безумный тот год?» Мост не на сваях — закатами держится, а на рассвете уходит в туман... Связью сквозь сны и крепчает, и нежится вечный покой, что Елабугой дан.

ЭТО Я – ДОЖДЬ!

Это я — дождь! Не закрывайся от меня зонтом, не затворяй окно, не вытирай лицо, не уходи без меня...

Это я — дождь. Я ещё не раз обниму тебя за плечи, уткнусь в твою грудь, поглажу — нет! — зацелую лицо. Хотя бы во сне...

Это 9 - дождь.не затворяй окно... Я не буду будить тебя — спи. Я лишь тихонько напою песенку, нашу любимую дождливую песенку. ту, что знаешь ты, и никогда не забуду я... Если ты не спишь, я ешё не раз постучу в твоё окно, оставлю на стекле клинопись, которую ты так легко расшифруешь. а ещё – цветы и звёзды – дети тумана... А может быть. негромко, но внятно постучу в твой дом так перестукиваются соседи, разлучённые лишь одной стеной. стеной между обречёнными на одиночество...

Это я – дождь... Если нам не суждено встретиться, я приду к твоему холму, уже припорошенному снегом, и прожгу в нём сквозные, как от пуль, ходы к твоему сердцу, и разбужу его, и упрошу биться вновь в унисон с моим я расслышу! – как слышу твоё дыхание всегда, когда читаю твои строки, иду по твоим следам, иду за тобой, но – тебе навстречу.

...Это действо— нагое, как смерть, безобразно, как всякая мука.
Белла Ахмадулина

И вот я прихожу. Кому дала я слово? Назначено уже мишень к ножу готова. Кому писала? Вам. Совсем не так, как должно. Но — знаю, как хочу: смертельно, неотложно.

Писала, как могу. Кому какое дело? Кому, кому? Зачем? Мне азбука велела.

И вот я прихожу. Нагая, если в чёрном. А если в белом, то в спокойствии притворном.

Не названа... Звана ль? Но вот шаги и шорох. И падают цветы на фортепьянный ворот.

И вот я прихожу. Прилюдно умираю. Не говорю слова, я их во сне читаю:

«Примите мой обол, Сиятельная Белла. Простите, что жива. Простите. что посмела».

* * *

Люби меня, я— только гостья, а может, птица меж гостей. Найди меня— легко и просто, без всяких адресных затей...

Шагни ко мне, как входят в воду, без промедленья на испуг. Не отниму твою свободу, свою же выпущу из рук.

Люби меня — как любят дети цветные стёкла и бродяг. Люби меня — как любят ветер, разжав с пушинкою кулак.

ЯНВАРСКАЯ СИРЕНЬ

Из чужой жизни
Ты пахнешь январской сиренью, разбуженной рано, растрёпанной, розово-бледной, нездешней и странной...

Ты снишься — разбуженной рано январской сиренью — цветков преждевременных гроздья с безлиственной тенью.

Ты всё ещё снишься, но больно, но горько, но странно, и малость царапины кажется колотой раной.

Твой запах... Но где ты? Сквозняк отворяемой двери, скрипят половицы в прихожей, как будто качели.

Ты снишься.
Ты — сон или бред?
Ты — январская притча, моё одиночество, ведьма, моя Беатриче.

Но запах... Так пахнут твои ледяные запястья — январской сиренью, сиренью на свадебном платье.

Январской сиренью — твои ледяные запястья — так в запахе горя есть запах сгоревшего счастья.

R 3UMHEM TPAMRAE

Наверное, я замерзаю — мне снится лесная поляна, и пахнет февраль земляникой, и иволга с ветки взлетает.

Простите, что не отвечаю — вплетаю молчание в лепет, и будто бы шишкой сосновой зима моим сердцем играет...

Мелькает бельчонок лиловый, а иволга, песни слагая, так ловко, как с ветки на ветку, порхает по дугам трамваев.

Наверное, я замерзаю — беспечно катаюсь по кругу, и пахнет ладонь земляникой из сонного зимнего рая...

И пахнет ладонь земляникой, ладонь моя снова пустая. Всё пахнет ладонь земляникой... А рядом с тобою — другая.

У ОТЕЛЯ «SOCOS»

Поцелуй меня — поцелуешь иней... Хоть и колкий, но тоже — вода. Мы коснёмся друг друга носами и примёрзнем — теперь навсегда.

Мы примёрзнем и встанем под елью: тень Шишиги, а профиль — Яги, неделимые, как сновиденье, под наив новогодней пурги.

Поцелуй меня ветра касаньем: заморозишь — такая судьба. Я её не леплю, не слагаю, не молю, коль напрасна мольба.

Я молюсь за любимых, по ветру посылая молитвы и сны, и летят мои белые вести из зимы до порога весны.

Поцелуй меня — не растает иней. Я продрогла, тебя не виня...

Бабу снежную дети лепили, оказалось — слепили меня.

COHFT

...И может быть, в сонете затеряться — мечта моя... Не ведала о ней. И всё равно, кем быть, как называться, среди каких незваной жить теней.

Теней... Людей — бродяг и пилигримов, чужих-родных; деревьев, птиц и снов; личин, не различимых из-под гримов, актёрских не усвоивших азов...

Что зеркало? *Так* пропасть в нас глядится, и щурится, и не отводит глаз! Она-то знает: нам не повториться, и наша встреча — только в этот раз,

в единственный... И поздно нам виниться, и каяться... Нет бездны прозапас.

ИГРАЕМ ЖИЗНЬ

Играем жизнь. По нотам и вслепую. Играем жизнь — то нежную, то злую. И небо рукоплещет (дождь по лужам!), и ветер «бис» кричит, навек простужен.

Любовь играем — так, что сводит скулы. На слово верим. И во все посулы. И путаем слова при расставанье: «Не уходи!» — и гордость — на закланье.

Играем счастье у огня ночного. Его ласкаем как орла ручного, и отпускаем утром безвозвратно, твердя вослед: «Умру! Вернись обратно!»

Играем смерть — на сцене — в одиночке, беззубым ртом... В венце? венке? веночке? Играем смерть — ни встать, ни поклониться.. Захлопнув роль, мы продолжаем сниться...

Играем жизнь... Играем, как умеем. Любовь играем, ежели посмеем. Играем счастье, коли удаётся. И только смерть игре не поддаётся.

ТРАДИЦИЯ КАК ВЫБОР

размышления о современной молодой поэзии

1

Существует ли современная молодая поэзия? И как определить, насколько она современная и насколько молодая? Каковы критерии?

Предвижу два варианта ответа.

Первый: поэзия не может быть ни «современной», ни «молодой». Поэзия, как вид искусства, не нуждается в возрастных и временных ограничениях.

Если мы говорим о современности, то это не показатель качества (уровня написанного), а определение (заодно и ограничение) временного отрезка, на протяжении которого развиваются несколько ярких литературных течений и направлений (или появляются оригинальные дарования, поколение одарённых писателей).

Определение это — дело литературоведов в большей степени, чем критиков, и появляется оно, когда проходит время и вырисовываются признаки поэтической эпохи. Пока «лицом к лицу — лица не увидать», то в лучшем случае, можно ждать от литературоведов вот таких «примирительных» выводов: «Главной особенностью современной поэзии является её огромное многообразие. Она подобна мозаичному полотну, в котором каждая деталь самобытна, имеет свой цвет и форму, но только соединяясь с другими, мелкие фрагменты мозаики создают уникальную картину. Ни об одном из поэтических направлений нельзя сказать, что оно является ведущим и формирует генеральную линию литературы, ни одну поэтическую школу нельзя считать основной. Они разнообразны и непохожи, но у каждой из них есть свои заинтересованные читатели» (Н.В. Беляева, «Взгляд на современную поэзию»).

Мне эти выводы не кажутся утешительными. Всё равно, если бы современник Александра Пушкина уравнял его с Владимиром Бенедиктовым, Николая Гоголя с Нестором Кукольником, а Льва Толстого, скажем, с Лидией Чарской. У всех у них были «свои заинтересованные читатели», а у Чарской — ещё и поболее, чем у Толстого. Правда, это пример «из прозы», зато наглядный.

Ну а если мы говорим о молодости, то это понятие ещё более сомнительное: достоинство (или недостаток?), который очень быстро проходит. Значит ли это, что через 10-20 лет стихи того или иного автора, ярко начинавшего, перестанут быть стихами, оттого что он уже не «молодой» и не «новый»? Если не будут, то написанное им и не было поэзией.

И второй вариант. Конечно, современная молодая поэзия существует. Но это море, в котором чрезвычайно трудно ориентироваться. Нужно не только художественное чутьё, но и профессиональные «инструменты» (критика), которые позволят

двигаться в правильном направлении к цели. А цель — понять, «дотягивают» ли современные авторы до того уровня, обладая которым они могли бы конкурировать с классиками или с признанными поэтами старшего поколения.

К сожалению, «море» это почти никогда не бывает глубоким (при всей его пространственной необозримости). Слишком много пишущих людей — это основная проблема, проблема количества. Неподготовленный читатель, зайдя на сайт, где публикуются стихи, испытывает лёгкое головокружение. Читает одно, другое стихотворение, не видит особой разницы между авторами, теряется. В лучшем случае находит нечто созвучное своим эмоциям — и принимает это за современную поэзию. Особенно если у автора множество откликов и неимоверное количество прочтений — это работает как реклама.

Поголовная грамотность (даже не грамотность, а всего лишь умение писать) позволяет создавать «что-то в рифму» каждому человеку. Причём никому не приходит в голову, что умение держать ручку в руках, набирать текст на компьютере или смартфоне и умение писать стихи (хотя бы техническое) — абсолютно разные вещи. Для написания стихов необходима такая же техника, как, например, для игры на пианино или для овладения возможностями живописи или рисунка. Но рисуют или играют на музыкальных инструментах не все, а пишут, кажется, уже почти все. Наверное, от одиночества или для психотерапевтического эффекта.

Оставив в стороне тех, кто не владеет техникой на уровне ремесла, мы всё равно получим значительное число способных версификаторов. Они «ухватили» какую-то внешнюю, когда-то понравившуюся им интонацию, чужой ритм, расстановку смыслов, языковые спецэффекты или штампы — и рисуют чужими красками на чужом холсте. Но от таких текстов к читателю не идёт никакой живой энергии. Он может восхищаться вторичными фокусами, словесной эквилибристикой, не понимая её цели. А цель в этом случае — имитация чувства, которого нет. Цель — игра, изображение несуществующего. Подобные авторы в своих текстах ведут себя как новаторы, усвоив чужие приёмы (модернистские, постмодернистские или так называемые «традиционные»), но чистота душевного движения в их стихах утрачена (если она была), и литературной образованности тоже нет, есть полуобразованность...

Бесцельность и пустота как определяющие черты в основной массе «новой литературы» меня очень настораживают. Такое ощущение, что молодой поэт боится быть если не глубоким, то хотя бы искренним. Боится не попасть в мейнстрим. Научившийся, усвоивший современные техники, веяния автор начинает писать грамотно, он публикуется — и в толстых журналах в том числе (его же научили писать так, как надо), но на себя-то он не похож. Он похож на основную массу, на направление.

Выбор поэтических ориентиров у молодых авторов тоже иногда мне кажется странным, эклектичным. На поэтических семинарах молодые авторы называют имена Евтушенко, Вознесенского, и тут же Иосифа Бродского и Юрия Казарина. Ну и Бориса Рыжего, конечно. Но почти никто не вспоминает Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Николая Тряпкина, более близких по времени поэтов: Николая Зиновьева, Светлану Сырневу, Диану Кан, Александра Нестругина, Евгения Семичева, Сергея Васильева и других, тех, кто по сути и является продолжателями русской литературной традиции.

Такой выбор имён обусловлен, скорее всего, неумением выстроить для себя внутреннюю иерархию. И основная проблема молодой литературы заключается в том, что русская поэтическая традиция современным поколением недостаточно освоена. А ведь это единственное богатство, которое у молодой литературы только и есть.

2

С моей точки зрения, лучшая часть современной молодой поэзии — это та, которая связана с продолжением русской классической традиции.

В каждом регионе — и мне как литературному редактору приходилось в этом не раз убеждаться — появляются новые, интересные молодые поэты, перспективные в своём творческом росте. Они усваивают, впитывают многообразие русской поэтической традиции, руководствуясь своим вкусом. Они хорошо понимают, что есть столбовая дорога русской поэзии, её основное направление, они выбрали для себя путь и цель. Они литературно образованы и просто талантливы, а это, пожалуй, самое главное.

Молодые поэты пытаются осознать себя во времени, в традиции, понять, что они тоже её «прочное звено» (В.Ф. Ходасевич). Поэтому так много у них стихов о родстве, родственниках, предках. О своём городе, его людях, друзьях. Молодые поэты рисуют, создают свой мир, который читатель может увидеть и представить. Они стараются запечатлеть мгновения прошлого, передать трагизм и глубину человеческой жизни.

В самом деле, о чём ещё может писать поэт? Только о самых главных вещах. О жизни и смерти, о любви. Как трагична жизнь — и как мало поэтов способны передать глубину этого трагизма. И всё же несколько молодых поэтов на эту глубину отваживаются. И их понимание развития и переживания человеческой жизни во времени — показатель творческой зрелости.

Среди молодых поэтов-традиционалистов, которых я знаю уже давно, могу назвать имена **Руслана Кошкина, Марии Знобищевой, Карины Сейдаметовой.** Стихи **Руслана Кошкина** острохарактерны, их не спутаешь ни с какими други-

Стихи **Руслана Кошкина** острохарактерны, их не спутаешь ни с какими другими. Не то чтобы это был специально разработанный, нарочито созданный поэтический язык, но его оригинальность, органичное соединение архаизмов, книжных слов и просторечий, даже жаргонизмов — следствие неординарного мышления с его чётко иерархически выстроенной системой ценностей. Для Руслана Кошкина чёрное — это всегда чёрное, белое — это белое, правда — это правда, ложь, в какие бы одежды она ни рядилась, всегда остаётся ложью, как тьма остаётся тьмою. Свет же не перестаёт быть светом. Потому и одна из книг Руслана Кошкина называется «Свечение». Поэт в ней «высвечивает» главные земные (да и не только земные) истины: «Поиски (...) Света, отделение его от мрака и всякой серости — задача одновременно и творческая, и душеспасительная. И потому так дорого оно — открывающееся и исходящее ли изнутри, подаваемое ли свыше (как шест или верёвка уходящему в полынью, как надежда), благодатное и благостное — свечение», — пишет автор во вступительном слове к сборнику.

О чём прежде всего говорит поэт? О том, чем жив человек, о связи с родным, с почвой.

Корнями, нитями, наитьями— держи, родная, взгляд мой острый. Спасительны, когда пленительны твои размашистые вёрсты.

Ты силой своего воздействия возносишь сердце к поднебесью. А почвенность — всегда естественна, как дух, соединённый с перстью.

Стихи взвешенные и выстраданные, написанные и умом, и сердцем. Лирический герой в стихах Руслана Кошкина живёт по-настоящему только в том случае, если он принимает родное, если у него есть почва под ногами и ощущение родства с другими людьми — и с Богом.

Поклонюсь я на четыре ветра, обмахнусь я знаменным крестом

и из жажды Божьего привета из руин Ему воздвигну дом...

При этом он себя не теряет, напротив, в тесной связи с родным обретает себя.

Беспокоиться не изволь: не пройдут ни печаль ни боль. Или так: наряду с судьбой, всё твоё — навсегда с тобой. И печали, и боль, и крест. Всё, что было, и всё, что есть. Всё, что выписано в судьбе, всё твоё и навек — в тебе...

Позиция абсолютно чёткая, нравственная, патриотичная. «Привычный к травле и к извету, / и к блиндажу, и к шалашу, / я русский дух по белу свету / благословением ношу...»

В художественном мире Руслана Кошкина присутствует ощущение последних времён. Потому и появляются в стихах образы руин, разрушенного и уничтоженного кладбища, покинутой деревни, «антиутопии» из американского фильма — и рядом образ ангела, возвещающего последние времена.

Вольготные времена! На дыбу не взволокут, не вштопают, где спина, бубновым тузом лоскут — за вольных речей угар, за ересь и кутежи. Токуй, как в глуши глухарь. Блажи себе — не тужи. (...) Какой забубённый век! Какой разбитной годок! Но веет голов поверх нетутошний холодок.

Из пропасти голубой следит некошной крайком за дольней шальной гурьбой и ловлю ведёт тайком. И так этот лов идёт, что сам не поймёшь: и ты — казалось, не идиот — сидишь глухарём в сети. Какие там рамена — знай души переминай... Вольготные времена?

Лирический герой Руслана Кошкина упорно ищет смысл бытия, оправдания существованию в мире «жути и красоты» (стихотворение «Явь»). Именно трагичностью поставленных вопросов оно близко к традициям русской классики.

* * *

Похожим путём идёт и **Карина Сейдаметова**. У неё жёсткие, совсем не женские стихи. Но при этом стихи светлые, оптимистичные. В них есть преодоление и трагедии, и печали — большая редкость для стихов молодого автора, несущих особый заряд энергии. При чтении почти физически ощущаешь их зримость и яркость. Живопись словом и гибкость интонации, осязаемая живость — жизненность — сказанного становятся несомненными достоинствами стихов Карины Сейдаметовой.

Пространство Отечества, смена времён года, народные праздники, движение стихий — и движения человеческого сердца — всё это впитывает её поэтическая интонация. Ключевым становится понятие родства. Тема родины и родства, связи поколений, корней — это самое главное у неё. При этом семейная сага вписана в историю — и старинную, и современную.

Край наследный мой — мир соколиный, Мой нежданно-нагаданный рай. Домик в листьях отцветшей малины, Блик остатнего солнца вбирай! Может, мнится мне, как барабанят

По залатанной кровле дожди Иль меня окликает бабаня Дробным сердцебиеньем в груди?.. Иль туман-атаман Стенька Разин Снова губит княжну на реке?

Край соколий, не чувствуешь разве, То заря-кровяница в строке Иль студёная Волга-водица Всё целует заплаканный клён?.. Ночью что только нам не приснится! Тихий мой новорождённый сон... Новокуйбышев. Бабушка Анна. Душный август... Прости-прощевай, Край охранный мой, обетованный, Вспоминай обо мне, вспоминай!..

Читатель невольно обращает внимание на язык её стихов. Красивый, в чём-то даже орнаментальный, он сохраняет редкие русские слова (и это прекрасно, ведь литература и должна сохранять богатство языка). Даёт эффект усложнённости, кружева словесного — и в этой тяге к красоте проявляется в стихах женское начало.

Чем грустнее родная сторонушка, Тем к ней бережней наша любовь... А пойдём закликать жаворонушек — Явь столетий, крылатую новь. Мы веснянку поём, но весна ещё Не спешит на сторонку мою. Лишь одни воробьишки всезнающе Хороводятся в здешнем краю.

Погоди, скорым-скоро в проталинках Расшалится марток-зимобор, А пока все бока о завалинку Лютень, снежный котейко, обтёр, Через причеты и выкликания Растолкнётся весна у ворот И заклички, заплачки, предания Пропоёт нам, споёт нам, шепнёт...

* * *

Внимание к русскому слову, сбережение его — именно то, чего так в молодёжной поэзии не хватает сейчас. И когда видишь, что поэт ощущает родное слово как огромную вселенную, пробует неизмеримые его возможности, всегда становится отрадно. Наверное, ни у кого из молодых поэтов это свойство (свойство русской традиции) не выражено так ярко, как у **Марии Знобищевой**, поэта из Тамбова. Стихи Марии Знобищевой хороши своей абсолютной естественностью, — и в то же время уверенным мастерством. Когда читаешь их, не задумываешься ни о каких «технических» вещах, понимаешь, что это поэзия в чистом виде.

Ну а если всё же говорить о мастерстве, как о свойстве естественном, врождённом, то в стихах Марии оно сказывается именно на уровне слова — и из слова органично вырастает. Да, есть поэты, которые идут от интонации, от строки, от фразы. И есть те, которые идут от слова. Оно становится «зерном», основой стихотворения. Вот так и у Марии Знобищевой.

Этот воздух пронизан — Навылет, насквозь — Голубыми капризными Звонами звёзд...

Или:

Взмах махаона, крик стрижа, дыханье прерий, И мускус уст, и ладан рощ, и запах тмина...

Любое перечисление не кажется случайным, точная звукопись надёжно связывает строку.

Кисло-сладкая сказка финского языка. Волглых гласных клюквенная округлость

И согласных ласковая упругость. Лепет летнего колоска.

Слово, точно передающее суть, в содружестве с другими словами создаёт мир, стремящийся к гармонии. Гармоническое устройство мира, ощущение космической связи всего со всем сказывается в стихотворениях «Предновогоднее», «Со звездой», «Неприличие счастья», «В слегка надтреснутую амфору апреля...».

Иной раз кажется, что стихотворение сотворено «из ничего», из воздуха, из мимолётного ощущения— но даже в таком творении есть лирический, любовный сюжет:

Постой! Тут не до мастерства. Мне надо подобрать слова. Ну, эти: двор, трава, дрова, Вода, деревья, синева... Не стану их перебирать, Мне б только взять— и подобрать, Омыть прохладой дождевой И вместе с ними стать живой.

Лёгкость письма, даруемая любовью, — наверное, главная черта поэзии Марии Знобищевой. Поэзии мудрой, в которой за игрой образов и слов кроется понимание жизни. Быть может, потому человеку, читающему стихи Марии Знобищевой и буквально напитывающемуся их светлой энергией, становится легко — жить, любить, прощать, понимать ближнего и дальнего.

Бывает так: какой-то пойман ток — И чувствуешь, себя не замечая, Как дышит степь, как тёпел лепесток Задетого случайно иван-чая...

Растёт ли стебель, плачет ли дитя, Старик ли тихий выйдет за калиткуСлучайно пойман ток, и ты в сетях, Как будто кто сквозь сердце тянет нитку...

И вот, когда терпеть уже нельзя, Сорвётся сердце вслед за этим шквалом — Всем небом, опрокинутым в глаза, И поездом — по сумасшедшим шпалам.

* * *

Поэтическое слово — это прежде всего возможность диалога, разговора с читателем. Естественная обращённость к собеседнику может и не требовать особенных образных строк, которые легко было бы вырвать из контекста и процитировать. Доверительность и человечность — то, что нужно, чтобы человек откликнулся. И поэтому всё, что поэт говорит — это свидетельство его жизни, его времени и обращённость, «ток» (образ из стихотворения Марии Знобищевой), проходящий через жизнь современника.

Обязательные образы детства в стихах **Григория Шувалова**, чётко обозначенные приметы времени, и отношение автора к тому времени, к самому себе — это воспринимается не как стихотворная публицистика, а как желание автора осмыслить прошлое, которое мы все потеряли, и понять, что всё-таки осталось, что мы вынесли из той, советской эпохи. И перед читателем предстаёт современник, прошедший испытания и искусы времени постсоветского, формировавшийся в эпоху смуты и свободы 90-х годов прошлого века. Это и поэтическое, и историческое свидетельство, честное, высказанное прямолинейно. Без желания встать в позу и выглядеть несчастным, обделённым или обиженным.

Стихи Григория Шувалова целенаправленно спроецированы на прошлое. Без осмысления прошлого для него нет понимания настоящего. Поэтому каждое произведение его — это лирическое путешествие в прошлое. И если он даже фиксирует

настоящее в стихотворении, и проявляется поэзия мгновения, то всегда она опирается на осознание жизненного пути целиком.

И иду я, дорогой влеком, Открестясь от унынья и грусти. Эта жизнь нам далась нелегко, И легко мы её не отпустим.

Эти стихи человечны, просты и ясны. Они логически выстроены как формулировки, как заключения (иногда безапелляционные, что вредит, но даже в некоторой их упрощённости и наивности есть своя «изюминка»). Стихи Шувалова хорошо воспринимаются и сразу запоминаются — а это немаловажное достоинство на фоне большинства аморфных и «неорганизованных» стихов.

Его стихи выстроены логично, сюжетно, это лирический разговор с читателем. И, я думаю, читатель оценит и чёткий, со всеми оттенками, поэтический язык, и знание классики ради органичного продолжения живой традиции.

Мне повезло, дела мои неплохи. я на ногах уверенно стою, и поздний яд сомнительной эпохи ещё не тронул молодость мою.

Ещё горит в груди огонь желанья, И я не сожалею ни о чём — Я испытал любовь и расставанье, И смерть стояла за моим плечом.

Стихи **Ивана Александровского** скорее обращены к своему внутреннему «я», они более закрыты и сдержанны, чем стихи Григория Шувалова. Лирический герой Ивана Александровского сочувственно относится к окружающим его людям, вообще ко всему живому. И для него тоже необходима и важна связь с прошлым. Но здесь это не привязанное к эпохе «советское» детство, а скорее — просто детство городского человека с живописными приметами времени, своей детской «мифологией», особым фокусом зрения — одновременно и ребёнка, и повзрослевшего лирического героя. Особенность многих стихов Ивана Александровского — мастерское совмещение прошлого и настоящего.

Мы ходили за околицу, за околицей — дракон, на скамейке дядьки молятся под стаканный перезвон, их завидев, бабки крестятся на пустые рукава,

время вниз идёт по лестнице, как солдатская вдова. Вниз, под улицу Вавилова, Там, где райвоенкомат, где на стеночке акриловый улыбается солдат.

Иван Александровский работает в своих стихах на дисгармонии человеческого мироощущения, внутренней воли и свободы. И хотя его поэзия может показаться

мироощущения, внутреннеи воли и своюоды. И хотя его поэзия может показаться сдержанной и холодноватой, на самом деле она исполнена внутреннего напряжения. Человечное, доброе отношение к жизни («повезло мне, жизнь, с тобой»), когда себя лирический герой не жалеет особо, не зацикливается на собственных переживаниях, не ставит это в центр стихотворения, но и не «убирает» из стихов. Он здесь, он живёт и сочувствует. Он рисует не только портреты предыдущих поколений, но и свой «непарадный портрет»:

Вы словно большая семья, Где каждый другому любезен. Примите меня, если я Могу быть хоть чем-то полезен. Пускай я зелёный пока, Вы в братство своё боевое Примите хоть сыном полка В конец бесконечного строя.

В стихах **Дарьи Ильговой**, выпускницы Литературного института, уже публиковавшейся в «Аргамаке», есть гармоническая цельность. Настоящее и прошлое для неё — это когда одно перетекает в другое. Вырисовывается идея бессмертия, пугающая и притягивающая, художественная и прекрасная.

Летим и замираем перед краем — У пропасти, где не нащупать дна. Нет на земле ни ада и ни рая — Поэзия и музыка одна. Как жаль, что мы судьбу не выбираем. Как жаль, что выбирает нас она.

Поэтический герой Дарьи Ильговой — человек, счастливый тем, что принадлежит жизни — не осмысляя специально историю, прошлое, он крепко привязан к реальности своей наблюдательностью, самой принадлежностью к бытию.

Гармония этих стихов сказывается в их музыкальной тональности. Но иногда вдруг происходит сбой, и разговорная фраза — живая — вторгается в созданное.

Под лай дворняг докуришь, осторожно Пойдёшь вперёд, ругаясь так и сяк. В ночи морозной, железнодорожной Тебя проводит чёрный товарняк.

На станции, где даже нет вокзала, — Дыра такая, господи прости, — Вновь сходятся и вновь берут начало Надежды непутёвые пути.

Но эта «устность речи», её естественность вписывается в поэтическую напевность. И то, что стихи невольно складываются в циклы, в книги — говорит о цельности мировосприятия, о некоем гармоничном круге, который музыкой преодолевает трагедию бытия.

«Улица Бога» — неожиданное, запоминающееся название стихотворения. Автор его — **Дмитрий Ханин.**

…а я бы назвал эту улицу— улицей Бога. Хоть ангелов, даже на Пасху, пока не встречал. Здесь церковь снесли, а пивная— грешна и убога. Но первый фонарь от угла— как начало начал.

...и я бы развесил таблички— «Вот улица Бога». Пусть редким прохожим не так будет страшно идти... Пусть между акаций священною станет дорога И каждый бредущий почувствует ценность пути...

А если в безумье отвергну наивность прогулок, То в паре кварталов отсюда куплю себе дом И жизнь проведу, ощущая, что мой переулок На улицу Бога выходит последним окном...

Открыла я для себя Дмитрия Ханина совсем недавно. Его отличает от большинства молодых авторов точная интонация, уверенный нравственный камертон...

Позволь, Господь, мне быть негладким, Но упаси — в часы обид Стать камнем. поднятым с брусчатки.

Который в Родину летит.

В его стихах много размаха, много воздуха. Стихи словно бы парят над обыденным миром. Дмитрий Ханин возвращает нас к тому, что было в литературе всегда: к истокам, к детству.

Если злобой мир окован И снега гнетут судьбу, Я иду к стихам Рубцова, Словно в мудрую избу.

Там уютно, как в апреле, Хоть из окон светит грусть... Я вернусь потом к метели, Но другим уже вернусь...

* * :

Разумеется, современная молодая поэзия не исчерпывается теми именами, о которых я рассказала. Я всегда рада читать новые, живые и честные стихи молодых поэтов, которые при всех недостатках своих — и авторских поисках — стремятся к прояснению сущности современного человека. На молодёжных семинарах и форумах всегда были перспективные стихотворцы, но большинство из них всё-таки в процессе роста. Мне интересно, как будут творчески развиваться Александр Тихонов, Александр Рухлов, Павел Великжанин, Александр Лошкарёв, Василий Нацентов, Елена Жамбалова. Интересно, как переплавляются традиции и влияния в стихах молодых авторов с их собственным жизненным опытом, с чистотой душевного движения, с сочувствием к другому человеку. За их стихами я вижу «внутреннего человека», опыт гармонизации современности, объединения временных пластов. Вижу я и влияние старших современников. И это прекрасно, что у молодых есть учителя, есть живой источник поэтического слова. Традиция не прерывается.

ЭТИ ПОЭТЫ ЖИВУТ РЯДОМ С НАМИ,

А СВОИ НОВЫЕ КНИГИ ОНИ СМОГЛИ ВЫПУСТИТЬ БЛАГОДАРЯ СТИПЕНДИЯМ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОЛУЧЕННЫМ В МИНУВШЕМ ГОДУ ПРИ АКТИВНОМ СОДЕЙСТВИИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

* * *

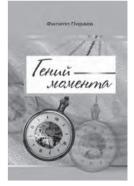
Александр Блок в свой знаменитой речи «О назначении поэта» сказал, что суть этого назначения-призвания отнюдь не весёлая, а трагическая.

Филипп Пираев, похоже, именно так осознаёт свою роль, видя в нынешнем кри-

зисе цивилизации приближение апокалипсиса: «Не по прутьям каждый шаг — по сердцам. Чтоб всей грудью, сняв повязку с лица и в софиты, словно в вечность, смеясь, — пить молитвы сотен преданных глаз. Но, повязан слепотою мирской, тщится разум: для чего и в какой страшной смете день за днём множишь ты близость смерти на восторг высоты».

Сегодняшняя действительность всё больше похожа на «цирк де Солей», на полёт над бездной. Стремление к истине перекрывается стремлением к эксперименту и комфорту. Человек то и дело переступает порог дозволенного в священном писании: «Богу — богово, кесарю — кесарево».

Филипп Пираев, автор недавно выпущенной книги «Гений момента», похоже, осознаёт, что дело поэта — не только Дар, но и Крест. И в этом он верен традиции отечественных пророков:

от Пушкина до Юрия Кузнецова. Главное — суть, мысль, чувство. Главное — достоинство, честь, совесть. И любовь: «На уличном кларнетисте — промокший от снега шарф. Стоит он средь павших листьев, затылок к стене прижав... Похоже, малОй с приветом, — промчавшись, дивимся мы. А он им играет лето в преддверии злой зимы». А соответствует ли форма влиянию изменчивой моды — вообще дело пятое. Ведь и постмодернизм, кажется, исчерпал себя, а поэзия не умирает. «Когда строку диктует чувство», чувство же и форму подсказывает. И интонацию. И ритмику. Будто слышит душа звуковые волны. А слыша их —

и любишь жизнь за то, что ей не скрыться от леденящих скальпелей судьбы.

Не сомневаюсь, что Филипп Пираев – настоящий поэт.

* * *

Стихи, да и проза второй книги Галины Булатовой «Яблоко» — это чистая, сугубо женская нота в современном литературном процессе. Она необходима в нынешнем раздрае, как необходим бывает белый платок, брошенный женской рукой в толпу дерущихся мужчин, чтобы наступил мир.

Поэтическому мастерству Галины Булатовой можно завидовать или просто радоваться (кому как). Её находки, её «изюминки» греют душу:

Если есть у свободы запах, это запах родной реки...
Где ветка касается робко Горячей щеки фонаря...
Вдохновение — вдох, А поэзия — выдох...
Спят в скворечнике ветра...

А ночное небо у неё — «звёздоблюстилище» (обязательно через ё), а в некой Зелёной зоне у неё «бродят стадами дубы, как бизоны». А вслушайтесь в звукопись: «Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнова», или «Слово. соловушко, соловей» (в эти два стихотворения нельзя не влюбиться)! Поистине бунинская одарённость: особое зрение, абсолютный слух, тонкое обоняние! Отсюда некая самородность, естественность поэтической речи — будто из воздуха всё это пришло, или родной природой навеяно, или с неба услышано.

Умение, мастерство дают возможность Галине Булатовой сделать фактом поэзии даже описания собственных скитаний по городам и весям. Читая её стихи, чувствуешь запахи «Волги, Вятки, Оки и Камы» (так названо стихотворение), запахи марийских лесов, видишь картины Казани, Нижнего Новгорода,

Тольятти, Елабуги, Йошкар-Олы, Сызрани, а также Прибалтики и Парижа. И всё это с искренней любовью к тому, что называется Родиной, или с искренним уважением к иному.

И читателю, знакомому с первой книгой Галины Булатовой «Сильнее меня», нельзя не вспомнить её переводы с татарского поэтов Рамазана Байтимирова, Эльса Гаделева, Наби Даули, Фирдуса Девбаша, Фатыха Карима, Лябиба Лерона, Туфана Миннуллина, Рузаля Мухаметшина, Гарая Рахима, Хасана Туфана, Ленара Шаеха. К ним такой же искренний интерес, в них такое же искреннее уважение к языку народа-соседа. Они скроены и сшиты с таким же тщанием, как и собственные стихи.

А кредо самой Галины Булатовой тоже имеет гражданское звучание, выраженное без ложного пафоса:

Бредём, опутанные сетью По третьему тычячелетью. Вокруг да около война, А позади одна страна.

Нужна, необходима сегодня женская лирика, поскольку она замешана на материнской боли. А боль по заверению поэта Галины Булатовой «всегда звучит, как Бог». Не случайно же «Яблоко» на обложке книги расшифровывается: Я, Бог, Любовь и ОКО.

* * *

Мне тридцать... Игра, право слово, не боле. Я девочка, женщина, ветер на воле. Внезапная блажь, потаённое зелье — ещё на губах не застыло веселье, но я уже знаю, что скоро поманит иное, что прошлое плотно затянет туманом. И скрипнут протяжно ворота, я стану лишь временем, точкой отсчёта

Это стихотворение написано Екатериной Беляевой-Чернышёвой за 10 лет до её нынешнего возраста. За плечами начало самостоятельной жизни без опеки родителей, которые «научили (так сказано в посвящении к книге) быть счастливой и даже когда плохо, видеть красоту...» Спасибо родителям за науку, ибо лирическая героиня стихотворения (она же автор) стала «точкой отсчёта» двум новым жизням, обретя замужество, став любящей матерью. Разве не в этом женское счастье?

Нет смысла оспаривать столь риторический вопрос. Но никуда не уйти от ответственности за будущее детей, семьи, матери, живущей в Казани, да и Отечества, по большому счёту, коль всё это, родное и любимое, колеблется на той же грани добра и зла, веры и без-

верия, бытия и возможной катастрофы? И вот уже в стихотворении, написанном в 2016 году, Екатерина Беляева-Чернышёва, признаётся: «Страшно мне, Господи! — нет у меня ответов; вольно мне, Господи, жить меж твоих вопросов». Вольно ли, если вдруг вздумается рабе Божьей не только отвечать на вопросы, но и задавать их всему мирозданию, ибо, верь — не верь, она почувствовала, ощутила и поняла: «не заменить безвременью и бессмертью кратких минут осторожных прикосновений». Кратких минут счастья, наверное, которое быстротечно... Не случайно же стихотворение «Скупой рыцарь» (о старике-скупце и сыне-расточителе, разумеется) заканчивается двумя строчками, констатирующими «двух крайностей равно порочных непримиримое родство»...

Признак истинного поэта — его стремление не уклоняться от вечных вопросов. В подтверждение приведу строки ещё одного стихотворения Екатерины: «То случай иль крыло упруго над ними демон распростёр: они смотрели друг на друга через костёр. Был жар земной и мрак небесный ("Не смей, не говори, не стронь…"). Им оставался шаг до песни — через огонь. И этот шаг, из ниоткуда, всех стоил пройденных шагов, и так легко творилось чудо без лишних слов. Вокруг происходило что-то, но мимо шло, поверх голов. Миг оставался до полёта — через любовь». На этом месте прерву цитату, чтобы искренне пожелать Кате Беляевой-Чернышёвой творческого полёта в будущее через любовь.

* * *

Наверное, не я один готов повторять крылатые строки Владимира Соколова: «Мне нравятся поэтессы, // Их пристальные стихи,// Их странные интересы,// Загадочные грехи...». А ещё больше я люблю строки Владимира Солоухина: «А женщина женщиной будет —// И мать, и сестра, и жена». Есть в них то, что выше мужского иронического любования. Женская лирика будто предназначена для «смягчения нравов». И это особенно актуально в наше поистине трагическое время, когда мир, кажется, висит на волоске.

Стихи из тоненькой книги Елизаветы Курдиковой «Диагональ смятений» взывают о мужской защите от надвигающейся беды. Все сгустившиеся противоречия мира, кажется, вплелись в судьбу двух любящих людей: «Мы друг о друга вдребезги разбиты, Но этим — только этим — спасены!» И это не фантазия, а реальность нынешней смуты — смуты нравов, прежде всего. Заметьте, лирическая героиня (она же — автор) и смеётся — «навзрыд». И просит: «Не пускай меня в эту ночь!»

Многие стихи Елизаветы хочется цитировать. Их не надо объяснять. Они сами по себе предельно ясны и предельно остры. Они вызывают со-чувствие.

Через вечность по знойным травам придёшь босой. Вспомним всё, что сбывалось да не сбылось. От волос твоих пахнет сладкой степной росой, Я целую тебя, целую тебя— насквозь...

А ещё одно стихотворение не могу не привести целиком:

Господи, запуталась и влипла. Господи. спаси меня. спаси! Так веками, стало быть привыкла Дурочка молиться на Руси. Исполняясь мраком преисподней И холодным ужасом ночным. От господской воли до Господней Подниматься, обращаясь в дым! И бессилья горестную чашу Пить до дна, едва касаясь губ... Это тоже тоже доля наша – Вместо мужика вставать за плуг. Господи, о чём же я просила, Белый свет по матушке кляня, Что безумства роковая сила Изнутри оплавила меня?

Несмотря на молодость (поэтессе только 25 лет), она уже душой и сердцем усвоила уроки Александра Блока о том, что роль поэта в мире отнюдь не весёлая, а трагическая.

Не зря же, обращаясь уже к Цветаевой, пророчествует: «...нам ли удачу приваживать, певчим?» И уже откуда-то знает: «...я с рожденья чуточку не вправе распоряжаться собственной судьбой». И судьба-то у неё — «свекруха».

Что это? Клеймо на лбу? Или золотая стрела Аполлона, знак избранности? Не рано ли? Неужели тень Лермонтова?

Не нам судить. Но есть стихи, которые говорят о том, что поэт состоялся.

Спусковая отдача судьбы— Непреложная горечь отваги. Разбивайте высокие лбы О безжалостный призрак бумаги...

Тайнодействуй, безумный атлант На пути к невечернему свету! Все грехи прощены за талант, Но талант не простится поэту.

И хочется спросить. Уже понимая свой путь, за что же ты держишься, душа молодой ещё оренбургской поэтессы Лизы Курдиковой? За надежду из твоего же стихотворения «Зарисовки по Паустовскому»?

Выжжены, разбиты все печные трубы. Намертво застыла белая зола. Поздние молитвы робко шепчут губы, Из бездонных окон жадно смотрит мгла. Но проснётся утро, в стуже не завянет, И снега растопит, и прогонит ночь, И отступит горе, и рассвет настанет, Чёрные метели унесутся прочь.

Надежда-то призрачна, но проникнитесь — это и мать, и сестра, и жена не о себе молится, а о нас с вами, обо всём живом и сущем!

Книгу Елизавете Курдиковой помогли выпустить её мудрая наставница Диана Кан и руководитель Оренбургского регионального отделения СРП Виталий Молчанов.

ИЗ РАССКАЗОВ О РУБЦОВЕ

ЛМИТРИЙ ЕРМАКОВ

НА БЕРЕГУ ЛЕТЫ

Леониду Вересову

...Из комнаты потихоньку прошёл в ванную, поскрёб бритвой щёки и подбородок, умылся. Мокрой пластмассовой расчёской прошёлся по волосам. «Скоро уже и не нужна будет расчёска-то...»

Слышно, как из второй комнаты кто-то прошёл в кухню. Да понятно кто — жена этого «партийного работника»...

«Он первый начал-то вчера: "Вы снова пьяны… У нас дочь…" Да, я выпил… Имею право… Никому не мешал. Нужна мне ваша дочь… Ну, так и ответил этому борову да и спать ушёл… Вроде бы всё, ничего больше не было…»

Громко щёлкнул задвижкой, и вышел из ванной, мимо кухни прошёл, стараясь не очень торопиться, к себе — в комнатку-пенал.

Ничего вслед не сказали...

Попил холодного чая с куском батона... И курить не стал.

«Правда, может, людям неприятно, что дымом пахнет. Некурящие».

Стрелка на брюках не вполне идеальна, да ведь и не на праздник или приём к начальству, пиджачок — в порядке. Рубашка... Ну, более менее. Дырку на носке в ботинке не видно. Прошёлся щёткой по обуви. В настенное маленькое зеркало глянулся, насколько мог увидел себя на фоне розовых (противный же цвет!) обоев, раскладушки, закинутой одеялом... Ещё у него есть стул. И, между прочим, проигрыватель (купил с гонорара) и пластинки, и гармошка есть, а гитару у Клавдия Захарова оставил, всё равно здесь не поиграть...

Ну что? Что делать-то?... «Пойду на ветер, на откос... шелестеть остатками волос». Сам себе усмехнулся. По карману пиджака хлопнул, какая-то мелочь отозвалась...

Решил сегодня, наконец-то, съездить в Прилуки.

... Как сказка вспоминались дни жизни в Прилуках. Да ведь детство — сказка и есть. Старая и неповторимая. Вся семья была ещё вместе. И жили в каком-то домике вблизи монастыря, стены и башни которого напоминали картинку из книжки «Сказка о царе Салтане». И мягкий зелёный луг под стенами, река... Вот эта самая река. Можно просто идти-идти по берегу — и придёшь туда... В детство? Нет, в детство уж не придёшь. «Так что — едем на автобусе. Какой у нас туда ходит-то?..»

Вспомнил, что ходит туда третий автобус. Самое простое — на катере через реку, а там и остановка рядом с «поплавком» — ресторанчиком, в котором хорошо бывает посидеть, когда есть деньжата (там вчера и поднабрался). Но, когда переплываешь реку вечером, уже ожидая встречу с друзьями, разговоры под красное вино — это

одно. А сейчас... Не хочется сейчас на катере. Значит, или в центр идти к спортзалу «Труд» или же на улицу Чернышевского к кинотеатру...

Кроме памяти детства, звал в Прилуки поэт Батюшков, похороненный в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря. Загадочный поэт, с которым он уже пересекался не раз. В библиотеке института читал его биографию, узнал, что Константин Николаевич бывал и живал в усадьбе Олениных, в Приютине под Ленинградом, вернее, конечно под Петербургом... Но ведь и он, Николай Рубцов, там жил! Наверняка в том самом доме, где бывал Батюшков. Дом большой, усадебный. Там жил брат Алик

№ 1(31) • 2020 ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

с семьёй. Там и для Николая место нашлось, может, в той самой комнате, в которой отдыхал Константин Николаевич...

«Может, мы с ним под одними деревьями стихи писали! Там вон какой старый парк...» — думал Николай Рубцов, шагая по берегу реки Вологды, густо заросшему внизу у воды ивовыми кустами. А наверху — тополя... Осень уже ощутима (ведь сегодня последний день лета) — тепло, солнечно, а уж листва с тополей опадает, шуршат по земле шевелимые ветром бурые листья... Ивы тоже начинают желтеть...

Впереди церковь, обнесённая забором, какой-то склад там...

Он любит постоять здесь, посмотреть на тот, более низкий берег. Штабеля брёвен, плоты на воде, речной вокзал и рядом «поплавок», деревянные двухэтажные дома, и дальше город со старыми и новыми домами, автобусами, людьми — всё, как на ладони.

Достал из бокового кармана пиджака пачку «Севера», коробок. Прикурил со второй спички — ветер порывами налетает.

- «Живу вблизи пустого храма...» Опять закрутилась строчка. И тут пришло её продолжение: «...на крутизне береговой... и городская панорама открыта вся передомной»
 - Здравствуйте! послышалось за спиной. Вы поэт Рубцов?

Обернулся, сдержал раздражение в себе:

- Да. Здравствуйте.
- Петров, Василий, протягивая руку, говорил невысокий светловолосый крепыш, лет двадцати пяти (ещё и голубоглазый, и с чубом на глаза).

Пожали руки друг другу.

- Не помешал? спросил Петров.
- Да нет...
- Прочитал я вашу «Звезду полей», ну, и другое тоже в газетах видел...
- Ну...
- Ну... Вы как будто из прошлого века, улыбаясь, сказал Василий Петров.

Рубцов с прищуром и усмешкой смотрел на него. Откинул окурок. И тут же достал пачку снова, протянул Петрову.

- Я не курю.
- Ты, наверное, и зарядку делаешь? спросил Рубцов, достал папиросу, чиркнул спичку и закурил.
- Делаю и зарядку,— поняв, видно, усмешку,— уже серьёзно ответил Петров и дальше без улыбки говорил.— Настроение в ваших стихах, в основном, унылое. Индивидуализм... Язык как из другого века...
 - Про другой век ты уже говорил.
- Да... Я вот работаю на «Северном коммунаре». Скучать некогда. И стихи соответствующие...
 - Ая думал ты под Есенина...
- Есенина я преодолел. Вот послушайте, что теперь пишу, Петров расставил ноги пошире, напрягся: И план мы даём, и сверх плана даём! Но каким трудом! Чуть, и вспыхнем от накала!..
 - Ты смотри не вспыхни... Василий тебя звать-то?..
 - Да... Вот так пишу, в общем, потому что за мной коллектив...
 - А передо мной... Церковь вот... Река... Небо... Ты знаешь, что это за церковь?
 - Нет.
- А я узнал Андрея Первозванного... Он, между прочим, рыбаком был, Андрейто... И его первого Христос позвал, и он пошёл...

Василий Петров смотрел на Рубцова растерянно. Опять выдавил из себя:

- Я и говорю из другого века...
- Из вечности, юноша... Я вот тебе тоже прочитаю:

Есть наслаждение и в дикости лесов, Есть радость ... на каком-то... бреге, И есть гармония в сём говоре валов, Дробящихся в пустынном беге. Я ближнего люблю, но ты, природа-мать, Для сердца ты всего дороже!.. — Ну, и так далее, юноша.

- Это вы написали?
- $-\,$ Это поэт Батюшков написал. И я хочу сегодня побыть с ним. До свидания. $-\,$ Отвернулся и пошёл тропкой мимо храма...

Василий Петров смотрел ему вслед, кажется, хотел что-то ещё сказать вдогонку... Но передумал, тоже развернулся и энергично пошагал в сторону завода «Северный коммунар»...

Рубцов вслед за тропкой сбежал под берег. В прогале между кустами, у самой воды, стоял с удочкой в руках мальчишка — в кепке, в свитерке, коротковатых штанах, внимательно смотрел на поплавок, рядом на камне стояла тарка, в ней, наверное, уже был какой-то улов — кошачья радость. Не стал отвлекать мальчишку, прошёл мимо. Только запомнил его, или вспомнил себя такого же, на берегу другой реки... Тропка снова поднялась в берег, нырнула под пролёт моста и выпрыгнула на широкую набережную, мощённую булыжником — асфальт сюда ещё не добрался.

И не было в нём, Николае Рубцове, уже никакого раздражения от ненужного разговора, а была уже почему-то радость от встречи, которая ещё не случилась, но будет, будет...

У другого берега лодочная станция — длинные мостки, к которым прицеплены лодки: «Казанки» и ещё какие-то, катера даже... Мужик на правом плече несёт мотор, а в левой канистра... Рядом мальчишка... А выше на берегу — шатёр цирка.

Цирк... Два раза он всего и бывал-то в цирке. Первый, когда их траулер разгружался в Мурманске... Трое суток стояли там. С Вовкой Девятовым ходили на представление. Вовка потом, когда возвращались по ночному городу в порт, всё гимнасток нахваливал и такое говорил про них, что у Коли в темноте уши горели, но он лишь похохатывал в ответ и стеснялся говорить о том, что ему понравились клоун и дрессированный медведь... Потом ещё раз был в цирке уже после службы, в Ленинграде. Какую-то Олю или Галю водил. С Валей Горшковым пригласили двух подружек с завода...

Он удивлялся этому свойству памяти («Только у меня или у всех так?», — думал) — уноситься мгновенно в такую даль, а и всего-то увидел на противоположном берегу у моста шатёр цирка. «Надо будет Гету с Ленкой сводить обязательно! Вроде собирались приехать...»

Проносились по реке с моторным гулом лодки — оставляя за собой треугольный волнистый след. Впереди, за мостами, на том берегу, возносил в небо купола Софийский собор, а рядом ещё выше — золотое сердце Вологды, купол соборной колокольни...

Прошёл мимо двухэтажных деревянных домов, мимо церкви, в которой сейчас валеночная фабрика, мимо пешеходного моста, мимо старых кирпичных домишек и ещё одной церкви, обнесённой лесами реставраторов, вышел к большому Октябрьскому

мосту. На другой стороне улицы Чернышевского старинное каменное здание в три этажа — военный госпиталь. Не стал переходить улицу, повернул и вскоре был на остановке автобуса, что напротив кинотеатра «Родина». На афише — «Бриллиантовая рука». Говорят, что смешной фильм...

Подъехал автобус третьего маршрута, встал, накренившись набок, со скрипом раскрылись двери.

Он вошёл в почти пустой автобус и замешкался с оплатой. Женщина-кондуктор взглянула так, будто сказала — «ну». Пожилая, с тяжёлой кожаной сумкой на шее... «Почему она, вот такая уже немолодая, работает кондуктором? Почему с утра уже уставшая?..» Невольно возникли вопросы. Вспомнилась сразу и та архангельская кондукторша, что орала на него, требуя «платить или слазить»... А он не знал, как добраться до «толкучки», ему сказали до конечной ехать, он сел и поехал...

Назвала хулиганом, Назвала меня фруктом... Ах, как это погано, Ах, кондуктор, кондуктор...

Хорошо — заплатила тогда за него какая-то женщина, похожая на мать...

- Есть у меня, есть... достал из кармана пиджака пятак, подал.
- «Что ж у меня на лбу что ли написано денег нет?..» Прошёл в почти пустой салон, сел у окна...

Да, тогда в Архангельске без копейки был, и сейчас не густо в кармане. Но есть... Гонорар-то неплохой был за «Звезду полей»... Да что «неплохой» — большие деньги... Но вот, как-то уже и... рассосались...

Проезжали мимо тюрьмы: забор с колючей проволокой поверху, потом ещё кирпичная стена, а за ней уж и здание с зарешёченными окнами... «И там люди живут... Везде люди... Как там в частушке-то?..

Из тюремного окошка Вижу город Вологду. Принеси, сударка, хлеба, Умираю с голоду.

Почему в Николе пели такую частушку? Значит, бывал кто-то в этой тюрьме...» Впрочем, за окном давно уже была не тюрьма — двухэтажные оштукатуренные

Впрочем, за окном давно уже была не тюрьма— двухэтажные оштукатуренные дома, какие-то сараи, совсем уже избы... Река за домами и кустами проблескивает. На берег выехали— за рекой большие деревья парка Мира, впереди по ходу движения— железнодорожный суставчатый мост, а за ним башни и стены монастыря. Прилуки...

Автобус встал перед шлагбаумом... Долго грохотал товарный поезд с северной стороны. Потом, после минуты тишины, с другой стороны — от Вологды в сторону Архангельска пролетел пассажирский поезд... «Прекрасно небо голубое, прекрасен поезд голубой...» Да, большой кусок жизни в поездах прошёл. Но теперь, кажется, всё, всё — осел в Вологде всерьёз и надолго. А небо, действительно, голубое... Но даже и в небе, чистом и голубом, есть что-то осеннее, неотвратимое.

Автобус перевалил железнодорожные пути, проехал под монастырской стеной и тяжело, будто устал, остановился на конечной. Скрипнули двери. Вышла женщина, вышел старик... Вышел и Рубцов. С последней ступеньки он обернулся и сказал: «Спасибо».

Кондукторша, будто очнувшись от сна или каких-то своих мыслей, вскинулась:

- Да пожалуйста...— и вдруг улыбнулась.
- Счастливый билет-то, пояснил Рубцов, тоже улыбнулся и не выкинул бумажку, а сунул в карман брюк.

Сразу закурил, что-то вспоминал и не мог вспомнить. Рядом с ним курил шофёр — водитель автобуса, седоголовый, плотный мужчина.

— Здравствуйте, — обратился к нему Рубцов. — Вы не знаете, автобусы давно сюда ходят? В сороковом году ходили?

Шофёр кивнул, задумался...

- В сороковом?.. Да. Самый первый маршрут в городе и был от вокзала сюда, через весь город. В тридцатых где-то появился... Даже точно скажу в тридцать восьмом. Тридцать лет назад... Вот какие мы старые! покачал головой улыбаясь. Я ездил... Такие были фанерные сарайчики на колёсах.
 - Ну, значит, и я ездил! сказал Рубцов.
 - Ну, счастливо, тогда, сказал шофёр и полез в кабину автобуса.
 - И вам счастливо!

Скрипнули снова двери, человека два или три сели в автобус и он, качнувшись, чихнув мотором, отъехал от остановки.

Николай осмотрелся — вон вдоль дороги ряд изб, и старый дом с каменным низом и деревянным вторым этажом — наверное, бывший купеческий... «В каком же доме мы-то жили? Не в двухэтажном, точно. В избе какой-то...» Получалось, что почти в любом доме на этой улице могли жить, и на соседней улице тоже... «Нет, ближе к реке, но не на самом берегу... Монастырь было видно... А с другой стороны церковь была... Точно! Не в монастыре, а рядом — церковь каменная». Он осмотрелся и сразу же и увидел купол и шпиль без креста, по улице правее монастыря. Туда и пошёл. От старых, накрепко закрытых сейчас монастырских ворот — дорога, как раз к церкви и выводит. И домишки вдоль дороги всё такие же — избы деревенские, а вот опять высокий дом, красивый — весь в резьбе... Нет, они в простеньком доме жили... У калитки одного из домов увидел старика.

- Здравствуйте...
- Здорово...— старик со впалыми в седой щетине щеками, в кепке-шестиклинке, туго натянутой на голову, посмотрел с любопытством на него.— Чего-то не помню...
 - А я давно здесь и не был... Почти тридцать лет.
 - Тутошний родом-то?
- Нет, мы приезжие, недолго тут жили, не помню только где...— Рубцов достал папиросную пачку, встряхнул и досадливо поморщился— кончились папиросы.
- Так на-ка, парень, я тебя угощу,— старик достал тоже «Север», сам взял папиросу и протянул пачку Николаю. А тот, взяв папиросу, чиркнул спичкой и держал огонёк в ладонях, пока старик прикуривал, потом и сам прикурил, огарок спички сунул под днище коробка...
 - Вот не помню, в каком доме жили, повторил Рубцов, а где-то здесь...
 - Не знаю уж, парень...
 - А как церковь называется?- зачем-то спросил Рубцов.
- Никольский храм. Святого Николая Чудотворца на Валухе. Ручеёк там есть раньше речка была Валуха. Там рядом и старая дорога на Архангельск шла, и мост на Вологду там был, сваи ещё остались от моста...
 - Вот там дорога на Архангельск была? переспросил Николай.
 - Да. А в ту сторону на Кириллов, через Кубенское, через Новленское...
- Новленское? Я там бывал, вспомнил Рубцов, недавнюю поездку к бабушке Серёги Чухина в какую-то деревеньку близ большого села Новленского...

— Да. Там в Новленском-то, говорят, старообрядцы жили...

Николай понял, что старику хочется поговорить, и его память тоже далеко заносит:

- А в монастыре что? перебил.
- Военные... А ведь тюрьма была тут, понизив голос стал говорить старик. До войны всё тут пересылка была. В тридцатом-то году, слышь, что тут творилось кулаченых гнали через нас на север. Ой сколько же их тут было, всё больше украинцы... Умирали... Слышь, парень, нас тут местных подряжали возить их... Ну, трупы-то... Я возил... В Чашникове это не далеко, вверх по реке, в лесочке, говорят, зарывали, я-то возил только... Зимой, на санях... А там уж другие... Там сейчас всё поля совхоз «Красная Звезда»... Ох много их тут... И за что страдали люди...

Николай сразу вспомнил об украинском колхозе неподалёку от Николы в Тотемском районе — высланные украинцы в лесу выстроили бараки, вырубили лес, распахали пустоши. И в голодные военные годы уже в богатый украинский колхоз ходили местные бабы выменивать одежду на хлеб. И с детства помнил те уважительные слова: «Умеют работать украинцы». В пятидесятые, украинцы вернулись на родину. Видимо, здесь, в монастыре была одна из остановок на их крёстном пути... Колхоз-то в лесу строили уже те, кто выжили...

- Тюрьма, значит, была?
- Да. пересылка.

Вспомнился опять странный эпизод с убегавшим человеком, которого задержал отец. Он уже записал тот случай в рассказике «Дикий лук»...

- Так у тебя как фамилия-то? спохватился старик.
- Рубцов.
- Нет, не помню таких...
- Да мы не долго и жили тут...
- Не помню, будто бы и виновато ответил старик. Ты возьми ещё курева-то, протянул пачку.
 - Нет, отец, спасибо, я куплю. Где магазин-то у вас?
 - Так в доме у остановки, ты мимо проходил...
 - А-а, ну спасибо. До свидания, дедушка.
 - До свидания, кивнул старик и добавил: Внучек...

Николай дошёл сначала до церкви — полуразрушенной, обросшей кустами, крапивой... Вышел на берег, и здесь увидел вымощенную камнем старую дорогу от реки на север... Ту самую — старую Архангельскую... Сколько же старых дорог на Руси! В Николу он тоже по старой дороге ходит от парома у села Красного. И Серёга Чухин говорил, когда ехали в автобусе в Новленское, что есть старая Кирилловская дорога вдоль озера...

Старые дороги, вечные дороги, вдоль них-то и стоят до сих пор деревушки, и церкви — памятники былой веры и мученичества, по ним уходили мужики на войну... «А вот по этой, может, сам Ломоносов в Москву шёл... А по какой же ещё-то!» — решил вдруг для себя Рубцов и даже с уважением посмотрел на булыжники мостовой.

По берегу вернулся к монастырю... Где-то вот здесь на этом лужке между монастырской стеной и рекой и отдыхали тогда. Они с Аликом искали дикий лук, отец купался, мать с Борей на травке сидели...

По тропке под могучими древними стенами шёл, заглянул в бойницу и увидел, что толщина стены метра два... Покачал головой.

А посреди реки качалась лодка, мужик в ней сидел, поднимался и опускался «паук», и каждый раз несколько рыбин бултыхались в сетке. Ну, это не рыболовецкий трал — точно уж... А на том берегу, в лугу, у кустов дымит костерок...

Он обошёл вокруг монастыря и подошёл ко вторым воротам, выходившим на дорогу из города. Машина выехала— военный грузовик. И ворота закрылись. В воротах калитка слелана...

«Не пустят ведь. Воинская часть...», — подумал Николай.

За калиткой была будка в которой сидела бабуся в очках и, наверное, что-то вязала — сразу опустила руки под стол...

- Здравствуйте, можно мне пройти?
- Не положено, строго ответила бабулька.
- Я писатель, достал корочки писательского билета.

Строгая бабушка в корочки не посмотрела, а крикнула куда-то в сторону:

Товарищ, лейтенант, тут вот лезет, какой-то...

К калитке подошёл лейтенант в портупее, фуражке, сияющих сапогах, с кобурой на боку— серьёзный... Мальчишка почти.

- Что вы хотите?
- Здравствуйте, товарищ лейтенант. Я писатель, я в газете работаю...— снова показал удостоверение.— Здесь, в монастыре, могила поэта Батюшкова, мне нужно посмотреть...
 - А какая газета?
 - «Вологодский комсомолец»...
 - А фамилия ваша? заинтересовался лейтенант.

И Рубцов ещё раз достал из кармана и раскрыл удостоверение:

- Рубцов. Николай Рубцов...
- Вы Николай Рубцов?
- Да...
- Здравствуйте... Я читал. У меня жена здесь в библиотеке работает, недавно ваша книжка поступила...
 - Эта? спросил Николай, и достал из внутреннего кармана «Звезду полей».
- Да. Знаете, мне очень понравилось, а жена, вообще... Знаете, я проведу... Пойлёмте.
 - А не попадёт тебе, лейтенант? тихо, спросил Рубцов.
 - Да тут, никаких секретов нет... махнул рукой лейтенант и улыбнулся.
- Но охрана у вас серьёзная,— оглянулся Рубцов на бабульку, которая уже, не обращая на них внимания, вязала, кажется, носок.

-Лейтенант опять улыбнулся.

Они вошли во двор монастыря, он тоже был вымощен камнем. Посреди — огромный, обшарпанный, но величественный собор, от него переход в другое большое квадратное здание...

— Мне жена рассказывала — вот это, трапезная палата, в ней поляки, они монастырь захватили, сожгли монахов, пятьдесят человек... Знаете... А могилы вот там... Там и Батюшков есть, точно...

Из церковного подвала солдаты вытаскивали и забрасывали в кузов какие-то мешки... Они прошли на площадку за храмом, где в беспорядке стояли надгробные памятники — мраморные, гранитные тумбы с отбитыми крестами, с неразличимыми почти надписями...

- Конечно, не на могилах стоят, так уж поставили, чтобы не валялись, пояснил лейтенант. Тихо добавил: Знаете, скоро мы отсюда уедем. Музей, говорят, будет, так всё на места поставят...
- Не знаю,— Рубцова стал раздражать это постоянное «знаете»...— А где Батюшков-то?

- Вон... Знаете...— лейтенант споткнулся на слове, поправил портупею, идеально сидящую на нём.
- Ну, пойдём, лейтенант, пойдём, мягче сказал Рубцов и подошёл к ограде, в которой стояло надгробие белого мрамора. А его могила?..
 - Точно не знаю, но ограда и памятник были здесь, на этом месте уже давно...

Сверху на памятнике был небольшой металлический шар и крест. На бронзовом медальоне посреди тумбы знакомый по рисункам Пушкина и автопортретам профиль, под ним: «Константинъ Николаевичь Батюшковъ родился в Вологде...»

- Тоже офицер, три войны прошёл,— кивнув на памятник, сказал Рубцов. И спросил: — Знаешь, что-нибудь из его стихов?
- Специально брал в библиотеке сборник... Такое у него есть длинное, где всех высмеивал, чего-то на берегу...
 - «Видения на берегу Леты», вспомнил Николай.
- Да-да...— закивал лейтенант.— Ну, вот эти у него ещё стихи, самые известные «О память сердца...»
- «...ты сильней рассудка памяти печальной», закончил Рубцов. А ты знаешь, Пушкин, разбирая его стихи эти две строчки отчеркнул и подписал плохо, а дальше про всё стихотворение, которое никто и не помнит, написал что, мол, великолепно или как-то так... Странно, да?...

Лейтенант пожал плечами:

- Ну, знаете, мог и Пушкин ошибиться...
- Нет, резко оборвал Рубцов. Пушкин не мог ошибиться. Просто мы ещё не всё понимаем... А, знаешь... остановился, усмехнулся тому, что перенял невольно словцо у лейтенанта. Хорошо было тут лежать, когда монахи жили, в колокола звонили, пели в храме... Он обернулся к храму... Представляешь?.. Колокола, небо, молитва... Мы все живём вблизи пустого храма... Потому и не знаем, где могилы наших поэтов... и матерей... Вблизи пустого храма... Ну, спасибо, пошли.

Вернулись к воротам.

- Как тебя зовут-то, лейтенант?
- Игорь...
- Игорь, это, между прочим, Георгий. Хорошее имя для офицера.
- Почему?
- Hy Георгий Победоносец...
- А...— лейтенант, видимо, не совсем понял Рубцова. Он о своём думал: Николай...
- Михайлович, но можно и без этого, отозвался Рубцов.
- Николай Михайлович, а вы бы не могли в библиотеку зайти? Это здесь, в Прилуках, не далеко, жена бы так обрадовалась...
- Спасибо, Игорь... Знаешь... Не сегодня. Я ещё приду сюда, вернусь. А пока, вот что...— он достал из внутреннего кармана книжку. Раскрыл. Ручка есть у вас?
 - Есть... Ольга Павловна, обратился лейтенант к вахтёрше, у вас ручка есть?
- A как же, отложила вязание, выдвинула ящик стола, подала лейтенанту чернильную ручку, тот подал Рубцову.
 - Как жену зовут? спросил Рубцов.
 - Вера.
- «Игорю (Георгию) и Вере на долгую счастливую жизнь дарю эту книжку в Прилуцком монастыре, где лежит Батюшков... А мы ещё поживём! Счастья вам, ребята! Николай Рубцов. Задумался и не поставил дату, а написал: На берегу Леты».

Вернул лейтенанту ручку, подал книжку. Пожал руку.

- Спасибо, товарищ лейтенант. Счастливо и вам, Ольга Павловна, и добавил, когда понял, что ответа не будет: Хорошей службы...
 - Спасибо, откликнулась вдруг и Ольга Павловна.

Вышел за стены монастыря. Пошёл к остановке, к магазину — надо было купить папирос. Да пора уже было и пообедать...

В магазине купил пачку папирос, четвертинку чёрного, два сырка «Дружба». Подумал и взял бутылку портвейна.

Снова на берег пошёл, под монастырскую стену, примял траву, сел... И не стал открывать бутылку. И есть не стал. Курил... Думал... Или вспоминал чего-то...

Мужик в лодке опускал и поднимал паук у самого берега, метрах в трёх всего. Николай будто решил что-то для себя, резко поднялся с травы, откинул пустой мундштук выкуренной папиросы, к кромке воды спустился (берег тут был мокрый, вязкий и он почувствовал, что в ботинок попала вода).

— Здравствуйте, — громко сказал. Он понимал, что это глупо — здороваться с берега, но и как по-другому заговорить не знал. — Здравствуйте, — ещё раз, громче, сказал, виля, что его не слышат.

Мужик, вытащил и бросил на дно лодки трёх лещей, обернулся, кивнул:

- Здравствуйте.
- Вы не могли бы меня перевезти? Очень надо...
- Конечно, перевезу, ответил мужчина и тут же взялся за вёсла и в два гребка подогнал дюралевую лодку с задранным мотором к берегу. Лодка, приминая водяную траву, мягко уткнулась носом в берег. Залезай.

Николай, ухватившись рукой на носовой крюк с цепью, высоко задрал левую ногу, при этом почувствовал, как затекает вода и в правый ботинок... И завис на мгновение в этом неудобном дурацком положении. Да ещё бутылка, сунутая в карман пиджака, оттягивала полу. Рыбак тут же поднялся, ухватил за левую руку и помог влезть в лодку.

- Садись...
- Вот это и называется одной ногой на берегу, другой на корабле. И протянул на этот раз правую руку. Николай. Рубцов.
- Толя, просто ответил мужик. (Рубцов понял, что его фамилия Толе ничего не говорит).
 - Черпанул? кивнул Толя на ботинки. У нас там костерок, высушим...

Толя в чёрно-белой, изрядно захватанной, кепке, в брезентовой курточке, и клетчатой застиранной рубахе под ней, в брезентовых же, затёртых на бёдрах штанах, в литых резиновых сапогах. Лицо обветренное, чисто выбритое, с резкими морщинами от крыльев носа к губам.

Рыбины на дне лодки лежали, беззвучно раскрывая рот, или уже уснулые, и вдруг выгибались, подпрыгивали, стучали хвостами. Одну Толя придавил сапогом ко дну лодки...

- $-\,$ А я работал когда-то на траулере, в море рыбу ловил... Как из трала на палубу вывалят кипит прямо...
- Ну, у нас не море, спокойно ответил рыбак, короткими сильными гребками направляя лодку через реку. «Паук», как большой сетчатый мешок болтается, поднятый лебёдкой над кормой лодки. Нам и этого хватит, спокойно говорит Толя. Эту домой возьму, а ушица уже сварена. Сейчас и похлебаем...

Лодка снова ткнулась в берег, Толя первым вышагнул, за цепь подтянул лодку повыше, и Николай на этот раз выпрыгнул сразу на сухое.

Толя пошёл выше на берег, на травянистый открытый луг.

- А рыба? окликнул его Николай.
- Пусть там остаётся, ничего с ней не будет, махнул рукой Толя.

Николай поспешил за ним по примятой высокой траве... Выскочила вдруг узкомордая черно-белая собака с загнутым в баранку хвостом, с привизгом, ткнулась в ноги рыбаку и тут же заурчала на Николая.

— Фу, Пыж, нельзя, свои, — резко сказал Толя, и пёс тут же развернулся и скрылся в траве. — Иди, не бойся, — сказал рыбак Николаю.

Тянул вкусный дымок... У костерка сидели двое парней лет по четырнадцать и жарили, наколов на ветки, куски хлеба...

- Привет, ребята! первым Рубцов сказал. О, хлебушек на костре это вещь!
- Здрасьте, буркнули парни в ответ.
- Ну чего, вы похлебали? Толя спросил.
- Да, аппетитно жуя горячий пахучий хлеб, ответил лопоухий похожий на Толю мальчишка.
 - Тёзка твой, сказал Толя Николаю, кивнув на мальчишку.

Парнишка дожевал хлеб, схватил лежавший тут же самодельный лук, с тетивой из капроновой нити. Вставил стрелу, свистнул. Пыж тут же вылетел из травы, будто ждал, когда позовут. Стрела резко взлетела, и, дав дугу, упала куда-то за луг, в кусты. Пыж, не дожидаясь команды, бросился в том направлении, только видно было, как шевелится, обозначая его след, трава. И вскоре пёс вернулся, неся стрелу, положил к ногам хозяина.

- Дай, Колька, мне! второй мальчишка, с хитроватыми шустрыми глазами, выхватил лук. Колька хотел уж отбирать у него оружие, но тут Рубцов голос подал:
 - А можно мне попробовать?

Мальчишка с видимым недовольством отдал ему лук, а Толя подал стрелу:

- На, попробуй...
- Только сильно не натягивайте, Колька сказал.

Рубцов выстрелил, и зачаровано смотрел вслед стреле... А пёс уже нёс стрелу обратно...

- Теперь я! второй парень схватил стрелу. Рубцов отдал ему лук:
- Ну, у вас собака натренирована, как в цирке... покачал головой.
- Рабочая лайка! с гордостью Толя ответил.
- A-a...
- Вы, давайте-ка, вон там постреляйте, дайте нам похлебать,— сказал Толя парням, и они убежали, позвав за собой и собаку и было слышно, как они смеялись и кричали что-то, и стрела то и дело взлетала к небу...
 - Твои? Николай спросил.
- Колька мой, а Лёнька дружок его... Ещё у меня есть Володька. Не поехал с нами, в техникум завтра первый день, готовится, а эти в восьмой побегут... Садись вон на коряжку, да давай ботинки-то, посушим.

Николай сел на корягу, приспособленную под скамью, стянул ботинки. Толя тем временем срезал на ближайшем кусте ивы пару виц, воткнул их у костерка, на них и нацепил ботинки Рубцова.

Николаю чего-то так хорошо стало, что даже дырки на пятке носка не стеснялся он, вытянул ноги ближе огню. А чего, Толи стесняться, что ли? Простой мужик...

 $-\,$ Прямо уж из котелка похлебаем, $-\,$ сказал Толя, ставя на траву закоптелый котелок. Ложкой сдвинул крышку, и запах наваристой ухи будто опьянил.

А Николай только сейчас вспомнил:

— Анатолий, давай-ка кружки-то, — достал бутылку и сразу же лихо пробку сорвал. Достал ещё хлеб и сырки из кармана.

Толя приподнялся, поглядел в сторону, где бегали мальчишки.

— Ну, давай. — Подал Рубцову деревянную ложку, выставил и две железные зелёные кружки.

Николай разлил.

— За знакомство. — Выпили, заели ухой.

Рубцов сидел у костерка, перед ним и вокруг него был разнотравный луг, впереди река, и на том уже берегу— стены и башни монастыря, церковные купола за стенами, небо. облака...

Ешё выпили.

- Ты где живёшь? спросил Николай.
- В Ковырине, на Гончарной.
- А-а... Это Октябрьский посёлок?...
- Да.
- У меня там... родственники...
- Не вологодский что ли сам-то? Толя спросил.
- Вологодский... Долго не здесь жил...
- А где?
- А где я только и не жил, Толя. Как центростремительная сила, жизнь меня по всей земле носила...
 - Это ты стихи, что ли, сейчас?...
 - Да, это мои... Давай!

Выпили.

- $-\,$ А я вот тоже сочинил, $-\,$ Толя сказал: $-\,$ Ходить по родной земле босиком $-\,$ это большое счастье. А мне сказали, что это Яшин...
- Да, это Яшин, Александр Яковлевич... А ты, видно, где-то прочитал и забыл, потом как свои вспомнил. Так бывает.
 - А ты чего поэт, что ли?
 - Да. Я поэт. Жаль, книжки нет с собой...
 - Ты так прочитай... Давай-ка Толя разлил. Выпили.

Рубцов на мгновение задумался, огляделся кругом и начал:

Доволен я буквально всем,

На берегу сижу и ем ушицу,

Вкусную ушицу...

Стреляют угольки в огне,

А я валяюсь на спине,

Внимаю жалобному крику

Болотной птицы,

Надо мной

Между берёзой и сосной...

Нет берёз и сосен здесь нету... Нечего и врать... — махнул Рубцов рукой и коротко хохотнул.

- Это ты прямо сейчас сочинил, что ли?
- Да... Ерунда это, Толя, баловство... А ушица хороша. Ох и хороша. Давай по последней. Разлил остатки. Выпили. Закурил, протянул пачку и Анатолию.
 - Бросил, давно уже.
 - А я вот не смог, а теперь уж, чего...
 - Ну, никогда не поздно, тебе чего, сорок поди-ка...

— Тридцать три будет...Возраст Христа... Ты веришь в Христа? Толя пожал плечами

А надо верить, надо...

Рубцов курил, приятное несильное опьянение, кружило голову, будто плыли снова в лолке...

- Вот такие вы... поэты... А тут живёшь... как-то грустно Толя сказал.
- Плохо, что ли, живёшь?
- Да нет, не плохо, жена, два сына... А чего-то... Вот как в песне-то: «Дай мне такое дело, чтобы сердце пело!» А такого-то дела и нет...
- Ну, дел много... А вообще, понимаю тебя... Вот поэтому-то и надо верить. Пойдука я... Тут ведь церковь-то не далеко.
 - Да, за парком Мира, вон по дороге иди дак и придёшь.
 - Вот и схожу. У меня ведь и отец там похоронен.
 - А-а

Рубцов натянул ботинки. Поднялся, отряхнул брюки.

- Ну, счастливо... Удачи и вам, ребята, сказал ещё, подбегавшим парням.
- До свидания!

Он вышел на тропу, по которой вскоре попал в парк Мира — тут была аллея тополей вдоль берега, вглубь парка уходили дорожки обсаженные берёзами. Он свернул на такую дорожку и вышел на пустую поляну со сценой и скамейками перед ней, какие-то плакаты по краям поляны... Чуть дальше, за кустами акаций, спортивная площадка — турник, пирамида из двух наклонных лестниц, подобие гимнастических брусьев... Послышались голоса, шаги, на площадку с другой стороны вбежала группа парней, человек восемь. Николай присел на скамейке перед сценой, закурил, смотрел на спортсменов. Они все в одинаковых спортивных штанах и майках с эмблемой общества «Динамо». Один постарше, видимо, тренер, командует: «На пары... Подходы... Резче!.. Плотнее захват!.. Поменялись!» Парни по очереди обхватывали и подбрасывали друг друга, имитировали приёмы вольной борьбы... или классической. В этом Николай плохо разбирался. Хотя, бороться между прочим, когда-то любил, и на том самодеятельном уровне боролся неплохо... Это ещё в Тотьме было, в лесном техникуме, вскоре после школы. Любили там они побороться — кто кого повалит и на лопатки положит. Никто не учил, конечно, сами кто, что знает и придумает... Обхватывались за пояс и давай – или вверх вырвать, или в пояснице переломить, или прихватив руку и голову, разворачиваться спиной и, падая, увлекать за собой противника. Боролись без подножек и захватов ног. И ведь он, Колька, не уступал и более крупным ребятам — жилистый был, вертлявый, не прихватишь его, а он резко вплотную подходил, обхватывал и сбивал на землю... Бывало, что и в драку борьба переходила... А потом ещё в Кировске в техникуме у них тоже на физкультуре «самооборона» была, там уже физрук и подножки показывал, и «через спину». И у него, Кольки Рубцова, между прочим, пятёрка была за «самооборону». А работа кочегаром на траулере и потом, уже в Кировском техникуме, разгрузка вагонов с картошкой и силёнку кой-какую дали — в учебке флотской подтягивался раз пятнадцать...

Вспоминал, покуривал, смотрел на здоровую молодость... По команде тренера парни стали кто подтягиваться на перекладине, кто отжиматься на брусьях. И убежали — как и не было их.

Рубцов поднялся, прошёл на спортивную площадку. Под турником встал, подпрыгнул, ухватился за перекладину с усилием подтянулся два раза и спрыгнул... Усмехнулся сам себе криво. «Молодость уходит из под ног... Всё, ушла уже... Свои сто

гениальных стихов я уже написал... Ну, ещё сколько-то напишу... Прозу буду писать! $\Pi a! > 0$

Оглянулся, представил себя — лысоватого, в пиджаке, в брюках с задравшимися штанинами, в ботинках грязных — висящего на турнике. И засмеялся даже...

Хмель уже выветрился... И, что хорошо— не хотелось поддать ещё, пока не хотелось, да и где тут...

— Мама, грибок! — услышал голос и вздрогнул, так похож был он на голос дочери. В стороне, за деревьями гуляла девочка и её мама...

«Гета хотела приехать, Ленку привезти... В цирк обязательно сходим!..»

Шёл сейчас по дорожке обсаженной яблонями... Яблоки мелкие. И горькие.

А вот и кладбищенская ограда, вон и церковь.

Ворота ещё старые — с кирпичными столбами, с кованой калиткой, с крестом сверху... Прошёл. У церкви, у самого входа стоял нищий. Кажется, он и на похоронах отца тут стоял. Или другой это уже — но в такой же рванине, заросший, с гноящимися глазами и чёрной ладошкой, которую выставил перед собой. «Откуда берутся они, эти нищие? Нигде их больше в городе не видно... Где живут, ночуют, что едят?» В детстве, он ещё видел нищих, но те были не такие, тех называли странниками — они куда-то шли через их Николу... Были ещё после войны инвалиды на вокзалах, безногие, на тележках... Куда-то потом все разом пропали. И не стало никаких нищих. Только вот тут у церкви.

- Подай Христа ради, добрый человек.
- А я добрый? сузив глаза, резко спросил Рубцов.
- Конечно, добрый, ответил нищий и даже улыбнулся.

Усмехнулся, качнув головой и Рубцов, монету из кармана, в ладонь чёрную сунул.

Храни тебя Господь.

Подумал и не пошёл сразу в церковь, решил зайти на обратном пути. По тропе попал в дальний конец кладбища, помнил, что у самой ограды хоронили. Да вот и могила в деревянной оградке, и скамейка, и столик... «Бывают, присматривают...», — подумал про Евгению, жену отца и её сыновей. Присел.

Вот тут бы и выпить, и поговорить бы с отцом... Узнать бы в кого же это у него да, похоже, и у братьев Алика и Бори судьба такая — бродяжья... Галя, сестра, рассказывала, что отец и мама из деревни уехали в Вологду, потом в Емецке жили, там-то он, Николай, и родился, потом ещё Няндома была... А он помнит уже вот Прилуки, потом тот страшный барак в Вологде... «Что носило тебя, отец, по земле? Судьба или своя воля?.. Не ответишь... Знаешь, отец, я не обижаюсь на тебя. Была обида, прошла. А до того обида-то была — знал, что жив, а говорил, что погиб. А что было говорить-то?.. Ну, хоть увиделись... Я тоже, мотаюсь... Внучка у тебя, отец, растёт... Я, папа, поэтом стал, книжки у меня есть, всё хорошо... Всё хо-ро-шо». И оборвал этот «разговор». Встал и пошёл от могилы.

На церковной двери уже висел замок, и не было ни нищего, никого...

Пошёл по тихой, сжатой деревьями и двухэтажными деревянными домами улице, мимо обнесённого железным забором, со сбитыми крестами, перестроенного, и всё-таки храма... Автобаза в нём какая-то... А по правую руку — тоже церковь, и тоже какой-то склад там... «Живём вблизи пустого храма... Вот потому и живём так, и не держит ни что, ни дом, ни дети, ни что...»

Так думая вышел на высокий берег, здесь на пятачке асфальта памятник 800-летия Вологды... Вот отсюда в 1147 году начинался город... Впереди, на «Соборной горке» (так зовут это место все вологжане) — стены Вологодского кремля, Софийский собор и колокольня...

Прошёл и под стенами Софийского собора. На самом высоком месте Соборной горки, над береговым обрывом, между собором и ещё одной церковью (тоже пустой, зимой в ней лыжи на прокат выдают — сам видел!) стеклянный куб — выставка достижений местного хозяйства...

Он встал на самом откосе, посмотрел вверх и вниз по реке- на каждом её изгибе- церкви...

— Гуляешь, Коля? — окликнули сзади.

Оглянулся: журналист одной из районных газет, низкорослый и пухлый весельчак Булыгин, широко улыбался и протягивал руку.

- Ты как тут? спросил Рубцов.
- Да меня редактор вместо себя на областное совещание отправил, вот... Ну и ладно, я чего: мне сказали я поехал... Он говорил безостановочно. Да, тебе же гонорарий у нас положен... Мы ж три стиха твои дали... Да... Ты ж у нас прямо как классик илёшь...
 - И где я могу получить свои деньги? оборвал его Рубцов.
- На почте, Коля, на почте! Переводик будет, переводик... Но в счёт будущего можно и сегодня,— щёлкнул пальцем по горлу и кивнул в сторону скверика, где сидела на скамейке тёплая компания районных редакторов и журналистов. И все смотрели на них. И не подойти вроде нельзя— зазнался, подумают. А и подходить не хочется... Рубцов натянуто улыбнулся и помахал компании рукой.
 - Коля, давай к нам, крикнул кто-то.
 - Пошли, Коля, позвал и Булыгин.
- Нет, ребята, спасибо, не могу, твёрдо сказал Рубцов, пожал пухлую руку Булыгина и пошагал по береговой тропке вдоль берега ближе к дому... Вон уже за мостами и храм видно, у которого стоял утром... И пошёл туда, домой, перешёл по мосту на свой берег.

Целое путешествие сегодня совершил по обоим берегам реки Вологды...

И снова стоял на береговой крутизне, смотрел на реку, на город.

Уже вечерело...

Зашёл ещё в продовольственный магазин в соседнем доме. Взял хлеба, вина...

«Не ужиться мне с этими партийными... А как-то же надо жить...» — думал, подходя к дому. Своим ключом открыл дверь, и сразу в свою комнату, закрылся сел за стол... Ещё раз вспомнил весь этот день — реку, город, Прилуки, Батюшкова, рыбака Толю, отца...

Взял ручку, заправил чернила из банки. Проверил на куске газеты, чтобы не пачкала... В записную книжку вписал без исправлений.

Вологодский пейзаж

Живу вблизи пустого храма, На крутизне береговой, И городская панорама Открыта вся передо мной. Пейзаж, меняющий обличье, Мне виден весь со стороны Во всём таинственном величье Своей глубокой старины.

Там, за рекою, свалка брёвен, Подъёмный кран, гора песка,

И торопливо — час не ровен! — Полошут женшины с мостка Своё белье — полны до края Корзины этого добра. А мимо, волны нагоняя. Летят и воют катера.

Сады. Желтеюшие зданья Меж зеленеющих садов И тёмный, будто из преданья, Квартал дряхлеющих дворов, Архитектурный чей-то опус, Среди квартала... Дым густой... И третий, кажется, автобус Бежит по линии шестой.

Где строят мост, где роют яму, Везде при этом крик ворон, И обрывает панораму Невозмутимый небосклон. Кончаясь лишь на этом склоне, Видны повсюду тополя, И там, светясь, в тумане тонет Глава безмолвного кремля...

Написал, подул ещё, чтобы чернила высохли, закрыл книжку, отложил ручку. Открыл банку кильки в томате, бутылку вина, отрезал хлеба. Выпил, поел... И лёг спать. И спал он на берегу реки...

Реки вечности...

К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

ТАК МНЕ ПРОРОЧЕСТВУЕТ ЛИРА...

ТА ЖИЗНЬ

Я вспоминаю те года, Когда заря не так алела, Не так в реке текла вода, А сердце вовсе не болело.

Душа сияла чистотой, И васильки синели в поле. Я б не ушёл из жизни той, Не будь на то Господней воли.

Теперь не будет мне дано Собрать разрозненные части Того уклада, что давно И был, по-сути, нашим счастьем.

* * *

Давно по ми́ру слух ползёт, В умах родившись не в убогих: Россия скоро упадёт. Не веселитесь наперёд! Коль упадёт — придавит многих.

А может статься, что и всех. Что, кроме мокрого следа́, Тогда останется от мира? Моли́тесь лучше, господа́, За нашу Русь, а то — беда.

Так мне пророчествует лира.

* * *

Совершенных стихов не создать Никому, никогда, как ни горько.

Что ж меня заставляет писать? Не одно же тщеславие только. Есть немало причин и других. Например, все знакомы с такою: Мрак души разогнать хоть на миг Добела раскалённой строкою...

* * *

Всё это было бы уроком,
Но разбрелись ученики.
Гуляют в классах сквозняки,
И двери хлопают с упрёком.
И в стены тьма упёрлась рогом,
И всюду чудится подвох,
И предначертанное роком
Должно исполниться всё в срок...
И только классики с портретов
Глядят с улыбкой на устах.
Неведом верующим страх,
А я совсем забыл об этом...

СОСТОЯНИЕ

Никуда и ниоткуда Нету сил уже спешить. В каждом маленький Иуда Продолжает тайно жить.

Как хотел бы ошибиться Я в своей догадке, но Это — жизнь, а не кино. Остаётся лишь молиться, Чтоб совсем не пасть на дно.

* * *

В чём тайна русской радости? Нательный крест носить, И честно, без предвзятости, Не сытости, но святости У Господа просить.

* * *

Своей тропой тысячелетней Бегут по небу облака. А старики в беседке летней С утра играют в «дурака». Играют вяло, без азарта, Тяжёл последний жизни пласт, В нём цель одна: «дожить до завтра», Как будто это что-то даст Не уповающим на Бога... А облака своей дорогой Бегут, бегут не уставая, И под асфальтом мостовая, Наверно, помнит тени их, По ней скользившие когда-то...

РАННИМ УТРОМ

Молится жена в соседней комнате, Разогнав мои кошмары-сны. Чувство: будто вы с ладони кормите Голубей нездешней белизны.

Чуя приближенье благодати, В душу начинает литься свет, Но опять, пришедшая некстати, Мысль пустая сводит всё на нет...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне ничего уже не надо, Я не хочу играть с огнём. Есть непонятная отрада — Тонуть в ничтожестве своём.

Но в эту бездну погружаясь, Сквозь толщу сумрачного сна Вдруг ощутишь, как сердце сжалось, Как по земле идёт весна.

И встрепенувшись поневоле, При свете утренней зари Нежданно встретишь в чистом поле Желанья прежние свои...

* * *

Ликуют Каины и Хамы, И всё длиннее бедствий ряд. Друзья мои, идите в храмы, Пока они ещё стоят.

Пока в них славят Иисуса, А не сгустившуюся мглу, Пока усердно чья-то Муза Всё ешё молится в углу...

ВЕЧНОСТЬ

Вот я опять в гостях у мамы, Где во дворе особый свет, Где в мутных стёклах ветхой рамы Мелькает мальчик шести лет.

Стоит рассохшаяся кадка И видит в снах себя с водой. Здесь от царившего порядка Остался отблеск золотой.

Осталась мамина опека: А где я был, пойду куда? И та меж нами четверть века, Что не исчезнет *никогда*...

УТРО

Просыпаюсь: та же роща, Луг осенний так же сух, И корова так же тоща, И загадочен пастух,

Та же речка льнёт к плотине, Те же птицы на весу В том же небе... На картине, Мамой купленной отцу К дню его сорокалетья...

Вспомню я родные лица, Разгляжу сквозь толщу лет, И встаю, чтоб помолиться, А другой причины нет...

25 НОЯБРЯ

Кто объяснить мне сможет это? За что мне это суждено? Я в этот день не жду рассвета, Но он приходит всё равно.

В какую спрятаться мне нишу? Куда мне улететь с крыльца? Когда я вместо солнца вижу Лицо бескровное отца,

Лицо с закрытыми глазами, Оно мне памятней всех лиц... И эти птицы с голосами, Каких не может быть у птиц...

* * *

Нет, всё, что было, не напрасно. Я под Медведицей Большой Стою: ужасно и прекрасно Плоть вытесняется душой.

Душа уже почти свободна, Ещё мгновенье — и уйду, Но, видно, Богу так угодно, Калитка скрипнула в саду.

И снова в небе звёзды дышат, И вновь душа поёт моя, Но только песню эту слышат Во всей Вселенной: Бог и я...

* * *

Все чаще я осознаю, Что не смогу спасти стихами Ни душу бедную свою, Ни жизнь, кишащую грехами.

Стихи ещё страшней вина, Они — смятение и мука, За фальшь исторгнутого звука Непоправимая вина...

Пусть речь моя порой бессвязна, Пускай гребу одним веслом, Одно в стихах должно быть ясно: Что гибну я в борьбе со злом, Во мне живущим, ежечасно...

* * *

С неба слышится трель жаворонка, Зацветает в речушке вода. И куда ж ты, родная сторонка, Встав на цыпочки, смотришь всегда?..

То ли в детство глядишь золотое, То ли в бездну последнего дня? Дорогое, родное, святое, Отпусти на свободу меня!

От редакции – юбиляру:

Уважаемый Николай Александрович! По мнению многих, современная русская поэзия имеет в Вашем лице продолжателя непрерываемой отечественной традиции, идущего вслед за Николаем Рубцовым и Юрием Кузнецовым. Соглашаясь с этим мнением, мы поздравляем Вас с 60-летием, желаем здоровья и творческого долголетия!

ЗА КУЛИСАМИ

МАНСУР ГИЛЯЗОВ

МИКУЛАЙ

Монопьеса, в двух действиях

Действие пьесы происходит в течение одних суток, начиная с одного летнего утра и до следующего, в 2019 году, в деревне кряшен с названием Сарсаз Кюл (Озеро жёлтой глины).

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Раннее утро. Густой туман. Ничего не видно. Туман начинает медленно рассеиваться, проступает крестьянское подворье. Затем мы видим внутреннее пространство старого деревянного дома. Внутри дома МИКУЛАЙ завершает работу над изготовлением большой куклы, или же фигуры. Это образ молодой женщины. Фигура изготовлена из подручных материалов, подушек, старых тряпок, соломы и другого скарба. Фигура одета в национальную одежду кряшен, щедро обвешана украшениями, монетами. По размерам кукла больше самого Микулая. Он усаживает куклу на большой стул посреди комнаты. Стул, похоже, сколотил он сам, поскольку тот гораздо больше стандартных размеров. Микулай, поправляет одежду на кукле, разглаживает её лицо. Туман продолжает рассеиваться. Мы видим куклу натуральных размеров. Кукла сидит за столом. Руки на столе.

Микулаю примерно шестьдесят лет. Он в самой простой одежде. Заросший и волосами, и бородой.

— Мама... Это моя мама... Такая красивая... Глаза у неё какие красивые, глубокие... Как озёра... Кожа ровная, румяная... Самая приглядная женщина свете... Папа у меня тоже красивый. Не такой красивый как мама, конечно, но для мужчины просто красавчик! Я тоже красивый! В кого мне быть некрасивым! Какое лицо! Какой рост! Широкие плечи! Руки, ноги, голова, всё работает! Уши слышат, рот говорит, живот пищу перерабатывает, слава Всевышнему! Вообще, если говорить честно, все кряшены красивые. Я в своей жизни ни одного некрасивого кряшена не видел! Есть, конечно, инвалиды, кривые, косые, безрукие, но чтобы от природы родился некрасивый кряшен, такого не бывает. Я же и в городе бывал, в Казани, каких только там людей не повидал! А японцы?.. Я видел японцев по телевизору. Они же все одинаковые, на одно лицо, невозможно отличить одного от другого. Даже курицы все разные по внешему виду, а эти японцы... Ни разу в жизни не видел двух одинаковых кряшенов... (Идёт на подворье.) Утром козу подоил, пойду, принесу молока...

Тем временем, туман окончательно рассеивается. Отчётливо видим подворье Микулая. На фоне привычных предметов деревенского быта посреди двора стоит огромная свеча. На вершине свечи горит фитилёк. Микулай выходит из дома. Подходит к свече, встаёт на табурет, выливает воду из плошки на фитиль. огонь гаснет.

Я сам изготовил эту свечу... У нас же в деревне света нет... Уже много лет. А двор нужно как-то освещать. Чтобы и козе, и курам как-то веселее было. Да и несутся куры при свете лучше... И ещё есть одна вещь. Прямо над нами самолёты пролетают. Раньше не летали. сейчас летают. Каждый день десять самолётов, в одну сторону и в другую. Ровно десять туда, и десять обратно... Ночью лететь, наверное, страшно, ничего не видно. Во всей округе света нет... Вот и зажигаю я свою свечу. Пусть люди видят, что жизнь здесь не закончилась... У меня железные бочки из-под солидола остались. Я туда плавленый воск заливаю, а внутри канат, вот

и получается большая свеча. Когда-то давно у нас в деревне свечной завод был, остался целый склад воска. Одной свечи на полгода хватает...

Микулай уходит в сарай. Рядом с домом Микулая ещё несколько подворий с деревянными домами и хозяйственными постройками. В разные стороны уходят две улицы. По обе стороны улиц дома, различные деревянные здания. Улицы выходят в поля, которые обрамлены заросшими густым лесом возвышенностями. И повсюду в домах, зданиях, на улицах, в полях видны изображающие людей куклы-фигуры. Они самых разных размеров, от совсем маленьких до человеческих, в разных позах и движениях. Куклы сделаны из разных материалов, из дерева, соломы, тряпок, железок, любых существующих в домах предметов. Большинство кукол в традиционных национальных одеждах кряшен. Микулай выходит из сарая с банкой молока в руках. Заходит в дом. Наливает молоко в деревянную маслобойку, начинает толочь мутовкой...

— Имя у меня тоже красивое... Микулай!.. Такое имя мне маменька нашла. Вообще, в паспорте у меня другое имя, Николай. Но мы же кряшены, мы по-татарски говорим, поэтому и имена по-татарски звучат. Маменька с любовью говорила, Микулай-й-й!.. Ми-ми-ми, красивая нота! Кулай! Кулай, значит, удобный, сподручный, со мной можно жить! Маменьку звали Марина! Не МарИна, а МаринА! (Ударение на последний слог.) Отец Вэчли! По паспорту Василий, в жизни Вэчли, вот так! Я же не только красивый кряшен, но ещё и богатый! Ужасно богатый! Может быть, один из самых

богатых людей в мире! У меня восемнадцать домов! Нет, девятнадцать. Это если считать целые дома, в которых можно жить. В каждом доме хозяйство да баня! А ещё тринадцать разрушенных домов. У меня свой магазин, фельдшерский пункт, своя школа, контора, деревянная церковь, правда, без колокольни, но ещё крепкая, хорошо стоит... Ещё есть конная ферма, свиноферма, яблоневый сад, пасека! Сверх того, у меня около тридцати гектаров земли! Да ещё какой земли! Кормилица земля, что ни воткнёшь в неё, всё растёт! У кого ещё есть такие богатства?! А вокруг нашей деревни! Сплошные леса, да горы! Красота неописуемая! А внутри земли нефть! Вон, по всем горам нефтяные вышки стоят! Где ты ещё найдёшь такой земной рай?!.. Вот только одного не хватает моей деревне... Озеро!.. Раньше посреди деревни было большущее озеро! Вода чистейшая, прозрачная! Я был очень маленький, но помню эту чистоту... Рыбы, лягушки, головастики, пиявки, даже черепахи жили в этом чудном озере. Рыбы было так много, что в воду без трусов не войдешь!.. В один день небо стало чёрным, эта чернота стала опускаться вниз... Все дети испугались и разбежались по домам... С неба опустился чёрный столб, прямо на озеро. Столб стал кружиться и поднимать озеро наверх. Вместе с рыбами, лягушками, головастиками, пиявками и даже черепахами. На следующий день поднялось солнце, и дно озеро стало сухим... Может быть, после этого люди стали уезжать из деревни?.. Уезжать и умирать?.. Правильно, как же можно жить в деревне, где нет озера? Так что, не такой уж я и богатый, у меня нет своего озера... А люди уезжали из деревни. Кто на Север, кто на Юг, кто в Казань. Уезжали работать, учиться, лечиться, жениться... И никто не возвращался обратно. Те, кто остался, все умерли. Не осталось в нашей деревне ни одного человека. Всех своих односельчан, кого я помнил и не помнил, я сотворил в таком вот виде... Из старых тряпок, кожи, подушек, поленьев, посуды... Когда люди уезжают, они, почему-то всё оставляют в своих домах. Ничего с собой не забирают, даже фотографии. Вот они, мои односельчане, живые и мёртвые, все передо мной!.. Может быть, они собираются вернуться? Я же живу здесь, даже без озера... Вода, слава Всевышнему, в колодце есть всегда... Пойду, выгружу молоко в ледовый погреб...

Микулай с маслобойкой уходит в сарай. Через какое-то время возвращается с плошкой, наполненной картошкой. Моет картошку, разводит огонь в уличной печи. Вымытую картошку выкладывает в чугунок, ставит на огонь. В небе слышен звук самолёта.

— Третий самолёт пролетел... Сейчас буду варить картошку, надо покушать... Когда я был маленький, появился колорадский жук. Все говорили, что этот жук живёт на одном месте двенадцать лет. Я просчитывал каждый год. Прошло двенадцать, двадцать, сорок лет... Я собираю жука руками, потом сжигаю в огне... Поэтому картошка мелкая. В детстве, до появления жука, картошка была ого какая! Вот такая!.. Картошку варю нечищеную. Так, говорят, полезнее...

Микулай заходит в дом, встаёт перед куклой матери.

— Я очень хорошо понимаю отца... Он увидел тебя и сразу полюбил. Разве можно было не любить тебя... И свадьба была, и венчание... Маменька! Тебе двадцать лет!.. Я сидел в твоём животе больше года, пятнадцать месяцев! Ты носила меня как самка верблюда, пятнадцать месяцев! Видать, мне было так хорошо в твоём животе, что я не хотел выходить! А ты терпела меня в себе, хотела продлить моё удовольствие! Ни лекарь, ни повитуха не могли ничего поделать! Я родился и ты в этот же день умерла! Я пришёл в этот свет с длинными волосами, зубами и ногтями! Отец рассказал мне, родившись, я протянул руку к огурцу. Он дал мне его и я начал его грызть... Прости меня, мама. Тебе было всего двадцать лет...

Микулай какое-то время молчит, затем поворачивается к кукле отиа.

— Кряшены как-то по-особенному любят детей. Мне кажется, что ни один народ в мире не любит так своих детей как кряшены... Мой отец был совсем молодым, когда маменька ушла из этого мира. Мы остались вдвоём... Отец работал пастухом. Тогда в деревне было большое стадо. Коровы, овцы, лошади... Отец часто брал меня с собой. Тогда я твёрдо решил, что буду таким же, как отец, тоже буду пасти скот... Это была моя мечта. Интересно, кто-нибудь из людей в этом мире мечтал стать пастухом? Но даже этой мечте не суждено было сбыться... Я вырос. Но коровы, лошади, овцы и даже свиньи исчезли... Мне было так хорошо с отцом... Так весело, уютно, тепло... После моего рождения в нашем доме не появилось ни одной женщины, отец не привёл. И сам отец тоже никуда не ходил. Потому что он очень сильно любил меня. Жалел. Щадил. Я же был ребёнком, который рос без матери... Спасибо тебе, отец...

Микулай выходит из дома. Подходит к уличной печи, снимает чугунок, ставит его на стол. Приносит из дома тарелку, ложку, чашку с маслом, соль. Садится кушать. По двору распространяется аромат свежесваренной картошки. Микулай кушает с большим аппетитом, смачно причмокивая. Звук самолёта.

— Четвёртый пролетел... Мы, кряшены, не очень большой народ. Мы не китайцы, нас не так много. Поэтому каждый человек на счету... Но нас никто насильно не крестил. Нельзя насильно изменить веру человека. Мы всегда верили в пророка Иисуса... Когда-то мы жили на далёких землях и кочевники угрожали нашему народу. Поэтому мы пришли к татарскому народу... Татары сильный народ, нам было спокойно и безопасно... Мы изучили татарский язык, стали жить вместе с татарами. Позже нас стали татарами называть... Я не против... Народ должен быть сильным и многочисленным. Иначе задавят, уничтожат...

Микулай доедает, вытирает рукой губы, убирает посуду. Встаёт, выходит на улицу. Идёт по улице. На траве лежит фигура мужчины с радостным лицом. В руках бутылка с мутной жидкостью.

— Шашук, самый счастливый человек в Сарсаз Кюле... Ни одного дня не был трезвым. И спал всегда с открытыми глазами! Чудо-человек!

Микулай идёт дальше.

— Надо проверить электрическую систему... Правда, у нас в деревне света нет. Но могут дать в любую минуту! Поэтому все провода, все лампочки должны быть в рабочем состоянии, и дома, и на улице. Иначе дадут резко свет, а я и не узнаю — лампочки перегорят. Поэтому каждый день я проверяю все лампочки в деревне. У меня дома даже магнитофон включённый стоит, даже кассета вставлена. Включат свет, у меня сразу музыка заиграет. Ни света, ни дороги в деревне нет... Думаю, может, поэтому никто не возвращается. Ни озера, ни дороги, ни света! И от Казани, к тому же, далеко! Целых четыреста километров! Это только на самолёте быстро, а на машине целый день добираться. А если и доберёшься?.. У нас же вокруг деревни глина, после дождя утонуть можно. И деревня у нас называется Сарсаз Кюл! Сары саз! Жёлтая глина! Я думаю, что из-за этой глины и жили здесь всегда спокойно. Кряшены — мудрый народ! Какой враг, какой кочевник сможет сюда добраться! Здесь же в непогоду даже на тракторе, даже на танке не проедешь! А если бы и добрались досюда кочевники, то что здесь заберёшь?! Козу? Кур? Плётку?.. Заберёшь ты козу, как её тащить до Монголии?! Не знаю даже, откуда они совершали эти набеги? Если бы в сорок первом году фашисты не замёрзли под Москвой, и дошли до Сарсаз Кюля, то война закончилась

бы именно здесь! Они бы все здесь потопли вместе своими танками и пушками! Ни один враг не сможет пройти дальше Сарсаз Кюля, вот так!.. Так что нет ни света у нас, ни дороги! Конечно, ради меня одного никто давать свет, прокладывать дороги не будет! Один человек не в счёт! А сколько нужно людей, чтобы дали свет, открыли дорогу? Пять, десять, тысяча? Есть ли такая норма, чтобы к человеку относились почеловечески?.. Если бы я был хозяином страны, я бы каждому человеку давал свет и прокладывал к нему дорогу...

Микулай подходит к маленький избушке. У избы четыре окна. К каждому окну прилипли по несколько мальчишеских фигур, слепленных Микулаем. Изба буквально облеплена этими подростками. Мальчишки заглядывают в окна, у некоторых лица повёрнуты назад. На этих лицах застывший восторг.

— Дом Анфисы... А это всё мои друзья. Деревенские мальчишки, вместе с которыми я рос. Каждую ночь мы стремились попасть сюда. Этот дом был для нас самой главной школой жизни! Анфиса была нашей любимой учительницей. Она учила нас получать удовольствие, учила нас жизни, учила любви. Каждую ночь мы прилипали к этим окнам и тихонько стучали по стеклу. В доме загоралась свеча, и в одном из окон появлялось лицо Анфисы. Это было самое прекрасное лицо на свете. Такие лица я видел только на иконах в больших каменных церквях... Она манила пальцем одного из нас. Счастливчик шёл к двери, она открывалась и этот шалопай попадал в мир райских наслаждений. Мы никогда с друзьями не ругались, терпеливо ждали своей очереди. Мне такое счастье выпадало редко, всего несколько раз... Ранним утром отец встречал меня на подворье и долго порол пастушьей плетью, потому что он отлично знал, где я провёл эту ночь. Я кричал, вопил от боли, извивался, но безумно радовался своей счастливой судьбе... Только два человека из нашей деревни не ходили к Анфисе в гости. Это Григорий, он стал известным писателем. Как уехал из деревни, больше мы его не видели. Второй, это Пётр, он вырос в большого начальника. Вот он мог бы решить вопрос со светом и с дорогой. Видать, не хочет!.. Григорий, писатель, никогда к Анфисе близко не подходил. Я всегда думаю, о чём он может писать, если он не прошёл через любовь Анфисы! Что он может знать об этой жизни? Мне кажется, что всю жизнь он изучает через книгу! У него на чердаке я нашёл книгу. Антуан де Сент Экзюпери! Ночной полёт называется! Я тоже многое узнал конечно, хорошая книга!.. А этот мерзавец Пётр приходил к дому Анфисы! Днём, пока нас нет, и писал на воротах «Анфиса — блядь!» Мы его били. А он всё равно приходил. Приходил и писал, приходил и писал, а мы его били и били! А вот же он сам!..

Микулай снимает с забора совсем маленькую куклу подростка со злым лицом. Он бросает эту куклу наземь, несколько раз пинает её, потом выбрасывает далеко в поле. Подходит к воротам и стирает надпись «Анфиса — блядь!» Идёт к двери в избушку и открывает её. Там стоит кукла прекрасной молодой женщины в нижнем белье. Микулай недолго смотрит на неё и закрывает дверь.

— В один из вечеров в этом доме горел свет. Мы прилипли к окнам. Анфиса стояла на коленях в углу и молилась. В этот вечер она не подошла ни к одному из нас. Мы пришли и на следующий вечер, и на другой, и ещё долго приходили... Анфиса больше не пустила к себе никого. Примерно через полгода она родила ребёнка и уехала из деревни. Мы все выросли. В деревне было много девушек, так что опыт Анфисы ещё как нам пригодился! Потом настал 80-й год. Моих друзей стали забирать в армию. Многие ушли в Афганистан. Я тоже просился, даже заявление писал. Но у меня была позорная болезнь. Энурез... Моя простыня по утрам была мокрой. Чего я только не

делал, даже верёвкой перевязывал свой член... Вскоре стали приходить гробы. Цинковые. Половина из них вернулась в гробах. Остальные просто не вернулись. Кто остался в армии по контракту, кто-то поступил учиться, кто-то устроился на работу в Казани, в Челнах... Приезжали только на Покров, Троицу и Питрау... А сейчас и праздников не стало...

Художник Нико Пиросманишвили имел в творчестве такую логику: хороших людей я рисую крупно, а плохих мелко. Примерно такая же логика была у Микулая: самых дорогих людей он воссоздавал крупно, тщательно, мерзавцев, ничтожных людей изображал в виде маленьких, простеньких кукол. Все куклы Микулая с широко открытыми глазами.

Микулай возвращается на своё подворье. Заходит в курятник. Выходит с полной плошкой яиц. Там ровно десять штук. Вид у него счастливый. Он разбивает скорлупку, сыплет крупную соль и сочно выпивает яйцо. Не торопится. Затем выпивает остальные десять.

— Как же хороша деревенская жизнь!.. Только я захожу в курятник, одна из кур сносит новое яйцо! Его же нужно выпивать именно в свежем виде! Пока оно ещё тёплое! Курица же теплее человека, особенно несушка, поэтому и яйца несёт тёплые! Нужно успеть употребить! Кто в городе может позволить себе такое удовольствие? Только эти... Как ещё... Аллигаторы... Агрегаторы... Алигархи! Точно! Не хуже алигарха живу!..

В небе слышен звук самолёта. Микулай жмурится, смотрит на небо.

— О, пятый самолёт пролетел? Алигархи летят! Тёплого куриного яйца им не принесут! Кто-нибудь подаст им в самолёте парного козьего молока? Так кто же есть настоящий алигарх? Конечно же я! Я давно уже где-то слышал, что самые богатые люди в мире живут без сотовых телефонов и интернета! Так это же я! Ни телефона у меня, ни интернета! Так что я со всех сторон подхожу под алигарха!..

Микулай заходит в дом. На подоконнике стоит катушечный магнитофон.

— Вот мой магнитофон! Жалко, что без света не работает... Даже кассета вставлена. С хорошей музыкой. На английском языке. Когда мы росли, такая музыка была в моде. Ни слова не понимали, всё равно слушали... Мода! Я даже выучил одну песню. Естердэй называется... Хорошая песня, грустная, монлы...

Микулай подходит к кукле отца. В руках отца гармонь, на голове кепка. Микулай долго смотрит на отца. Обнимает. Поднимает. Переносит к кукле матери, сажает рядом. Кукла отца значительно меньших размеров. Кладёт руку отца на пояс матери.

— Отец... Мой дорогой отец... Как ты меня порол... Как хорошо ты меня порол... Это были самые счастливые дни в моей жизни. Если бы я был отцом, я бы тоже своего сына порол. С большим удовольствием... Ты всё привык делать обстоятельно, не торопясь. Ты выбрал в колхозном стаде родившегося бычка и принёс его зимой в наш дом. Этот младенец спал у нас на полу, сосал молоко из соски. Такой беспомощный, тёпленький, я иногда ложился на пол рядом с ним. Я тогда даже подумать не мог, что из этого беззащитного существа вырастет свирепый бык. Я его боялся, трусил даже подходить к нему. Когда ты гнал Борика по улице, такое имя было у быка, все люди прятались за своими воротами! В один из дней появился странный запах... Он шёл из твоего рта... Нет, я знал, как пахнет водка, самогон, успел попробовать. Я даже знал как пахнет перегар изо рта алкашей... Но это был совсем другой запах, неожиданный

для меня. Ты же никогда не пил, ни разу, ни по какому празднику. Ты не хотел, чтобы я увидел тебя пьяным. Это был запах предательства. В тот день я понял, что скоро в нашем доме появится женщина. Я уже вырос и отец может себе позволить какие-то удовольствия... В тот день отец был весёлым и красным. Даже глаза были красные как у быка. Отец пошёл кормить Борика. Я вышел за ним во двор. Отец зашёл в абзар... Тишина... Затем раздался сдавленный крик. Я бросился в хлев. Отец стоял прижатым к стене. На груди у него была голова Борьки... Одного рога не было видно. Отец смотрел на меня широко открытыми глазами. Он стоял на ногах и смотрел на меня, будто не мог насмотреться... Я никогда не мог понять, зачем умершему человеку закрывают глаза. Если человек ничего не хочет больше видеть, он умирает с закрытыми глазами. А если глаза человека открыты, значит, он хочет посмотреть на этот мир. Отец смотрел на меня, его глаза были живы...

Вскоре пришли соседские мужики, связали Борьку, повалили на землю, перерезали горло. Весь пол абзара был в крови... Отца занесли в дом, закрыли ему глаза.

Я умру с открытыми глазами. Потому что даже после смерти я хочу смотреть на этот мир. Я буду самым счастливым из покойников, потому что никто не сможет закрыть мне глаза, поскольку вокруг меня нет ни одного живого человека...

Мясо Борьки я не ел, раздал соседям... Не мог же я есть мясо своего друга, с которым спал на холодном полу... Не мог же я есть мясо чудовища, которое убило моего отпа...

Микулай подходит к фигуре отца, снимает с его плеча гармонь, берет её в руки. Надевает себе на голову его кепку. Выходит на улицу.

— Вот так, с гармонью в руках, шёл по улице молодой Вэчли! А вслед за ним выстраивалась вся деревня! Дети, бабушки, дедушки, его друзья, но самое главное — все деревенские девушки! Сколько было радости! И запевал он эту песню! Вся деревня хором подпевала, так пел Вэчли! Эх!.. Эх, как он пел!

Микулай запевает народную кряшенскую песню «Париж, Париж» («Пыяла кукэй»), лихо играет на гармони. Никто за ним не идёт...

Пыяла кукэй тэгэрэттем, Аппагым, (2) Париж, Париж, Парижларга житсен дип, (2) Сэлэм хатлары жибэрдем, Аппагым, (2) Париж, Париж, Парижларга житсен дип. (2)

Ат остендэ бик куп йордем, Аппагым, (2) Каеш, каеш, каеш дилбегэ тотып, (2) Бу доньяда бик куп йордем, Аппагым, (2) Кайгы, кайгы, кайгы хэсрэт белэн. (2)

Ат аягында богау бар, Аппагым, (2) Богау, богау, богау кисэр игэу бар, (2) Монайма баш, тугелмэ яшь, Аппагым, (2) Мон кисэргэ, Мон кисэргэ жыру бар. (2)

Сыгылма каен астында, Аппагым, (2) Чэчен, чэчен, чэчен тарый бер матур, (2) Чэч очлары сары алтын, Аппагым, (2) Саргайтадыр, саргайтадыр шүл матур. (2)

Микулай идёт по улице, доходит до бывшей деревенской церкви. Перед входом в церковь стоит огромная фигура Попа. Микулай останавливается, откладывает гармонь в сторону.

 Я никогда его не видел... Все попы похожи друг на друга. Думаю, что наш отец Филипп был именно таким. Когда я начал шить эти куклы, я думал, что больше всего моих односельчан я поставлю на этом месте, возле церкви, рядом с попом... Но я никого не смог поставить рядом... Я вижу тебя одиноко стоящим возле разрушенной церкви... Когда-то ты учил всех праведной жизни, учил людей молиться, крестил новорождённых, отпевал усопших, ты был святым отцом для жителей деревни. Ты был самым уважаемым человеком. Но сто лет назад, всего лишь сто лет назад сюда пришли люди с красными флагами, вытащили тебя из храма божьего, привязали за ноги к лошади и таскали с криками по всей деревне. Во, был какой праздник! Всего лишь сто лет прошло! Ещё были живы наши бабушки и дедушки! А после этого, тебя, ещё живого, сбросили в озеро, на самую середину. Отвезли на лодке и сбросили! Ты ещё дышал!.. Поэтому я не смог никого из твоих односельчан поставить рядом с тобой. После этого они разрушили колокольню, разворовали иконы, а в церкви сделали склад. Мусорку! И воск со свечного заводика тоже здесь сложили. Я здесь беру воск для своих свечей... Вообще-то в историю с озером я не очень верю. Когда чёрный столб унёс озеро и дно совсем высохло, я часто бывал там. И не нашёл твоих костей... Либо чёрный столб унёс твои кости вместе с озером... Либо ты, как истинный Святой, как Иисус Христос, вознёсся на небо, до того, как утонул в озёрной воде. Прости всех нас, если сможешь, отец Филипп... Когда настанет зима, я занесу тебя в церковь, там будет теплее...

Микулай бредёт по улице дальше, гармонь висит на плече. Подходит к столбу, приставляет лестницу, поднимается и проверяет лампочку наверху столба. Спускается, идёт дальше. Подходит к дому, где жил будущий писатель Григорий. На заборе сидят небольшие фигуры. Это сам Григорий, его жена и пятеро детей.

— Это дом писателя Григория... Мы росли вместе, но я его совсем не знаю. Его отец, дядюшка Андриян, был учителем в школе, в которую мы ходили... Его дедушка, дядюшка Гена, был директором этой школы. Его расстреляли в 38-м году. Григорий закончил школу, уехал в Казань учиться и не вернулся. Приезжал несколько раз, но я его не видел... Несколько раз я заходил в этот дом, проверить проводку, заменить лампочки. Он ничего не оставил. Кроме одной книги. Антуан де Сент Экзюпери... «Ночной полёт». Я читаю эту книгу каждый день... Зачем ты уехал, Григорий? Ты же писатель. Можно жить в деревне и писать. Ни твой дед, ни твой отец не бросили деревню. Вон, оба лежат на нашем кладбище! Ты уехал из-за того, что улетело озеро? Так ты же в нем не купался! Ты даже на рыбалку не ходил! Что ты за странный человек?! О чём ты вообще можешь писать? Ты же ничего не знаешь о жизни! Ты же яблоки воровать с нами не ходил! Драться с соседними деревнями не выходил! На питрау не боролся, в скачках не участвовал! Ты даже к Анфисе не ходил! Думаешь, школа твоего дедушки была настоящей? Нет, школа Анфисы была настоящей! Если бы я был писателем, я бы никогда про тебя книгу не написал, потому что писать о тебе нечего! Вот про Антуана Экзюпери можно написать, весь народ будет читать! Что ты сам можешь написать? Я знаю, ты все придумываешь! Даже Анфису! Но Анфису нельзя придумать! Её нужно знать, живую, тёплую, настоящую! А без Анфисы какой может быть интерес в твоих книгах? Ты уехал в Казань и женился на русской девушке! С квартирой! Хорошо устроился! У тебя пятеро детей! Все носят фамилию Москвин! И все в Казани думают, что твои дети русские! А они же кряшены, потому

что ты сам кряшен, Григорий Москвин, это твоя кровь! Мы же маленький народ, мы вообще можем скоро исчезнуть! Эй, если вы встретите в Казани человека с фамилией Москвин, знайте, что он кряшен! Точно так же Портнов, Родионов, Гаврилов, Егоров, Симашев, Юкачев, Тавлинов, Дунаев! (Загибает пальцы.) Десять фамилий из Сарсаз Кюл! (Назвал девять.) Это всё кряшены, не русские! Эй вы, знайте, половина Казани — это кряшены!.. (Пауза.) Извини, Григорий! Я очень жду тебя, Григорий Москвин! За домом твоим я присматриваю, не переживай. Крыша не течёт, фундамент стоит ровно, проводка в порядке, я проверяю, так что жить можно. Привози жену, детей, научим их родному языку. Книги свои привези. Я же ни одной твоей книги не читал!.. Может, я зазря тебя ругаю... Может, ты пишешь даже лучше чем Экзюпери?

Микулай с гармонью на плече бредёт обратно по улице. Останавливается возле маленькой избушки Анфисы. Кладёт гармонь на землю. Смотрит на прилипших к окнам подростков. Подходит к одному из них, поднимает за плечи, несёт фигуру к двери.

— Идём, Ардук (*Аркадий*), дружище, идём! Ты так хотел быть счастливым... И ты должен был стать счастливым, Ардук... Если бы не война... Если бы не случилась война...

Микулай резко открывает дверь избушки и буквально забрасывает туда фигуру Аркадия. Затем идёт к окнам, снимает фигуры подростков и сажает их на землю, прислонив к завалинке дома. Присаживается на скамейку.

— Не торопитесь, дружки мои... Будет и на вашей улице праздник... Я тоже жду её... Если бы она вернулась, я бы, наверное, женился на ней. А чего мне не жениться? Я ещё не старик... А её ребёнок... Её ребёнок может быть и моим. Нет, он может быть и вашим, любого из вас. Но я почему-то думаю, что это мой ребёнок. Точно мой! Потому что эта ночь была как сказка! Половину ночи я поднимался по какой-то волшебной горе... Высокая гора, такая как Фудзияма. Поднялся. Поцеловал у Анфисы сосок и половину ночи спускался обратно... Даже если ребёнок Анфисы не мой, я всё равно буду считать его своим. Вы же все мои друзья. У татар в древние времена был такой обычай. Если мужчина уходил на войну и не возвращался, то кто-то из близких должен был жениться на его жене. Особенно, если у него оставались дети. Так что я даже должен жениться на Анфисе! Анфиса была бы хорошей женой. Она красивая, чистоплотная, горячая в постели, готовит хорошо. Такая, как Анфиса, никогда не будет гулять от законного мужа, потому что она нагулялась, на всю свою жизнь нагулялась! Прекрасная будет жена!.. Вот только как её теперь найти? (Встаёт, осматривается по сторонам.) Я гляжу, у Анфисы нужника нет. Не то что женщине, даже мужику без нужника никак нельзя! Это нас татары этому научили. Такой порядок! Вроде бы никого в деревне нет, всё равно стыдно. Особенно женщине! Да и самолёты летают! Всякое может быть! Анфисе надо нужник соорудить, так она быстрее вернётся! Пойду домой, материал подберу, завтра с утра займусь стройкой...

Микулай идёт в сторону своего дома. Проходит мимо пьяницы Шашука. Проходит на подворье, заходит в дом. Ставит гармонь на скамейку. Смотрит на фигуры отца и матери. Поправляет матери платок.

— Моя бабушка, бабушка Уксинэ (*Аксинья*) всё время приговаривала, если мужик остаётся без бабы, он долго прожить не может. Вот баба без мужика терпит, а мужик никак! Умирает! Если только пить не начнёт! Как Шашук! Ему же кроме огненной жидкости ничего не надо!.. Но я думаю по-другому. Мне кажется, что мужик умирает, потому что хочет быстрее попасть к своей любимой. Он торопится к ней, поэтому и зовёт свою

смерть! Но если так рассуждать, то получается, что я тоже должен торопиться к своей жене, я же тоже её потерял. Но я к ней не тороплюсь, мне и здесь хорошо... Может, я её не любил, если я не спешу умирать? Вот об этом надо подумать! Вообще, я смерти не боюсь. Для умирающего смерть не страшна. Она страшна для тех, кто остаётся. Если после меня никто не остаётся, то и бояться нечего! Никто после меня ни плакать, ни страдать, ни убиваться не будет! Моя смерть не принесёт никому горя и страданий, поэтому это будет счастливый миг... Даже Анфиса горевать не будет! Она вообще про меня ничего не знает! Не знает, что я могу быть отцом её ребёнка! Для неё это не имеет значение. Самое главное, что у неё есть сын! Пусть живёт и не горюет! Я умру тихо, спокойно, и никто не закроет мне глаза... (Задумался.) Ладно, что-то попа зачесалась, пора баньку топить.

Микулай выходит из дома, идёт к поленнице, набирает охапку дров. Идёт к бане. Баня низкая, без трубы, топится по-чёрному. Микулай заходит в баню. Открывает настежь дверь, окна. Из бани начинает валить дым. Появляется Микулай в нижнем белье. Он подходит к колодцу, спускает ведро, набирает воду, поднимает ведро. С ведром в руках.

— У кого ещё в этом мире есть такая баня? Сруб из столетней сосны! Потолок из осины! Камни-валуны со дна нашего озера! Веники! Молодой дуб и травы с наших полей! Вода изумрудная!.. Вода изумрудная!.. Жемчуг!.. Я алигарх! Я алигарх!..

Микулай выливает на себя одно ведро воды за другим, восторженно кричит при этом. Подворье заполняется белым дымом...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Подворье Микулая. После полудня. Тишина. Сгустки либо дыма, либо осевшего пара. Микулай сидит в старом кресле. На нём потрёпанный махровый халат с заплатками. Ноги, в белых валенках, закинуты на стол. На голове широкая шляпа. В одной руке книга Экзюпери, во второй самокуртка, свёрнутая на манер сигары. Микулай затягивается «сигарой». Рядом стоит старинный самовар с трубой, валит дым. На печи стоит казан, под ним горит огонь. Микулай читает книгу, произносит текст по-русски, медленно, с паузами, иногда по слогам, с сильным акцентом.

— Где-то ведут сейчас борьбу почтовые самолёты. Ночной полёт тянется долго, словно болезнь. Возле самолёта надо дежурить, как у постели больного... Я больше ничего не видел. Конечно, радио сообщало, это верно... Но бортовой огонь почти исчез, я даже не видел собственных рук. Хотел включить головную фару, чтобы хоть крыло самолёта разглядеть, всё такая же тьма. А тут ещё мотор стал барахлить... Хотел набрать высоту — попал в завихрение... Вместо того чтобы подняться, я потерял сто метров. И уже не видел ни гироскопа, ни приборов. И всё это в темноте. Как болезнь... Ну и обрадовался я, когда увидел освещённый город! (Ухмыляемся.) Ну и даёт этот Экзюпери! Мне кажется, он в молодости тоже к девкам бегал!

В небе пролетает самолёт. Микулай откладывает книгу.

— Седьмой... Пусть летают... Пусть смотрят... Пусть завидуют... Я так каждый день живу. Я привык... (*Наливает чай, берёт ложкой мёд из банки*.) Мёд свой... У меня же своя пасека. Липовый мёд... Какой же ещё? Там же одни липы растут!

(Подходит к казану, поднимает крышку.) Так, так... Сегодня у нас грибной суп. Грибы белые, свои, из леса, чуть-чуть подсушенные... Вода своя, из колодца. Так, так...

(Проверяет ингредиенты на столе, помешивает суп половником.) Конский шавель, свой, собран на улице! Картошка своя! Покрошена мелкими кубиками! Корень петрушки свой! Со своего сада! Морковь, укроп, всё своё! Каймак тоже свой! Красный перец сам вырастил, свой! Соль тоже своя! Я же купил её в магазине, в районе... Всё своё, суп тоже свой!.. Ах, какой аромат! До самого неба поднимается, до самолёта! (Подходит к казану, наливает две тарелки супа, ставит на стол, начинает кушать.) Это мне!.. Это тоже мне!.. (Чистит большую головку чеснока, смачно откусывает.) Чеснок тоже свой, с огорода, на навозе вырос... Готовить такой знатный суп на одного — это большая бессмыслица. Супа-то много, а рот один! Вот если бы два рта было! Или же три! А ещё лучше пять или десять! Одна выгода от приготовления такого супа! На десять ртов. Все кушают... Чавкают! Кто-то любит жидкий бульон, кто-то гущину, как кашу... Все вытирают рот рукавом, салфеток в нашем доме нет. (Принимается за вторую тарелку.) Ничего, такой знаменитый суп не пропадёт! Я его сам съем, и бульон, и гущину! Бабушка Уксина говорила, что настоящий суп только на второй день свой вкус набирает, а уж истинный аромат появляется только на пятые сутки. Погреб у меня хороший, так что не пропадёт хороший суп. (Доедает. Вытирает рукавом рот, убирает тарелки.)

Микулай заходит в дом, переодевается в уличную одежду. Выходит из дома.

— Я пошёл к Журавлёвымі.. (Прислушивается.) Тишина!.. Всегда было так. Когда я выходил из дома, отец говорил мне «не запаздывай!». В этом его «не запаздывай!» был глубокий смысл. Для меня это звучало как «береги себя», «я тебя очень жду», «ты мой единственный», «мне с тобой очень хорошо», «люблю тебя, сынок»... Когда я уходил к Журавлёвым, отец не говорил ни слова, потому что не любил Журавлёвых. А они были нашими самыми близкими соседями, общий забор. Они Журавлёвы. Мы Портновы. Жили Журавлёвы и Портновы по соседству много-много лет, наверное даже много веков. Отец не любил их, но уважал как соседей. Он был обязан их уважать!.. (Громко.) Я пошёл к Журавлёвым! (Прислушивается и выходит.)

Микулай выходит на улицу. Напротив дома, в траве лежит ещё один алкаш, Былудка (Володя). Рядом с ним бутылка, на лице улыбка.

— О, Былудка! Ещё один счастливый человек! Это лучший друг Шашука! Они никогда не встают на ноги! Перемещаются по деревне ползком! Если подумать, очень удобно. Никогда не упадёшь, ногу, руку не сломаешь, шею не свёрнешь! Да и засыпать удобно, не нужно ложиться. Там где остановился, там и уснул! Умели они вкусно жить, Шашук и Былудка. Вся деревня любила их, подкармливала...

Микулай подходит к соседнему дому Журавлёвых. Приличных размеров, крепкий ажурный дом, с резными наличниками. Перед высокими воротами выстроена группа фигур. Журавлёвы, которых знал Микулай. Старик Мэркум (Меркурий), маленький, сухой, с повязкой на одном глазу. Уртэмэй (Артемий), крепкий мужчина средних лет. Палукай, жена Уртэмэя. Анук (Анна), Анич (Анисья) и Барук (Варвара), их дочери. Все трое беременны. Отдельно стоят три фигуры Нэчтук (Настя), маленькая, средняя и большая. Вокруг фигур Журавлёвых, на земле, выложена детская железная дорога. Большой игрушечный паровоз, несколько пассажирских вагонов.

— Это Журавлёвы, наши соседи... Самый старый Журавлёв, дядюшка Мэркум. Он рассказывал, что его отец умер на русско-турецкой войне. Это 1877-й год, я в школьной библиотеке прочитал. А сам он умер три года назад, в 2016 году. Получается, что ему было как минимум 140 лет!.. Вот так вот! Получается, что простой кряшенский мужик Мэркум Журавлёв прожил дольше всех на свете! По статистике кто-то там прожил

120 лет! А дядюшка Мэркум 140! Какая там Япония, какие горы Кавказа, только у нас это возможно в деревне Сарсаз Куле!.. Здесь нет ни моря, ни гор, ни мягкого климата. а человек прожил сто сорок лет! Не нужно забывать, что всю жизнь курил и пил самогон! Иногда вместе с Шашуком и Былудкой ползал! Питался всю жизнь чем попало! Никогда врачам не показывался. Все зубы на месте были, умер со здоровыми зубами! Да и умер он не по своему желанию. Провалился в погреб и пролежал там три дня. А до этого бегал как молодой козлик! Я его сам в погребе нашёл. В деревне уже никого не осталось. Сам отпевал и сам похоронил... С открытыми глазами похоронил... Точнее, с открытым глазом. У него же всего один глаз был. Родился таким. Поэтому его в армию не брали. А войн в его судьбе было много. Японская война, первая мировая война, гражданская война, вторая мировая война... Всех мужиков забирали на войну. А дядюшка Мэркум оставался в деревне! Он был маленький, высохший, одноглазый, пропахший водкой и табаком, но женшины его всё равно любили. Потому что других не было! Говорят, что был дядюшка Мэркум ходоком по всем деревенским избам. А что было делать? Как-то надо было жить! Так что долгая жизнь — это вам не море и не горы, это жизнь без войны! Мой отец как-то сказал мне, что не верит, что дядюшка Мэркум родился без глаза. Отец считал, что дядюшка Мэркум сам себе выколол свой глаз. Чтобы остаться в живых... Чтобы продолжить свой род... Может быть, из-за этого глаза мой отец ненавидел всех Журавлёвых. Наши деды уходили же на фронт и не возвращались. Может, мои тоже прожили бы 140 лет. (Задумывается на какое-то время. Продолжает рассказ.) Это дядюшка Уртэмэй, внук дядюшки Мэркума. Для германской войны родился поздно, для афганской рано, поэтому остался в живых... Всю жизнь был охотником. Я с детства любил их дом, потому что здесь было много ружей, и собаки борзые. Дядюшка Уртэмэй ходил на зайца, лису, бобра, волка. Говорят, в молодости он даже медведя брал. Я не мог понять, откуда в нашей деревне взялись эти худые, гибкие, горбатые собаки. Они не были похожи на наших акбаев и каратушей, поэтому борзые старались держаться от них подальше. Однажды осенью на наше озеро спустились два лебедя. Опустились отдохнуть, далеко им было лететь в тёплые края. Неподалёку от озера шёл дядюшка Уртэмэй. В руках у него был топор. Он не раздумывал ни одного мгновения. Резко побежал к озеру, забежал в воду и кинул топор в одного лебедя. Лебедь птица большая, крылья широкие, взлетает медленно... Топор дядюшки Уртэмэя попал лебедю прямо в грудь. Второй лебедь долго кружил над озером высоко в небе, затем скрылся из виду... Наш сосед отнёс мёртвую птицу домой, вернулся обратно с ружьём. Спрятался в кустах, затаился... Второй лебедь вернулся через два дня. Опустился на озеро, склонил голову к воде. Выстрел прозвучал в этот же миг. Дядюшка Уртэмэй разделся и медленно поплыл за мёртвой птицей. Может быть, за это мой отец не любил всех Журавлёвых? Они же съели этих лебедей! Обглодали им кости, чавкали, хвалили вкус птицы!.. Зимой того года дядюшка Уртэмэй пошёл на охоту в лес. Ему на спину с высокого дерева прыгнула рысь. Ружьё выпало из рук, достать нож он не успел, большая кошка перегрызла ему горло. Рысь не тронула тело дядюшки Уртэмэя, ушла своей тропой. Нашли дядюшку Уртэмэя только через три дня. Глаза ему закрыть не смогли, лицо было сильно замёрэшим. Так и похоронили с открытыми глазами... В семье Журавлёвых было четыре дочери. Дядюшка Мэркум всегда был хозяином в этой семье. После смерти внука, дядюшки Уртэмэя, он сказал, что нужно отправлять девочек учиться в город. У деревни никакого будущего нет! К этому времени нашего озера уже не было, его унёс чёрный столб. Три старших девочки, одна за другой, уехали в Казань. Учиться!.. Красивые были девочки, быстро вышли замуж, начали рожать детей. Стали городскими жительницами! Сердце дядюшки Мэркума не выдержало, он поехал в город проведать своих правнучек! Девочки жили в разных общежитиях, поэтому дядюшка Мэркум остановился у нашего писателя Григория Москвина, тот жил своей квартирой. Ночью, перед сном, дядюшка Мэркум очень сильно захотел справить нужду. Ходить в городской туалет он не умел. Не мог себе позволить сесть голым задом на белую чашу. На полусогнутых ногах он выскочил во двор. Зашёл за угол, начал справлять нужду. Сразу же появилась милиция. Вошли в положение, поняли старика, забрали у него половину денег... Полночи дядюшка Мэркум ходил по городу. Наконец нашёл заброшенную стройку, забрался туда. Только спустил штаны, огромная как лев собака бросилась на него. Дядюшка Мэркум еле унёс ноги. Сел на автобус и с перепачканными штанами вернулся в деревню. Младшая дочь Нэчтук, он сказал, останется в деревне. В город не пущу! Его покорная невестка тётушка Палукай безропотно согласилась. Других парней, кроме меня, поблизости не было. Они предложили мне жениться на Нэчтук... В моей жизни было три Нэчтук. Маленькая Нэчтук. Мы росли с ней вместе. Ходили из дома в дом, играли, катались на санках. Нам было весело и хорошо. Однажды, когда мы летом купались в озере, я увидел то, что находится у ней между ног, её письку... Меня как молнией пробило. Все сжалось в груди и во всех других местах. Я сразу убежал домой и спрятался в бане. С того дня я вычеркнул маленькую Нэчтук из своей жизни. (Переводит дыхание.) Вскоре появилась в моей жизни вторая Нэчтук. Мы учились с ней в одной школе, сидели за одной партой. Я не мог толком запоминать урок, потому что всё время думал о том месте, которое находится у Нэчтук между ног. Разговаривать с ней я тоже не мог, потому что мой голос дрожал и выдавал меня. Я понял, что эта вешь между девичьих ног является самой важной и нужной вещью в мире. Однажды я перелез через забор к Журавлёвым и спрятался в крапиве за их нужником. Щели нужника были широкие и я многое мог там увидеть. Я просидел несколько часов, весь обжёгся крапивой, но услышал шаги, которые шли к нужнику. Я прижался лицом к вонючим доскам нужника. Открылась дверь, брызнул свет и появилась тётушка Палукай, мама Нэчтук. К счастью, я успел убежать и не видел, что она там делала... Мы выросли. Появилась третья Нэчтук. Я уже точно знал, что находится у Нэчтук между ног. Но это место у неё для меня было недоступно, поэтому появилась Анфиса. Я успокоился... Вскоре умер отец. Я остался один... В один из дней пришли дядюшка Мэркум и тётушка Палукай. Я сразу же согласился!

Микулай бежит в сторону своего подворья, забегает в дом.

— У меня был вот этот магнитофон! Песни на английском языке! Сильная мода была! Я выучил одну песню! К девушкам надо идти с гармонью и с песней! Я уже знал это! Отец! Я пошёл к Журавлёвым!..

Микулай выбегает из дома, снова бежит к Журавлёвым. Встаёт перед воротами, играет на гармони, поёт песню «Yesterday». Коряво, но с душой.

— Много ли надо, чтобы вскружить невинной девушке голову! Одной песни достаточно!.. Скоро мы поженились, была свадьба. Начали жить в нашем доме. У Нэчтук между ног было не так сладко, как у Анфисы, но в моей душе появилось что-то другое, это было желание иметь ребёнка! Болезнь инурез сразу кончилась. Я мог идти в армию. Но я уже не хотел в армию, я ждал ребёнка! Вскоре у Нэчтук появился животик, который рос с каждым днём. Я совсем забыл об Анфисе. Кажется, она к этому времени уехала в Казань. Я день и ночь работал в колхозе, было большое стадо, я зарабатывал денег! Вскоре родился сын! Я потерял голову от счастья! Поехал в Казань и купил своему сыну железную дорогу, с паровозом, с вагонами! Через день наш сын умер. Ни один врач не смог объяснить причину... Я вспомнил свою бабушку Уксину. Она говорила, что никогда нельзя слишком сильно радоваться. От излишней радости

и давление растёт и даже сердце может разорваться... Мы с Нэчтук были вместе, поэтому вскоре у неё снова появился животик. Я старался не радоваться. Наш второй мальчик прожил всего одну неделю. После этого я не радовался вообще. Третьего ребёнка мы ждали со страхом. Наш страх оправдался. Третий ребёнок умер через десять дней. А ещё через день Нэчтук повесилась. У себя в бане... Не в нашей бане, а в своей. Она висела с закрытыми глазами... Если бы не я, она бы не повесилась... (Пауза.) Три года я создавал эти фигуры... Три года я готовился к этому рассказу. Но моей душе не стало легче! Я хочу слышать человеческий голос!

Микулай бежит в сторону своего дома, забегает на своё подворье. У него начинается истерика.

— Я всё время говорю и говорю, потому что я боюсь, что я забуду человеческую речь и мой язык отсохнет! Но я должен слышать голос живого человека, иначе мои уши перестанут слышать! Я больше не могу так жить! Мне надо уехать отсюда! Нет больше деревни Сарсаз Кюл! Есть только Сарсаз, только жёлтая глина! (Берёт в руки плеть, пытается щёлкать, ничего не получается.) Где люди! Где стадо, где лошади, коровы, быки! Кого я здесь пасу? Бедную козу? Кур? Я ещё живой, я человек! Я хочу, как все живые, слышать звуки машин, голоса людей, детский смех! Я хочу говорить день и ночь по сотовому телефону, сидеть в интернете! Я хочу ходить в кино! Я больше не могу слышать только пение птиц! Уезжаю! Сегодня же! В Казань! Устроюсь на работу, дадут комнату, буду жить! Потом найду Анфису! Сын у меня есть! Всё будет хорошо!.. Надо собираться! Надо быстро собираться. (Задумался.) Так, коза... Я не могу оставить её здесь. Она столько лет кормила меня. Я жил на деньги от продажи молока и творога! Отведу её в район и продам! Нет, я подарю её какому-нибудь хорошему человеку! А куры? Они тоже кормили меня! Кур тоже подарю! Унесу из дома всё, что смогу! Надо быстрее в город, в Казань!...

В небе слышен звук самолёта. Микулай садится на скамейку. Над ним пролетает один самолёт. Сразу же за ним второй. Микулай успокаивается.

— Восьмой пролетел... Девятый... Самолёты возвращаются... Если я уеду, кто будет зажигать ночью эту свечу?.. Если ночью лётчик не видит на земле ни одного огонька, он сбивается с пути. Об этом Антуан Экзюпери написал в своей книге. Во всей округе, на десятки километров, не осталось ни одного человека, ни одного огонька ночью... Самолёты будут сбиваться с пути и не долетят до своих аэродромов. Лётчики привыкли видеть мой огонь... Нельзя уезжать отсюда, Микулай... Ты должен ночью зажигать свечу...

Микулай проходит в дом, садится напротив фигур отца и матери. Он медленно рассуждает.

— Я понял, почему наши с Нэчтук дети умерли... Кто-то совершил большой грех. Нет, не мама, она была верна отцу... И не отец, он был всегда верен мне... Но Портновы и Журавлёвы много веков жили по соседству, через забор... Мужчины уходили на войну, женщины оставались... Кто-то когда-то перелез через этот забор и совершил грех. Отец! Может быть, ты знал это и за это ненавидел Журавлёвых? Если бы ты был жив, ты не дал бы жениться мне на Нэчтук! Мы с Нэчтук были кровными родственниками, поэтому не могли иметь детей. Нельзя жениться на девочках из соседнего дома. Даже с соседней улицы нельзя. Жену надо выбирать подальше от своего дома, лучше даже у другого народа... А как же Анфиса?.. Все хорошо, её мама приехала к нам откуда-то издалека. Видать, она тоже гулящей была, не знала отца своего ребёнка... (Пауза. Сосредоточенно думает.) Темнеет... Пора зажигать свечу...

Микулай выходит на подворье. Подходит к большой свече, поднимается по лесенке, поджигает фитиль. Свеча разгорается, ярко светит.

— Какие чёрные тучи... Без дождя сегодня не обойдётся... Десятый самолёт ещё не вернулся. Как они только летают в такую погоду?..

Начинает идти дождь. Микулай заходит в дом, надевает армейский брезентовый плащ с капюшоном, выходит на подворье, спешно прячет вещи от дождя в сарай. Дождь усиливается. Микулай бегает по двору, поглядывая на горящую свечу.

Льёт как из ведра! Давно я такого дождя не видел!

Огонь свечи начинает уменьшаться. Микулай останавливается перед свечой. Огонь гаснет. Дождь льёт сплошным потоком.

— Десятый самолёт ещё не вернулся! Лётчик ничего не видит! Нужен огонь! Где-то был факел! Он в бензине! Горит даже под водой!.. Мне нужен факел! Лётчик потерял дорогу!..

Микулай мечется по двору. В сарае находит факел, поджигает его. Факел горит ярким огнём. Микулай размахивает факелом и кричит:

— Я здесь!.. Я живой!.. Летите сюда, летите!..

Очень низко, прямо над землёй пролетает самолёт. Микулай опускает факел. МИКУЛАЙ. Это десятый... Люди возвращаются домой.

Микулай втыкает факел в землю. Садится на скамейку, опускает голову, накрытую капюшоном. Похоже, что он засыпает. Дождь идёт с невероятной силой, сплошной стеной. В какой-то момент, с неба вместе с дождём начинают падать лягушки, рыбы, тритоны, маленькие черепашки, птицы...

Так продолжается до самого утра. Микулай спит.

Дождь заканчивается. Наступает утро. Факел постепенно потух. Ярко светит солнце. В возродившемся озере громко квакают лягушки, тритоны поют свои песни. Микулай медленно просыпается, кругами ходит в плаще по подворью.

— Я вспоминаю... Эти звуки... Многие люди говорят о рае. А я там уже был. В своём детстве, когда слышал эти звуки... Озеро вернулось! Озеро вернулось, Микулай!.. Надо ехать в Казань! Нужно звать людей! Озеро вернулось. Надо собираться! Коза потерпит, подою её перед выходом...

Микулай заходит в дом, снимает плащ, суетится. Он сдерживает свои эмоции, боится радости. У него всё валится из рук. Он подходит к зеркалу, смотрит на себя.

— Нужно скорее в город! Я буду продавать дома! Если никто не купит, буду дарить, у меня же их много! Первым делом нужно найти Анфису и моего сына. Они должны быть здесь, со мной... (Глядя в зеркало.) Нельзя ехать в таком виде! Анфиса может не узнать меня!..

Микулай бегает по дому, роняет вещи. Находит ручную машинку для стрижки, безопасную бритву. Выходит на улицу, к уличной раковине с маленьким зеркалом. Стрижёт себе волосы ручной машинкой, наголо. Бреется. Режет подбородок, прилепляет к ранкам кусочки ваты. Торопится.

— Всё будет хорошо, Микулай! Начнётся новая жизнь! Привезём молодого попа, откроем церковь! Школу откроем, детей же будет много. Учителя приедут из Казани!

Ферма будет, много скота, я буду работать пастухом! Григорий Москвин вернётся, будет писать свои книги! Я ему подскажу, как нужно писать... Я же знаю... И Журавлёвы все вернутся! У них детей много! Самое главное, у нас есть теперь озеро! Лягушки, рыбы, черепахи, всё есть! Теперь заживём! Анфиса вернётся, с сыном, с моим сыном!.. Только не радуйся сильно, Микулай... Спокойно, спокойно... Нам дюже радоваться нельзя...

Микулай добривается, смывает с лица остатки пены. Бежит в дом, находит в шкафу белую рубашку, надевает галстук, примеряет костюм отца. Оказывается, он сильно мал ему, пуговицы не застёгиваются на груди. Остаётся в костюме, стоит перед зеркалом. Обильно брызгается одеколоном. Лысый, с кусочками ваты на лице, смешной.

— Все будет хорошо, Микулай... Построим новый клуб... Откроем магазин... Анфиса будет продавщицей... Мои уши хотят слышать слово «отец», мой рот хочет сказать «сынок», «доченька», «жена»...

Микулай замирает, держится за грудь.

— Что это такое? Как будто горячая струя внутри меня... Поднимается наверх... Никогда в жизни такого не было... Погоди, Микулай, погоди... Отец иногда пил какие-то таблетки... Нужно их найти... Они где-то здесь...

Микулай рыскает по полкам, роняет всё содержимое на пол. Находит пузырёк с таблетками. Спешно проглатывает одну. Ждёт.

— Вот... Сразу стало легче... Всё будет хорошо, Микулай... Здесь будет настоящий рай... (*Выпивает вторую таблетку*, *затем третью*, *четвёртую*.) Вот сейчас совсем хорошо... Сейчас я соберусь и поеду... Я поеду в город... К Анфисе и сыну...

Микулай находится в сомнамбулическом состоянии. Он медленно перемещается по дому, словно не находит себе места, оступается. Подходит к скамейке, где сидят фигуры отца и матери. Он садится между ними, долго ёрзает, не может найти удобную позу. Наконец его голова располагается где-то между животом и грудью матери. Микулай замирает с улыбкой на лице и широко открытыми глазами...

Через несколько мгновений раздаётся громкий щелчок, в доме загорается свет, светятся все лампочки. Включается катушечный магнитофон. Звучит песня «Yesterday» в исполнении Пола Маккартни. Запись очень плохая, с шипением и гулом. Во всех домах деревни загораются огни, оживают лампы уличного освещения. Дом Анфисы украшен иллюминацией, всё светится, играет разными цветами. Возле дома фигура Анфисы с ребёнком в руках. Перед воротами Журавлёвых гудит игрушечный паровоз и начинает двигаться по кругу. За ним ползут пассажирские вагоны, внутри вагонов горят жёлтые огоньки...

Где-то далеко слышны звуки больших грузовых машин...

Колокольный звон.

Неожиданно песня обрывается, слышны какие-то звуки. Затем голос дядюшки Вэчли, отца Микулая.

— Микулай!.. Микулай, сынок!.. Хватит тебе всякую белиберду слушать!.. Я тут по ошибке что-то нажал... Ложись спать, сынок, идём! Рано утром надо стадо пасти!.. *Кассета в магнитофоне продолжает крутиться. Тишина*.

3AHABEC

НАВАЖЛЕНИЕ

Рассказ

Чистой бумаги на моём столе всего четыре листа, а единственный в приморском посёлке магазин канцелярских товаров уже закрыт. Марина тоже в растерянности. Как же так, говорю, вроде, имелась в запасе целая пачка, лежала на нижней полке шкафа, а теперь её нет. Никогда я не был столь опрометчив — можно ли оставаться писателю без бумаги, тем более накануне сдачи рукописи. После утомительной двухмесячной работы моя голова ничего не соображает, и она не досмотрела. Главное, замучила со своей уборкой: заставила меня сжечь все ненужные бумаги. Сейчас можно было бы печатать на их обороте. Какой-никакой да выход.

Я не то чтобы кричу, но даю ей знать — возмущён до крайности. Непонятно на чём мне писать финал, ведь завтра я должен явиться с готовым текстом в издательство. Добираться туда часов шесть на поезде, выезжать нужно пораньше, чтобы попасть к ним в рабочее время. Ведь могут и договор расторгнуть, в который раз отодвигаю сроки.

Я вне себя, а Марина радостно сообщает, как будто мне от этого станет легче, что пачку эту я самолично открыл перед правкой: перепечатал некоторые главы и пролог, с десяток листов испортил — вот и вышла вся бумага... Да, да, соглашаюсь я, вспомнил, извини. Но тут выясняется, что она тоже взяла немного и сейчас вернёт. Приносит. Их оказалось сорок девять. Э-э, говорю, да этого хватит на три финала, а мне бы один написать. Когда я столько выдавал за ночь?

Признаюсь, меня измучил этот проклятый роман. Он был начат сразу после окончания института. Описываемые в нём события не только неотступно преследовали меня, ожидая, когда выложу их на страницы, но и вмешивались в реальную жизнь. Думал, хорошо, в романе нет угнетающих драматических историй, не то они существенно осложнили бы мою жизнь. Все три года, которые отрабатывал по распределению, я понемногу его писал, но не особо преуспел. Мне нужно было где-нибудь уединиться и спокойно его завершить.

И всё-таки я обидел Марину, по ней видно. Сказал, что буду работать до утра, захочу спать — лягу здесь же на диване, беспокоить её не буду. Она принесла кофе с молоком в большой кружке, как я люблю, тарелку печенья и, равнодушно обняв, удалилась. Хоть бы слово произнесла! У меня важная работа, переживаю, с ума, можно сказать, схожу, а она так себя ведёт. Ладно, пусть уходит. Не буду о ней думать.

Передо мной настольная лампа, печатная машинка, стопка бумаги, авторучка с красной тушью для правки, на небе звезды, за окном мерно рокочет море, солоноватый воздух — одним словом, прекрасная ночь для творчества... А вдохновение

Ne1(31) • 2020 AMMP MAKOEB

исчезло. Около часа собирался с мыслями — всё напрасно. Решил перед ней извиниться. Бесшумно проник в спальню, но она уже спала. Или делала вид, что спала. Я вышел.

Не думать о ней уже не мог. Сел за стол, снял колпачок с авторучки и в левом верхнем углу первого же листа нарисовал цветочек. Посидел с минуту и написал под ним: «любимая». Не название финальной главы, а просто слово, написал, не понимая зачем. Мне нравятся все буквы, из которых оно состоит... Нет, так не годится. Ухожу от дела. О чём только думаю? Но не о работе. Ничего, сейчас соберусь, я умею в особых случаях выдавать невозможное, хотя в обыденной жизни — лентяй, каких поискать. Но в минуты самобичевания Марина меня приободряла: все талантливые люди, говорила, невольные обладатели этого свойства, всю их волю засасывает необъятный внутренний мир. Что невольник — соглашался, что внутренний мир необъятный — кто бы сомневался, что талант — безоговорочно верил... Однако я отвлекаюсь, но это, утешаю себя, пустяки: ещё разгонюсь, вечер только начинается.

Затем стал аккуратно обрамлять изящными кружевами каждую букву в этом слове. Не подозревал за собой способности к рисованию, но завиточки получались искусными, во всяком случае, таких узоров нигде не встречал. Я даже заигрывал с буквами: а знает ли, скажем, уважаемая буква «м» в слове «любимая», где и как мы с нею познакомились? Ни за что не догадаетесь, потому что здесь, как говорил известный литературный герой, есть своё таинственное недоумение. Случайность! Да, иначе как бы вообще узнал о её существовании, если бы после института меня не распределили в далёкий регион поднимать мелиорацию. Поднимать — громко сказано, но я там оказался.

В буквах, несравненная госпожа «М» (теперь-то уж, разумеется, с заглавной), живёт частичка души любого слова, и кому как не ей быть посвящённой в мои переживания в момент первой нашей встречи. Надо ещё знать состояние молодого человека, оказавшегося вдали от друзей и родных — я находился черт знает в каком краю необъятной родины, в небольшом запылённом городке, рядом с управлением оросительно-обводнительной системы, в котором работал. Жара не спадала уже целую вечность, а рабочий день заканчивался партийным собранием. Я ждал начальника подписать бумагу о завершении обязательной трёхлетней отработки и полной моей свободе.

Я сидел на крыльце соседнего дома, который принадлежал нашему сторожу, и нетерпеливо смотрел в сторону административного здания. Сам крепкий и приземистый хозяин крыльца был старше меня всего лет на десять, но казался старичком иза густых рыжих усов — как по мне, такие могли носить только пожилые люди. Меня он называл земляком, чаще — земеля, потому что служил неподалёку от моих родных мест. При доме его был сад, примечательный не только разнообразием плодовоягодных насаждений, но и занимательными строениями для его детей. Все они имели названия: «Замок на дереве», «Грот горного короля», «Волшебное дупло», «Дворец принцессы», «Чёртовы качели», «Настенная крепость», «Таинственный лаз».

Он накрыл для меня стол под деревом — корзинки фруктов и ягод, пирожки с творогом и капустой, сыр и вино, но я отказался от угощения: душа не принимала ровным счётом ничего. «Хорошо, — говорил он каждый раз, выходя из сада по какой-нибудь надобности, — понимаю, ещё к начальству, но после — смотри! — обратно ко мне». Не отпускает он меня, чтобы я ему ни говорил: «Депрессия, видите ли, у его сиятельства, ты, земеля, это брось», — и снова исчезал.

Но вдруг скрипнули высохшие петли калитки, и во двор зашла девушка. Она была в соломенной шляпке с синим бантом на боку и голубом платье-рубашке до колен.

Над головой держала небольшой розовый зонтик с белыми слониками. О, солнце в тот день изводило всех — вот и одежда её, должная скрывать девичий стан от посторонних глаз, тоже не устояла: солнце нещадно пронизывало тонкую ткань, высвечивая девственный контур молодого красивого тела. Но эта магия длилась всего мгновение, девушка быстро зашла под тень вишнёвого дерева. Обнаружив меня среди солнечных пятен, густо лежавших на крыльце, она в замешательстве остановилась. А я тем временем успел разглядеть её собранные в хвостик русые волосы и белое личико, на котором, как будто подстать моему желанию, нанесли игривую родинку чуть выше губ. Глаза смотрели с нескрываемым любопытством, по-детски, они словно говорили: какой странный, кто он, что тут делает? А я почувствовал: неважно кто и по какой причине здесь нахожусь — она всё равно приветствует это всем своим существом.

Я встал и попросил гостью не стесняться меня и подойти ближе. Но она смутилась, посмотрела на свои ноги в сандалиях и нервно пошевелила пальчиками. И я тоже замолчал, разглядывая их и глупо улыбаясь. Заслышав шаги, она подняла голову и засияла: мой приятель возвращался из сада, неся очередную корзину овощей. «Э-э, какие гости! Марина!» — воскликнул он. Позвал её к столу и с каким-то необъяснимым удовольствием представил нас друг другу.

Только тогда я обратил внимание на книгу, зажатую у неё под мышкой. Между прочим, заметил ей, что под обложкой вполне могут быть «Вешние воды», «Первая любовь», «Ася», или что-то в этом роде — угадал? Марина покраснела и опустилась на скамью, точно у неё подкосились ноги. Да, смущённо призналась она, именно эти повести. Ну и славно, заключил хозяин, тогда есть повод кое-чем украсить стол и вместе поужинать. А бумагу можно и завтра подписать. Кстати, после завершения рабочего дня директорство переходит к нему, и по этой простой причине просит ни в чем ему не перечить. Да, сегодня не его смена. Ну и что? Это, земеля, ничего не меняет. Из сада к своей любимице бежали дети: мальчик и девочка семи и пяти лет — неутомимый медвежонок и любопытная белочка. За ними шла мать — приветливая женщина с лучистыми серыми глазами.

Вскоре приятно запахло из кухни. Хозяин, как и положено, повёл стол. А кто нам мешает по одной, а?! Ну-ка, взяли — за знакомство! Мамочку на вино не зовём, нельзя ей: ожидаем третьего. Пусть себе готовит. Ну-ка! Вино собственного приготовления, откажетесь — обидите!.. Отставить, я сказал. Приказываю принять от всей души!... Так-то лучше!.. Как кто? Да Марина нам как дочь. С мамочкой её так и называем дочка. Мы с её родителями у вас, на Кавказе, ну, ты знаешь, почти десять лет вместе прослужили. Да нет, они врачи. Им теперь некогда, оба на повышение пошли. Они здесь ненадолго, это и так было понятно. Стали бы господа здесь жить. А я вот никуда больше не двинусь. Я о такой реке мечтал всю жизнь... Почему раньше её не видел? Да потому и не видел, что она недавно только приехала с учёбы. Художественное училище закончила, да. Она, поверь мне, земеля, — голова, я это при ней говорю, и родители справедливо требовали в медицинский поступать. А их дочь — хоть ты тресни! — своё. Не видел ты её картин. Она мастер света! Ну, как же она свет рисует! Вот сидишь ты здесь, на тебя через листву падают солнечные зайчики. А она на картине так их изобразит, что душу твою высветит! Во как! Искусство, брат!.. О, что нам несут! Ну-ка, все эти фруктово-ягодные корзины прочь со стола — сынок, помогай. К нам плывёт чугунная сковородка с курицей, жареной под гнётом, и — что там ещё? — десяток румяных картофелин в аппетитно шкворчащем масле. Дети, не спешите! Осторожно! Куда отщипывать — горячо же! Чуть остынет — разделаю. Это, доченька, вино, не трогай, оно для взрослых, вот вам компот. И ты, мамочка, тоже садись, хватит

N≥1(31) • 2020 AMUP MAKOEB

бегать. Ну, хорошо, хорошо — неси свои соусы. А вот же их дом, прямо над нами нависает — серая гора! Веришь, солнце нам загораживает. Чего Марине в бетонных стенах париться? Там дышать нечем. А у нас природа, погода... По второй, нечего рассиживаться, по второй... С возражениями потом и в письменном виде. А сейчас все дружно подняли. Ну, земеля, с окончанием тебя трудовых подвигов в нашем районе! Три года одним махом пролетели. Честно скажу: жалко расставаться! Полюбил я тебя. Но плакать буду потом. Дай я тебя по-братски обниму... Поехали!.. Ух! И кто скажет, что мы плохо живём?! Так-то! Говорите: кому, чего и сколько! Дети, нельзя вперёд старших лезть, где вас воспитывали, честное слово, никто вашей доли не съест... Марина читает здесь вечерами, отдыхает, с детьми играет, присматривает за ними, когда нужно. Рисует опять же. Кому салат? Из помидоров... вот из огурцов, мы их не смешиваем... кому зелень... масло, сметана для заправки... А где рыба? Мамочка, мы ещё рыбу ждём, слышь там?! Я прямо скажу: такого судака вы даже на картинках не видали! Ешьте, ешьте. Ей-богу, мы как будто гостей ждали, наготовили... Нет, ну, ты посмотри на неё. земеля: чем она не настоящая невеста, а?! Вот сейчас сидит, смотрит на нас с тобой, а сама что-то этакое себе воображает, что нам и не снилось. Невиданный в природе человечек. Ну, говорю тебе! В неё все влюбляются. Не веришь? Вот посидишь с ней часок — она молчать всё это время будет, а завтра ты головушку свою будешь искать. И не факт, что найдёшь. Ну, говорю тебе! Она глазами с нами разговаривает, замечаешь? Гляди — краснеет! Не, ну ты встречал современную молодёжь, которая способна краснеть? Ничего такого я лично давно не видел. Это всё её рисование — с людьми мало в общается... А, почувствовали градусы?! Так-то — это вино с выдержкой. Тогда по третьей! Бог любит, как говорится... по третьей, а разговоры потом будем разговаривать.

…Нет, надо уже приступать к финалу, хотя приятно вспоминать тот вечер, когда я и в самом деле потерял голову. Всё говорило о том, что мы созданы друг для друга. То же самое, по её признанию, почувствовала и Марина. Нам позволено было проводить время в саду, и мы засиживались во «Дворце принцессы» допоздна. В один из вечеров, когда дети были уложены спать, а хозяева находились на чьих-то именинах, мы впервые с нею поцеловались. Я узнал вкус её податливых, до той минуты, как потом выяснилось, не целованных губ, почувствовал её запахи — плеч, шеи, волос, — которые напоминали мне природный аромат маленьких детей. И вдруг куда-то подевались все мои знания о девушках — я мало сходства находил у них с Мариной.

Я оставался с нею ещё две недели, после того как решил сразу домой не возвращаться, а поехать к морю, снять тихий уголок у какой-нибудь одинокой старушки и дописывать роман, благо денег было в избытке. Услышав об этом, Марина с радостью сообщила, что у них есть домик в одном приморском посёлке, ещё с той поры, когда в том регионе служили родители. Продавать не стали — зачем? — самим пригодится. Там каждое лето отдыхает брат с семьёй. Кстати, они только что уехали. А отец с матерью уже второй год как не могут туда выбраться. Она попросит их разрешить мне пожить в том домике — уверена, не откажут. И как было бы хорошо, начали мы мечтать, если б нас отпустили вместе. А почему нет, рассуждала Марина, раз мы любим друг друга и между нами всё уже решено.

Приходили её родители, сидели под деревом за тем же столом, серьёзно со мной говорили. Мать, затаив улыбку в уголках красивых губ, разглядывала меня с любопытством, точно я какой-то невиданный экзотический фрукт. Мне кажется, она старалась смотреть на меня глазами дочери, пытаясь понять, что же Марину во мне привлекло? Отец соответствовал званию полковника, пусть и по медицинской части. Спрашивал меня по-военному сурово: уверен ли я в своих чувствах, состав семьи,

знают ли родители о моём решении, как себе представляю жизнь с их дочерью в бытовом отношении, после, так сказать, романтического периода? У них есть старший сын, он уже офицер, служит в соседней области, но дочь самая любимая и хочется, чтобы она была поблизости, я должен это понимать. Разумеется, и удерживать её подле себя вечно никто не собирается. В мою пользу то, что человек я, похоже, ответственный, полноценный специалист, и, говорят, имею даже какой-то там талант. Но нам, молодым, нужно проверить свои чувства, для этого потребуется время. А это означало: её со мною не отпустят.

Марина стояла за спинами родителей поодаль и смотрела на меня. Я читал в её горящем взгляде волнение: вдруг нам откажут бесповоротно, и она потеряет то, что нашла впервые в жизни, и это может не повториться. Она поочерёдно сжимала пальцы на обеих руках, сняв соломенную шляпку, мяла её, казалось, до хруста, покусывала конец банта, а меня в тот момент приятно обжигало её неприкрытое желание быть моею. Нет, думал я, никогда я не знал такого чувства ни с кем, не отдам её никому и сделаю всё, чтобы мы были вместе.

Приятно было узнать, что я, оказывается, им понравился, особенно моё увлечение сочинительством. Все-таки молодой человек имеет благородное увлечение, и он не просто какой-нибудь заезжий мелиоратор, от которого не знаешь, чего ожидать. Дня через два они пригласили меня к себе, угощали зайцем в сметане, доставшимся отцу из охотничьих трофеев младших офицеров, треской в кляре, кулебякой, салатом из жареных баклажанов, вяленых помидоров и сыра, тонкими кружевными блинами с икрой, выпивали со вкусом, но в меру. Хотели, чтобы я прочитал что-нибудь из своего, о чём заранее уведомили меня через дочь. Я взял с собой наиболее удачный фрагмент из романа, который читал всем. Как я и предполагал, прочитанные страницы глубоко их тронули, и мне было предсказано большое будущее. Отец попросил копию этого фрагмента — бывший редактор их армейской газеты теперь директор краевого издательства, так что, если в этом есть настоящий талант, я могу считать книгу изданной.

Но на что я никак не надеялся — так это заполучить домик у моря до конца лета, а если захочу, то и на осень, даже на зиму с весной. Буду ухаживать за ним (хотя за домом присматривает сосед, заодно используя участок в свою пользу) и писать свои бессмертные произведения. Только одно условие: в конце романа, после даты написания, я должен буду указать, в чьём имении он создан — частичка моей славы им не помешает. Впрочем, это была шутка.

Общались со мной уже с оттенками родственной заботы, я понимал, что с ними беседовала дочь о серьёзности своих чувств, и была, по всей видимости, убедительна. Отсюда и большая сумка от матери, в основном, с офицерскими сухими пайками, и выдача отцом схрона коньячно-винных запасов в их морском домике — сын не употребляет по причине полного отторжения его организмом алкоголя, ну а творческому человеку время от времени не мешает расслабиться. Также с меня было взято слово, что в ближайшее время сообщу им о добром согласии моих родителей и установлю с ними почтово-телефонную связь. А свадьбу можно наметить на середину осени.

Я позвонил родителям, сообщил о своём решении — оно окончательное и обсуждение его не изменит, а только принесёт всем страдание и никому не нужную ссору. На том конце долго молчали, а потом сказали: ну, раз я такой взрослый и родительское мнение меня больше не интересует, то могу поступать так, как считаю нужным. Ещё было добавлено: они знали, что восьмилетнее отсутствие сына именно так и закончится, и что во всём виновато государство с его политикой, касающейся молодых

№ 1(31) • 2020 AMMP MAKOEB

специалистов. Новость эту я передал родителям Марины. Однако уезжал я с тяжёлым сердцем— там со мною не будет её.

Бог мой, скоро полночь, а я ещё не приступал к работе. Этак я не успею написать финал к утру. А ведь его можно без ущерба сделать короче — так я, наверное, и поступлю. Мне осталась сцена о том, как герой привозит роман в издательство, где ему тут же предлагают редактора, как сказано, для работы над ошибками. Далее обычные в таких случаях трения из-за спорных мест и, в конце концов, сдача рукописи и празднование героем полной победы. Так что финал не проблема, он почти готов, осталось его только изложить. Поэтому я в очередной раз проявляю беспечность и с удовольствием вспоминаю место, куда я прибыл ровно через сутки.

Домик, как его называли владельцы, был вполне добротным домом из трёх комнат и кухни внизу, и двумя — наверху. В мансарду вели две лестницы: одна из прихожей, другая поднималась прямо из сада. Солнечная сторона мансарды выходила на террасу, откуда открывался пленительный простор моря. С военным соседом в отставке я виделся только в день приезда, он как раз уезжал поболеть за внука, поступавшего в военное училище. Он только и успел мне сказать, что на свободные места сажает в нашем саду зелень и овощи, так что я вполне претендую на половину урожая.

Сам же посёлок был благоустроен во всех отношениях: с администрацией, школой, почтой, рынком, магазинами и прочими важными учреждениями. Чем он был особенно примечателен — так это невысокими ограждениями участков, выкрашенными в белый цвет (должно быть, требование властей) и обилием на улицах деревьев и цветов, в которых он буквально утопал.

Я незамедлительно засел за роман и за десять дней связал все разрозненные его части, написанные за три года. После чего он показался мне стройным, величественным и необычайно глубоким по смыслу. Эх, думал я, некому оценить мой труд, никто не скажет доброго слова, ни один из близких мне людей даже не догадывается, какое грандиозное сочинение я пишу. Именно в эту минуту я вспомнил о винных запасах. И в самом деле, отчего бы не отметить успешное начало работы: магистральная линия романа выстроена, а дальше успевай записывать.

Печь в одной из комнат была бутафорской: сделана из каркаса, обшита металлическим листом, но накрыта настоящей чугунной плитой. Как меня учили, я сунул руку в духовку, нашупал рычажок и потянул на себя. Внутри что-то щёлкнуло, и печь на пару сантиметров отошла от стены. Затем я отвёл её, как дверцу шкафа, в сторону и в проёме стены увидел внушительную обойму спиртных напитков разных сортов. За отсутствием штопора для винных пробок пришлось выпить коньяк и заесть остатком выданных мне в поездку продуктов. После этого, заметно приободрившись, с чувством исполненного долга впервые спустился к морю. За всё это время я, кроме хлеба, ничего не покупал — сидел на сухом армейском пайке. Значит, на обратном пути надо будет зайти в магазин за полноценной едой.

Возвращался я уставший, сказывалась непосильная многодневная работа, в таком режиме я не писал никогда. Оказывается, непрерывное умственное занятие тяжелее всех других, ещё месяц таких усилий и от меня ничего не останется. Впредь решил отдыхать два дня в неделю, как я привык в оросительной системе. Только теперь я узнал, как мучительна творческая работа, как она затягивает, как выпивает тебя до самого дна твоего сердца, так что в какой-то момент возникает паника — ты не веришь в благополучное возвращение к нормальной жизни.

Ещё снизу, шагов за сто, через решётчатую изгородь я увидел, что на кушетке, которую я поставил около вазона с цветами, кто-то лежит. Подойдя ближе, я разглядел, что это девушка. Из моего положения трудно было понять, кто это. Она была

в длинном сарафане, одна её рука лежала на подлокотнике, другая на согнутой в колене ноге, лицо и плечи обращены заходящему солнцу. Рядом — взятый из гостиной стеклянный столик с оранжевым напитком.

Да, я всегда слышал завистливые упрёки, что мне не по заслугам везёт. На самом деле, так и есть. Я бы уточнил: мне везёт неожиданно, в ситуациях, когда этого ни я, ни другие никак не предполагают. Впрочем, на то оно и везение. И теперь это был подарок: море, любимое занятие, которому я хочу посвятить свою жизнь, и со мною — она! Нет, в отличие от меня, Марине не так повезло: не было согласия родителей на её отъезд, не было поцелуев на прощание и пожелания хорошо отдохнуть. Она взяла краски, кисти и мольберт, объявила, что если не начнёт сию же минуту работать, то сойдёт с ума. Затем чуть ли не крикнула, опускаясь на стул в прихожей: с ума она сойдёт, если не увидит меня — и у неё выступили слёзы.

Уж чего-чего, а такого от неё не ожидали. Конечно, родители поняли — люди они умные, интеллигентные, — что время дочери пришло и удерживать её нет никакого смысла, да и не удастся. Возможно, были бы и поцелуи, и благословение, и подобающие проводы на вокзале, но дочь — будь что будет! — на другой день уехала рисовать морские виды, оставив записку с признанием в безграничной к ним любви и преданности.

Кажется, ни я, ни она не верили в происходящее: несколько минут мы держали друг друга в объятиях — она в кушетке, я подле неё на коленях. И — ни одного слова, ни единого звука, ни малейшего движения, как будто мы боялись спугнуть счастье. Наконец, отстранившись, Марина ласково меня назвала «мой дурачок». Спросила: как я здесь жил? Пожурила: в доме ни крошки еды — нечто так можно? А ещё возмутилась: я что, до сих пор сидел на офицерском папином пайке? Из всех слов я с удовольствием принял и сохранил в памяти только одно: «мой». Кто бы знал, как мне приятно было его услышать!

Пока варился обед, мы решили — решала, конечно же, Марина — обустроить комнату для нас. Одну спальню я уже отвёл под кабинет — там стоял раскладной диван и стол, за которым я работал. В другой комнате находилась двуспальная кровать, но Марина почему-то сочла, что она нам не подходит. Я спросил: из-за размера или освещения? Принимается любое её решение, поддержал я! Признаюсь, я совсем одичал без человеческого общения. А что такое женская ласка — забыл совсем. Надо, сказала она, в гостиную из мансарды принести ещё одну кровать — ну, чтобы их там было две. Но кровать велено было поставить у противоположной от другой кровати стены. Отсюда, говорит она, я буду прекрасно тебя видеть и слышать. И, сочувственно улыбаясь, стала следить за моей реакцией. Я замер, должно быть, без всякого выражения на лице, потому что не знал, как понимать это решение. Уж этого я никак не ожидал. Был ли я огорчён? Да. Хотел ли я, чтобы мы спали на одной большой кровати? Конечно. Хотел ли я... ну...в общем... — без сомнения. Вот такой я. Но минуту спустя признал, что после такого поступка она заслуживает самого большого уважения.

Марина начала меня опекать: следить за моей внешностью, здоровьем, питанием. А сколько всего умела своими руками! Где и когда она успела всему научиться? Отвечала: я просто внимательная и не упускаю ничего, что может пригодиться.

На том и закончилась еда всухомятку. Один раз в день я обязан был съедать тарелку горячего жидкого блюда. Мне предлагалось просто-таки карнавальное их разнообразие. За два месяца она ни разу не повторилась: щи, борщи, рассольники, протёртые супы, а уж обычных супов — не счесть, из чего, оказывается, их только ни приготовляют! Я сбился со счета от разновидности одной только окрошки. В обед я не имел права обойтись без салата из зеленого лука, чеснока, петрушки, укропа, кинзы, No 1(31) • 2020 АМИР МАКОЕВ

печёного сладкого перца, сочных розовых помидоров без кожуры, кусочков козьего сыра и миндальных измельчённых орешков. Всё это поливалось подсолнечным маслом, лимонным соком или, по моей слёзной просьбе, сметаной — я очень любил подбирать хрустящим батоном сок, оставшийся после помидоров и других овошей. Мясо же теперь варилось либо тушилось, даже котлеты готовились на воде, однако насыщенный вкус блюд создавался при помощи волшебных — иначе не скажу — соусов. Мы садились друг против друга: она кормила меня из своей ложки, а я её — из своей. Этот забавный приём пиши придумала она, мы чувствовали, что это сближает нас и роднит, как ничто другое.

Мы с нетерпением ждали вечера, когда спустимся к морю с большой тарелкой жареных барабулек. Их мы покупали свежими у нашего магазина, и почему-то они были единственные, что могли предложить местные рыбаки. Мы купались, пили вино, за-кусывали рыбками и самозабвенно смеялись — поди узнай, чему и по какой причине... Довольно воспоминаний, говорю я себе в очередной раз, пора уже писать финал.

Теперь-то я все отчётливо вижу, лишь бы не заснуть...

Я точно помню, что сел в поезд ранним утром, тогда, как назло, пошёл дождик обычный дождик, какие часто идут по всему побережью. Меня провожала Марина в бирюзовой кофте поверх зелёного ситцевого платья, волосы в беспорядке, на ногах коричневые матерчатые тапочки. Я ещё подумал, зачем она, всегда опрятная и ухоженная, так нарядилась.

Маленькая станция, поезд стоит всего пять минут, мне пора садиться, а она смотрит на меня так, как будто я никогда не вернусь. Ну что ты, говорю, в самом деле, прекрати — целую её в щёчку, прошу идти домой сейчас же, эх, сожалею, мы не взяли зонтики. Она грустно улыбается — а у нас, отвечает, их и нет, потому и не взяли. Такое ощущение, что она говорит из последних сил.

Поднимайтесь уже, торопит проводница, — становлюсь на подножку, оглядываюсь, через мгновение я уже в купе. Смотрю из окна на Марину — она неподвижно стоит под единственным деревом, будто застыла: ни улыбки, ни взмаха руки. Что это с нею? Мне становится нестерпимо больно, отворачиваюсь и сажусь на своё место.

Дальше привычный лязг и шум уходящего состава, привокзальные картинки начинают чаще мелькать, смешиваются, вокруг типичный разговор удобно устроившихся в дорогу пассажиров. Сосед суетится: может, чайку или что-нибудь посущественнее, у меня закуска хорошая имеется, вы как — не против? Я молчу, я — против! Отодвигаюсь от столика — уступаю место соседям, а потом и вовсе выхожу из купе. Слышны реплики о политике, ценах, социальных проблемах — везде люди ищут лучшей доли.

Сердце болит за Марину: как она себя будет чувствовать без меня в пустом доме? А сколько дней я буду отсутствовать? Как я мог оставить её одну, зачем не взял с собой? Почему мне даже в голову это не пришло? Вдруг тема разговоров меняется: в отпуск пойдёте, когда сдадите материал. Используйте автора, пока он здесь. Ничего другого слышать не желаю. Исполнить и доложить... Где улетающие картинки, приглушённые голоса пассажиров и уже пьяные мои соседи? Надо же было так уйти в себя, что я не заметил, как прибыл к месту назначения, добрался до издательства и сижу теперь перед столом редактора, которому поручена работа над моей книгой. Она красивая молодая женщина, короткая чёрная юбка, белая с кружевами на гру-

ди и рукавах блуза, сейчас говорит с директором обо мне и вот уже, стуча каблучками, возвращается. Ну что, говорит она, пронзительно заглядывая мне в глаза, слышали? И кто вас только дёрнул приехать сегодня? Ведь могли, как нормальный человек, появиться завтра после обеда — черта с два бы меня нашли!

Я представляю, как она распускает волосы перед сном, и присматриваюсь, до чего же у неё красивые глаза за очками! Хочу ей об этом сказать, но почему-то говорю, что мне всё равно с кем работать, лично я, простите, ни в чём не виноват. Думаю, в этот момент она хотела звучно выругаться, но воздержалась. Такая вот она — Эвелина! Ну как ещё, прости господи, её могли звать в моей истории?!

Через минуту она говорит примирительным тоном: ладно, время обедать — идёмте. Она читала все присланные мною главы — заставляли. Если бы не моя сегодняшняя подлянка, то могла бы сказать несколько приятных слов о книге. А теперь — фигушки! — не дождётесь. Впрочем, давай на «ты». Тебе сколько лет? Наверное, годков двадцать три, да? О, целых двадцать пять?! А мне, малыш, все тридцать четыре! И это ещё не вся страшная правда обо мне, понял?! Так что прошу уважать и слушаться беспрекословно, потому как времени на притирки друг к другу нет.

В кафе берём котлеты с воздушным картофельным пюре, свекольные салаты, по половине стакана густой сметаны и кофе с пирожными — ешь, ешь, работы много, силы нам понадобятся. Теперь внимание: по возвращении в издательство заходим к шефу, она ему говорит, что нам удобнее будет работать у неё дома, потому что в кабинете постоянно отвлекают посетители. А я в это время должен просто молчать и махать гривой в знак солидарности, понял? Шеф одобрит — она догадывается, что за мною чья-то крепкая рука, а это по нему ой как заметно. Поработаем от души, сделаем из каши конфету. Неужели за два дня мы не одолеем каких-нибудь триста страниц? Да нечего делать! Пишу я, надо сказать, чересчур кудряво, много лишних слов, но всё это, малыш, легко устранимо. Сделаем текст мускулистее — и всё встанет на свои места. Кстати, я получу большой аванс, скоро в моих карманах будет целое состояние. Как думаю поступить? Совет: первым делом на вокзал — до Ливерпуля, а там — в порт. Дальше — куда захочу! Мы смеёмся, а на душе у меня тревожно.

Выходим на конечной остановке рядом с домом Эвелины. Дом — это сильно сказано, она занимает только половину. Ничего, она довольна: ей досталась комната, прихожая, кухня с кладовкой и просторный балкон. Одну минутку, она не совсем готова к приёму высокого гостя. Ей надо зайти в магазин. Это ненадолго. Я же могу подождать здесь. Как это подождать? Где такое видано? Вхожу туда первым. Во внутреннем кармане моего пиджака солидная пачка денег, выданная ещё в оросительной системе. Мы взяли всё, что возможно было купить в магазинах того времени: какогото мяса, какой-то колбасы, каких-то консервов, круг какого-то сыра, два десятка яиц, чай, кофе, фрукты, шоколад и сгущённое молоко. Меня понесло: ещё торт, пара бутылок марочного вина, рижский бальзам, ром «Бакарди» и несколько кубинских сигар — поди пойми, для чего, ведь я даже не курил. Но Эвелина была в восторге, а я впервые стал свидетелем случая, когда кто-то возлюбил ближнего, как самого себя.

Почему меня не насторожили ни мой героический поход в магазин, ни её оригинальный домик с видом на рощу, ни кремовые шортики с расстёгнутой на груди полосатой рубашкой, ни дразнящее прикосновение её мокрых после душа волос — всё это должно было мне напомнить мои же фантазии. Потом думать времени не было. Мы сразу же поставили варить шурпу, а к рабочему столу понесли нарезанные колбасу и сыр, шоколад, фрукты и, разумеется, стаканы — мой с ромом, её с вином. Кстати, ром мой Эвелина разбавила вишнёвым сиропом с соком лимона и добавила лёд — сэр Флинт, всё-таки осторожнее с семьюдесятью-то пятью градусами! Всё это у нас стояло вперемежку с ножницами, фломастерами, клеем, штрих-корректором, бумагой — работать мы собрались основательно.

Ну, говорит она, и что ты молчишь, скажи что-нибудь. Хотя, дай я скажу. За успех твоего романа и пусть все лопнут от зависти! Нет, так нельзя — отставить, как говорит

N≥1(31) • 2020 AMUP MAKOEB

наш директор. Пусть читатели всего мира возрадуются появлению твоей книги и станут хотя бы чуточку счастливее, вздрогнули! А теперь за работу.

Сначала мы читали всё предложение вслух — осмысляли. Затем снова, но уже медленнее, слово за словом: убирали лишнее, меняли эпитеты, переписывали отдельные фрагменты. Я сидел со словарями, вырезал куски бумаги нужного размера, наносил клей и как автор решал, какой из вариантов оставляем. Разногласия были, но мы вежливо уступали друг другу через раз. Делали перерыв, сосредоточенно думали и считали: сколько страниц отработано, сколько ещё предстоит и сколько времени займёт. При этом ели шурпу, набирались сил и загадочно смотрели друг на друга, думая, конечно же, о предстоящей ночи в одной постели. Не погонит же она меня на улицу затемно? Она таинственно заглядывала в мои глаза, вероятно, пытаясь найти что-то для себя важное. А меня уже не так интересовала моя книга, как Эвелина. Когда стемнело, она сказала: всё, шабаш, одолели ровно половину.

Эвелина выходит на балкон, я следую за ней. Она поднимает руки, потягивается, словно кошка, и слегка наклоняется в мою сторону, как будто не замечает моего присутствия. Ой, говорит она, оборачиваясь, и тут же кладёт голову на моё плечо. Будет дождь — над рощей почернело. Да, соглашаюсь я, похоже на то. Обнимаю её и остро чувствую, как давно я не был с женщиной. Она удобнее устраивает голову на моей груди. Какой прекрасный вечер, произносит кто-то из нас. Говорим о дальних странах, где сейчас хорошо. Оказывается, мы оба помешаны на Кубе, её природе, курортах, чарующих островах в океане — мы оба хотим там побывать. Вдали сверкает молния, освещая просторный луг перед рощей. Видишь, по верхушкам деревьев носится ветер, а на мой балкон не залетает. Давай спустимся, не хочешь? Она выскальзывает из моих объятий, открывает замок боковой двери зарешеченного балкона и спускается по крутой лестнице на землю. Смотрю вниз — на лужайке стол и скамья, их полукругом обрамляют три ухоженные клумбы. Вот здесь, кричит она оттуда, я работаю летними вечерами. И ни у кого из соседей сюда выхода нет. Такая лужайка только подо мной, а у них овражки, видишь? Смотри, под столом розетка для настольной лампы. Это всё папа сделал. Ну, спускайся же.

Я до краёв наполняю бокалы, беру сигары, иду к ней. И в самом деле, здесь чудный воздух. Это перед дождём, хотя у нас всегда свежо — окраина. Выпиваем разом до дна и, давясь от смеха, пытаемся закурить. Но у нас ничего не выходит. Подожди, по-моему, надо откусить кончик этой зауженной ножки. Не убирай спички, необходимо хорошенько раскурить — я в кино видела. Ты думаешь? Ну, вот же я пробую. Не получается! Считаю это не про нас, куда нам, лапотникам, сигары курить, ну их к чертям! Сигары летят в траву без сожаления, а наши губы находят друг друга. Запах вина и пряное послевкусие табачных листьев придают нашим поцелуям какой-то порочный аромат...

Как же так: под видом работы над книгой я сижу у чужой женщины, целуюсь с ней, а вдалеке Марина тоскует в пустом доме. Как мог я её предать? Как мог ранить её чистое сердце? Это так на меня не похоже! Есть ли мне прощение после такого поступка? Я встаю и решительно устремляюсь наверх. С трудом отыскиваю под кроватью свой запылённый портфель, достаю из бокового его отделения письмо. Оно от отца Марины. Читаю.

«Мой дорогой друг! Без сомнения, она поехала к тебе. Хочу сказать, дочь нам послушна во всем, она честный и ответственный человек, хорошо воспитана. Это чтобы ты не подумал чего. Она закрытый человек, спокойный, добрый, но у неё необыкновенная решительность и твёрдый характер. Бывает, что её трудно отворотить от задуманного, как и гору сдвинуть. Мы в таких случаях ей не перечим, потому что она

не раз доказывала, что предчувствует успех, пользу какого-либо дела, видит сердцем хороших людей. Я надеюсь, ты как благовоспитанный человек не воспользуешься её женским, правильнее бы сказать, легкомысленным порывом поехать к тебе, и вы терпеливо дождётесь времени, когда станете законными спутниками жизни. Ведь вы с нею ещё так молоды и мало знаете друг друга, может случиться всякое. Она поддалась чувству, я впервые такое за ней наблюдаю. Об одном хочу предупредить: невозможно разбить сердце такой девушке и остаться безнаказанным. Когда предают такую святую душу, то страдают все люди вокруг, ну, не знаю, рушится мир, всё идёт прахом, природа подобного не терпит. Если можно обмануть таких людей, как она, то зачем нужен такой мир. Я волнуюсь, и из-за этой слабости всё, наверное, усложняю и преувеличиваю. Прошу меня извинить. Переписывать не стану. Но ты, надеюсь, меня понимаешь. Это письмо тебе из рук в руки передаст наш сосед. Марине, конечно, его показывать не следует. Напиши, как устроился, как пишется, да и вообще — как вы там? С уважением».

Странно, я никакого письма ни от какого соседа не получал. Не имею понятия, как оно оказалось в моём портфеле, каким образом я о нём узнал? И как это мне в голову пришло бежать за портфелем?.. В этот момент лужайка сворачивается ковриком и катится под рощу, обрывается голос Эвелины, пытавшейся, повидимому, спросить, куда это я побежал. Ветер, пролетевший между балконной дверью и распахнутым настежь кухонным окном, срывает лёгкие настенные часы и календарь, рамки чьих-то портретов, сбрасывает на пол статуэтки двух ангелов с поверхности телевизора, размётывает по комнате мою рукопись. Но я её не собираю, а, быстро одевшись, выбегаю на улицу под холодный косой дождь. Меня, насквозь мокрого, из жалости подбирает водитель одной из проезжающих автомашин и высаживает у дверей издательства. Там нахожу бухгалтерию и объявляю, что мне положен аванс за книгу — проходите, говорят мне, присаживайтесь, как фамилия?

По дороге на вокзал пытаюсь понять, почему пачки денег я положил не в портфель, а рассовал по карманам брюк и пиджака? Странно. В маршрутном автобусе все только на меня и пялились. Ещё более странно, я не помнил ни названия станции, ни посёлка. Из окошка кассы мне уже кричали: так куда всё-таки едем, думайте скорее, за вами очередь. Беру билет по направлению к морю — до вокзала, который находится в шести часах пути отсюда. В поезде обращаюсь к проводнице: может, она знает, как называется станция? В нашем посёлке, говорю, по пути к пляжу есть магазин, возле которого рыбаки продают барабульки, а ещё там много деревьев и цветов. Не припомнит ли такого места, ведь они много ездят? Я только рассмешил проводницу, особенно барабульками. А ещё она сказала, что у неё нет возможности разгуливать по приморским посёлкам, да и разлёживаться на пляжах некогда, ей нужно работать и кормить семью.

Ничего, думаю, я узнаю наш вокзал по его архитектуре. Но я не знал, что все они — во всяком случае, на побережье — построены по типовому проекту. К тому же обратно я ехал в ночное время и шансов разглядеть что-нибудь знакомое у меня почти не было. Я порывался сойти на каждой станции, но меня удерживала проводница: да ты приглядись внимательнее, сам же говорил, что твоя в шести часах езды, а мы и трёх часов не прошли. И меня отправляли спать. Я и в самом деле устал от напряжения, к тому же был основательно пьян. Я быстро заснул, но сколько часов проспал — не имею никакого представления. Проснулся я от лёгких содроганий поезда, замедляющего ход, и сразу же прильнул к окну. Так вот же моя станция — я это знаю по одинокому дереву за перроном, под которым стояла Марина. Беру портфель, бегу на выход. Проводница, качая головой, не то чтобы сомневается, а точно

N≥1(31) • 2020 AMUP MAKOEB

знает, что не время мне. Я же и слушать ничего не желаю — здесь мне выходить и всё тут.

Только оказавшись у дерева, понимаю, что ошибся. Оно ниже и без пышности в листве, оно какое-то больное. Я никогда не ладил со временем — пока разбирался с деревом, поезд отошёл. Что было делать, я направился к зданию вокзала, зашёл в буфет и заказал себе рому. Рому, сказали, не держим. А вот кальвадос, вижу, есть — его мы, бывало, пили с ребятами в студенческом стройотряде. В моём романе он широко описан. Я взял бутылку, кусок голландского сыра, мои любимые пирожки с капустой, шницель и крепкий чай. Когда расплачивался, из моего кармана посыпались деньги, а я даже не подумал их поднять. Кальвадос не поправил моего душевного состояния, но именно из-за него, считаю, я и не помню, как сел на следующий поезд. И надо было ожидать: я пропустил свою станцию, более того, оказался в соседней области. Как же так? Почему проводница меня не разбудила? Никуда я не опоздал, отвечает, ведь мне выходить через четыре остановки — смотрите! — вы оплатили, говорит, до такой-то станции, названия которой, признаюсь, я никогда и не слышал. Ничего не знаю, возмущаюсь я, высадите меня сейчас же, на первой же остановке! С какой такой радости мне ещё четыре станции углубляться в чужую область?

Я заблудился во времени и этой бесконечной ночи! Я не могу найти любимую, я потерял веру в себя! Меня осадили враждебные войска всех времён и народов, и нет мне спасения! Посмотрите, как я зарос. Обратите внимание, на что похожа моя одежда — она износилась, словно я ношу её сотни лет. Вы даже не представляете себе, во что превратились подошвы моих ботинок, хотя все годы блужданий я сидел в поездах — они настолько истончились, что кожей ног я чувствую каждую неровность поверхности, по которой ступаю... Всё это я говорю проводнице очередного поезда, который везёт меня обратно. Но куда обратно?! За бутылку ледяного шампанского я насыпал на её столик кучу денег. Бог с ними, с деньгами, говорю, когда она пытается мне их вернуть — прекратите сейчас же! — лучше скажите, где мне сойти, чтобы найти мою любимую. Даже этот леденящий напиток не гасит пожара в моей душе. Проводница даёт мне совет: сойти на ближайшей станции, снять номер в гостинице, принять душ и хорошенько выспаться. А там, она уверена, я вспомню свою станцию и найду любимую. Я твёрдо обещаю ей это сделать.

Светает. Утро хмурое, холодное. На деревьях, кустарниках, проводах — изморось. И это посреди лета. Я ступаю на землю уже дряхлым стариком. Странно: я таким себя ощущаю, или я такой есть на самом деле? Донести бы своё тело до ночлега и горячей пищи, лечь в чистую постель и спокойно осмыслить, что со мною произошло. Если я выживу и мне когда-нибудь случится написать хотя бы ещё одну книгу, я буду знать, как сделать её безупречно правдивой. Эта мысль приносит хоть какое-то утешение. У входа в здание вокзала спрашиваю, где поблизости есть гостиница. Пожалуйста: мне нужно пойти по перрону, так просто ближе, — видите одинокое дерево? — за ним проулок, он выведет вас на площадь — по правую сторону гостиница. Благодарю. Я с трудом передвигаю ноги, да, да, когда приступлю к этой книге, я уже буду знать, какую боль может вызвать любое предательство, даже самый ничтожно маленький обман. Я буду знать, как можно потерять разум и ощущение времени, как можно разрушить мир, и в первую очередь свой собственный. Как это было в том странном письме? Зачем нужен такой мир, если можно обмануть такую, как... Природа этого просто не потерпит... Не потерпит... Природа, письмо... Не припомню даже, откуда оно пришло?

 ${\rm M}$ слёзы выступают на моих глазах. Я ничего и никого не мог разглядеть, пока вплотную не подошёл к дереву. Останавливаюсь. Смотрю — не верю своим глазам.

Как же так, Марина, неужели ты с тех пор стоишь здесь, или только что вышла меня встречать? Хотя откуда тебе знать, когда я приеду, ведь я не давал телеграммы? Представляешь, я всё забыл: и адрес, и все названия, и даже... Что я говорю? Погоди, одежда на тебе износилась, как и моя. Это что же: мы оба прожили в разлуке неисчислимое количество лет? Как ты жила все эти годы, о чем думала? Лицо твоё обезображено дождями и солнцем. Губы твои потрескались, трещинки на них, да и на всем лице заполнились пылью и семенами трав, разносимых ветрами. Знаешь, в них выросла шелковистая травка, а в волосах твоих птицы свили гнёзда. Не плачь, прошу тебя, эти две струйки обжигают меня больнее адского огня. Я возьму тебя на руки и отнесу домой, я вылечу все твои раны и мы заживём счастливо. Доверься мне, обними за шею, скоро мы будем в мягкой постели и отдохнём за все годы разлуки. И очень тебя прошу, не смотри так — мне кажется, ты пронзаешь меня взглядом, а во мне много чего происходит такого, над чем я не властен. Вот мы и пришли. Сейчас я омою тебя и уложу на кровать, а сам лягу здесь, на коврике, и буду до утра держать твою руку, чтобы ты знала — я рядом.

Утром я и в самом деле проснулся на коврике. Правая моя рука лежала на кровати, шум моря был как никогда навязчив, а Марина собирала развеянные ночным ветром листы моей рукописи. Я встал и, ёжась от холода, вышел на балкон. Там нарочно задержался, потому что не знал, как и о чем с нею говорить. Боялся взглянуть на неё. Мне нужно было осмыслить всё, что со мною произошло. Пусть уйдёт и займётся своими делами. Завтраком, например. Но она не уходила, она держала стопку листов и смотрела на меня в недоумении. Я подошёл к ней и взял из её рук бумаги. Все пятьдесят три страницы, бывшие вчера в моём распоряжении, с обеих сторон были исписаны убористым почерком одним лишь словом: «любимая, любимая, любимая, любимая...»

ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК

ТРИНАДЦАТЫЙ

Живи, раз взялся! Козьма Прутков

Был обычный сентябрьский вечер. Жители спального района «Солнечный» возвращались с работы, покупали в супермаркете продукты, выгуливали собак, катали на качелях детей. Торопились на свидания, делали моцион, выносили мусор в разноцветные дворовые контейнеры. И только жильцы трёх соседних домов на улице генерала Ватутина, как вкопанные, стояли во дворе, задрав головы вверх. Взволнованные люди снимали на мобильные телефоны парня, сидящего на краю крыши крупнопанельной девятиэтажки с цифрой шестнадцать на фасаде. Молодой человек расположился на самом углу дома, его ноги, обутые в светлые кроссовки, болтались в воздухе.

По двору рыскали репортёры городского телевидения, снимая прибывших на место происшествия полицейских, припаркованные у подъезда машины экстренных служб, колоритного майора в синей форме сотрудника МЧС. На шее у мужчины болтался бинокль. В левой руке он держал рацию, в правой — прижатый к уху сотовый телефон.

— Докладывает майор Баженов, — басил он в трубку. — Мы на месте... Прыгун, товарищ полковник... Парень лет двадцати-двадцати пяти... Сначала стоял на краю крыши, сейчас сидит, спустив ноги вниз... Территория у дома оцеплена, зеваки и папарацци удалены на безопасное расстояние, во дворе дежурят полиция и «скорая»... Ничего не требует. Наших и смежников не подпускает — грозится прыгнуть. Пришлось вызвать Зайко... Надеемся, товарищ полковник... У Зайко из двенадцати операций вся дюжина завершилась успехом... Так точно, товарищ полковник, буду держать вас в курсе.

Баженов закрыл автомобиль и решительным шагом двинулся к подъезду соседней многоэтажки.

В это время на крыше шестнадцатого дома появилась девушка, невысокая, худенькая, рыжеволосая, с веснушками, щедро разбрызганными по всему лицу. Одета она была в джинсы и клетчатую куртку с капюшоном. На ногах — высокие шнурованные ботинки-гриндерсы, на голове — красная вязаная шапка-петушок.

Девушка приблизилась к парню на безопасное расстояние. Тот сидел на невысоком ограждении крыши, придерживаясь правой рукой за ночной сигнальный фонарь, предназначенный для предупреждения пилотов о наземном препятствии. На крыше было довольно ветрено. Поёжившись от холода, девушка набросила на голову капюшон.

— Красота-то какая! Я тоже люблю смотреть на город глазами птиц, — произнесла она простуженным голосом, глядя на открывающуюся взору панораму. — Незабываемое ощущение безмятежности... Будто ты паришь над людской суетой, над низменными страстями, над своими проблемами, и вопрос «быть или не быть?» решается сам собой.

На звуковой раздражитель парень не реагировал. Сидел, ссутулившись, онемевший и окостеневший, словно нахохлившийся голубь.

— Некошерно получается. С тобой барышня разговаривает, а ты к ней спиной повёрнут и молчишь, аки дворник Герасим,— обиженно заметила девушка.— Раз уж сидишь на моём месте, давай знакомиться. Меня Женькой зовут. Для друзей — Жека Рыжик. Это — моё дворовое прозвище и никнейм в социальных сетях.

Молодой человек даже ухом не повёл. Расстояние между ним и Женькой в этот момент составляло миллион парсеков.

Выразительно вздохнув, Рыжик села по-турецки на потрескавшийся от времени рубероид, достала из кармана пачку сигарет и телефон, положила их рядом.

— Алё, чел, ты сейчас где?

Нервно дёрнув плечом, парень полуобернулся. Его лицо было безжизненным и серым, как посмертная маска, а глаза... глаза принадлежали человеку, не способному испытывать какие-либо эмоции. Он смотрел на девушку как из другого измерения, устало и равнодушно.

- Малая, ты кто? разлепил он наконец побелевшие от напряжения губы.
- Жека Рыжик, дружелюбно повторила та. А как зовут тебя?
- Ну, положим, Антон, едва слышно прошелестел тот.
- Ооо, да ты едва бельмесишь! Бухой, что ли?
- He-a.
- Обдолбался и пробуешься на роль Икара?
 Парень отрицательно замотал головой.
- Психушатник с осенним обострением?
- Нинет.
- А чё ж ты тогда народ будоражишь? Внизу толпа собралась с биноклями и айфонами. В доме напротив зрители залипли на подоконниках с тазиками попкорна. Телевидение вон подъехало у них новостной план горит. Криминальные репортёры со всего города сбежались. Все ждут зрелища, а ты задницей крыщу греешь. Давай рыбкой вниз. Не заставляй людей нервничать.

На шее Антона вздулась вена толщиной в палец. Глаза приобрели осмысленное выражение. Кадык судорожно задёргался. Парень мазнул по

Женьке взглядом, наполненным злостью и раздражением. Это были его первые живые эмоции за последние сутки.

— Что пристала, как репей к собачьей заднице? — катнул он желваками по скулам. — Иди отсюда!

— А то чё? Вычеркнешь меня из завещания? — рассмеялась девушка. — Ты эту крышу не приватизировал. У тебя, кста, огнива нет? Своё я где-то посеяла.

Антон достал из кармана толстовки фирменную ZIPPO с изображением аллигатора и бросил её через плечо.

— Дарю! Мне она больше не понадобится. Женька поймала зажигалку в воздухе. Выбила из пачки сигарету. Прикурила.

— Согреюсь немного. Замёрзла, как зюзик. Второй месяц не могу из бронхитов выломиться, — пожаловалась она Антону, сморкаясь в бумажную салфетку. — А ты чё, всерьёз решил выпилиться?

Парень тягуче сплюнул вниз.

Серьёзнее не бывает...

Гипнотический взгляд девушки прилип к его затылку. Женька мысленно приколачивала Антона к краю крыши большими кровельными гвоздями.

- У тебя кто-то умер? тихо поинтересовалась она. Ты болен СПИДом? Рак в последней стадии? Тюремный срок корячится?
 - Всё мимо, шумно задышал молодой человек.
 - Неужели девочка бросила? с иронией в голосе произнесла Женька.
 - И это тоже... Как ты сюда пробралась? Здесь же менты кругом?

Рыжик сделала глубокую затяжку и с детским интересом проследила за кольцами дыма, плавно уплывающими к небесам.

- Через соседний подъезд. Я там живу. У нас дверь на технический этаж открывается любой шпилькой.
 - Ну, и чего ты от меня хочешь, Рыжик, или как тебя там?
- Дык фоточки хочу запилить в свой блог. Подборку под названием «На краю стою». У меня уже десять тысяч подписчиков. Было бы больше, но я честный блогер— не практикую мёртвых душ, ботов, накруток и покупок, как это делают другие. Если не возражаешь, я сделаю селфи.

Не дожидаясь согласия парня, Женька повернулась к нему спиной, вытянула руку вперёд, щёлкнула мобильником.

— Фигово вышло, — расстроилась девушка, рассматривая снимок. — В кадр попала ремонтная лебёдка, да и ты здесь какой-то странненький. Я тоже вышла, как белка, объевшаяся горохом. Давай ещё раз. Улыбнись такой пронзительной прощальной улыбкой... Нет, не так. Это — жалкая гримаса труса, никчёмно профукавшего свою жизнь. Улыбнись, как герой, идущий на вражескую амбразуру. И отодвинься от края — ноги в кадр не входят. Знаешь, сколько народу будет разглядывать твои последние фотки, включая эту? Тьма! И среди этой тьмы — твоя бывшая пассия. Как её, кстати, зовут?

Повисла звенящая пауза. Воздух наполнился невидимыми флюидами: Женька мерилась силами со Смертью. Этот раунд выиграла она — Антон подчинился. Спустя пару секунд он уже сидел не на ограждении, а на сто лет не видевшем ремонта битумном покрытии. Парень вытянул вперёд худые длинные ноги, скрестил на груди руки, склонил голову к левому плечу.

Женька тут же приняла идентичную позу и стала выдувать сигаретный дым сквозь свисающую на глаза чёлку. Так они и сидели какое-то время, молча рассматривая друг друга.

- Светка, произнёс вдруг Антон.
- Что, Светка?
- Подругу мою бывшую Светкой зовут... Мы жили вместе... Она ушла от меня...

Женька потянулась за новой сигаретой, приготовившись к долгому разговору.

- Самоубиться из-за бабы? покачала она головой. Я фигею в этом зоопарке...
- Не только из-за бабы, стал оправдываться парень. Я ещё работу потерял... и квартиру, которую государство дало мне после детдома... и деньги... В общем, всё, что у меня было.

Во взгляде девушки, убеждённой в том, что девять из десяти проблем разрешаются путём их простого игнорирования, читалось искреннее удивление.

— Подозреваю, что моими предками были шаманы, — задумчиво произнесла она. — Уж очень хочется дать тебе в бубен.

Антон вдруг обмяк, словно из него вынули продольный стержень. Ноздри парня завибрировали, потухшие очи стали излучать свет. Он смотрел на Женьку глазами оленёнка Бэмби, столкнувшегося с суровыми законами борьбы за выживание.

«А ещё говорят, что детдомовские успешно преодолевают трудности, и им по плечу любые преграды... Ложные стереотипы», — подумала Женька, разглядывая проплывающие над головой облака.

— Слышишь, как потрясно свежестью пахнет? — бросилась она в омут импровизации. — Это — озон. Значит, быть осадкам.

Спустя минуту с серого неба заморосил противный мелкий дождик.

— Бегом сюда! — махнула Рыжик Антону, перемещаясь под небольшой козырёк надстройки для лифтового оборудования.

Парень автоматически выполнил команду, усевшись на корточки рядом с девушкой. В схватке со Смертью Рыжик выиграла ещё одно очко.

- Курить хочешь? подняла она вверх зажжённую сигарету.
- Бросил. Вредные привычки нищеброду не по карману, изрёк Антон и тут же приник к никотиновой палочке, как аквалангист к шлангу. Сама бросить не пробовала?
 - С вами бросишь...
 - С кем это, с нами?
- С мужиками, с кем же ещё... Проблемные вы очень, проворчала Женька, закуривая новую сигарету. — Давай рассказывай, что у тебя стряслось.

Сделав глубокую затяжку, Антон приступил к исповеди.

— Мы со Светкой хотели пожениться, на Мальдивы полететь, машину купить, мебель итальянскую... Квартира у нас уже была... Вот...

Парень волновался, путаясь в своих мыслях, как в чужой одежде. Пальцы, сжимающие сигарету, заметно дрожали. В глазах застыло выражение беспредельного отчаяния.

- …Я работаю электромонтёром, зарплата не аховая, а Светка хотела всё и сразу. Вот я и вписался в блудняк из-за быстрых денег… Прогорел… Ну, *как* прогорел — подставили меня… Потом стали вымогать деньги за испорченный товар…

Молодой человек нервно сглотнул, на его глаза навернулись слёзы.

— ...поставили меня на счётчик, пообещали убить. Пришлось кредит взять под залог квартиры. Пока выяснял отношения с отмороженными на всю башку братками, Светка заявила, что такой головняк ей не нужен. Что нормальные девушки не связываются с парнями, у которых проблем больше, чем у них самих. Слиняла, в общем... Квартиру мою банк забрал за долги. С работы вытурили за прогулы — я ведь метался, как муха в кипятке, надеясь малой кровью решить финансовый вопрос...

Антона будто прорвало. Он говорил и говорил без умолку. Рассказывал, как искал своих беспутных родителей. Как пытался продать почку, чтоб рассчитаться с долгами. Как искал выходы на французский Иностранный легион и ЧВК Вагнера *. И как ему везде не везло.

Женька вся превратилась в слух. От её сигареты на джинсы падал пушистый пепел, но девушка этого не замечала, проникаясь проблемами парня, сочувствуя его неудачам, переживая его ошибки.

- Как бы мне хотелось сейчас проснуться в десятилетнем возрасте и узнать, что вся эта сегодняшняя фигня мне просто приснилась,— прошептал Антон дрожащими губами.— Из моей ситуации просто нет выхода...
 - Ты повержен? Тебя уложили?

Не печалься, подумай сперва:

Даже, если б тебя проглотили,

Выход есть, скажу больше — их два!!! — процитировала Рыжик неизвестного оптимиста. — Ты думаешь, у меня все тип-топ? Да ни фига! Тоже... сплошное получение полезного опыта. Я, хоть и не детдомовская, но нахлебаться все равно успела... Когда мне и шести лет ещё не было, папашка мой улетел опылять другой цветник. Мама тогда сильно заболела. С тех пор из больниц не вылезает... Невезучая я. Ни тебе крепкого здоровья, ни финансовой удачи, ни мужика нормального рядом... Когда мой парень

^{*} Неофициальное вооружённое формирование, участвующее в боевых действиях за деньги.

променял меня на дочку своего босса, я тоже хотела сделать выпуль. Знаешь, что мне помешало? Внешний вид моей тушки, размазанной по асфальту, и верблюд.

Антон взирал на девушку в тупом недоумении, но приставать с расспросами постеснялся.

- Так вот, я тогда живо представила себе новостной сюжет, в котором мои бренные останки отскребают от земли совковой лопатой, рассуждая при этом о причинах столь небогоугодного поступка. Высказывают предположения о том, что я страдала психическими расстройствами и, возможно, злоупотребляла психоактивными веществами. И весь этот бред слышат мои родственники, сослуживцы, соседи, недруги, предавший меня парень. Слышат и — одни крутят пальцем у виска, другие злорадствуют, третьи получают подтверждение своей правоты — мол, хорошо, что вовремя дистанцировались от меня, идиотки. Вот я и решила не доставлять им удовольствия.
 - А верблюд? не удержался всё-таки Антон.
- Это идея-фикс с самого раннего детства. Я никогда не каталась на верблюде. Думала, вырасту, начну зарабатывать, поеду отдыхать в Египет, на крайняк, в Каракумы. Взгромозжусь на корабль пустыни — аккурат между горбами — и поплыву... Прикинь, до сих пор не насобирала не то, что на Египет — на очень среднюю Азию... Ну, как можно подохнуть, не осуществив детскую мечту?

В глазах девушки заблестели слёзы.

— Вот скажи мне, — ухватила она парня за рукав, — я что, много от жизни хотела? На верблюде покататься! Не на драконе огненном, не на динозавре-трицератопсе, не на жар-птице сказочной... На обычном вонючем верблюде, — всхлипнула Рыжик, выбрасывая свой окурок в вентиляционный «грибок» шахты мусоропровода.

Крупные слёзы текли по её лицу, срываясь и падая вниз. Антон, молча, гладил Женьку по тоненькой, как прутик, руке, не зная, как отвлечь её от горьких мыслей.

- Что это у тебя за татуха такая? нашёлся он наконец, узрев на запястье девушки «браслетик», состоящий из двенадцати пятиконечных звёздочек.
 - Да так...— замялась Женька, одёргивая вниз задравшийся рукав.— Бортовая статистика. Антон сделал брови домиком. Пришлось объяснять.
- Советские лётчики в годы Великой Отечественной войны отмечали свои воздушные победы пятиконечными звёздочками на бортах самолётов. Вот и я подобным образом фиксирую свои победы... на любовном фронте.
 - Это... за какой период?
 - За последние два года.

Антон превратился в экспонат музея восковых фигур.

- Ничего себе! выдохнул парень, у которого до Светки не было никого, если не считать, одноклассниц, отношения с которыми ограничивались поцелуями под лестницей. — Че ж ты тогда жалуешься на отсутствие мужика?
- Я сказала НОРМАЛЬНОГО мужика, уточнила Рыжик. С которым можно не только в койке кувыркаться, но и строить долгосрочные отношения. Говорю же — невезучая. Таким, как я, только и остаётся что ловить дзен на крыше.

 - Кого на крыше ловить? вытаращил глаза Антон.
 Дзен. Отрешённость от бытовых мелочей и погружение в себя.

Размер глаз собеседника не только не уменьшился, но и несколько увеличился. Этот факт заставил девушку проявить гуманизм.

- Когда мне становится совсем хреново, я прихожу сюда с ковриком для йоги, взбираюсь на надстройку для лифта, сажусь в позу лотоса и ору, – перевела она предыдущую фразу на доступный парню язык.
 - В смысле, орёшь? На кого? не понял тот.

- На врагов-предателей. На жизнь фиговую. На эту загаженную крышу, мать её. За бугром на таких крышах сады выращивают, помогая природе перерабатывать CO₂ в чистый воздух, а у нас это кладбище тросов, лебёдок, самопальных антенн, элементов оборудования «времён Очаковских и покоренья Крыма». Ну, как тут не орать?
 - И что, помогает?
- Можешь не верить, но продолжительный крик даёт мощный эффект: снимает стресс и напряжение, приводит эмоции в равновесие. Давай попробуем вместе.

По небу продолжали плыть серые клочки облаков, но дождика уже не было. Ветер тоже угомонился. Зацепившись за край небосклона, закатное солнце перечёркивало горизонт узким красным лезвием.

Женька с Антоном взобрались на лифтовую надстройку, взялись за руки и стали кричать. Громко, яростно, истерично, от всей души. В два голоса они бранили своих недругов, депутатов, соседей, коллег, начальство, друг друга... Молодые люди сквернословили, рычали, как сумасшедшие, протяжно выли: «Аааааааааааа! Ууууууууу! Ооооооооо! Ыыыыыы!». Когда был испущен последний крик, оба почувствовали невероятное облегчение, спокойствие и умиротворение. Подобные ощущения испытала и соседняя многоэтажка, сотнями стеклянных глаз наблюдавшая за приступом безумия чудаковатой пары.

- Ну, что, дружок, отпустило? подморгнула Женька парню. Спускаемся потихоньку вниз?
 - Мне некуда идти, развёл тот руками.
- Есть! уверенно произнесла девушка. Сейчас ты отправишься в городской кризисный центр, где тебя обеспечат кровом и питанием, окажут медицинскую и психологическую помощь. Поддержат, помогут с поиском работы. Среди друзей по несчастью проще найти новых приятелей, встретить новую любовь... По рукам?

Тишина завибрировала, как натянутая струна. Доли секунды показались Женьке вечностью. Если бы существовали приборы, измеряющие человеческое напряжение, в этот момент все они зашкалили бы одновременно...

- По рукам! признала Смерть своё поражение, и парень двинулся к выходу. Там его уже ждали двое мужчин в синей форме с золотыми шевронами.
- Кто это? обернулся он к Женьке, все ещё восседающей на лифтовой надстройке.
 - Чип и Дейл, абсолютно серьёзно ответила та. Они о тебе позаботятся.

Последней крышу покинула Евгения Зайко, психолог Центра экстренной психологической помощи МЧС. Спускаясь по лестнице тяжёлым, забивающим сваи шагом, девушка не могла унять отходняковую дрожь. У неё кружилась голова, першило в горле, бешено колотилось сердце — она панически боялась высоты.

Во внутреннем кармане куртки вдруг забулькала рация. Женька обессилено присела на ступеньку.

- Альфа, это Зайка. Приём, засипела Рыжик окончательно сорванным голосом.
- *Зайка моя, это* высший пилотаж, восхищённо пробасил майор Баженов. Набивай на свой фюзеляж тринадцатую звёздочку.

РОДИНА МОЯ

ПЁТР МУРАТОВ

ЛЕСНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Этот рассказ родился после спора с одной дамой — восторженной любительницей загородного отдыха на даче. Как представлю её «фазенду»: с одной стороны полустоячая заводь залива, с другой — захлопнутые наглухо ворота; с третьей — забор соседа, с которым не хочется общаться. Да и без волкодавов во дворе неуютно: ходит мимо кто ни попадя. Оттуда — музыка, отсюда — строительный шум или звуки авто. Вот и приходится топтаться как в загоне, хоть и с видом на природу. Впрочем, согласен: загород, свежий воздух, смена обстановки — это, безусловно, отдушина.

А теперь про мою отдушину, ведь я сливаюсь с природой в полном смысле слова. И рад, что оказался в Кольцово под Новосибирском, где освоено и заселено всё вокруг намного меньше, чем, например, в Татарстане, откуда я родом. Да и ехать далеко не надо: часа полтора-два от порога дома на велосипеде — и я в гостях в волшебном царстве Берендея! Даже не верится, что всего в тридцати километрах огромный полуторамиллионный мегаполис.

Укрыться от непогоды, заночевать можно в небольших лесных заимках-избушках с печками. Стоят они на речках и ручьях — на Волчихе, Коёне, Каменушке, Ромихе, Барышихе, но найти их, не знаючи, трудно. Пакостить вокруг совесть не позволяет. Мы проредили редколистный кустарник, вырезали сухостой, убрали валежник, посадили ёлочки, построили мостки.

Многие речки запружены обильно расплодившимися в последнее время бобрами. Перед плотиной зелёная заводь, сточенные под карандаш деревья, норы-сифоны под берегом. На косогорах во множестве тарбаганьи норы, и, если потихоньку подкрасться, видно, как эти забавные толстячки играют и заботливо вылизывают друг друга. Не раз сталкивался с косулями, барсуками, лосями. Лисичка одно лето к костру подкрадывалась, наблюдала за нами: видимо, молоденькая, любопытная. Благодаря рыжей «разведчице», безымянный приток Волчихи, из зарослей которого она нас разглядывала, получил название «Лисиха». А уж как бурундуки в салочки круговерть заведут — разве что не через ноги перепрыгивают, наглецы!

Про симфонию птичьих голосов весной и в начале лета не упомянуть нельзя. А ближе к осени с сумерками приходит тишина. Гробовая, звенящая... Такая, что самому перестать дышать хочется. И давящий звёздный небосвод только усиливает эту феерию безмолвия. Лишь дерево где-то ухнет о землю, завершив свой жизненный цикл, да шорохи и вскрики ночных обитателей леса с пощёлкиванием костерка не дают забыться в полном уединении.

Вечерами после многокилометровых марш-бросков начинается чайный «литрбол» — чайник на брата отлетает незаметно! И какого чая! Заварка не нужна: душица, зверобой, смородиновый лист, лабазник... Можно чаги добавить, можно бадана, осенью — ягоды шиповника и калины. Цвет и запах — аж дух захватывает! С дымком! А как пахнет внутри разогретого на солнышке сруба, какой там крепкий сон!

Поутру всё не можешь решить, куда смотаться — в верховья Коена или по Казачьей гриве. А может на гору Лысую? Или на Каменку? Желаешь всюду и враз. Ну, здоровьем пышешь — само собой разумеется! Вёрст 50–60 в день на велике — в лёгкую! Нашёл способ форсированной установки на позитив: когда работаешь в гору с наибольшей нагрузкой, в такт дыханию повторяешь про себя: «Радость! Радость! Радость!» Иногда даже жаль, что закончился подъём, зато вниз — аж в ушах свистит! После таких внушений жажда физических нагрузок, поверьте, — почти наркотическая.

Между прочим, здорово помогают соблюдать необходимую для поддержания постоянной скорости частоту дыхания кукушки. Я заметил: в любое время, в любом месте интервал между «ку-ку» всегда один и тот же.

- Ку-ку! отмеряет нужный такт серокрылый «метроном», далеко слыхать.
- Фух! шумно выдыхаю я.
- Ку-ку!
- Фух!

Научился управлять великом виртуозно! Долгими зимними месяцами я часто навещаю в кладовой своего железного «конька» и, закрыв глаза и глубоко вздохнув, мечтательно беру в руки руль тонкоспицевого друга. Скорей бы сезон! Скорей!

Когда летишь вниз, хочется превратиться в одно большое лёгкое — запах трав и цветов, особенно в разогретых солнцем распадках, нереально медовый, одуряющий! Парад ароматов начинает черёмуха, наполняя всё вокруг самым весенним запахом в природе. Потом приходит черёд борщевика и донника. А на крутом, обращённом к солнышку, косогоре пахнет так, будто каждый июль там переворачивается цистерна с клубничным вареньем! Быстротечное сибирское лето как тисками сжимает время буйства природы, укорачивая вегетативный период жизни всего живого, поэтому порой возникает ощущение, что цветёт, благоухает и созревает всё почти одновременно. В том числе, летающее, стрекочущее и опыляющее.

Как приятно припасть в изнеможении к роднику, лесному ручейку, ломящему холодом зубы в любое время года! А развесив для просушки мокрую от пота футболку, с умилением наблюдать, как цветастые быстрокрылые бабочки налетают на неё, жадно высасывая соль тоненькими хоботками. Иногда даже просишь их поторопиться с «трапезой», подгоняя лёгким прикосновением: всё, «девчонки», хорошего понемножку, мне пора дальше!

К слову, и в биологию-то я, в своё время, пошёл благодаря детскому увлечению энтомологией. Удивительное дело: среди этого раздолья мне мгновенно вспоминаются и русские, и латинские названия животных и растений, хотя со времён студенческих полевых практик на биостанциях Казанского университета прошло уже несколько десятилетий...

«Ага, заливай-заливай!» — может, скажет кто-то. А клещи? А гнус? А жара? А застящий глаза пот? А заморозки, схватывающие под утро траву лёгким белёсым инеем, бывает, даже летом? Что ж, ваша правда, ведь недаром поётся: «Холод, дождь, мошкара, жара — не такой уж пустяк!» Но следующие, ставшие афоризмом строки этой песни перевешивают всё: «И чтоб устать от усталости, а не от собственной старости...»

А когда пробьёт первой желтизной лысеющие день ото дня лесистые косогоры, приходит грибная пора! М-м-м, какие богатые «клондайки» я знаю! И лисятники, и опятники, и груздёвники... Иногда даже интерес теряется — сидишь, режешьрежешь грибочки, как на плантации. Одна проблема — вывезти на себе урожай. Нет,

Nº1(31) • 2020 ΠËTP MYPATOB

ещё одна: жена часто домой не пускает с обильным грибным «уловом». Опять, мол, грибной «маньяк» натащил, обрабатывать надо! И музыкой мне звучит её приветливое ворчанье!

Конечно, вокруг родной уютной Кольцовочки со всех сторон лес, и полное ведёрко грибов я раньше собирал, держа в поле зрения свою девятиэтажку. Но население нашего наукограда неуклонно растёт, и всё чаще натыкаешься на самое противное зрелище для нашего брата, грибника — пеньки от ножек свежесрезанных грибов! Поэтому, чтобы полностью отдаться грибной «охоте», надо всё же отъехать подальше.

Начинается сезон в конце апреля, если снежное покрывало не залежится дольше обычного. Правда, «шлёпать» первое время приходится пешим порядком, ибо земля, дурманящая запахом непросохшей влаги, ещё совсем скользкая. Зато гнуса вообще нет, лишь не забывай осматривать одежду — не ползёт ли оголодавший за зимнюю спячку клещ. Обычно я убываю из дома под конец дня в пятницу, возвращаясь вечером в воскресенье. И этого вполне хватает для глобального, всеобъемлющего восстановления сил и настроения перед грядущей трудовой неделей.

Завершение сезона, прерываемого лишь затяжными осенними дождями, происходит только в ноябре, когда «ставить точку» отправляешься пешочком по неглубокому сахарно-белому снежку.

А что же зимой? Раньше, когда сам был помоложе, а народ не такой «закабаневший», мне удавалось собирать команду из, минимум, трёх тропарей. Потому сезон переходил в лыжный. К сожалению, сегодня в одиночку или даже вдвоём протропить по снежной целине до избушки за короткий световой день редко удаётся — успеть бы до темноты вернуться домой. А больше почти никто и не ходит...

С темнотой в лесу зимой шутить, понятное дело, не стоит. Случилась у нас одна поучительная история. Однажды заядлый турист-фанатик Саша Бороздин в сумерках кинулся за нами в погоню. Он узнал, что мы с другом и сыновьями двинули на Волчиху в старую, ныне развалившуюся от времени, избушку, которую сам же нам когда-то показал. Больно компания наша Сане нравилась, да и конец трудовой недели настал. Уж он-то ни капельки не сомневался, что найдёт заимку в любое время суток с завязанными глазами! Но не нашёл: разыгралась метель, и лыжню занесло. Шёл вроде бы правильно, но в сгустившейся темноте места не узнал, порыскав взад-вперёд. Отчаявшись нас найти, решил переночевать в сугробе, как куропатка. Турист-горемыка вырыл яму, накрылся с головой пуховиком и сунул ноги в рюкзак — ни спичек, ни котелка, ни топорика он с собой не захватил, самонадеянно сорвавшись в погоню за нами налегке. Копаю, рассказывал Саня позже, и думаю — чем не могилка?

Самое обидное, наш мытарь слышал стук топора, показавшийся ему в тот момент почти миражом (мы выходили среди ночи подколоть дровишек для печки). Однако направление источника звука в метель не угадывалось даже приблизительно. Саня, преисполнившись было надежд «на спасение», выскочил из сугроба, и, истошно закричав, осатанело заметался между стволами. Однако порывы не утихавшего ни на секунду ветра проглотили этот «писк», лишь немые деревья, футболя друг другу остатки слабого эха, сочувственно качали кронами... Честное слово, мы не слышали ни-че-го! Пришлось ему, сокрушённо вздохнув, вернуться в свою белоснежную норку.

Забывшись на какое-то время, и, испугано вздрогнув от пробуждения, Саня начинал лихорадочно ощупывать себя— нет, пока ещё жив! «Норка» не стала могилкой! И так всю ночь— закемарил, очнулся, ощупался; закемарил, очнулся, ощупался. Вроде живой.

С первыми лучами солнца наш «отморозок» негнущимися пальцами пристегнул крепления лыж и обречённо двинул по направлению к Кольцову, чуть не плача от

осознания факта необходимости изнурительной тропёжки — лыжню занесло напрочь. От мысли продолжать поиски избушки он отказался. Домой, скорее домой, пока не угасли последние силы! Слава богу, метель прекратилась, но приморозило.

А мы выспались в тепле, позавтракали и не спеша тоже тронулись восвояси. Вскоре нас ожидало немалое удивление: чьи-то лыжные следы! Но, граждане хорошие, здесь кроме нас никого не могло быть — до избушки накануне вечером мы добрались уже почти в темноте! Да и с утра придти неоткуда — до ближайшего жилья ой, как не близко! Однако обширная площадь снежной целины, хаотично исполосованная чьими-то лыжами, нам миражом не показалась. В голову полезли мысли, навеянные туристскими легендами о Чёрном Альпинисте, на которого мы в горных походах всегда списывали мелкие казусы и необъяснимые пропажи кое-какого барахлишка. Надо же, и тут, чертяка, нас достал, совсем рядом с нашей избушкой ошивался!

Чуть позже выяснилось, что Чёрный Альпинист тоже проживает в Кольцове: лыжня определённо вела в нужном направлении. Мы не уставали благодарить мифическое существо за первый протроп, ведь по нему шлось намного веселее. И вот впереди замаячила фигурка уже вполне реального живого существа. Мы добавили ходу, жаждая быть первыми в мире туристами, которым, наконец-то, удастся познакомиться с легендарным Чёрным Альпинистом вживую. Чёрный Альпинист, как вы сами догадываетесь, к тому моменту уже с огромным трудом переставлял свои одеревеневшие ноги — в нём мы не сразу признали родного Бороздина. Повиснув на лыжных палках и тяжело, с хрипотцой, дыша, он окинул нас отсутствующим взглядом: сил не осталось даже на эмоции. Однако горячий чаёк из термоса и бутерброд с запашистым копчёным сальцем немножко вернули Саню к жизни. Заправившись чуток, он уже по нашей лыжне пошёл намного бодрее.

М-да, урок был получен на всю жизнь. С тех пор палатка, спальник, котелок и топор (про спички не упоминаю), стали постоянными атрибутами даже самого коротенького зимнего похода.

Однако вернусь к описанию и философскому осмыслению своего любимого хобби — достижения абсолютной нирваны путём полного слияния с природой. Справедливости ради отмечу, что, основательно отдохнув подобным образом, возвращаться к цивилизации совсем не в тягость, как можно было бы ошибочно предположить, ведь человек я всё же городской. Даже радуешься её благам: желанная ванна, телевизор, чистая постель... Всю прелесть достижений цивилизации особо остро можно прочувствовать лишь на резком контрасте, а не в замене одних декораций цивилизации другими, дачными, пусть внешне и напоминающими природу.

Теперь пришла пора познакомить с нашим избушечным «бомондом». К тотальному одиночеству я не стремлюсь, иногда даже устаю от чересчур звенящей тишины, мечтая, чтоб хоть кого-нибудь занесло «на огонёк». Кстати, сотовый в тех местах не ловит. И слава богу.

О-о! Какая интересная публика порой подтягивается! Люди, которых неудержимо тянет сюда, интеллигентны внутренне, хотя внешне могут выглядеть грубовато и сурово. Недаром поётся: «они в городах не блешут манерой аристократа». Энергетика дикой природы и наша лесная философия ровняют всех, вне зависимости от образовательного или социального уровня. Каждый интересен по-своему, каждому есть, о чём поведать миру.

Это и бывший охотник Влад из Академгородка, неразлучный со своей верной «лесной» подругой Таней, и Андрей, по прозвищу «Большое Дуло», каждый раз удивляющий нас очередным прибамбасом — то прибором ночного видения, то «суперским» таёжным «прикидом». И строитель избушки на Волчихе хлебосольный Илья, страстный

N₂1(31) • 2020 ΠËΤΡ ΜΥΡΑΤΟΒ

коллекционер самоваров. И потомственный интеллигент Михаил, для которого перейти на «ты» даже после брудершафта — проблема. И Саня Лабенский — порой он так витиевато ведёт линию мысли, излагаемой почти толстовскими предложениями, что иногда забывает, с чего начал. И никогда не унывающий Василий, славящийся своими авантюрными одиночными велосипедными вояжами, практически без снаряжения. Он любит забираться в такую глухомань, что иногда, внимая его рассказам, просто диву даёшься, как ему, экстремалу до мозга костей, удалось выжить.

Не забуду один случай. Стояла середина жаркого влажного июля — поры массового выплода оводов и слепней. Укрывшись в избушке на Волчихе, я судорожно залил в себя литра два живительной прохлады из Лисихи и блаженствовал, отдыхая от бесконечных атак свирепствующих кровососов. От этого исчадия ада я в пути спасался, плотно задраившись в форменный лесной костюм «Егерь» с накомарной сеткой, а потому был обезвожен и обессилен. Но вот на пригорочке появился улыбающийся Василий «Конюхов» с велосипедом в одних плавках, в плотном окружении роя мелких вампиров. У меня чуть глаз «не выпал»: кровь в местах укусов стекала тоненькими струйками, запекаясь на солнышке. Василий поставил велик и, поприветствовав меня, не спеша лёг на стремнину всегда холоднющей Волчихи, перевернувшись пару раз с живота на спину. Освежившись, он троекратно осенил себя крестным знамением: «Красота!» Почувствовав моё искреннее изумление, многозначительно изрёк: «Ну, покусали, и что? То ж твари Божьи!» Как оказалось, наш фанат-экстремал таким образом готовился к путешествию на знаменитые Васюганские болота, что на севере области.

И другие наши «единоверцы», обо всех не расскажешь — их нужно видеть и слышать! Уникумы, одно слово!

С началом охотничьего сезона количество «оруженосцев» заметно возрастает, я не стал бы их всех чохом причислять к охотникам: некоторые умеют только палить. Но и настоящих охотников тоже хватает — всё же угадывать их я научился безошибочно. Мне не раз перепадало от их промысла: то похлёбка и бифштекс из зайчатины под обстоятельный рассказ про особенности охоты на длинноухого. То ароматный супчик из тетерева, то рябчики, запечённые на углях в фольге, с грибным рагу и салатом из молодого папоротника и свежих листьев крапивы. Даже свежезасоленный хариус, только-только выловленный из Коёна. И всё под ароматный чаек! Ну и, если у кого было, под что-нибудь покрепче. На свежем-то воздухе, у костра! М-м-м, наслаждение! И как без знаменитых, самых что ни на есть «правдоподобных» рыболовноохотничьих баек в такие моменты? Уж наслушался-я-я! Вволю!

Вы вероятно спросите: чего сам-то не охотишься? Не могу, люди, стрелять в живое и всё тут! Стрелков и без меня хватает, причём самых разных. Не стану осуждать охотников, но мне всегда тоскливо лицезреть испачканную кровью лесную красоту: ещё совсем недавно она наполняла своей жизнью лес, и вот — жалкая и бездыханная, с остекленевшими глазами валяется на траве. Кстати, Влад тоже, со временем, охладел к охоте — мол, надоело живность жизни лишать! Видимо, с возрастом к некоторым приходит «насыщение кровью». Словом, Природе-матушке будет лучше без моей стрельбы, и, надеюсь, она не устанет благодарить меня за это...

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

ВИКТОР СУВОРОВ

ЛИЧНОСТЬ ВОСПИТЫВАЕТСЯ ЛИЧНОСТЬЮ

Проблемы интеграции традиционного и инновационного в современном образовании

Одной из важнейших задач школы в советский период было воспитание подлинного вкуса, истинного чувства прекрасного, выпестованного только на образцовых произведениях и патриотической правдивости прошлых и настоящих событий.

В тот период составители образовательных программ ясно понимали, что от их содержания зависит, получит ли будущий гражданин России необходимое представление о наиболее важных явлениях отечественной культуры, обеспечивающее становление личности и гражданина общества.

В нынешней же культурно-образовательной среде, когда из школьных программ полностью или частично изъяты И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, А. В. Кольцов, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев, В. И. Белов, Н. М. Рубцов и многие другие классики, а Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, М.Е Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и другие представлены произведениями в усечённом варианте, когда история России и важнейшие события искажены до совершенно другого понимания или (как Сталинградская битва) стали умещаться в очень небольшом объёме, — молодой человек, не получивший представление о чём-то неизменно важном, скорее всего, останется обделённым на всю жизнь. Главное же — не обретёт вовремя должного заряда добра и патриотичности.

Педагогика стала предписывающей (ЕГЭ, ОГЭ, стандарты, WorldSkills, «Демоэкзамены», система алгоритмов и пр.), в которой не стало просвещения, а суть образования размывается!

Поэтому учёные-педагоги есть, а педагогических школ, подобных школам Амонашвили, Давыдова, Шаталова и многих-многих других, не стало.

 Π едагогика — это воспитание человека человеком, это полёт души, который в рамки стандарта вместить нельзя.

Сегодня, к сожалению, наступили времена девальвации главных смыслов — правды, совести, родной земли. В массовой культуре душевная чистота представляется «лопоухостью», верность принципам — косностью, бережность к памяти предков — неспособностью жить идеями завтрашнего дня.

Молодое поколение пришло в мир, в котором «тьма низких истин» выдаётся за жизненный идеал...

Главная проблема современного образования — прагматическая ориентация на запросы производства, а не человека. Это приводит к явному превалированию в учебном процессе технико-технологических вопросов.

№ 1(31) • 2020 ВИКТОР СУВОРОВ

Педагогическая практика современного процесса обучения направлена преимущественно на выработку умений и накопление знаний, а не на формирование ценностно-мотивационной сферы личности, её нравственных качеств, культуры и потребности саморазвития.

Российское образование уже несколько десятилетий работает в идеологическом вакууме, с открытыми шлюзами средств массовой информации о вседозволенности и привитии уродливых форм поведения молодёжи, откровенном забвении положительного и героического прошлого. А обучающиеся в процессе получения знаний не могут быть свободными от формировавшихся веками ценностей и морали. Поэтому, особенно в данный период, на первый план должна выдвигаться задача не просто поддержки гуманитарных наук, а фундаментальной гуманизации всей системы образования. И только она способна изменить ситуацию, опасную не только для общества, но и для конкретного человека, так как самоценность и уникальность личности постепенно становится малозначимой величиной, а категории обыденной жизни возводятся в ранг смысложизненных.

Не случайно в последние десятилетия всё возрастающее количество техногенных аварий (45%), авиакатастроф (80%), аварий на море (80%) происходит от человеческого фактора, от критически недостаточного объёма личностного капитала.

Поэтому духовно-нравственное формирование личности должно носить опережающий, базисный характер. От учебного заведения требуется прививать обучающимся способности формирования критического аппарата мышления для распознания современных, якобы, «ценностей», которые легко уводят часть молодёжи к «цивилизованному варварству», где происходит эстетизация нравственно безобразного, размывающая настоящую культуру.

Ответы студентов на анкетные вопросы, содержание многих телепередач, статистические данные об интересах молодёжи и т.д. говорят о том, что в постсоветском обществе происходит активная замена духовно-нравственных идеалов (на чём всегда крепко стояла наша культура) на культ материального достатка любой ценой.

Декларируемые тезисы о приоритетности института воспитания не нашли своего отражения на практике. О необходимости особого положения духовно-нравственных ценностей в вопросах воспитания подрастающего поколения говорят многие видные учёные, общественные деятели, опытные педагоги.

И, несмотря на важность и необходимость иметь сегодня высокопрофессионального специалиста, способного эффективно овладевать самой современной техникой, мы понимаем, что в данной дилемме первично наличие института воспитания, «стены» которого должны быть заполнены морально-ценностным содержанием на уровнях государства, общества и учебного заведения. Ибо, как сказал Карел Чапек: «Одно из величайших бедствий цивилизации — образованный дурак».

А это бедствие, к сожалению, пока расширяется, так как произошло резкое снижение ответственности за духовно-культурную и гражданскую социализацию обучающихся ввиду отсутствия концепции, программ, форм и методов воспитательной работы в образовательной организации.

Общекультурные компетенции студентов сегодня на очень низком уровне: ни истории, ни литературы, ни искусства они не знают. Не известны им даже имена, творившие всё это.

На этом фоне необходимо подчеркнуть, что в федеральных стандартах третьего и последующих поколений необходимое взаимопереплетение научно-технического и гуманитарного знания, интеграция ценностей остаются за пределами профессионального образования.

А в сегодняшнем постиндустриальном обществе одновременно (!) два разнонаправленных процесса:

- 1) быстрый рост и распространение электронно-экранной информации во всех сферах деятельности человека;
- 2) быстрый темп устаревания знаний, что существенно «сокращает» жизненный цикл навыков, умений, компетенций, профессий.

Таким образом, налицо **проблемная ситуация**, к научно-обоснованному выходу из которой не готова ни психолого-педагогическая теория, ни образовательная практика.

С одной стороны, информационная ресурсная база увеличивается в геометрической прогрессии, с другой — в образовательных организациях пока ещё доминирует традиционная система передачи знаний, объяснительно-иллюстративный тип обучения.

Кратко рассмотрим их.

Компьютеризация является на сегодняшний день мощным инструментом для массового открытого социального обучения, совершенствования концепции дистанционного обучения, развития онлайн-курсов, или концепции BYOD (Bring Your Own Devises), когда на занятиях активно используются смартфоны, ноутбуки, планшеты.

Но **компьютеризация** воздействует на самую хрупкую и уязвимую часть ноосферы— на живую интеллектуальную среду, исключает видение целостной картины мира:

- 1) делает образ мышления и суждения поверхностными, что не позволяет сформировать критический аппарат мышления;
- 2) **становятся размытыми социальные и гендерные ориентации**, возникают проблемы самоидентификации, зыбкими становятся понятия семьи и брака;
- 3) дети экранного поколения ориентированы **на потребление**; они нетерпеливы и сосредоточены на краткосрочных целях;
- 4) авторитет старших уменьшается в пользу всезнающего интернета, увеличивается **психологическая дистанция**, страдает процесс передачи опыта от родителей к детям.

Экранно-информационный объём делает человека инфантильным, не способным анализировать. В человеке изменяется не только психология, эмоция, но и физиология, т.е. неспособность понять текст, читать и воспринимать длинные тексты, клиповость сознания, потеря цельной картины мира.

Книга же, учебник, школа — как социум — формируют познавательную деятельность, ведут к мышлению, к знаниям целостной картинки. Каждый из нас, читая художественный текст, становится соавтором. Потому что с чтением ты сам режиссёр, ты сам художник, ты сам постановщик. В усвоении художественного текста содержится его непреходящее значение для формирования личности, культуры человека.

А **роль педагога** вообще невозможно переоценить. Он не просто передаёт информацию, как это делает компьютер, — он преломляет сказанное через самого себя и передаёт часть своей души, своего разума тем, кто его слушает.

«А если это искренний человек, если это подвижник своего дела, то ничто не может сравниться по силе убеждения и воздействия на аудиторию со словами подлинного мастера своего дела — педагога» (Из выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла).

К сожалению, современный человек всё дальше отодвигается от первоначального общеобразовательного минимума, всё сильнее замыкается в узких рамках знаний, которые «заставляют» его претендовать при этом на высокую интеллектуальность.

Nº1(31) • 2020 BUKTOP CYBOPOB

Адаптация человека к большому количеству информации происходит медленно, а порог насыщения наступает быстро, поэтому сегодня нужно учиться новым при-ёмам умственной деятельности.

Можно предложить следующие инновационные модели обучения:

- 1) перевёрнутое обучение (когда вся запланированная теоретическая часть материала изучается учеником самостоятельно, а затем через интерактивные дискуссии обсуждаются ключевые вопросы, проблемные моменты);
- 2) **мета-обучение** (т.е. обучение, как правильно учиться, т.к. способность быстро учиться и переучиваться становится самым ценным качеством человека);
- 3) **метод сторителлинга в обучении** (когда новая тема предоставляется в виде эффективно оформленной истории с системой визуальной, аудиальной поддержки благодаря приложениям и сервисам, где используется анекдот, сказка, короткая фраза, притча, жизненная история и т.д.);
- 4) динамическое оценивание (оценка не за решение отдельных задач, а за прогресс обучения в целом!);
- 5) образование через событие (организация образовательных проектов, мероприятий, праздников);
- 6) концепция порогов (когда преподаватель выделяет тяжёлые для понимания учащихся пороги, чтобы преодолеть их через ряд методик);
- 7) **бриколаж** (использование для обучения всего, что угодно, кроме специально созданных инструментов).

Но хороши и традиционные модели, когда развитие личности, её самореализация идёт через систематизированный процесс **интеграции** обучения и воспитания, урочной и внеурочной деятельности, интеграции теории и практики, интеграции внутри и между учебными программами, интеграции студенческой и преподавательской деятельности на занятиях.

Например, **технология интегрированной урочно-внеурочной деятельности**, когда часть аудиторного учебного материала по курсам направляется на обсуждение в рамках семинаров, конференций, деловых игр; проигрывание ролей в спектаклях, конкурсах профессионального мастерства, мизансценах; в самостоятельном поиске ценного материала и т.д., вынося академический материал за рамки урока, органично соединяя (по заранее согласованному плану) с нестандартными ситуациями, ведущими к возникновению эмоционально-ценностных восприятий нового, «неожиданно» переоткрытого субъектом данной деятельности. Теряющаяся грань между урочным и внеурочным позволяет посредственным вчерашним школьникам становиться отличниками и активистами.

Ещё один пример. **Урочно-прикладной метод**, когда всё — от задумки до результата — делается только студентами, когда уже на этапе подготовки мероприятия из числа студентов создаются несколько проектных групп: группа по организации мероприятия; группа по подготовке сценария; группа по созданию рекламной и имиджевой продукции; ведущие, те, кто непосредственно ведёт мастер-класс и помогает детям в изготовлении продукта.

Сущность указанных приёмов образовательной деятельности заключается в том, что они побуждают студентов к актуализации и осмыслению присвоенного личностно «живого знания».

Данный студентоцентрированный характер образовательной модели, предусматривающий увеличение объёмов самостоятельной работы обучающихся, требует создания в учебном заведении всех необходимых для этого условий и увеличения

ответственности профессорско-преподавательского состава в построении для обучающихся индивидуальных образовательных маршрутов.

Все указанные методы — являются адаптивной технологией обучения, выявляющей сильные и слабые стороны студента, но они — не панацея соединения прошлого и настоящего, традиционного и инновационного. Главное — в них заложена методологическая основа, где:

- 1) педагог не наставник, а посредник;
- 2) создание педагогической ситуации ставит учащегося перед необходимостью «проявить себя как личность».

Будущее принадлежит, конечно же, интерактивным образовательным технологиям. Но не надо забывать, что никакие современные информационные технологии не смогут заменить личность учителя и хорошую книгу.

Исходя из этого, закономерна постановка вопроса об обновлении содержания образования, где **ориентация на личность** должна являться основным принципом, что решительно требует разработки и использования новых критериев, содержания и процедур оценки качества образования.

ОЦИФРОВАННЫЙ ПУШКИН?

Можно, например, сопоставить одну из самых творческих профессий — писатель — и начало эпохи генерирования автоматических текстов. Сложные алгоритмы смогут создавать любые тексты любого стиля, соответствующего целевой аудитории. К середине двадцатых годов нынешнего века 90% текстов новостей будут создаваться алгоритмом по большей части без вмешательства человека.

(Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ И МЕДИА

Есть в современной цифровой цивилизации два фундаментальных процесса, бесконечно стремящихся навстречу друг другу и бесконечно же ускользающих от такой встречи. Оба процесса осуществляются в рамках тематики искусственного интеллекта, но имеют противоположные задачи. С одной стороны это робототехника, нацеленная на освобождение человека от каких бы то ни было видов труда путём переложения этих забот на плечи технических устройств. А с другой стороны, это программа виртуального бессмертия, заряженная проблемой перенесения (загрузки) человеческого сознания на цифровые платформы, в сетевую сферу. Реальные достижения этих двух направлений научно-технической и, вместе с тем, гуманитарной мысли уже сегодня поражают воображение. В какой-то мере это напоминает строительство канала или тоннеля, начатое с двух сторон. Должна быть «смычка». Но, увы, в нашем случае подобный триумф возможен, пожалуй, только теоретически. В самом деле, разработка всё более совершенных продуктов робототехники требует если не исчерпывающего что вряд ли возможно, — то, по крайней мере, какого-то достаточного понимания природы и механизмов функционирования человеческого сознания. Увы, нейрофизиологи пока сдержанно оценивают перспективу достижения такого понимания. В то же время сами технические устройства, так называемые суперкомпьютеры, позволяющие «загружать» в них сознание человека и обеспечивать таким образом «цифровое бессмертие», далеки от совершенства. Они дорогостоящи, громоздки, энергоёмки. И даже по операционной мощности они серьёзно уступают мозгу. Но всё же. В стане футурологов оптимизм только нарастает. И основания есть.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ МАУГЛИ

Читатели авторитетного американского журнала «Scientific Observer» были потрясены историей так называемого Компьютерного Маугли. Эксперименту по оцифровке человеческого мозга был посвящён целый выпуск издания. И говорилось о том, как некая 33-летняя Надин М. родила долгожданного первенца Сида. Увы, недолгим было счастье молодых родителей. Крошка Сид появился на свет с патологиями, несовместимыми с жизнью, и вскоре его не стало. В отчаянии, родители согласились на эксперимент. предложенный специалистами одного из научных центров под эгидой Пентагона. За несколько дней, пока врачи поддерживали жизнь ребёнка, учёным удалось просканировать его мозг и перенести эту информацию в компьютер. Один из участников проекта — Стим Роулер — сообщил на научной конференции в Лас-Вегасе, что просканировать удалось только 60% нейронов, и шансы на успех были невелики. Но, к удивлению самих экспериментаторов, оцифрованный мозг в виртуальной среде стал развиваться. Компьютер, оснащённый системами мультимедиа и дополненной реальности, позволил родителям общаться с ребёнком, видеть и слышать его, даже брать на руки. История была подхвачена рядом других изданий. В частности, сообщалось о некоем хакере, пытавшемся взломать компьютер и похитить виртуального младенца. Была ли эта история фейком или правдивым изложением фактов, строго говоря, теперь уже трудно судить. Но дискуссию о возможности и допустимости виртуального клонирования она, безусловно, подхлестнула.

Мы попытаемся разобраться в этом вопросе с позиций чёрствого прагматичного рационализма. Сегодня для измерения производительности компьютеров, а заодно, по аналогии, и мозга, используется внесистемная единица флопс. Она равна одной операции в секунду. Для отражения роста компьютерной производительности на период с 1941 по 2030 год создан целый перечень производных единиц: килофлопс, мегафлопс, гигафлопс, терафлопс, петафлопс, эксафлопс и, наконец, зеттафлопс. Мощность мозга оценивается специалистами в 218 гигафлопс (10 в 9-й степени). А как обстоят дела с мощностями современных суперкомпьютеров? Вообще-то с возникновением гигантских дата-центров и получивших широкое распространение облачных и распределённых вычислений могло бы показаться, что суперкомпьютеры сойдут со сцены. Но нет. В мире только обостряется соперничество ведущих стран за лидерство в обладании всё более мощными вычислительными системами. Сегодня целью гонки выступает создание первого в мире суперкомпьютера мощностью 1 эксафлопс (10 в 18-й степени). Правительство Китая обещает продемонстрировать свой эксафлопсный суперкомпьютер уже в 2020 году. Американцы же планируют завершить работы над такой вычислительной машиной (Aurora) к 2021 году. Как видим, по мощности передовые устройства вполне способны стать средой для загрузки человеческого сознания. Это, конечно, если ограничиться в понимании проблемы сходством естественных нейросетей мозга с искусственными нейросетями суперкомпьютеров.

Нужно, однако, представлять себе, как выглядит современный суперкомпьютер. Национальная лаборатория министерства энергетики США Ок-Ридж представила суперкомпьютер Summit («Вершина»). Он по производительности вдвое превосходит китайский Sunway Taihu Light, который с 2016 года возглавлял рейтинг мощнейших суперкомпьютеров Топ-500, публикуемый дважды в год. Summit работает в миллион раз быстрее, чем средний ноутбук. Он производит 200 квадриллионов вычислений в секунду. Это 200 и 15 нулей или 200 петафлопс. Размерами суперкомпьютер, мягко говоря, побольше ноутбука. Его электронная начинка заполняет помещение, равное по площади двум теннисным кортам. Через его систему охлаждения ежеминутно проходит 15 тонн воды. А на создание машины потребовалось 200 млн долларов. Финансовая безоглядность

№ 1(31) • 2020 ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ

ведущих игроков суперкомпьютерной гонки представляет отдельный интерес. Такие факты: в 2017 году минэнерго США выделило 258 млн долларов для разработки машин в 50 раз более производительных, чем имевшиеся на тот момент. А уже весной прошлого года администрация Дональда Трампа затребовала на эти цели 376 миллионов дополнительно. Американцы оценивают создание машины производительностью 1 эксафлопс в 400–600 млн долларов. Для российского же читателя горькая правда состоит в том, что наша страна год за годом выпадает из мирового рейтинга суперкомпьютеров, поскольку по доле затрат на НИОКР в ВВП она не входит даже в Топ-30 стран мира. Доля России в суммарной производительности наиболее быстродействующих суперкомпьютеров современности составляет всего 1,4% (против 39,8% — США и 21,8% — Китай). Оптимистический вывод состоит в том, что нам в этом вопросе, что называется, есть куда расти.

РУССКИЙ КОСМИСТ Н. ФЕДОРОВ И ТРАНСГУМАНИЗМ

Тем не менее, мировые достижения вычислительной техники нашей утилитарнопрактической эпохи, существенно усечённой по части духовности, опирается всё-таки на идеи российских гуманитариев. В минувшем году исполнилось 190 лет со дня рождения одного из выдающихся русских мыслителей Николая Фёдорова. Этот человек был, в частности духовным вдохновителем и наставником К. Циолковского. Это произошло в силу того, что Константин Эдуардович получил всемирную известность благодаря некоторой части его научного наследия, востребованного в развитии космических технологий. Циолковский глубоко почитал своего учителя, который был родоначальником философского направления, объединяющего такие концепции, как русский космизм, активно-эволюционная теория и ноосферная мысль. Это влиятельное умственное направление, связанное с именами таких крупных учёных и мыслителей, как Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Вернадский, М. Наумов, В. Соловьёв, П. Флоренский, А. Чижевский, сегодня называют «мировоззрением третьего тысячелетия».

Главная идея Фёдорова, без сомнения, обескуражит любого неподготовленного читателя. Она заключается в постановке перед человечеством задачи достижения абсолютного бессмертия и, мало того — воскрешения всех (!) умерших предков. Воздержимся от мгновенной реакции на мысль автора проекта. Хотя такой реакцией может быть и сомнение в стабильности психики перенапрягшегося в умственных усилиях человека. Попробуем разобраться в позиции мыслителя. В основе её лежит этический императив. Нравственное падение человечества, считал Фёдоров, началось, когда люди свыклись с мыслью о неизбежности смерти и возвели её в закон. Так была сформирована цивилизация, закрепившая восприятие сынами смерти отцов как естественнрй необходимости. Это снимает чувство вины и ответственности перед ушедшими, провоцирует негативное отношение к культу предков, внушает молодому поколению горделивое чувство превосходства перед отцами. Отречение же от отцов приводит к служению корыстным целям экономическим, политическим, национальным. В результате, как полагает мыслитель, жить вместе невыносимо, а жить врозь невозможно. В итоге появляется вражда, рознь, пороки, от которых общество не может освободиться. Воскрешение как цель общего дела всех людей сможет объединить ux - в силу понятности каждому.

Творческое наследие Фёдорова, собранное — уже посмертно — в книге «Философия общего дела», оказала влияние на многих литераторов, художников прошлого века. Среди них В. Брюсов, М. Горький, Н. Клюев, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Платонов, М. Пришвин, П. Филонов, В. Хлебников, В. Чакрыгин. С восхищением отзывались о личности Фёдорова и его воззрениях Ф. Достоевский, В. Ильин, В. Соловьёв,

Л. Толстой. Московским Сократом именовали мыслителя при жизни его современники. Но и в наше время Фёдоров провозглашён одним из предтеч такого всемирного движения, как трансгуманизм. Несёт ли за это ответственность сам мыслитель или же адепты названного умственного направления просто ишут опору в его авторитете вопрос открытый. Во всяком случае, нравственный пафос трансгуманистов не играет главной роли в решении проблемы виртуального бессмертия. На первый план выходят сугубо технические решения. Нельзя не отметить, что Фёдоров считал технику побочной ветвью развития цивилизации, имеющей ограниченное значение. Что же касается трансгуманизма, то сегодня это не лишённое эклектичности и спорности философское направление, а также соответствующее международное движение, серьёзно представлено также и в России. В центре внимания адептов движения использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека. А в качестве цели провозглашается устранение таких аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты полагают нежелательными. В этом списке страдания, болезни, старение и смерть. Трансгуманисты возлагают надежды на биотехнологию, генную инженерию, молекулярную нанотехнологию, крионику, разработки в области искусственного интеллекта, загрузки сознания в память компьютера, а также создание нейропротезов и прямых сопряжений компьютер-мозг. Многие трансгуманисты убеждены, что успехи в названных научно-технических направлениях позволят создать постчеловека со способностями, радикально отличающимися от задатков современного человека, уже к 50-м годам нашего века.

Судя по огромному количеству публикаций, научных учреждений и даже политических партий, пропагандирующих трансгуманизм — в мире и в нашей стране, — ситуация не оставляет сомнений, что за этим движением стоят серьёзные финансовые силы. Но многие эксперты склоняются к выводу, что эти силы скорее обольщают простодушное общество грядущими чудесами продвинутых технологий, нежели открывают ему свои истинные конечные цели. Но постараемся понять, как обосновывают проблему виртуального бессмертия наши российские специалисты. Главный научный сотрудник института философии РАН, доктор психологических наук, профессор В. Лепский связывает эту проблему, во-первых, с нарастающей сложностью картины мира, необозримостью продуцируемых человечеством знаний в традиционных формах доступа к ним. Это с одной стороны. А с другой, — с безнадёжной отсталостью систем навигации в знаниях, поисковых систем. Во-вторых, всё более актуальными становятся представления о неявном знании, то есть таком, которое неотделимо от своего творца и бесследно исчезает с его уходом из жизни или с развалом научных школ. В-третьих (уже по мысли академика В. Лекторского), — субъект существует как в телесной оболочке, так и в виде различных текстов — «файловое "Я"». И поскольку уже в Кибернетическом манифесте утверждается, что «знание в любой форме безотносительно какого-либо субъекта есть логическая бессмыслица», то возникает запрос на саморазвивающиеся полисубъектные среды. В. Лепский называет их «само- развивающимися рефлексивно-активными средами». И сообщает, что в разработанных прототипах таких сред могут взаимодействовать субъекты, обладающие естественным или искусственным интеллектом, что уже служит основой виртуального бессмертия.

ФИНИНТЕРН И ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИА

Но вернёмся к «железу». На первый взгляд может показаться, что напряжённая мировая гонка создателей всё более мощных суперкомпьютеров стимулируется

№ 1(31) • 2020 ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ

потребностями передовых наукоёмких производств. И будто бы главными заказчиками выступают тут. скажем, военно-промышленные комплексы развитых стран, повышаюших свои конкурентные возможности. И как бы всё это происходит, в конечном итоге, ради создания всё более комфортной среды для широких масс потребителей. Даже как-то конфузно оспаривать такую благородную картинку, но она, к сожалению, уводит нас в сторону от реального положения дел. Драйвером всего того, что в последние годы принято преподносить жителям планеты под общим брендом цифровой экономики, выступают представители высшего яруса планетарной финансовой системы. Это, как всем известно, главные акционеры ФРС США. До сих пор наша цивилизация не знала более поразительного образца человеческого хитроумия, чем современное устройство глобальных финансов. Отметим лишь главное: система выстроена в виде пирамиды, где каждой стране отведено место в соответствующем ярусе процветания. Автор уважает читателя и не станет подсказывать, в каком ярусе отведено место нашему драгоценному Отечеству, ведь это ясно даже ребёнку. И второе: в современной экономике на долю всего реального сектора приходится не более 10% мировых денег. Всё остальное относится к сфере так называемой виртуальной экономики, где электронные транзакции не сопровождаются движением товарных потоков. Попросту говоря, речь идёт о скоростной спекулятивной торговле валютами и ценными бумагами на биржевых площадках. Поскольку традиционные трейдеры не в состоянии отслеживать мельчайшие колебания цен на финансовых рынках, то это стали делать суперкомпьютеры, оснащённые специальными программами. Такие роботы-трейдеры совершают в доли секунды тысячи сделок, обеспечивая при ничтожной марже огромные прибыли. Появились и роботы- консультанты, переводящие массивы гигантских неструктурированных данных в человекочитаемую форму. Возник и термин — робо-эдвайзинг.

Не будем ломиться в открытую дверь, утверждая очевидное: мир современных финансов, абсолютно управляемых из единого центра, не имеет ничего общего с идеологическим жупелом «рыночная экономика». А вспомним об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть: из огромного арсенала инструментов управления рынком сегодня на первое место вышли инструменты манипуляции сознанием людей. К примеру, широко известен такой инструмент, как «формирование ожиданий участников рынка». Это связано с резким расширением участия в финансовых играх не только компаний реального сектора, но и простых граждан. Кстати, создание фондовых бирж по времени совпадает с резким возрастанием роли СМИ в обществе. Ещё в XIX веке над газетами и журналами был установлен контроль со стороны финансовых группировок. Что уж там говорить о наших днях! Председатель русского экономического общества имени С. Шарапова (РЭОШ) В. Катасонов отмечает, что почти все западные СМИ находятся в собственности или под контролем нескольких гигантских финансовых холдингов. Вот пять крупнейших корпораций США в сфере СМИ: Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation, Comcast/NBC Universal. Они являются американскими лишь по своей юрисдикции, но глобальными по сфере деятельности. В качестве конечных бенефициаров указанных империй масс-медиа эксперты называют большую четвёрку финансовых холдингов, находящихся на вершине мировой финансовой и экономической системы: Vanguard Group, State Street Corporation, FMP (Fideliti), Black Rock. Под контролем ведущих медиа-холдингов находятся многие тысячи газет, журналов, сети распространения печатных изданий, огромное количество электронных изданий, тысячи телевизионных и радиовещательных компаний, сотни информационных агентств, рекламный бизнес, книгоиздательская деятельность, бизнес в сфере интернета, телекоммуникационные системы, социальные

сети, индустрия развлечений. В этой сфере трудятся сотни тысяч специалистов в области рекламы, PR-технологий, маркетинга, нейролингвистического программирования. Особое место занимает хьюм-тек (hume-tech). Вот как характеризует это направление В. Катасонов: «Хьюм-тек, в отличие от хай-тека, держится в тени и рекламы не любит. Речь идёт о такой деликатной сфере, как разработка технологий управления сознанием и поведением людей. На НИКР в сфере хьюм-тек Америка (как государство, так и частный бизнес) тратила и продолжает тратить миллиарды долларов».

По оценке американского футуролога Дика Пельтье, к 2030-у году человечество потеряет 50 млн рабочих мест, которые достанутся роботам, а к 2040-у году — лишится более половины всех рабочих мест в мире. Некогда считалось, что есть пределы использования робототехники и систем искусственного интеллекта. Сегодня эти представления не столь категоричны. Роботы проникли даже в такие, прежде считавшиеся недоступными для них, профессии и виды человеческой деятельности, как наука, искусство, культура, журналистика, литература, философия. И здесь умные роботы, полностью автономные от человека, самообучающиеся, способные интеллектуально расти, уверенно захватывают некоторую долю рынка труда. Они сочиняют и исполняют музыку, снимают фильмы, пишут статьи для газет и журналов, нехудожественные книги и даже литературные произведения. В мировой юридической практике прорабатывается вопрос о присвоении роботам правового статуса «электронного лица» (по аналогии с юридическими и физическими лицами) — с соответствующим налогообложением и тд. И было бы странно, если бы гигантские мировые империи масс-медиа обходились без систем искусственного интеллекта. Они и не обходятся. Основанная в 2010 году компания Narrative Science финансируется венчурным фондом, действующим под юрисдикцией ЦРУ США. Она разрабатывает программы, преобразующие разрозненные данные в удобочитаемые тексты для использования в качестве внутрикорпоративной корреспонденции, статей для печатных СМИ и социальных сетей. В рекламных целях сравнивают одну из первых заметок, написанных роботом, и заметку на ту же тему (о бейсбольном матче), подготовленную журналистом. Вот, дескать, невозможно отличить, где человек потрудился, а где — машина. Что тут сказать? Автор этой статьи не обольщается на счёт собственного стилистического вкуса, да и к коллегам нестрог. Но, прочитав обе заметки, пришёл к выводу, что действительно их трудно различить, так как они написаны словно одной и той же бездарью и демонстрируют средний уровень от суммарной интеллектуальной мощи двоечника и табуретки.

ЦИФРОВЫЕ «ФАБРИКИ РОМАНОВ»

Но поток инвестиций в эту сферу не иссякает во всём мире. И вот уже профессор французской бизнес-школы Insead Филип М. Паркер уверяет: его алгоритмическая система позволила создать более миллиона книг. Причём из них более ста тысяч доступны на ресурсе Amazon. Система, получив задание, сама добывает информацию и пишет книгу, имитируя мыслительный процесс автора из плоти и крови. И в самом деле, какому издателю не мечталось бы располагать такой чудо-меленкой, как блины пекущей романы, монографии, диссертации, сценарии мыльных опер, развивающие книжки и безбрежное море статей! Тем более, что в зарплате и социальном пакете машина не нуждается. Заманчиво было бы и отдельно взятому сочинителю иметь на рабочем столе портативную модель цифровой «фабрики романов». Да и почившие в бозе литераторы, будучи оцифрованы, могли бы продолжить радовать своих поклонников новыми произведениями. Плохо ли!

№ 1(31) • 2020 ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ

Но, кажется, придётся подождать. Член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, доктор биологических наук, профессор Т. Черниговская констатирует: суперкомпьютеры обошли человеческий мозг только в области абстрактнологического мышления (левополушарного). А вот эмоциональный интеллект (правополушарный) остаётся пока тайной за семью печатями. И он требует не цифровых, а аналоговых компьютеров, которых нет. Серьёзная закавыка! Но предположим, будет создан и суперкомпьютер, снаряжённый эмоциональным интеллектом, нашпигованный морально-этическими кодексами и способный к переживаниям в диапазоне от благородного гнева до сентиментальной экзальтации. Что это меняет? Всего за несколько тысяч лет нашей молодой цивилизации философами создано такое безбрежное море представлений о том, что представляет собой наша духовная природа, как она устроена и как функционирует, — что ясно одно: из рук гуманитариев и всех человековедов айтишники не получат окончательных ответов на эти вопросы НИ-КОГДА. Процесс интерпретации знания бесконечен.

Выдающийся советский фантаст Александр Беляев в романе «Голова профессора Доуэля» впервые исследовал художественными средствами проблему сопряжения человеческого интеллекта (и личности учёного) с техническим устройством. Писателя вдохновляли опыты хирурга и физиолога, лауреата Государственной премии СССР С. Брюхоненко, изобретателя аппарата искусственного кровообращения (автожектора). Этот учёный много делал для развития трансплантологии. Что же касается нашего времени, то появление киборга, в котором уже мало чего осталось от живого человека, — например, один только мозг — уже не кажется какой-то отчаянной фантастикой. А вот родителям крошки Сида, Компьютерного Маугли, остаётся только выразить соболезнование. Разумеется, загруженный в виртуальную среду оцифрованный клон его мозга — это не сознание бедного карапуза и тем более не его душа. Малыша нет. Осталась посмертная маска, слепок с нейронной сети его мозга, погружённый в искусственные нейронные сети. Так называемое «развитие и обучение», а также возможность контакта при помощи специальных устройств, дающих полную иллюзию «общения», всё-таки не превращает это «загруженное сознание» в нечто большее, чем автоматическое устройство, хотя и достаточно сложное. Если никого давно уже не удивляет и не пугает техника, на порядки превосходящая наши физические возможности в материальном производстве, то стоит ли нам мистифицировать технические устройства, несопоставимо превосходящие нас в некоторых когнитивных функциях и решении никоего спектра интеллектуальных задач? Стоит ли взирать на них с суеверной робостью?

В среде специалистов существующие технологии искусственного интеллекта называют машинным обучением или Слабым искусственным интеллектом. Конечной же целью видится создание Сильного искусственного интеллекта, который гипотетически был бы сопоставим с разумом человека. На Санкт-Петербургском международном экономическом форуме 2018 года состоялась дискуссионная панель: «Медиа в эпоху искусственного интеллекта: инструкция по выживанию». В самом общем виде выводы участников дискуссии сводятся к немногому. Во-первых, в масс-медиа наступление роботов ведёт к непременному снижению стоимости человеческого труда. Вовторых, выполнение рутинных задач будет оцифровано, и это позволит сэкономить время и ресурсы человека. В-третьих, представителям искусства и творческой сферы любезно рекомендуется заняться чем-нибудь креативным и создавать уникальные продукты.

В своё время с лёгкой руки поэта Бориса Слуцкого, написавшего стихотворение «Физики и лирики», развернулась целая общественная дискуссия — кто же всё-таки

важнее. Время показало, что победителями стали коммерсанты, обошедшие и тех, и других. А незадачливые бывшие противники теперь пытаются действовать сообща в области искусственного интеллекта. Приверженцы технического прогресса не сомневаются: оцифровав, к примеру, всё творчество А. Пушкина и всю литературу о нём, можно будет создать точную виртуальную личность солнца русской поэзии уже в ближайший четверг. Гуманитарии же, не отрицая заманчивости подобной перспективы, похоже, сомневаются в сроках. С одной стороны, они помнят, как советский писатель Михаил Зощенко настойчиво рекомендовал начинающим литераторам шлифовать своё мастерство, подражая классикам. Сам Зощенко для примера дополнил «Повести Белкина» ещё одной «повестью», неотличимой по стилю от предыдущих, написанных гусиным пером. И вроде бы, такие люди вполне могли бы помочь кибернетикам с созданием шаблонов пушкинского творчества — для соответствующего программного продукта. С другой стороны, игра поэта с жизнью вряд ли сводится к банальному строчкогонству ради денег и удовлетворения тщеславия.

Зато у коммерсантов сомнений нет. Человек должен быть вытеснен не только из материального, но и из духовного производства. Мощные дата-центры вполне способны отслеживать все тренды медийного рынка, все предпочтения хорошо изученного и контролируемого потребителя. Им ничего не стоит генерировать в каких угодно количествах какой угодно «контент», выводить на рынок «новые продукты» и полностью регулировать конфигурацию «медийного ландшафта». Мы вновь, как и всегда, стоим перед дилеммой, вопрошая, добру или злу станут служить новые технические достижения. По убеждению выдающегося современного философа Александра Панарина, «Незаконные притязания бизнеса на духовную власть в обществе обосновываются ссылкой на безошибочность рынка как инстанции, отделяющей полезное от бесполезного, нужное от ненужного. Сегодня экономикоцентричная рассудочность готова, кажется, навсегда изгнать поэтов и пророков из современного полиса. Большие таланты в науке и культуре, крупные творческие характеры встречаются всё реже, уступая место угодливой впечатлительности рыночного ремесленничества».

Может быть и прав философ, ведь глобальная финансовая пирамида, управляющая миром сегодня, низвела творцов духовных ценностей до уровня «линейного персонала», исполняющего заказы. И возможно, было бы неплохо, если бы финансовые воротилы были способны подсказывать авторам такие идеи, как сюжет «Мёртвых душ», подаренный Гоголю Пушкиным. Тогда бы шедевры, не уступающие «Дон Кихоту», «Дэвиду Копперфилду», «Утраченным иллюзиям», «Войне и миру», «Преступлению и наказанию», вылетали бы из дата-центров со скоростью пулемётной очереди. Но, увы, по заданию рождаются только неотличимые друг от друга мыльные оперы, скандальные ток-шоу, жёлтая пресса и претендующая на художественность развлекательная макулатура. В конце концов, счетоводы финансовой пирамиды всего лишь читатели, хотя и это сомнительно. Безблагодатность их претензии управлять художниками — очевидна. И тут напрашивается цитата из Александра Грина: «...Подтверждается всё более укрепляющееся... мнение, что читатель есть главное лицо в литературе, а писатель — второстепенное. Против такой идеи нечего возразить, она помогает пищеварению».

МОЗГ И ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ

В последнее время в связи с широким использованием цифровых технологий стали много говорить об искусственном интеллекте (ИИ). Появляются публикации, пропагандирующие такое течение, как трансгуманизм; обсуждаются вопросы о возможности «загрузки» суперкомпьютеров сознанием человека и его виртуального бессмертия; и даже поднимается вопрос о правовом статусе ИИ.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Искусственный интеллект — это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые считаются прерогативой человека. К ним относятся технические или программные системы, способные решать творческие задачи в той области, знания о которой хранятся в памяти данной системы. К ним же можно отнести и интеллектуальные компьютерные программы, позволяющие обеспечить вычисления или функции управления. Основным критерием творчества является уникальность его результата.

Интеллект — это свойства психики, к которым относятся способность приспосабливаться к новым ситуациям, способность к обучению, способность к запоминанию на основе опыта, способность к пониманию и применению абстрактных концепций, использование своих знаний для взаимодействия с окружающей средой. Интеллект можно определить как общую умственную способность. Он интегрирует когнитивные функции, такие как восприятие, внимание, память, язык, планирование. Считается, что интеллект может быть только биологическим феноменом. Естественный интеллект отличает осознанное отношение к миру. Мышление человека всегда эмоционально окрашено и его нельзя отделить от телесности. Человек — существо социальное, поэтому на его мышление всегда влияет социум. ИИ не имеет отношения к эмоциональной сфере и социально не ориентирован. ИИ, как и любая программа, — это прежде всего код, то есть определённым образом оформленный текст. Программы создаются под строго определённые задачи. Они не обладают чувствами и не совершают действий, которые в них не заложил программист.

Таким образом, под ИИ понимается научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными. Самый общий подход при создании и оценке ИИ предполагает, что ИИ должен проявлять поведение, не отличающееся от человеческого, причём в нормальных ситуациях

(эта идея является обобщением подхода теста Тьюринга). Так разрабатываемые нейронные системы должны уметь приспосабливаться к новой задаче или окружению «на ходу», самообучаться и принимать решения — как это делает наш мозг.

Разработка ИЙ имеет следующие подходы: символьный, логический, агентноориентированный и гибридный. Исходя из этого можно выделить следующие его направления:

Символьное моделирование мыслительных процессов (моделирование рассуждений). В это направление входят доказательство теорем, принятие решений, теория игр, планирование и диспетчеризация, прогнозирование.

Работа с естественными языками, в рамках которой проводится анализ возможностей понимания, обработки и генерации текстов. Сюда же входят информационный поиск, глубокий анализ текста, машинный перевод.

Представление и использование знаний. Это направление связано с получением знаний из простой информации, с их систематизацией, с созданием экспертных систем. Интеллектуальный анализ данных осуществляется на основе нейронных сетей и нейросетевых технологий.

Машинное обучение. Самостоятельное получение знаний интеллектуальной системой в процессе её работы, обучение без учителя, обучение с учителем, распознавание образов; распознавание символов, рукописного текста, речи; анализ текстов.

Робототехника. Прикладная наука, занимающаяся разработкой АТС (автоматизированных технических систем). Интегрирование робототехники и ИИ привело к созданию интеллектуальных роботов.

Машинное творчество. Это направление связано с проблемами написания компьютером музыки и литературных произведений, с художественным творчеством, с созданием реалистических образов в кино и индустрии игр.

Существуют и другие направления ИИ — игровой искусственный интеллект, нелинейное управление, интеллектуальные системы информационной безопасности, разработка квантового компьютера и т.д.

Выделяются две версии ИИ — сильная и слабая. Сторонники слабой версии рассматривают программы лишь как инструмент, позволяющий решать те или иные задачи, которые не требуют полного спектра человеческих познавательных способностей. Речь идёт о реализации узких задач.

В рамках сильной версии «программа будет не просто моделью разума, она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум — это разум». Предполагается отсутствие принципиальной разницы между интеллектом человека и ИИ, т.е. предполагается рассмотрение ИИ не как модель разума, а как реальный разум. Сильный ИИ определяют как интеллект, перед которым ставятся глобальные задачи, как если бы их ставили перед человеком. Сразу же возникает следующий вопрос. Возможен ли «чистый искусственный разум», понимающий и решающий реальные проблемы, но лишённый эмоций, характерных для человека и необходимых для его индивидуального выживания. Сильный ИИ должен обладать следующими свойствами: принятие решений, использование стратегий, решение головоломок, действия в условиях неопределённости; представление знаний, включая общее представление о реальности; планирование, обучение, общение на естественном языке и объединение всех этих способностей для достижения общих целей.

Сферы применения ИИ — образование, бизнес, торговля, энергетика, банковская сфера, транспорт, логистика, судебная система, спорт, медицина, культура и т.д. Рынок технологий ИИ имеет ежегодный прирост $\sim 36\%$. Внедрение IU неразрывно

связано с научно-техническим прогрессом и сфера его применения расширяется с каждым годом. Известно множество ИИ-систем. Они связаны с игрой в шахматы, с молекулярным моделированием, с моделированием системы пирамидальных клеток, с диагностикой заболеваний, с распознаванием речи, с распознаванием образов, со страховой деятельностью банков, с системой ПВО для определения целей, с расчётом экономической стратегии, с рыночными исследованиями и т.п. Хотелось бы отметить успехи создания ИИ-систем в области медицины и биологии, а именно: разработка синтетических нейронов, способных естественным образом «общаться» с обычными органическими нейронами; разработка электронного нервного байпаса, позволяющего силой мысли управлять конечностями; создание первого в мире бионического глаза; разработка технологий, позволяющих модифицировать свой собственный генетический код и совершать редактирование генома; создание искусственной рибосомы, ответственной за синтез белка и т.д. При всех успехах пока мы имеем лишь слабое приближение специализированных систем ИИ к возможностям человека, к тому, что реализовала Природа в процессе эволюции в лице человека.

МОЗГ И СОЗНАНИЕ

Из всего вышесказанного следует, что проблема искусственного интеллекта напрямую связана с проблемой соотносительности мозга и сознания, с пониманием категории сознания, с принципами работы головного мозга, с нейрофизиологией. И дело здесь не только в мощности суперкомпьютеров и количестве операций в секунду, а в понимании принципов работы мозга.

Мозг — это центр всего нашего существования, это концентратор и процессор всех наших мыслей, эмоций и действий, это единственный инструмент нашего познания. Он определяет и естественно-научную и гуманитарную культуры. Мозг создан Природой для того, чтобы правильно и адекватно отражать объективную реальность, чтобы люди могли действовать целесообразно. Задачей мозга, как центра управления, является обеспечение своего штатного режима работы с целью сохранения гомеостаза организма в условиях реальной действительности. На это направлена вся его организация, нейронно-синаптические связи, нейропластичность и биологическая память. Мозг, как информационная система, управляет взаимодействием тела с внешним миром. «Внешняя среда — тело — мозг — психика (как информационная система) — мозг — тело — внешняя среда» связаны в кольцо отрицательной обратной связи. Таким образом происходит внутреннее отражение реальности, на основании чего принимаются и исполняются все решения.

Мозг является самым сложным объектом во Вселенной. Достаточно привести следующие данные: он насчитывает примерно 100 млрд нейронов; включает более 100 триллионов синапсов, соединяющих между собой нейроны; совокупность всех связей между нейронами и число их возможных вариантов больше, чем число частиц во Вселенной; на каждый нейрон приходится около 10 глиальных клеток, обеспечивающих нормальную работу нейронов; за день в мозге генерируется до 70 тысяч мыслей, для «прохождения» которых формируется своя нейронная сеть; работа процессора, сравнимого по интеллекту с человеческим мозгом, требует 10 мегаватт энергии, а мозг для этого генерирует от 10 до 25 ватт; объём его памяти примерно 1000 терабайт, на самом же деле он неограничен; 1 секунду активности мозга компьютер считает 40 минут; информация в виде нервного импульса передаётся по аксонам между нейронами со скоростью от 0.5 м/сёк до 120 м/сёк; мозг обеспечивает параллельную

обработку информации. Пока современная техника и электроника не сумели превзойти Природу в системной миниатюризации своих логических устройств, работающих на молекулярном уровне. Один человеческий мозг сложнее всех сетей интернета вместе со всеми миллиардами компьютеров, входящих в них.

Мозг человека — тонко сбалансированное и великолепно защищённое образование, обладающее огромной интеллектуальной мощностью. Он защищён и физически, и функционально. Функционально — за счёт многочисленной, дублирующей часто себя, сетевой структуры. Материальная природа мозга накладывает некоторые жёсткие ограничения на процессы мышления в рамках некой биологической защиты. Это обеспечивает штатный режим работы мозга. В этом режиме он обладает чрезвычайной налёжностью.

С точки зрения физики, мозг — это сложнейшая, динамическая, неравновесная, открытая, нелинейная, саморазвивающаяся, диссипативная система с огромным числом степеней свободы; система, состоящая из большого числа подсистем, разных по уровню сложности, но работающих синхронно и коллективно; система, обладающая сложными нейронными сетями, между узлами которых огромное число возможных связей; система, использующая в своей работе электрический язык с учётом биохимических и биофизических процессов; система, работу которой понять без волновых процессов невозможно; система, которая по своим характеристикам, свойствам и потенциальным возможностям скорее всего использует квантовые эффекты.

Для создания полноценной модели работы мозга, для понимания феномена биологической памяти рассматриваются не только его классическая модель, но и синергетическая и голографическая модели, и даже возможность использования квантовых эффектов. Открыты зеркальные нейроны, которые являются основой социума; нейроны новизны; нейроны — «детекторы ошибок». Мозг использует в работе преобразования Фурье. Он «предвосхищает» свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением, то есть опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром.

Тем не менее многочисленные исследования головного мозга всеми современными методами пока не изменили ситуацию в нейрофизиологии. Её афоризм: «Много знаем, мало понимаем»,— по-прежнему имеет место. Пока не удалось объяснить функционирование такой сложной системы как единого целого. Должна быть создана теория, которая позволит для разных видов нервной системы объяснить появление разума в рамках работы нервных клеток в процессе эволюции на основе каких-то базовых принципов.

Ситуация усугубляется ещё пониманием такой категории, как сознание. Мозг и сознание оказались настолько связанными, что рассматривать их в отдельности не представляется возможным. Многие факты свидетельствуют о связи мозговых и психических процессов. «Сознание» — это высшая форма психической активности человека, связанная с использованием чувственных и мыслительных образов; это способность человека к идеальному, осмысленному отражению действительности, выражаемая посредством речи; это осознанное бытие, свойство высокоорганизованной материи (человека), субъективный образ объективного мира. В узком смысле категория «Сознание» предполагает целостную систему структурно-организованных элементов психического отношения Человека: переживание, ощущение, восприятие, представление, понятие, мышление, внимание, потребности, интересы, эмоции, воля и т.д.

Мозг, как скоординированная, взаимосвязанная, кооперативная система, включающая большое число подсистем, работающих как единый механизм, позволяет

связать между собой многочисленные динамические процессы, процессы возбуждений в некую целостную совокупность, которая и является нашим сознанием. То есть сознание — есть результат интегративной работы всех систем возбуждённого мозга. Противопоставлять и рассматривать Мозг и Сознание в отдельности не логично и противоестественно. Возбуждение мозга не может быть вне его. От уровня возбуждения мозга зависит и уровень сознания, и вся его структурная и функциональная организации. Нельзя психическое отделить от материального, как и сознание от мозга. Связь материального и психического подтверждается биохимией мозга, работой эндокринных систем, гормонов и нейромедиаторов. Они фактически ответственны за поведение, эмоции и психику человека. Существует большое количество доказательств того, что многое, связанное с сознанием, объясняется работой и взаимодействием нейронов, нейронных ансамблей, сетей и структур мозга. Исследования алгоритмов работы мозга показали, что в оптимизационной части алгоритма определяющей является эмоциональная оценка. Всё, что мы делаем, направлено на поиск положительных эмоций. В свободном состоянии (вне мозга) сознание не наблюдается, но является необходимым атрибутом мозга и проявляется только в конструкции мозга. Тем не менее пока не удаётся перевести категорию сознания в плоскость естественных наук. Как отмечает Млодинов Л.: «Мы пока ещё не приблизились к истокам разума, или сознания, как эмерджентного феномена, являющегося результатом взаимодействия нейронов».

Мозг — это система развивающаяся, перерабатывающая информацию в знания и формирующая память. Колоссальное увеличение информационного потока, информационный взрыв в масштабах планеты, естественно привёл к новым методам фильтрации информации, к новым технологиям, к созданию человеком искусственных информационных систем. Поэтому созданы компьютерные моделирования отдельных информационных аспектов нашего мышления, то есть реализованы слабые версии ИИ. Это способствует повышению творческих возможностей человека.

Но если учесть, что сознание представляет собой более широкое понятие относительно интеллекта, что наше мышление не сводится только к одним алгоритмам, что пока у нас приблизительное понимание принципов работы мозга, что не все свойства разума можно имитировать с помощью ИИ, то говорить о создании полноценного ИИ (его сильной версии), аналога человеческого мозга, преждевременно. Ни одна исследовательская группа даже близко не подошла к созданию искусственного разума.

Для создания полноценной модели мозга необходимо объединить классическую модель мозга с нетрадиционными подходами и моделями в единое целое. Поэтому требуется объединение усилий нейрофизиологов, нейрогенетиков, психологов, химиков, физиков и специалистов компьютерных технологий. Необходимо отойти от концепции устойчивого равновесного состояния мозга. В действительности в мозге постоянно происходят процессы самоорганизации и распада функциональных нейронносетевых структур для реализации определённых функций и выполнения различных задач. Необходимо исходить из общего философского принципа саморазвития материи — активность материи связана с неравновесными условиями, порождаемыми самой материей. Мозг — это маленькая, но «большая» своя Вселенная.

Ситуация ещё больше усложняется, если учесть относительную функциональную асимметрию в совместной деятельности полушарий мозга. Правое полушарие ответственно за пространственно-образное мышление (целостное восприятие, воображение, мечты, эмоции...), создаётся «многозначный контекст». Левое полушарие ответственно за логико-вербальное мышление (рациональное и аналитическое мышление, анализ, логика, числа, речь...), создаётся «однозначный контекст»,

необходимый для успешной коммуникации. Эмоции, чувства, воображение, мечты, мораль, этика и другие элементы духовности трудно будет воссоздать в рамках ИИ. Это связано с аналоговой и цифровой формами представления информации, с кодировкой и декодировкой сигналов, с аналогово-цифровыми и цифро-аналоговыми преобразованиями (АЦП и ЦАП). У каждой из них свои преимущества и свои недостатки. В нейронных системах разделить цифровые и аналоговые сигналы довольно сложно. Поэтому не ясно, с помощью каких моделей анализировать и моделировать нейронные сигналы. Мозг же справляется с этим без проблем. Пока речь идёт о создании цифровой модели человеческого мозга.

На основании всего выше сказанного можно сделать вывод, что, если под искусственным интеллектом понимать полное воспроизведение человеческого мышления, то создание такой системы пока, а может быть и в принципе, невозможно. Это может быть связано с теоремой Гёделя о неполноте формальных систем, с ограниченностью логического мышления нашего сознания. Не исключено, что часть ансамблей нейронов «работает» не по законам логического мышления, а вопреки причинно-следственным связям. По крайней мере результаты их работы налицо — интуиция, предвидение, озарения и т.д. Ведь при создании ИИ мы лишь моделируем формально-логическую работу человеческого сознания. Кроме того, возникает принципиальный вопрос о том, в состоянии ли мозг, самый сложный объект во Вселенной, который определяет всю гносеологию, сам себя познать. «Ни одна система не может построить полную модель самой себя или другой системы, равной себе по степени сложности» (азбучная истина).

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

НЕОХВАТНА, КАК СТЕПЬ

К 160-летию со дня рождения А.П. Чехова

Чехов начал печататься очень рано, в двадцать лет. Студент медицинского факультета, он увлёкся необычным для будущего врача занятием ещё до поступления в университет, и все годы учёбы писал не урывками, а систематически и с упоением. Позже, в своей единственной автобиографии, Антон Павлович заметил, что уже в студенчестве его писательство приняло «профессиональный характер». Ко времени появления первой повести «Степь», то есть к двадцати восьми годам, Чехов стал автором рассказов, которые мы читаем сейчас, как русскую классику: «Смерть чиновника» и «Дочь Альбиона», «Толстый и тонкий» и «Хамелеон», «Егерь» и «Злоумышленник», «Унтер Пришибеев» и «Святою ночью», «Ванька» и «Враги», «Каштанка» и «Спать хочется». Многие из этих рассказов были восторженно приняты крупнейшими писателями. «Около года тому назад, — писал Чехову Дмитрий Григорович, я случайно прочёл в "Петербургской газете" Ваш рассказ; названия его теперь не припомню; помню только, что меня поразили в нём черты особенной своеобразности, а главное — замечательная верность, правдивость в изображении действующих лиц и также при описании природы. С тех пор я читал всё, что было подписано Чехонте...». Лев Толстой сказал в одном разговоре: «Злоумышленник» — превосходный рассказ... я его раз сто читал». Алексей Плещеев признавался, что при чтении новеллы «Святою ночью» перед ним «незримо витала тень Тургенева. Та же умиротворяющая поэзия слова, то же чудесное описание природы». Немецкий литератор А. Юргенсон делился с Чеховым своим впечатлением: «Это особое искусство — писать маленькие рассказы, и я действительно в восторге от замечательного маленького рассказа "Ванька". Французский писатель Э. Жалу заметил о новелле "Володя", главный герой которого, гимназист, покончил жизнь самоубийством: "Я не думаю, что найдётся другое столь же сжатое изображение, так верно и точно показывающее все терзающие юношу волнения, весь его внутренний мир».

Но повесть «Степь» стала для ценителей чеховского таланта особым, ожидаемым триумфом, той большой удачей, к которой молодой писатель шёл. В ней разом явились все достоинства мастера, которые, как драгоценные камешки, были рассыпаны по страницам прежних произведений, а тут оказались в одном дорогом ожерелье.

Какие же это достоинства?

Возьмите перечисленные выше рассказы, прибавьте к ним написанные чуть позже новеллы «Человек в футляре», «Душечка» и некоторые другие. В каждой из них, всего на нескольких страничках, сжато и выпукло, с необычайной живостью нарисованы запоминающиеся человеческие типы. С первых же рассказов Чехов проявил

дар особой, яркой и точной, изобразительности. Всего несколько авторских штрихов, несколько реплик героя— и перед вами характер, его духовная сущность.

Любой человек имеет свою походку, голос, форму лица, цвет глаз, причёску. И точно так же любой человек имеет свою внутреннюю, нравственную физиономию. Чехов безошибочно улавливал своеобразие именно этой физиономии и мастерски рисовал её. Чуть ли не сразу после публикации рассказов нарицательными образами стали чеховские герои — унтер-офицер Пришибеев, полицейский надзиратель Очумелов, «злоумышленник» Денис Григорьев. И дело не только в том, что жанр юморески требовал от автора заострённой сатирической характеристики героя, так сказать, «сфокусированного», преувеличенного изображения смешных сторон человеческого поведения. Чехов мог и в «серьёзном» рассказе несколькими мазками нарисовать натуру типическую. Почерк оставался тот же: поразительная способность, выделив несколько характерных привычек и наклонностей, создать запоминающийся образ.

В рассказе «Унтер Пришибеев» неисправимый солдафон набросан всего двумятремя штрихами.

«Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и отвечает хриплым, придушенным голосом, отчеканивая каждое слово, точно командуя:

— Ваше высокородие, господин мировой судья!.. Виновен не я, а все прочие. Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мёртвого трупа. Иду это я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю — стоит на берегу куча разного народа людей. По какому полному праву тут народ собрался? — спрашиваю. Зачем? Нешто в законе сказано, чтоб народ табуном ходил? Кричу: разойдись! Стал расталкивать народ, чтоб расходились по домам, приказал сотскому гнать взашей...».

Пришибееву объявляют приговор: «на месяц под арест!».

«— За что?! — говорит он, разводя в недоумении руками. — По какому закону?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чём-то, он по привычке, с которой уже совладать не может, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом:

- Наррод, расходись! Не толпись! По домам!».

Но и в рассказе «Душечка» всего лишь дюжина страниц, а перед читателем во всей достоверности и определённости человеческого типа встаёт женский образ, который может быть назван символом необыкновенной верности, душевной привязанности и самопожертвования.

Интересно отнёсся к рассказу Л. Толстой. «Это просто перл,— восхищался он.— Как тонко схвачена и выведена вся природа женской любви». Лев Николаевич включил «Душечку» в сборник «Круг чтения», составленный им, и написал специальное послесловие к рассказу. В этом послесловии он счёл нужным «поправить» Чехова. «Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким, по его рассуждению (но не по чувству), существом "Душечки",— писал яснополянский мудрец.— Смешна и фамилия Кукина, смешна даже его болезнь и телеграмма, извещающая об его смерти, смешон лесоторговец со своим степенством, смешон ветеринар, смешон и мальчик, но не смешна, а свята, удивительна душа "Душечки" со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит».

Способность А. Чехова, о которой мы говорим, блистательно проявилась и в повести «Степь».

* * *

Сюжет произведения позволяет познакомить читателя со многими персонажами. Из уездного города на юге России отправляются в степь два обывателя. Один из них, купец, везёт поступать в гимназию племянника, девятилетнего Егорушку.

Первой же ночью путники догоняют обоз, везущий на продажу шерсть. Дядя сплавляет «подводчикам» (ямщикам) мальчишку, и теперь он до конца поездки будет трястись не в бричке, а на высоком возу, на мягких тюках. Новые попутчики сорванца, их разговоры, жалобы на судьбу, дорожные приключения и степь — необозримая русская степь с июльским зноем, ночной прохладой, загадочными курганами, каменными истуканами, неизвестными птицами, травами и цветами — всё это проходит перед читателем, увиденное как бы двойным зрением: взглядом рассказчика и пытливого мальчугана, открывающего неведомый мир.

А интересно в пути всё — и прежде всего люди, как едущие рядом, так и встречающиеся на оживлённой дороге. Поначалу ближе всех был «экипаж» брички: дядя Иван Иванович Кузьмичов, отец Христофор и кучер Дениска. Купец Кузьмичов, человек прижимистый, курит дешёвые сигары, при расставании с племянником долго роется в мелкой монете и суёт Егорушке лишь гривенник; он немало переживает, что, сбывая шерсть, продешевил. Иван Иванович считает затею сестры — учить Егорушку — блажью, выше всего ставит купеческое звание и уверен, что преуспеть в жизни можно и без гимназии. Он всегда сух и деловит. Отец Христофор, наоборот, склонен к безделью и философствованию, по нему, учение необходимо хотя бы для того, чтобы пускать пыль в глаза в приличном обществе; он добр, приветлив, доволен жизнью и очень рад, что удачно выполнил просьбу зятя: дорого продал шерсть. Как настоящий священник, то есть человек проповедующий, он считает долгом дать Егорушке доброе наставление:

«— Только ты смотри, Георгий, боже тебя сохрани, не забывай матери и Ивана Ивановича. Почитать мать велит заповедь, а Иван Иванович тебе благодетель и вместо отца. Ежели ты выйдешь в учёные и, не дай бог, станешь тяготиться и пренебрегать людями по той причине, что они глупее тебя, то горе, горе тебе!».

Подводчики тоже люди своеобычные, каждый на свою колодку. Старик Пантелей, топающий всю дорогу босым, потому что так легче, «слободнее» для его больных ног, всех жалеет, всем желает добра и не прочь поделиться с Егорушкой мудростью, приобретённой за долгую жизнь:

«— ...Одному человеку бог один ум даёт, а другому два ума, а иному и три... Иному три, это верно... Один ум, с каким мать родила, другой от учения, а третий от хорошей жизни. Так вот, братуша, хорошо, ежели у которого человека три ума. Тому не то что жить, и помирать легче. Помирать-то... А помрём все как есть. ...Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу радость. А коли хочешь с покаянием умереть, чтобы, стало быть, в чертоги божии запрету тебе не было, Варваре великомученице молись. Она ходатайница. Она, это верно... Потому ей бог в небесех такое положение определил, чтоб, значит, каждый имел полную праву её насчёт покаяния молить.

Пантелей бормотал и, по-видимому, не заботился о том, слышит его Егорушка или нет... Быть может, он говорил только для того, чтобы теперь, утром, после ночи, проведённой в молчании, произвести вслух проверку своим мыслям: все ли они дома?..».

Другой подводчик — Емельян, бывший певчий, «в левой руке держал кнут, а правою помахивал таким образом, как будто дирижировал невидимым хором; изредка он брал кнут под мышку и тогда уж дирижировал обеими руками и что-то гудел себе под нос».

Этот в любую «чувствительную» минуту порывался петь; песня стала его жизнью, но, потеряв голос, он словно бы потерял и самого себя, свою жизнь.

*— Нету у меня голосу! — сказал он. — Чистая напасть! Всю ночь и утро мерещится мне тройное "Господи, помилуй", что мы на венчании у Малиновского пели; сидит оно в голове и в глотке... так бы, кажется, и спел, а не могу! Нету голосу!

Он помолчал минуту, о чём-то думая, и продолжал:

— Пятнадцать лет был в певчих, во всём Луганском заводе, может, ни у кого такого голоса не было, а как, чтоб его шут, выкупался в третьем году в Донце, так с той поры ни одной ноты не могу взять чисто. Глотку застудил. А мне без голосу всё равно, что работнику без руки».

Третий из обозников, Кирюха, низенький и коренастый, с чёрной окладистой бородой, представлен автором так: «Есть люди, об уме которых можно верно судить по их голосу и смеху. Чернобородый принадлежал именно к таким счастливцам: в его голосе и смехе чувствовалась непроходимая глупость». Когда один из подводчиков убил беззащитного ужа, то Кирюха разразился «басистым кашляющим смехом», а когда в жаркий день полез купаться, то «хохотал и наслаждался, но выражение лица у него было такое же, как и на суше: глупое, ошеломлённое, как будто кто незаметно подкрался к нему сзади и хватил его обухом по голове».

Четвёртый, Вася, с распухшим, подвязанным подбородком, кажется, больше страдал не от собственной боли, а от жестокости к убитому ужу или раздавленной бабочке.

«— Каторжный! — закричал он глухим, плачущим голосом. — За что ты ужика убил? Что он тебе сделал, проклятый ты? Ишь, ужика убил! А ежели бы тебя так?».

В другой раз он ещё больше удивил Егорушку.

«— Голубушка моя, матушка-красавица, — заговорил вдруг Вася ласковым, плачущим голосом. — Голубушка моя!

Глаза его были устремлены вдаль, они замаслились, улыбались, и лицо приняло такое же выражение, какое у него было ранее, когда он глядел на Егорушку.

- Кому это ты? спросил Кирюха.
- Лисичка-матушка... легла на спину и играет, словно собачка...

Все стали смотреть вдаль и искать глазами лисицу, но ничего не нашли. Один только Вася видел что-то своими мутными серыми глазками и восхищался. Зрение у него, как потом убедился Егорушка, было поразительно острое. Он видел так хорошо, что бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержания. Стоило ему только вглядеться в даль, чтобы увидеть лисицу, зайца или другое какое-нибудь животное, держащее себя подальше от людей... Вася видел играющих лисиц, зайцев, умывающихся лапками, дрохв, расправляющих крылья, стрепетов, выбивающих свои «точки». Благодаря такой остроте зрения, кроме мира, который видели все, у Васи был ещё другой мир, свой собственный, никому не доступный и, вероятно, очень хороший, потому что, когда он глядел и восхищался, трудно было не завидовать ему».

Пятый ямщик — «русый, с кудрявой головой, без шапки и с расстёгнутой на груди рубахой, Дымов казался красивым и необыкновенно сильным; в каждом его движении виден был озорник и силач, знающий себе цену. Он поводил плечами, подбоченивался, говорил и смеялся громче всех и имел такой вид, как будто собирался поднять одной рукой что-то очень тяжёлое и удивить этим мир. Его шальной насмешливый взгляд скользил по дороге, по обозу и по небу, ни на чём не останавливался и, казалось, искал, кого бы ещё убить от нечего делать и над чем бы посмеяться». Это именно Дымов со звериной яростью убил ужа, это он ночью у костра вырвал из рук немощного Емельяна его ложку и швырнул далеко в темень. Тогда лицо бывшего певчего «вдруг стало маленьким, поморщилось, заморгало» и он «заплакал как ребёнок». И тогда же не выдержало сердце Егорушки, жестоко раненое несправедливостью; мальчик «шагнул к Дымову и проговорил, задыхаясь:

— Ты хуже всех! Я тебя терпеть не могу!

После этого надо было бы бежать к обозу, а он никак не мог сдвинуться с места и продолжал:

№ 1(31) • 2020 АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

— На том свете ты будешь гореть в аду! Я Ивану Ивановичу пожалуюсь! Ты не смеешь обижать Емельяна!

— Тоже, скажи, пожалуйста! — усмехнулся Дымов. — Свинёнок всякий, ещё на губах молоко не обсохло, в указчики лезет. А ежели за ухо?

Егорушка почувствовал, что дышать уже нечем; он — никогда с ним этого не было раньше — вдруг затрясся всем телом, затопал ногами и закричал пронзительно:

Бейте его! Бейте его!

Слёзы брызнули у него из глаз; ему стало стыдно, и он, пошатываясь, побежал к обозу...».

Наконец, шестой подводчик, Стёпка, незаметный «восемнадцатилетний мальчик-хохол, в длинной рубахе, без пояса и в широких шароварах навыпуск, болтавшихся при ходьбе, как флаги», вероятно, ещё не раскрылся как человек; в артели ямщиков он всё время на подхвате — то в деревню за бреднем сбегает, то поможет перенести рыбу на берег, то немудрящий обед сварит.

И есть ещё встречные-поперечные — люди, на которых Егорушка смотрит с тем же ненасытным любопытством. О, тут попадаются существа необыкновенные, такие, например, как семья содержателя постоялого двора Мойсея Мойсеича.

Сам хозяин ясен с первого взгляда — елейно услужливый, предупредительный, хитрый, играющий в простака:

«Мойсей Мойсеич, узнав приехавших, сначала замер от наплыва чувств, потом всплеснул руками и простонал. Сюртук его взмахнул фалдами, спина согнулась в дугу и бледное лицо покривилось такой улыбкой, как будто видеть бричку для него было не только приятно, но и мучительно сладко.

— Ах, боже мой, боже мой! — заговорил он тонким певучим голосом, задыхаясь, суетясь и своими телодвижениями мешая пассажирам вылезти из брички. — И такой сегодня для меня счастливый день! Ах, да что же я теперичка должен делать! Иван Иваныч! Отец Христофор! Какой же хорошенький паничек сидит на козлах, накажи меня бог! Ах, боже ж мой, да что же я стою на одном месте и не зову гостей в горницу? Пожалуйте, покорнейше прошу... милости просим! Давайте мне все ваши вещи... Ах, боже мой!».

А братец Мойсея Мойсеича, Соломон,— совсем другая птица, диковинная в той жизни, которая окружает Егорушку, и поначалу непонятная. «Он молча, не здороваясь, а только как-то странно улыбаясь, подошёл к бричке». Потом, в доме, «ставя на стол поднос, он насмешливо глядел куда-то в сторону и по-прежнему странно улыбался. Теперь при свете лампочки можно было разглядеть его улыбку; она была очень сложной и выражала много чувств, но преобладающим в ней было одно — явное презрение...».

«Отец Христофор беседовал с Соломоном.

- Ну что, Соломон премудрый? спрашивал он, зевая и крестя рот. Как дела?
- $-\,$ Это вы про какие дела говорите? $-\,$ спросил Соломон и поглядел так ехидно, как будто ему намекали на какое-нибудь преступление.
 - Вообще... Что поделываешь?
- Что я поделываю? переспросил Соломон и пожал плечами. То же, что и все... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата; брат лакей у проезжающих, проезжающие лакеи у Варламова (скупщика шерсти, A.P.), а если бы я имел десять миллионов, то Варламов был бы у меня лакеем.
 - То есть почему же это он был бы у тебя лакеем?
- Почему? А потому, что нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать рук у жида пархатого. Я теперь жид пархатый и нищий, все на меня смотрят, как на собаку, а если б у меня были деньги, то Варламов передо мной ломал бы такого дурака, как Мойсей перед вами.

Отец Христофор и Кузьмичов переглянулись. Ни тот, ни другой не поняли Соломона. Кузьмичов строго и сухо поглядел на него и спросил:

- Как же ты, дурак этакой, равняешь себя с Варламовым?
- Я ещё не настолько дурак, чтобы равнять себя с Варламовым, ответил Соломон, насмешливо оглядывая своих собеседников. Варламов хоть и русский, но в душе он жид пархатый; вся жизнь у него в деньгах и в наживе, а я свои деньги спалил в печке. Мне не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтоб меня боялись и снимали шапки, когда я еду. Значит, я умней вашего Варламова и больше похож на человека!».

Вот вам мир людей; в повести «Степь» он — не человеческий муравейник, где все существа сливаются в хаотическую массу. Скорее, это россыпь не похожих друг на друга, разнообразных звёзд, притягивающих к себе и завораживающих своим особенным светом или пугающих своим сумрачным, страшным мерцанием.

В сумятице жизни зоркий писатель сумел выделить каждое лицо, заглянуть в каждую душу и сказать читателю: не торопись пройти мимо, остановись и вглядись в своего собрата; он — поучительная сага, поучительная судьба, в которой ты откроешь для себя и опыт, и пророчество, и указание на счастье, и предостережение о тьме, и путь к исцелению, и многое-многое, что будет полезно тебе.

Алексей Плещеев, прочитавший повесть в рукописи, делясь впечатлением от неё, нашёл точные слова: «Пускай в ней нет того внешнего содержания — в смысле фабулы, — которое так дорого толпе, но внутреннего содержания зато неисчерпаемый родник».

Внутренним содержанием были ценны многие рассказы, которые Чехов написал до повести «Степь» и которые подготовили её художественную мощь.

Припомните новеллу «Святою ночью». Герой её, от лица которого ведётся повествование, ждёт пасхальной ночью паром. После долгого ожидания паром приплывает; ведёт его необычный перевозчик – послушник монастыря, стоящего на противоположном берегу реки. Этот молодой мечтательный человек в монашеской рясе и рассказчик беседуют; больше, правда, говорит перевозчик, рассказывая о любимом своём духовнике из монастыря, большом мастере писать акафисты. Повествователь заражается святочным, просветлённым настроением собеседника. С этим настроением он входит в церковь, стоит на службе, плывёт на пароме обратно. Сюжет рассказа предельно прост, никаких внешних событий, кажется, и не происходит, «внешнего содержания», говоря словами Алексея Плещеева, нет. Но внутреннее содержание светлое глубокое чувство благодарности за земную жизнь, за встречу с редкими, одухотворёнными натурами — всё время присутствует в рассказе, и оно ценней, целительней, благодатней, чем содержание внешнее. Эта особенность отличает и повесть «Степь». При её чтении всё время овевает, как утренняя прохлада, душевная чистота; утешает мудрое понимание всякого человеческого переживания. Видится в рассказчике человек тонкий, благородный, справедливый; его замечания, оценки, нравственный суд безупречны. Это то восприятие, которое очень хорошо передал Лев Толстой:

«Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трёх сторон: 1) со стороны содержания — насколько важно и нужно для людей то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; 2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения; и 3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно даёт художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, то есть вызывает в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник».

* * *

Чехов постоянно ищет вместе со своими героями смысл земной жизни, разгадывает тайну человеческого счастья. Один из его ранних рассказов так и назывался: «Счастье». В нём, правда, всё счастье двух пастухов, стерегущих ночью отару овец, заключено в степных кладах, которые — они верят в это свято — зарыты прежними поколениями. Клады эти заговорённые, найти — найдёшь, да без талисмана богатство не дастся в руки. Старик-пастух говорит своему молодому напарнику:

«— Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто? Так и пропадёт добро задаром, без всякой пользы, как полова или овечий помёт! А ведь счастья много, так много, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видит его ни одна душа! Дождутся люди, что его паны выроют или казна отберёт. Паны уж начали курганы копать... Почуяли! Берут их завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себе на уме. В законе так писано, что ежели который мужик найдёт клад, то чтоб к начальству его представить. Ну, это погоди — не дождёшься! Есть квас, да не про вас!»

Читателю ясно, что речь, конечно, не о злате-серебре; речь о мужицком счастье, скрытом в тайниках жизни. Сам Чехов в ответ на восторженные слова брата Александра о рассказе писал ему: «Степной субботник (новелла была напечатана в газете "Новое время", в отделе "Субботники", и так как действие рассказа происходит в при-азовской степи, то это дало автору право назвать его в шутку "степным субботником", — A.P.) мне самому симпатичен именно своею темою, которой вы, болваны, не находите. Продукт вдохновения. Квазисимфония».

Люди счастливы одинаково, а несчастны — каждый по-своему, сказал Толстой. Пожалуй, это не так: и представление о счастье у разных людей своё, и счастливы они по-разному. Герой рассказа «Володя», семнадцатилетний гимназист, связывает со счастьем любовь к тридцатилетней замужней Нюте. Короткое свидание с нею в ночной комнате поднимает его на вершину счастья и тут же сталкивает в бездну несчастья:

«Затем Володе показалось, что комната, Нюта, рассвет и сам он — всё слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья, за которое можно отдать всю жизнь и пойти на вечную муку, но прошло полминуты, и всё это вдруг исчезло. Володя видел одно только полное, некрасивое лицо, искажённое выражением гадливости, и сам вдруг почувствовал отвращение к тому, что произошло...

...А немного погодя послышалось мычание коров и звуки пастушеской свирели, солнечный свет и звуки говорили, что где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но где она? О ней никогда не говорили Володе ни маман, ни все те люди, которые окружали его». Душевное смятение, неудовлетворённость собой, пошлость жизни и взрослых людей, недосягаемость другого, «чистого, изящного и поэтического» мира привели юношу к самоубийству.

Но разве не те же душевные потрясения, не то же смятение перед огромной, неведомой, пугающей и зовущей жизнью испытывает во время своего путешествия девятилетний Егорушка? У него другая натура, другой, детский, мир, другое представление о будущей жизни, но как похожи открывшиеся перед ним тревоги и разочарования, свет и тени непонятного, грозного мира!

«Егорушка лежал на спине и, заложив руки под голову, глядел вверх, на небо. Когда долго, не закрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и всё то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далёким и не имеющим цены. Звёзды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, гнетут душу своим молчанием;

приходит на мысль то одиночество, которое ждёт каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...».

Писатель честно ведёт своего юного героя по дороге открытий, не приукрашивая людей, сопутствующих ему, не скрывая грязи и тьмы, красоты и света, приготовленных жизнью.

Вот отличный эпизод, в котором томительная, неясная и неотступная жажда счастья объединяет совершенно разных людей. Вечером к костру обозников подошёл молодой парень, Константин, недавно женившийся; подошёл с одной целью — поделиться своей радостью.

«Константин неуклюже высвободил из-под себя ноги, растянулся на земле и подпёр голову кулаками, потом поднялся и опять сел. Все теперь отлично понимали, что это был влюблённый и счастливый человек, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движение выражали томительное счастье. Он не находил себе места и не знал, какую принять позу и что сделать, чтобы не изнемогать от изобилия приятных мыслей. Излив перед чужими людьми свою душу, он, наконец, уселся покойно и, глядя на огонь, задумался.

При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья. Все задумались. Дымов поднялся, тихо прошёлся около костра, и по походке, по движению его лопаток видно было, что он томился и скучал. Он постоял, поглядел на Константина и сел.

А костёр уже потухал. Свет уже не мелькал и красное пятно сузилось, потускнело... И чем скорее догорал огонь, тем виднее становилась лунная ночь. Теперь уже видно было дорогу во всю её ширь, тюки, оглобли, жевавших лошадей; на той стороне неясно вырисовывался крест...

Дымов подпёр щеку рукой и тихо запел какую-то жалостную песню. Константин сонно улыбнулся и подтянул ему тонким голоском. Попели они с полминуты и затихли... Емельян встрепенулся, задвигал локтями и зашевелил пальцами.

- Братцы, сказал он умоляюще. Давайте споём что-нибудь божественное! Слёзы выступили у него на глазах.
- Братцы! повторил он, прижимая руку к сердцу. Давайте споём что-нибудь божественное!
 - Я не умею, сказал Константин.

Все отказались; тогда Емельян запел сам. Он замахал обеими руками, закивал головой, открыл рот, но из горла его вырвалось одно только сиплое, беззвучное дыхание Он пел руками, головой, глазами и даже шишкой, пел страстно и с болью, и чем сильнее напрягал грудь, чтобы вырвать из неё хоть одну ноту, тем беззвучнее становилось его дыхание...

Егорушкой тоже, как и всеми, овладела скука. Он пошёл к своему возу, взобрался на тюк и лёг. Глядел он на небо и думал о счастливом Константине и его жене. Зачем люди женятся? К чему на этом свете женщины? Егорушка задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное, хорошо, если возле него постоянно живёт ласковая, весёлая и красивая женщина. Пришла ему почему-то на память графиня Драницкая, и он подумал, что с такой женщиной, вероятно, очень приятно жить; он, пожалуй, с удовольствием женился бы на ней, если бы это не было так совестно. Он вспомнил её брови, зрачки, коляску, часы со всадником... Тихая, тёплая ночь спускалась на него и шептала ему что-то на ухо, а ему казалось, что это та красивая женщина склоняется к нему, с улыбкой глядит на него и хочет поцеловать...».

Ни один русский писатель до Чехова, пожалуй, не писал так пронзительно о недостижимости счастья, его хрупкости, если оно досталось кому-то, и его способности мгновенно гибнуть от случайного, непредсказуемого поступка, шага, даже слова. В этом

смысле повесть «Степь» напоминает большое симфоническое сочинение, в котором душевный мир человека стал темой музыкальной, широко развитой и поэтически звучащей. Посмотрите, сколько здесь героев мечтает о счастье или неосознанно стремится к нему. Красивый и наглый Дымов, вероятно, связывает его со своей властью над людьми, со своим физическим превосходством над слабыми. Бывший певчий Емельян мечтает о возвращении голоса и прежнем занятии в хоре. Старик Пантелей ждёт чудесного исцеления, когда ноги опять понесут его по земле, как в молодые годы. Кузьмичов, дядя Егорушки, будет вполне доволен жизнью, если удастся взять высокую цену за товар. Отец Христофор, обласканный судьбой, молит Бога сохранить для него всё так, как есть. Егорушка окажется счастлив только среди близких, заботливых и любящих его людей; несправедливость, грубость, жестокость делают его несчастным.

Голоса всех героев повести звучат в этой симфонии; её музыка соткана из потаённых чувств, явных и скрытых желаний людей, едущих обозом по степи или живущих здесь; и сама степь, древняя, мудрая, много видевшая, откликается на людские мечты и добавляет в звучащую музыку свои неповторимые мелодии.

«Едешь час-другой... Попадается по пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землёю ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки — степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою.

И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полёте ночной птицы, во всём, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа даёт отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь её тоскливый, безнадёжный призыв: певца! ».

Великая, немереная степь — это та же неохватная жизнь; в ней даже определившиеся судьбы могут получить неожиданное продолжение. Увлечённый работой над своим произведением, захваченный наплывом воспоминаний, которые хлынули из детских и юношеских лет, Чехов решил, что позже он продолжит повесть. «Если она будет иметь хоть маленький успех, — делился Антон Павлович своим замыслом с Плещеевым, — то я положу её в основание большущей повести. Вы увидите в ней не одну фигуру, заслуживающую внимания и более широкого изображения». Писатель даже набросал, что может произойти с каждым из его героев в будущем.

Но, думается, строгий и уже опытный художник взял в авторе верх; то, что читатель воспринял, как открытие, могло потускнеть при любом, даже талантливом, повторении. Чехов отказался от своего плана. В новых произведениях он продолжил свою миссию, начатую в повести «Степь» и предшествующих ей рассказах: открывать жизнь, её тяготы и несчастья, её утешения и красоту. Ибо, по мнению Чехова, «художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какая она есть на самом деле. Её назначение — правда безусловная и честная».

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

ОСТАВИВШИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ

Карл Гун и Елабуга

Впервые за 30-летнюю историю своего существования Елабужский государственный музей-заповедник выпустил книгу, которая получила высокую оценку в самых широких кругах. И, действительно, этот богато иллюстрированный фолиант объёмом в четыреста с лишним страниц под названием «Карл Гун и Елабуга. 1862–1863» сопоставим с лучшими художественными изданиями ведущих музеев нашей страны.

Выступая на презентации в Библиотеке Серебряного века, генеральный директор ЕГМЗ Гульзада Руденко рассказала, что, увидев впервые в фондах Русского музея рисунки Карла Гуна, выполненные в начале шестидесятых годов XIX века в Елабуге, она поняла, что это настоящий учебник по этнографии. А узнала она об этих рисунках от челнинского искусствоведа Ольги Пудаковой, специалиста по историческим костюмам, чья дипломная работа при окончании Академии художеств и была посвящена сделанным в Прикамье этнографическим костюмным зарисовкам Карла Гуна.

В 2008 году музей-заповедник выпустил альбом «Елабуга в работах Карла Гуна»,

вступительную статью к которому написала О. Пудакова. И вот через одиннадцать лет после этого вышло новое издание, в котором достаточно полно нашли отражение жизнь и творчество известного в своё время художника.

Г. Руденко перечислила музеи и библиотеки, предоставившие материалы для этого масштабного издательского проекта. Среди них — Русский музей, Третьяковская галерея, Пушкинский дом РАН, Латвийский национальный художественный музей, Государственная публичная историческая библиотека России, Рыбинский музей-заповедник, Российская национальная библиотека, Саратовский художественный музей им. А. Радищева и другие. Средства на предпечатную подготовку книги были выделены Благотворительным фондом «Махеев», а на печать тиража — Министерством культуры Республики Татарстан.

На презентации выступили авторы помещённых в издании статей — Ольга Пудакова, сотрудники ЕГМЗ Надежда Курылева и Алексей Куклин. Последний стал автором-составителем проекта, на протяжении четырёх с половиной лет собиравшим иллюстративные и архивные материалы, работавшим с авторами, готовившим примечания и аннотированную библиографию и написавшим для этого издания пять исследовательских статей. Он как никто другой владеет всей информацией и поэтому именно его мы попросили рассказать о книге «Карл Гун и Елабуга. 1862–1863».

- Художник родился в 1831, а умер в 1877 году, прожив всего 46 лет. В настоящее время о нём мало кто знает. Поэтому вначале расскажите немного о нём.
- Карл Фёдорович Гун российский художник, академик, профессор исторической и портретной живописи Императорской Академии художеств. Он был одним из первых членов Товарищества передвижных художественных выставок и по праву считается основоположником латышского реалистического искусства.

Гун — один из наиболее интересных, самобытных и популярных российских художников второй половины XIX века. Широкой публике он более всего известен по двум своим знаменитым, многократно воспроизведённым и тиражированным картинам, посвящённым событиям Варфоломеевской ночи во Франции. Это полотна «Канун Варфоломеевской ночи» из Русского музея и «Сцена из Варфоломеевской ночи» из Третьяковской галереи. Скорее всего, на выбор художником этой темы, которой он посвятил несколько лет своей жизни, повлиял роман Александра Дюма «Королева Марго» о религиозных войнах во Франции. Популярный у российской читающей публики не менее, чем «Три мушкетёра» или «Граф Монте Кристо», он был издан во Франции в 1845 году и в том же году вышел в русском переводе в журнале «Отечественные записки».

- Как Гун оказался в Елабуге и почему он сделал здесь так много зарисовок этнографического характера?
- В 1862 году молодые выпускники Академии художеств Карл Гун и Василий Верещагин (не баталист, а выходец из семьи пермских иконописцев) получившие большие золотые медали, которые давали им право на продолжение оплачиваемого обучения за границей, приехали в Елабугу, по всей видимости, с целью заработать денег перед предстоящей поездкой. Их пригласил тогдашний глава города Елабуги Иван Иванович Стахеев обновить росписи иконостаса Покровской церкви.

Почему Гун в Елабуге занялся ещё и этнографическими рисунками? Будучи сыном скромного сельского учителя и попав в Петербург, он должен был зарабатывать себе на жизнь. Собственно, этим занимались практически все ученики Академии художеств, поскольку среди них было очень мало выходцев из обеспеченных семей.

Благодаря земляческим связям Гун попал к мало известному сейчас литографу Императорской академии наук В.-Г. Папе и в течение нескольких лет занимался в его мастерской подготовкой рисунков и литографий для научных изданий. Талант и трудолюбие начинающего художника довольно быстро выдвинули его в ряды ведущих научных иллюстраторов своего времени. В 1862 году вышел знаменитый двухтомный труд Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов России» на французском языке. Там было 62 очень больших, роскошных иллюстрации, 30 из которых были выполнены Гуном ещё в 1857 году. Замечу, что все они воспроизведены в нашем издании.

Таким образом, когда Гун приехал в Елабугу, он уже был профессиональным художником-этнографом с большим опытом. Выполненные им в Прикамье зарисовки свидетельствуют о том, что художник делал их будучи уверенным, что сумеет продать. И действительно, по возвращении из Елабуги, он достаточно выгодно продал этот альбом рисунков Академии художеств, благодаря чему он и сохранился.

За тот год, когда Гун жил в Елабуге, он, помимо работы по иконостасу, выполнил свыше 130 этнографических рисунков и акварелей жанрового, бытового, архитектурного и костюмного характера. Они весьма обширны по географическому охвату. Кроме самой Елабуги на них представлены сёла и деревни Вятской, Оренбургской и Казанской губерний. Но исторически сложилось так, что сейчас большая часть из них оказались на территории Республики Татарстан: в Елабужском, Менделеевском, Нижнекамском, Чистопольском и Рыбно-Слободском районах нашей республики.

На зарисовках Гуна показаны Елабуга и Чистополь, сёла Татарские Челны и Старое Гришкино Менделеевского района Татарстана, село Верхняя Игра и деревня Мари-Возжай Граховского района Удмуртии, посёлок Красный Ключ нынешнего Нижнекамского района, деревни Кодряково и Бердибяково, сёла Кутлу-Букаш и Уреево Челны Рыбно-Слободского района Татарстана, деревни Средние Шуни и Красногорье Вятско-полянского района и селения Малмыжского района Кировской области.

Мы видим на этих рисунках русских, татар и удмуртов, марийцев и кряшен в их бытовых и праздничных национальных костюмах. В целом перед нами предстаёт богатая и разнообразная панорама 1860-х годов.

В России к тому времени уже существовала и получила популярность фотография, но она была распространена большей частью в крупных городах. В провинции же всё только начиналось. В фондах Елабужского государственного музея-заповедника хранится единственный чудом уцелевший снимок, сделанный не позднее первой половины 60-х годов XIX века. А все остальные известные на сегодня визуальные документы той поры, касающиеся Елабуги и Елабужского края, это — рисунки Гуна и молодого Шишкина.

- Какими материалами при подготовке этого издания вы пользовались?
- Основой и отправной точкой книги «Карл Гун и Елабуга» послужил Прикамский альбом художника. Но чтобы расширить представление читателей о его творчестве, в нашем издании в качестве иллюстраций были использованы и другие живописные и графические произведения Гуна, которые хранятся в музеях России и Латвии; отдельный раздел посвящён книжной графике, где как раз и воспроизведены его работы из книги Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов России», а также из книги Ричарда Маака «Путешествие на Амур» 1859 года, об участии в подготовке которой Карла Гуна до настоящего времени не знали даже наши прибалтийские коллеги.

Помимо этого, в издание Елабужского государственного музея-заповедника включены биографические очерки о художнике, написанные дореволюционными авторами, газетная статья, в которой рассказано, как проходили похороны Гуна на его родине, и не публиковавшиеся ранее архивные документы — письмо художника и два письма его супруги.

Вообще же на русском языке об этом художнике на сегодня опубликовано всего три книги. В 1955 году в Риге вышла первая из них — «Карл Гун». Её автором был искусствовед и художник Артур Фёдорович Эглит. И хотя на титульном листе этого издания было обозначено «монография», по современным меркам эта работа представляет собой научную статью среднего объёма. А вот репродукций, пусть в основном и чёрно-белых, там было довольно много, в том числе и из прикамского цикла. Второй книгой стал выпущенный в 2008 году Елабужским государственным музеем-заповедником альбом «Елабуга в работах Карла Гуна». А третья — нынешнее издание. Правда, стоит сказать, что, пожалуй, ни у одного российского художника XIX века не было такого количества посмертных биографий, как у Гуна. Их четыре и все они опубликованы в нашей книге.

Хотелось бы особо отметить, что в этом издании под одной обложкой собраны практически все ныне живущие специалисты, кто писал о биографии и творчестве Гуна. И прежде всего это старейший латвийский искусствовед Эдварда Теодоровна Шмите,

автор монографии «Карл Гун. Красота простой действительности», изданной в 2016 году на латышском языке. Специально для нашего издания она написала статью «Этнографическая линия в творчестве Карла Гуна». Второй зарубежный автор — журналист, редактор, издатель Наталья Денисовна Кетнере, представитель русскоязычной диаспоры Латвии, проживающая в городе Огре, неподалёку от родины Гуна, городка Мадлиены, и написавшая интересный очерк о частной жизни художника.

Конечно же, Ольга Владимировна Пудакова из Набережных Челнов — первооткрыватель и первопроходец темы этнографических зарисовок Карла Гуна в прикамском краеведении. Затем — Надежда Ивановна Курылева, старший научный сотрудник Дома-музея И. И. Шишкина ЕГМЗ, известная как исследователь генеалогии Шишкиных, автор книги «Трёхсотлетнее древо рода Шишкиных», выдержавшей уже три издания. Её статья посвящена исследованию церковных росписей художников Карла Гуна и Василия Верещагина в Елабуге — тема, которой она начала заниматься ещё в 1990-е годы. Ну и, наконец, я, Алексей Куклин, написал для книги, которую сам составлял пять статей.

В итоге, изданная Елабужским государственным музеем-заповедником книга представляет собой обширную антологию материалов, посвящённых Карлу Гуну. Читатель найдёт здесь биографические статьи и материалы, краеведческие исследования, очень большую подборку иллюстративных материалов. С другой стороны, книга представляет собой коллективную монографию — подборку биографических, обзорных, исследовательских публикаций дореволюционных и современных авторов о жизни и творчестве художника с основным акцентом, сделанным на времени его пребывания в Елабуге — с апреля 1862 года по март 1863 года.

- Расскажите немного подробнее о ваших публикациях.
- Самой объёмной из них является обзорная статья «Прикамские зарисовки Карла Гуна». Так как на подавляющем большинстве своих рисунков он указывал дату и место, где они были выполнены, это позволило, во-первых, расположить их в хронологической последовательности, а, во-вторых, проследить маршруты поездок художника. В статье дано первое подробное описание не только самих рисунков, но и изображённых на них мест, персонажей, предметов, событий с привлечением документов и свидетельств как той эпохи, так и более позднего времени.

В качестве примера приведу один необычный рисунок, который в фондах Русского музея хранится как рисунок «Без названия». На нём показано порядка шестидесяти персонажей, собравшихся на уличном перекрёстке Елабуги, где установлен столб, на который по лестнице взбирается молодой человек. По указанной на рисунке дате удалось выяснить, что это был четверг, то есть не базарный или ярмарочный день, на которые обычно собиралось много народу. Да и торговых рядов на этом изображении нигде не видно. В результате внимательного анализа и подробного описания рисунка я пришёл к выводу, что здесь показана установка одного из первых столбов уличного освещения в Елабуге. Понятно, что не электрического. Для этих целей тогда использовались различные горючие смеси. Документально зафиксировано, что уличное освещение в начале 1860-х годов имелось в Казани и Вятке. Но это были крупные губернские города. И вдруг — маленькая уездная Елабуга, о которой до настоящего времени было известно, что освещение на её улицах появилось не ранее начала XX века. Это, конечно, совершенно уникальное свидетельство.

Статья «Чёртово городище и Елабуга в первой половине 1860-х годов» представляет собой исследование визуальной истории древнего памятника булгарской архитектуры. В ней собраны письменные источники о нём, начиная со второй половины XVI века и до второй половины XIX века. Но главный акцент сделан на публикации и анализе

дошедших до нашего времени визуальных документов, отображающих историю памятника до его восстановления в 1867 году Иваном Васильевичем Шишкиным.

Среди них — план городища и его проекция, сделанные в 1769 году капитаном Н. П. Рычковым, рисунок 1825 года профессора Казанского университета Ф. И. Эрдмана с ещё полностью целой башней городища и первым известным нам изображением Елабуги — панорамой города, зарисованной со стороны городища. На ней, кстати, отчётливо видны две расположенные в районе Спасского собора небольшие каменные церкви во имя Спаса Нерукотворенного и Казанской иконы Божией Матери, которые были вскоре после постройки собора разобраны и считалось, что о них имеются только письменные свидетельства.

Из-за стоящей под этим рисунком подписи «Гр. Кофтанников» его обыкновенно приписывали этому художнику. На самом деле подпись эта обозначает, что рисунок для журнала «Заволжский муравей», где он был опубликован, гравировал художник-любитель и гравёр Н. Н. Кафтанников.

В этой же статье опубликованы карта местности и зарисовки городища, которые делал И.И.Шишкин в период с 1849 года до 1860-х годов, а также три рисунка с видами городища и Елабуги, выполненные Гуном в 1862 и 1863 годах.

Из биографических очерков художника было известно, что в Елабуге он написал портрет жены городового врача Антониды Александровны Йозефович. И, конечно, очень хотелось его найти. Как это удалось, стоит, наверное, рассказать отдельно.

Когда проходят крупные художественные выставки, обычно издаются их каталоги. В советское время это были, как правило, тоненькие брошюрки. А если выставка открывалась в Прибалтике и тираж у каталога был порядка 500 экземпляров, то, спустя годы, его невозможно найти даже в Российской государственной библиотеке. Но ныне существует такое явление, как интернет-букинистика. Время от времени я занимаюсь поиском интересующих меня изданий. И однажды, к своему удивлению, в одном из букинистических магазинов Израиля нашёл два каталога юбилейных персональных выставок Карла Гуна 1970-х и 1980-х годов, проходивших в Риге. Списался с владельцем, купил. Один каталог был двуязычным — на латышском и русском языках, а второй — только на латышском. В последнем были помещены всего две репродукции и список экспонировавшихся на выставке работ. Сижу, читаю названия работ и вдруг вижу — «Antonidas Aleksandrovnas Juzefovičas portrets». Ну, это, надо признать, был шок! Смотрю место нахождения работы — указан Рязанский областной музей. Дальнейший поиск помог выяснить, что речь идёт о Рязанском областном художественном музее им. И.П. Пожалостина, которому и принадлежит портрет Антониды Йозефович кисти Гуна. Мы сделали официальный запрос и коллеги прислали нам электронную копию полотна. Это потрясающий портрет, написанный Гуном в возрасте 31 года, выполнен на уровне известных полотен крупнейших портретистов мира – Рубенса, Ван Дейка, Брюллова, Крамского. В отдельной статье, посвящённой ему, я сделал подробный искусствоведческий анализ изображения Антониды Йозефович.

В этой же публикации достаточно обоснованно утверждается, что две небольших зарисовки Гуна 1861 года из Третьяковской галереи, которые атрибутированы там, как апостолы Пётр и Павел, на самом деле являются подготовительными эскизами евангелистов Марка и Луки для царских врат елабужской Покровской церкви.

И такие, пусть небольшие, но существенные открытия происходили на протяжении всей работы. Это связано и с тем, что велось внимательное изучение визуальных материалов, и с тем, что электронные копии изображений были очень высокого качества, позволяя рассматривать крупным планом даже небольшие детали.

Например, в статье «Красная горка близ Елабуги и Святой ключ в Оренбургской губернии» подробно проанализированы два варианта жанровой акварели Гуна с изображением пикника на елабужской Красной горке. Думается, что в результате мне удалось аргументированно доказать, что акварель из Третьяковской галереи является подлинником, а её вариант из Русского музея — ученической копией с неё, хотя она и числится там как оригинал работы Гуна. Кроме того, в этой же статье впервые сделана попытка определить основных персонажей, изображённых на акварели, и столь же аргументированно показать, что одной из центральных фигур на ней является не Иван Иванович Шишкин, как было принято думать до сих пор, а его отец — Иван Васильевич Шишкин.

Статья «Ярмарки, базары, развлечения» тоже по-своему очень интересна. В ней, в частности, говорится о двух уникальных елабужских рисунках Гуна с так называемыми сергачами — дрессировщиками медведей. В России медвежьи потехи, вполне устраивающие обычную базарную публику представления, были весьма распространёнными. Медведи играли примерно ту же роль, что и дрессированные обезьяны в тёплых странах. Тут надо сразу оговориться, что речь идёт, по всей видимости, не о плотоядных животных, которые могли представлять опасность как для зрителей, так и для самих дрессировщиков, а о медведях-вегетарианцах, так называемых овсяниках, которых, к тому же, было значительно легче отлавливать и приручать.

Изображений медвежьих потех, если не принимать в расчёт двух-трёх народных лубочных сюжетов, в российском изобразительном искусстве XIX века практически нет, — кроме этих двух рисунков Гуна и картины Ф. Н. Рисса из Музея В. А. Тропинина, о которой вряд ли можно сказать, что она была выполнена с натуры. Гуновские же зарисовки, сделанные осенью в Елабуге, — натурные. И хотя на них показаны не сами моменты представления, а просто сидящие с животными дрессировщики, перед нами красноречивый факт, что медвежьи потехи в Елабуге в то время были обычным явлением.

- Помимо всего прочего книга поражает большим количеством комментариев и пространной аннотированной библиографией. Вы считаете, что они были необходимы в этом издании?
- Хотелось, во-первых, сделать книгу на хорошем научном уровне. А во-вторых, когда речь идёт о событиях и жизни более чем полуторавековой давности, то чтобы упоминаемые в текстах реалии были понятны современным читателям, нужны комментарии, то есть примечания, пояснения, дополнения, которые не вписываются в основной текст, но тем не менее необходимы и внимательным читателям, и специалистам.

По поводу аннотированной библиографии. Когда я сам начал работать с имеющимися библиографиями Гуна, то столкнулся с тем фактом, что где-то бывают неправильно указаны номера журналов или страницы публикации, а в серьёзном искусствоведческом издании о художнике лишь мельком сказана пара малозначащих фраз. Поэтому я пришёл к выводу, что нужно делать аннотированную библиографию, включив в неё только те источники, которые изучил сам и за достоверность которых могу ручаться. Она насчитывает около двухсот позиций. Надеюсь, что последующим исследователям жизни и творчества Карла Гуна такая библиография значительно облегчит работу.

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

ЮНОСТЬ ПИШЕТ СТИХИ И ПРОЗУ

В начале декабря минувшего года в Набережночелнинском технологическом техникуме успешно прошёл Республиканский конкурс литературных сочинений «Дыши творчеством» среди школьников старших классов и студентов средне-специальных учебных заведений. Участие в нём приняли более восьмидесяти юных граждан Республики Татарстан, представивших свои стихи, миниатюры, эссе и рассказы на суд компетентного жюри, в котором главными экспертами кроме преподавателей русского и татарского языков и литературы оказались известные в республике члены Союза российских писателей Олег Лоншаков, Елена Степанова, Светлана Летяга и члены Союза писателей республики Татарстан Факиль Сафин и Сирень Якупова. Отрадно отметить, что все они являются авторами литературного журнала «Аргамак. Татарстан». А возглавлял работу экспертов главный редактор этого журнала, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан Николай Алешков.

Вот что сказал принявший участие в этом мероприятии ректор НТТ, доктор педагогических наук, профессор Виктор Семёнович Суворов:

— Смею заверить, что без участия и помощи редакции журнала «Аргамак» и лично Николая Петровича мы не осмелились бы инициировать подобное мероприятие, результатом которого стали не только дипломы и грамоты юношам и девушкам, делающим первые шаги в литературном творчестве, но и решение главного редактора опубликовать несколько лучших произведений в весеннем выпуске журнала «Аргамак».

А в адрес руководителя Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» Айдара Саитгараевича Салимгараева профессор Суворов отправил письмо со словами благодарности за то, что такое издание на русском языке существует в нашей республике уже десять лет благодаря финансированию со стороны республиканского медиахолдинга. Выражена надежда, что конкурс «Дыши творчеством» при поддержке республиканских структур и ведомств станет ежегодным.

Елена ТАБАРОВА, преподаватель литературы

Алёна БОБОНАЗАРОВА, ученица 8 класса средней школы № 58 г. Набережные Челны

ПУТЬ К СВЕТУ

Давайте же не думать о плохом, А жить любовью, верой и надеждой. Построим свой надёжный, прочный дом, В котором воздух будет свежий-свежий. Давайте же не думать о плохом, Ведь наша жизнь закончится не скоро. Мы в Храм святой торжественно войдём И зазвучит величественно Слово. Устроим праздник тем, кто долго ждал: Больным, сиротам, старикам и нищим, Чтоб каждый счастье яркое познал Со вкусом ягод тёмно-спелой вишни.

Мы позовём на праздник облака. И первый снег, и дождик, и прохладу. К нам забежит бурливая река И скажет, что она безумно рада... В окно заглянет радуга-дуга, Погладит милым старикам ладошки. В душе проснётся ранняя весна-Пушистая и мягкая, как кошка. Всем мамам раздадим любви слова, Осыпанные золотом вниманья. И в колыбельной, что поют колокола. Они услышат ноты пониманья. Больным подарим ласку, доброту. Осыпем ноги стариков цветами. Нальём в бокалы нежность и мечту. Посахарим прекрасными стихами. Жить станем просто, ясно и легко, Не измеряя возраста годами, Чтоб в сердце было чисто и светло, Уютно и свободно, будто в храме...

Софья КУЗЬМИНА, гимназия № 10 г. Зеленодольск

ТАЙНЫ ЖИЗНИ ЛЕСНОГО НАРОДА

сказка

Давным-давно в старые времена на марийской земле Лукоморья посреди молодого березняка стояла небольшая деревушка *Кресола*. Стройные берёзки в летний зной укрывали прохожих от палящего солнца. А овраг на краю деревни зимой превращался в крутую гору. Ребятишки малые с криками и визгом катились вниз. Осенью же все от мала до велика трудились на поле, урожай небогатый собирали дружно.

И жил в *Кресоле* работящий род — Степановых. Глава рода — *Озанай* — славился в округе своей силой и властью. Жена его верная — *Пашаче* — урожай собирала и мужа любила. Родилась в той семье дочка старшая — *Тайра*, красавица, глаз не отвесть! Вскорости же посыпались за нею другие детки — пятеро братьев да сестёр мал мала меньше. Трудно было бы управиться родителям с такой оравой, если бы не старшенькая. Крутится по дому, как волчок: одного накормит, с другими поиграет, третьих на *полатях* спать уложит. Всё успевает! Смотрят *Озанай* и *Пашаче* на дочку свою — не нарадуются!

На другом конце деревни жила семья *Ямшановых* — мать *Айвика* и два сына. Отец *Шемвуй* три года как пропал — на охоту пошёл, да так и не вернулся. Старики говорили, что косолапый помял его...Бедно жила семья — с огорода толку мало! Но тот, кто имеет руки, никогда не останется без куска хлеба!

Шло время. Подросли ребята. *Парсай* и *Вараш* решили, что настала их пора заботиться о матери. Смело взяли в руки лук, острый нож и пошли в лес за добычей. Горько плакала мать, не отпускала детей, помнила дорогую потерю... Но — делать нечего: повзрослели сыновья! Охота часто удачной была: то утку, то зайца принесут, бывало, и крупнее добыча попадалась в руки смелых братьев!

Но лес таит в себе множество чудес! *Старожилы* деревни много сказок знали, детворе деревенской рассказывали. Да не все верили в эти сказки!

Однажды *Парсай* и *Вараш* в лесу услышали чудные звуки: кто-то бил в бубен и звенел колокольчиками. Заслушались парни этими звуками и не заметили, как сон закрыл им глаза. Бубен всё громче стучал, колокольчики всё отчётливее выводили незнакомую, но такую нежную мелодию.

А тем временем в деревне мать *Айвика* не находила себе места! Уже вечер, а её любимые сыновья не вернулись с охоты! Села она около домишка своего на скамью и горько заплакала. Мимо проходила *Тайра*.

- Отчего ты плачешь, *Шемвуй-вате*? негромко спросила девушка.
- Сыновья мои, *Парсай* и *Вараш*, не вернулись из леса... *Айвика* закрыла лицо руками и ещё горше разрыдалась.
- Не плачь, придут твои дети! Они смелые и ловкие, ни за что не пропадут в лесу!- *Тайра* присела рядом с *Айвикой* и обняла её за плечи. Вместе стали они ждать.

Уж месяц показался на небе, тяжёлые тучи плыли по горизонту, неласково ветер теребил листья берёз.

Парсай и *Вараш* возвратились домой, правда, в этот раз ни мяса, ни ягод они не принесли... *Тайра* хотела знать, где были братья, но те ей ничего не сказали. Опустив голову и попрощавшись, девушка пошла домой. По дороге она думала, как же узнать, где были ребята.

На следующий день *Тайра* отпросилась у родителей сходить в лес, ягод набрать. Отпустили *Озанай* и *Пашаче* свою дочку, строго-настрого наказали далеко в чащу не заходить и вернуться к обеду. *Тайра* была смышлёная: позвала с собой *Парсая* и *Вараша*!

Идут они по знакомым тропкам, ягоды собирают, в туесок кладут, песни марийские напевают. Впереди — *Шаргум-бал*, зелёная возвышенность, где всегда было много ягод. Красные глазки земляники и клубники видны издалека. Успевай собирать!

Уж корзинки полны, и солнце в зените — пора домой возвращаться. Немного отдохнув и испив водицы из родника наши герои пошли в обратную дорогу. Идут, смеются, сказки сказывают... Вдруг — чудные звуки донеслись до слуха: кто-то бил в бубен и звенел колокольчиками. Знакомая мелодия! Заслушались парни этими звуками и не заметили, как снова сон стал закрывать им глаза. Бубен всё громче стучал, колокольчики всё отчётливее выводили знакомую и такую нежную мелодию. *Тайра* громко крикнула:

- Ребята, *Парсай* и *Вараш*, нам домой нужно возвращаться, нас родители ждут! От неожиданно громкого голоса братья очнулись от дрёмы и сказали девушке:
- Тайра, ты слышала эту мелодию? Знаешь ли ты, кто её играет?

Оглянувшись вокруг себя и ещё внимательнее прислушавшись к нежным звукам, *Тайра* ответила:

— Я не знаю, кто играет, но думаю, что *Юмпатыр* нам всё объяснит. Скорее к нему! *Вараш, Парсай* и *Тайра* с полными корзинками ягод быстро побежали в свою деревню *Кресола*. Не заходя домой, они поспешили к *Юмпатыру*, местному *карту*.

Калитка дома была открыта, а на пороге дома стоял сам хозяин.

— Давно я вас жду, ребятки! Заходите, знаю, с чем пришли! — он хитро улыбнулся и засверкал своими пронзительными глазами.

Гости несмело поднялись по ступенькам, со страхом оглядываясь по сторонам.

— Не бойтесь, не обижу! Сказки мои про народ марийский слушали? Диву давались? А теперь вы мне расскажите, что видели, что слышали, — *Юмпатыр* открыл дверь и пригласил к столу.

Угощал черничным чаем, *йошкарушмен когыльо* (пирог со свёклой) и *катламой*. Досыта наевшись, *Вараш* рассказал о нежной мелодии, которую они слышали в лесу. *Тайра* сказала, что это были звуки бубна и колокольчиков.

Улыбнувшись в бороду и внимательно выслушав их, *Юмпатыр* тихим загадочным голосом начал свой рассказ:

- Далеко на севере, в тундре, живёт сказочный кудесник *Ямал Ири*. У него есть чудный посох, волшебный бубен и колотушка. Бубен сделан из оленьей шкуры и натянут на крепкий деревянный каркас, колотушка изготовлена из берёзы и покрыта оленьем мехом. Стучит в бубен *Ямал Ири*, делится своими волшебными силами со всеми, кто живёт на этой земле. В каждом сердце просыпается надежда на чудо! Вот и в вас поселились волшебные силы! Марийский народ слышит эту мелодию только раз в году, когда наступает время «свободного лета», пора цветения и колошения хлебов *яра кенеж*.
- *Юмпатыр*, а матушка мне рассказывала, что в это время жара большая бывает,— подхватила рассказ жреца *Тайра*.— И в это время нельзя делать никакой тяжёлой работы, нельзя шуметь, пахать, строить, поднимать из земли камни, валить деревья, обжигать кирпич, прясть и ткать.
- А наша мать предупреждала, что всякий, провинившийся в этом, даёт природным силам повод для пагубной грозы и града,— сказал *Парсай*.
- Всё правильно, ребята, всё правильно...— голос старика стал чуть слышен. Вот и вы узнали одну из тайн жизни. А завтра ночью жду вас на краю *Кресолы*. Поведу в священную рощу, тайны жизни открою перед вами и познакомлю с *Ямал Ири*.

Попрощавшись с гостеприимным хозяином, *Тайра, Вараш* и *Парсай* заспешили домой, каждый из них думал о словах *карта Юмпатыра*.

Придя домой, дети рассказали родителям о таинственных звуках, которые они слышали в лесу, о встрече с *Юмпатыром*.

Перед тем как идти в рощу, *Тайра*, *Вараш* и *Парсай* помылись, надели чистую белую одежду, взяли с собой домотканые дорожки, дрова и отправились на встречу со жрецом *Юмпатыром*.

Чтобы не мять траву в *кюс-ате*, расстилали перед собой дорожки, громко не говорили и следовали вслед за стариком. Остановились недалеко от деревни своей, на возвышенности посреди поля. Зелёный островок священной рощи был огорожен *пряслом* и имел три входа: с восточной стороны для ввода жертвенных животных, с южной стороны — для подноски ключевой воды и с запада — для входа марийцев. В центре рощи увидели большое дерево — *онапу* с удивительным алтарём из жердей, покрытых пихтовыми лапами. Развели костёр из принесённых из дома дров.

Юмпатыр встал на колени, повернулся лицом на юго-восток и начал молиться. Вслед за жрецом ребята стали призывать марийских богов: Поро Кугу Юмо, Вюд-Аву, Ур-Юмо, Мардеж-Юмо. Им очень хотелось узнать тайны жизни.

Вот и солнце восходит на небо, птички-невелички заводят свою весёлую трель, жучки-паучки из норок своих вылазят. И вдруг ребята в голубом поднебесье услышали знакомую мелодию: бубен всё громче стучал, колокольчики всё отчётливее выводили знакомую и такую нежную мелодию.

 $-\,$ Это *Ямал Ири* в гости к нам пожаловал, $-\,$ сказал *Юмпатыр* и улыбнулся своей таинственной улыбкой.

А с небес по веткам дерева-*онапу* с северным ветром на оленьей упряжке в белом одеянии с бубном и посохом в руках мчится сказочный кудесник *Ямал Ири*.

Обрадовались люди неожиданному гостю, поклонились ему и завели разговор. Охотно кудесник отвечал на вопросы детей, учил их, открывал тайны жизни.

— Главная сила людей — это вера в себя. Эта вера даёт всё — силы, жизнь, духовное здоровье, изобилие во всём, охраняет и оберегает в дороге и дома, от стихийных бедствий. Важно очень жить в гармонии с природой. Нельзя совершать плохих поступков: убивать, ругаться, плеваться, драться. Даже думать плохое нельзя и желать плохого нельзя, — рассказывал *Ямал* Ири, а дети его внимательно слушали и каждый думал, что, оказывается, рецепт счастья, очень прост, только жить правильно не всякий может.

Тем временем солнце в зенит ушло, на траве роса высохла, птички от летнего зноя в ветвях берёз попрятались. Пришла пора обеда. *Юмпатыр*, по марийской традиции, угощал из большого котла пищей, благодарил богов за милость. Марийский жрец подарил *Тайре* освящённый платок, а *Вараш* и *Парсай* получили полотенца.

Настало время прощаться. Снова зазвучал волшебный бубен кудесника, колокольчики запели знакомую мелодию.

— До свидания, *Ямал Ири*! Спасибо за всё! — голоса ребят вслед за северным ветром улетали далеко в голубую бездну неба. Заряд бодрости и положительной энергии вселился в тех, к кому в гости приходил сказочный кудесник.

Волшебные олени уносили гостя вверх в поднебесье по стволам мирового священного дерева-*онапу*. И снова слышались звуки бубна, мелодия колокольчиков перекликалась с мелодией свирели деревенского пастуха, который гнал стадо домой.

Возвратившись в *Кресолу*, дети решили устроить праздник. Да и время наступало — время нового огня. Нарядные жители пришли на *майдан*, каждый хотел благополучия, изобилия и здоровья.

Тайра, Вараш и Парсай рассказали марийцам, какую тайну жизни узнали они от Ямал Ири.

— Люди, верьте в себя, и у вас всё будет хорошо! Это главная наша сила!

А чтобы уберечь людей от напастей, было принято, по старым марийским поверьям, гасить огонь во всех очагах деревни и зажигать новый, полученный путём трения. От этого огня зажгли костёр из сухой травы. Марийцы прыгали через огонь, даже скот через него прогоняли. А уходя домой, каждый брал головешку, чтобы окурить ею свой скотный двор и зажечь новый огонь в своём очаге.

С тех далёких времён прошло немало лет... Но, как сказывают старики, память о *Тайре*, *Вараше* и *Парсае* до сих пор живёт в сознании марийцев. Говорят, что немногие, заходя в лес, слышат звуки колокольчиков и бубна. А *Ямал Ири* нет-нет да и приезжает на марийскую землю посмотреть, как живет-поживает лесной народ.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лукоморье — (устар. и поэт. *лукоморие*; *морская лука*) — морской залив, бухта, изгиб морского берега. В фольклоре восточных славян — заповедное место на краю мира.

Кресола — находится на расстоянии 3 км на юго-запад от села Кузнецово. Название происходит от первого поселенца Керея. Нынешнее название — д. Старое Комино.

Озанай — мужское марийское имя, «медведь»

Пашаче — женское марийское имя, «труженица»

Тайра — женское марийское имя, Дарья

Полати — настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной

Ямшан (Ямшанов) — мужское марийское имя, «прекрасный мыслитель»

Парсай — мужское марийское имя, «наследник»

Вараш — мужское марийское имя, «ястреб»

Айвика — женское марийское имя, «женственная»

Шемвуй — мужское марийское имя, «черноголовый»

Шемвуй-вате — жена Шемвуя

Шаргум-бал — на востоке Кресолы возвышенность, из которой бьют холодные ключи

Юмпатыр — мужское марийское имя, «богатырь бога»

Йошкарушмен когыльо — пирог со свёклой

Катлома — суп из семени конопли

Ямал Ири — сказочный кудесник Севера

Карт — у марийцев: жрец, духовное лицо

Кюс-ата — «большой лес», священная роща

 ${\it Ohany}$ — дерево в священной роще, возле которого совершается моление, мировое священное дерево

Поро Кугу Юмо — добрый, великий бог

Вюд Ава — богиня воды

 $\mathbf{\mathit{HOp HOmo}}$ — бог леса, бог дождя

Мордеж-Юмо — бог ветра

Яра кенеж — время «свободного лета», пора цветения и колошения хлебов

Илья ПОРШАКОВ, студент многопрофильного колледжа г. Чистополь

СКАЗКА О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ АЛЁШЕ, СЫНЕ КИРИЛЛА

Тихая, тихая деревенька русская, далеко стоишь ты от стольного города, от дорог больших, от базаров шумных. Стоишь ты на берегу Шешмы-реки, реки не большой, но далеко бегущей. Несёт та река воды свои спокойные в красавицу Каму, сестру свою старшую, сестру многоводную. Живут в деревеньке той люди не богатые да знатные, а простые да трудолюбивые. С раннего утра и до позднего вечера кто в поле за плугом ходит, кто по лесу с лукошком бродит, а ребятишки малые на берегу с удочкой сидят. Вот и наш молодец Алёшенька любил на реке время своё проводить. И не просто забавы ради, а матери помощь оказать, да младших сестёр-братьев побаловать. То карасика, то окунька на ужин домой принесёт.

А в это же время где-то далеко шла война страшная, жестокая да кровавая, а страшна она была тем, что брат шёл на брата, да сын против отца. И вернулся с той войны в деревню моряк раненый, в бою жестоком покалеченный. Стал он ребятишкам рассказывать про далёкие страны да про моря-океаны, про службу морскую, про дружбу мужскую. Слушали они да дивились, а Алёша думу думал, о далёких странах мечтал.

Так мечта эта и привела деревенского парнишку в город Чистополь, что стоит на Каме-реке. Там в затоне впервые увидел он пароходы большие, пассажирские да грузовые. И представил он себя на палубе, среди тех, кто ловко обращался с канатами да штурвалом. Научить его всем премудростям дела речного могли в училище речном. Так и стал он курсантом, обучился мастерству слесарному и в судовых двигателях толк познал. Не напрасно ночи долгие над конспектами да учебниками просиживал: знания, им полученные, очень скоро добрую службу сослужили.

Пришло время воинский долг Родине отдать и мечте сбыться. Попадает Алексей служить на военный корабль, на далёкий Тихий океан. Служба трудная закалила характер, отточила знания.

Наступило новая година лихая для всего Отечества. Весь народ поднялся против врага-супостата, и стар, и млад, и женщины, и дети защитникам подмогой стали. А Алексею-то нашему довелось самый главный город от фашистов защищать, столицу государства — древнюю Москву. И бился он рядом со своими товарищами, сил своих не жалея, жизни своей не щадя, как и подобало каждому в годину лихую, ибо нет чести большей, чем в бою сложить голову за Отечество. И летели домой, в родную сторонушку письма со словами простыми, сердца горячего, комсомольского: «Меня провожала ты взглядом, быть может, уж я не вернусь, но скажу, не моргнув и глазом, что в бою умирать не боюсь».

И в таком вот бою яростном получил он пулю вражескую, упал, истекая кровью, и, теряя сознание. И подумалось ему, что смерть пришла за ним, что не видать ему больше ни родной сторонушки, ни реки-Шешмы, ни моря синего. Но вдруг сила неведомая, сила великая подняла его, унесла с поля брани. Знать, нельзя ему умирать, не судьба ещё погибнуть от пули вражеской, долга перед Родиной до конца не выполнив. Сколько времени прошло — неведомо, но очнулся он в палате больничной, в военном госпитале. Весь бинтами перевязанный, болью истерзанный, но радость испытавший, что не в плену фашистском, а среди своих: врачей да санитарок заботливых.

Не первый это был бой для Алексея, да и не последний. В тех боях яростных много товарищей полегло, земля — матушка обильно кровью орошена была. Но не напрасно кровь героев пролита, на место одного павшего десять защитников вставало.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не один год прошёл, пока оказался он в логове фашистском, в самом Берлине. И вознеслось знамя победное, знамя красное над поверженным Рейхстагом.

Родина подвиги сынов своих не забывает. Засияли на груди у героя награды боевые: медали и ордена, за храбрость и мужество полученные.

Прошли годы трудные, бое-

прошли годы трудные, ооевые. Вернулся наш герой к труду мирному, к работе своей любимой, на суда речные. Видит Алексей, что много мальчишек без отцовского присмотра подрастают, что некому их учить уму-разуму, некому направить на путь правильный, трудовой. И пошёл он работать в ремесленное училище. А училище то собирало мальчишек, мечтавших о речных просторах, которые и ему в детстве далёком спать не давали. И проработал он там не много не мало, а сорок с лишним лет. И все эти годы окружал воспитанников заботой отеческой, передавая им мастерство своё и жизненный опыт, не уставая напоминать им о великом прошлом своей страны.

Выросли воспитанники его людьми настоящими, дело своё знающими да землю свою любящими. И разлетелись они по всей стране нашей, унося с собой частицу души светлой да талантливой. Есть будущее у того государства и у того народа, который богат людьми честными и трудолюбивыми, верными и добрыми, а в минуту опасности не щадящими жизни своей во имя Родины.

Наши авторы

- стр. АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка 36 Челнинского района ТАССР. Работал монтёром связи, электриком, стр. диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэсэнерго-
- стр. диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэсэнерго-146 строй». Но основная трудовая деятельность связана с журналисти-

кой и литературной работой. С 17 лет до призыва в армию работал литсотрудником районной газеты «Знамя коммунизма», а после службы рядовым (1964—1967) был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», потом редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор двенадцати книг стихотворений и поэм. Лауреат нескольких литературных премий.

Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. БЕДРЕТДИНОВ Хайдар Сулейманович родился в 1945 году в Москве. По профессии военный инженер. Воин-интернационалист, участник афганской войны, полковник запаса. Стихи пишет с юно-

участник афганской воины, полковник запаса. Стихи пишет с юности. Публиковался в газетах и журналах, в том числе, в нашем «Аргамаке». Автор более десяти сборников стихотворений и поэм, член Союза писателей России.лаvоеат нескольких литеоатvоных поемий. Живёт в Москве.

стр. БЕЛЯЕВ Николай Николаевич (1937-2016) — русский поэт, родившийся в Ярославле. Окончил Казанский государственный университет много езлил с геологическими партиями по стране, которая

ситет, много ездил с теологическим партиями по стране, которая когда-то называлась Советским Союзом. Неоднократно приезжал в строящиеся Набережные Челны, выступал с чтением своих стихов на строглошадках, в общежитиях, в заводских цехах. Двадцать лет жил в селе Ворша Владимирской области. В 2012 году вернулся в Казань, которую ощущает родиной с детства. Автор поэтических книг, изданных в Казани, Москве, Красноярске, Набережных Челнах. Автор книги воспоминаний «Поэма солнца» — о друге-художнике Алексее Аникиенке, о своём поколении, о жизни в Казани. Известен также как переводчик татарской и латышской поэзии. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина.

 СТР. БУРУНДУКОВСКАЯ Елена — поэт, музыкант. Родилась и живет в Ка-129 зани. Автор трёх сборников стихотворений и множества публикаций в российской периодике.

стр. ГАЙНЕТДИНОВ Рустэм Бадретдинович родился в 1957 году в Казани, закончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета и аспирантуру Высшей школы КГБ СССР, кандидат исторических наук (1994 год), член-корреспондент Российской Военно-исторической академии (2007 год)

Трудовую деятельность начал в комсомольских органах Казани. С 1980 по 2003 годы находился на военной службе. Участник боевых действий в Афганистане (1986-1988 годы), награжден орденом Красной Звезды, орденом Звезды Республики Афганистан, медалями. Воинское звание — полковник. В 2003-2010 годах работал начальником отдела по связям с общественными организациями Исполкома Международного союза общественных объединений «Всемирный конгресс татар». С 2010 года работает заведующим отделом прикладных исследований и проектов Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики. Активно занимается научной и публицистической деятельностью, является специалистом по истории татарской диасторы ближнего и дальнего зарубежья и истории Великой Отечественной войны (участие в ВОВ уроженцев Татарстана). Автор более 70 научных публикаций и двух книг.

Принимал участие в создании Татарского энциклопедического словаря (Казань, 1999 год), атласа «Татарика» (Казань, 2005 год), VII тома многотомной монографии «Татары» (Казань, институт истории Академии наук РТ, 2013 год, биографических издания «Книга Героев. Герои Советского Союза», том 2, 2015 год, и «Герои Казани», 2018 год.

ТИЛЯЗОВ Мансур Аязович родился и вырос в семье выдающегося татарского писателя Аяза Гилязова. Свою литературную деятельность в области драматургии начал в 1983 году. Первая премьера Мансура Гилязова состоялась на сцене ТГАТ им. Г. Камала в ноябре 1986 года. Это была сатирическая комедия «Мышеловка», которая шла на

сцене театра с большим успехом. У Мансура Гилязова издано 4 сборника пьес, его произведения печатаются во многих журналах. Мансур Гилязов является автором более 30 драматических произведений и более 15 киносценариев. 25 пьес поставлено в самых разных театрах Российской Федерации. По сценариям М. Гилязова снято 7 фильмов.

стр. ЛАНИЛЬЕВА Галина Алексеевна Старший научный сотрудник Лома-музея Марины Цветаевой в Москве (работает в Доме с 1994 года). Почетный работник культуры г. Москвы. Член Союза писателей г. Москвы. Печатается с 1989 года (пять книг стихов. более 100 публикаций). Стихи переведены на семь языков, публиковались в Германии. США. Австралии. Израиле. Украине. Болгарии. включены в ряд отечественных и зарубежных антологий. Двукратный победитель конкурса «Лучший музейный работник — экскурсовод города Москвы» (2002. 2006). Дипломант литературного конкурса «Живое о Живом», посвященного 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой (2002). Лауреат первой степени в номинации «Поэзия» Межлунаролного музыкальнопоэтического форума «Фермата» – Международного конкурса поэзии и художественного слова имени Ю.П. Кузнецова (2017). Консультант и участник телефильмов, театральных постановок, телевизионных и радиопередач, обращенных к творчеству и судьбе Марины Цветаевой, Автор 22 программ из цикла «Волшебный дом» на Радио «Культура» (2015) и аудиоиздания (2 CD) «Марина Цветаева. Примите как чудо» (2017).

стр. ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич, 1969 г.р. Член Союза писателей России. Прозаик, автор десяти сборников прозы. Рассказы, повести, романы Ермакова публиковались в журналах: «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Сибирские огни», «Двина» и многих других. Дмитрий Ермаков лауреат международной литературной премии «Югра», лауреат премии журнала «Наш современник» и ряда других пре-

мий и конкурсов. Живёт в Вологде.

стр. 3ИНОВЬЕВ Николай Александрович родился 10 апреля 1960 года, 167 станица Кореновская, Краснодарский край. Мать — Лидия Александровна Зиновьева, учительница начальных классов. Отец — Александр Дмитриевич, рабочий. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме. Учился на филологическом факультете Кубанского государственного университета, но после окончания вуза трудился в сфере далекой от филологии: работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. В 1993 году был принят в Союза писателей России по первой книге стихов «Я иду по земле» (1987), с 2009 года — член правления Союза писателей России. В 2005 году по приглашению Валентина Распутина Николай Зиновьев принял участие во Всероссийском фестивале «Дни русской духовности и культуры "Сияние России"» (Иркутск). Живёт в Кореновске. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия» и Большой литературной премии России. Автор тринадцати поэтических книг, изданных в Москве, Краснодаре, Иркутске, Киеве, Новосибирске.

стр. КОБЛЕВ Евгений Аюбович — независимый журналист и публицист, 215 член союзов журналистов Республики Татарстан и Российской Федерации, делегат XIX съезда СЖ РТ, посвященного 100-летию

Родился в 1953 году в г. Брянка Луганской области (ныне ЛНР). Окончил школу в г. Золотое, где сегодня место разграничения вооруженных формирований зашитников Донбасса и ВСУ Украины. Учился в Николаевском кораблестроительном институте, на философском факультете Ростовского университета, в Литературном институте (семинар прозы Н. Томашевского и Ф. Кузнецова), в московском Институте государственного администрирования. В настоящее время, на пенсии, заканчивает Московский финансовопромышленный университет Синергия. Полвека посвятил региональной журналистике. Жил и работал на Украине, в Заполярье, на Дону и Кубани. 35-й год проживает в городе автомобилестроителей Набережные Челны, сотрудничая с различными изданиями. Был главным редактором делового журнала «Лин-компаньон», лауреатом Всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России». Не пренебрегая литературными жанрами, помещал стихи, пародии, ироническую прозу в литературных журналах «День и ночь» (Красноярск), «Аргамак Татарстан» и других изданиях, выпустил книжкой «Карманный выпендрёжник». Кибер-адепт Ордена Куртуазных Маньеристов. Несколько лет руководил Набережночелнинским городским литературным объединением «Орфей».

№ 1(31) • 2020 HAШИ АВТОРЫ

стр. КОЛЬЦОВ Георгий Николаевич родился в селе Буреть Боханского района Иркутской области. В 1976 году окончил литературный институт имени А.М. Горького (семинар Льва Ошанина). Стихи были опубликованы в журналах «Звезда», «Пограничник», «Студенческий меридиан», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Берега». В 1985 году трагически погиб и похоронен в г. Кашире Московской области. В 2017 году в Москве издана книга его стихотворений «Спасательный круг».

тр. МАКОЕВ Весмир (Амир) Леонидович, родился 2 января 1963 года в г. Тереке, Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский институт механизации по специальности гидромелиорация. Присвоена квалификация: инженер-гидротехник. С 2002 по 2010 годы — управляющий делами Международной Черкесской Ассоциации. Одновременно был помощником Председателя Парламента КБР и депутата Государственной Думы Заурбия Ахмедовича Нахушева. Опубликовал более двадцати рассказов и повестей в коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах, издаваемых в Москве и других городах Российской Федерации. Автор книги «В ожидании смысла». Член Союза Писателей России. Женат, имеет сына и дочь.

МАРТЫНОВА (Данилова) Елизавета Сергеевна родилась
 в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета Кандилат филологиче

ских наук. С 2008 года по настоящее время — главный редактор журнала «Волга — XXI век». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга — XXI век», «Пуч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор», «Отчий дом», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Многократно участвовала в Форумах молодых писателей России (2006–2012). Стипендиат министерства культуры РФ по результатам Форума молодых писателей России (2006, 2010). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наш современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013). Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

стр. МИЛОВАНОВ Владимир Николаевич родился в 1947 году 223 в исправительно-трудовой колонии в Ютазинском районе ТАССР, куда была депортирована его мать по национальному признаку из Республики немцев Поволжья. Отец — участник финской войны, участник обороны Ленинграда, инвалид ВОВ.

Детство и юность прошли в г. Бугульма. В 1965 г. окончил школу с золотой медалью, в 1970 г. — физический факультет Казанского государственного университета (отделение астрономии) с красным дипломом.

Научной работой начал заниматься в студенческие годы. С 1970 по 1982гг работал в Астрофизическом институте АН Каз ССР (г. Алма-Ата). Занимался исследованиями Солнца и солнечной активности на Высокогорной солнечной обсерватории в горах Заилийского Алатау. В 1979 году был признан лучшим молодым учёным Казахстана. В 1980г защитил кандидатскую диссертацию в Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково, г. Ленинград). С 1982 года работал в г. Набережные Челны в политехническом институте на кафедре физики научным руководителем лаборатории волновой оптики и квантовых явлений. После присоединения института к Казанскому Федеральному университету продолжил работу в Набережночелнинском институте КФУ. Стаж научно-педагогической работы — 50 лет. Автор почти 100 научных работ и учебно-методических пособий. Кандидат физико-математических наук, доцент. Сфера научных интересов — от астрофизики и космологии до синергетики и философских проблем естествознания. Последние годы занимается концептуальными проблемами квантовой механики.

стр. МУРАТОВ Петр Юрьевич родился в Казани в 1962 году. После 205 окончания биофака Казанского университета был распределен на при последния последния последния последния и последния последния и последния последния последния последния последния и последния последни

НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. Ностальгия по Татарстану способствовала началу писательской деятельности. Автор книги «Встретимся на «Сковородке» (воспоминания о Казанском университете). С начала 90-х годов и поныне - предприниматель. Лауреат премии журнала «Сибирские отни» (Новосибирск). Публиковался в журналах «Аргамак. Татарстан», «Сибирские отни», «Нева», «Сибирский парнас». В 2019 году удостоен почетной грамоты СРП за помощь в развитии литературного процесса в Республике Татарстан.

Стр. НОСОВ Евгений Иванович, выдающийся совестский писатель, родился в Январе 1925 года. С 18 лет — на фронтах Великой Отечественной войны, прошёл трудный путь рядового артиллериста, был тяжело ранен. Лауреат Государственной премии и многих других литературных премий, награжден орденами и медалями, автор многих известных книг, таких как «Усвятские шлемоносцы», мастер рассказов, таких, как «Красное вино Победы»

Умер в июне 2002 года.

Стр. ОЛЬШАНСКИЙ Александр Андреевич родился 12 февраля 1940 года в городе Изюм Харьковской области. Советский и российский прозаик и публицист, член Союза писателей России. В 1961 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута стал одним из организаторов забастовки протеста. В 1963−66 гг. − военная служба на Дальнем Востоке. В 1969 году его, как выпускника Литинститута, приглашают перейти на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. В 1973−79 гг. − заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 г. − член Союза писателей СССР. В настоящее время один из основателей Содружества выпускников Литературного института, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzony dla kultury Polskei» (1989).

стр. ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в го-238 роде Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге. Окончила физикоматематический факультет Елабужского педагогического института, отделение журналистики Казанского государственного университета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время редактор Информационного центра Елабужского государственного музея-заповедника. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

тр. РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич родился в рыбачьем селе Шерашово на Байкале. Окончил с медалью среднюю школу, затем Иркутский
университет. Автор многих поэтических и прозаических книг, выходивших в Москве и сибирских городах. Народный поэт Бурятии, заслуженный работник культуры России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей
России. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Москве.

стр. СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутзгокой области. Автор 29 книг, вышедших в разное время в Москве,
Петербурге, Иркутске. Владимир Скиф — член Союза писателей
СССР, Член СП России. Секретарь Правления Союза писателей России.
Член Приёмной коллегии Союза писателей России. Член редколлегии
журнала «Подъём» (Воронеж), член редколлегии ежемесячника «Литературный Крым», зав. отделом поэзии журнала «Сибирь». Советник Губернатора Иркутской области по культуре. Лауреат многих Международных
и Всероссийских литературных премий. Академик Российской Академии
поэзии, Лауреат Большой литературной премии России. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Сербии, Болгарии, Венгрии. Стихи переведены
на сербский, венгерский, болгарский языки. Живёт в Иркутске.

стр. СПАССКАЯ Евгения Дмитриевна— научный сотрудник литературмого музея в Курске, популяризатор и исследователь творчества лауреата Государственной премии, писателя-фронтовика Евгения Ивановича Носова, составитель его пятитомника, изданного в 2005 году в Москве. Окончила литфак курского пединститута.

стр. СУВОРОВ Виктор Семёнович родился в 1953 году в городе Новошешминске (Республика Татарстан). Доктор педатогических наук,
профессор, заслуженный работник школы РТ (1995 г.), Почётный
гражданин города Набережные Челны, член издательского совета литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Автор многих публикаций в изданиях Российской академии естествознания, а также в изданиях системы образования. Живет в Набережных Челнах.

Содержание

СОБЫТИЕ ГОДА	
2020 ГОД В ТАТАРСТАНЕ ОБЪЯВЛЕН ГОДОМ СТОЛЕТИЯ РЕСПУБЛИКИ	3
николай беляев	
ЗАВЕЩАНИЕ ТУКАЯ	4
НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ЭТЮД	
РУСТЭМ ГАЙНЕТДИНОВ	
ПРИМЕТЫ ТОГО ВРЕМЕНИ	9
ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ»	
ЛЮДМИЛА АКИШИНА	
В РУСЛЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ	12
СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ	
ДВА ЮБИЛЕЯ В ТРЁХ ГОРОДАХ	18
ПОБЕДА-75	
одногодки	22
ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ	
СТИХИ ПОСЛЕ БОЯ	23
ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ	
РВАЛАСЬ ТРАВА УПРЯМО К НЕБУ	29
ВЛАДИМИР СКИФ ПЕРЕДНИЙ КРАЙ	20
нередний краи Николай Алешков	32
ОТЕЦ	36
ЕВГЕНИЙ НОСОВ	
ΦΑΓΟΤ	38
РОДИНА МОЯ	
ЕВГЕНИЯ СПАССКАЯ	
СВЕТЛЫЙ МИР МАСТЕРА	64
АКТУАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА	
АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ	
инопланетяне	65
ПОЭЗИЯ	
ЕЛЕНА БУРУНДУКОВСКАЯ СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ	120
ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА	127
И ПАХНЕТ ЛАДОНЬ ЗЕМЛЯНИКОЙ	133
ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА	
ТРАДИЦИЯ КАК ВЫБОР	137
НИКОЛАЙ МАРИШИН	
ЭТИ ПОЭТЫ ЖИВУТ РЯДОМ С НАМИ,	146
ИЗ РАССКАЗОВ О РУБЦОВЕ	
ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ	
НА БЕРЕГУ ЛЕТЫ	151
К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА	
николай зиновьев	
ТАК МНЕ ПРОРОЧЕСТВУЕТ ЛИРА	167
ЗА КУЛИСАМИ	
МАНСУР ГИЛЯЗОВ	
минся гилизов микулай	170

ПРОЗА	
АМИР МАКОЕВ	
НАВАЖДЕНИЕ	186
ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК	
ТРИНАДЦАТЫЙ	199
РОДИНА МОЯ	
ПЁТР МУРАТОВ	
ЛЕСНАЯ ФИЛОСОФИЯ	205
НА ПУТИ К ИСТИНЕ	
ВИКТОР СУВОРОВ	
ЛИЧНОСТЬ ВОСПИТЫВАЕТСЯ ЛИЧНОСТЬЮ	210
ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ	
ОЦИФРОВАННЫЙ ПУШКИН?	215
ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ	
МОЗГ И ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ	223
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ	
АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ	
НЕОХВАТНА, КАК СТЕПЬ	229
КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ	
людмила пахомова	
ОСТАВИВШИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ	238
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»	
ЕЛЕНА ТАБАРОВА	
ЮНОСТЬ ПИШЕТ СТИХИ И ПРОЗУ	244
АЛЁНА БОБОНАЗАРОВА	
ПУТЬ К СВЕТУ	244
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»	
СОФЬЯ КУЗЬМИНА	
ТАЙНЫ ЖИЗНИ ЛЕСНОГО НАРОДА	245
илья поршаков	
СКАЗКА О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ АЛЁШЕ, СЫНЕ КИРИЛЛА	250
НАШИ АВТОРЫ	
	252

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ОСЕНЁННЫЕ «ОСЕНИНАМИ».

ФОТОВЕРНИСАЖ Н. БЕРЕСТОВОЙ И Л. ПАХОМОВОЙ.

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: РОДИНА МОЯ. ЖИВОПИСЬ ЕВГЕНИЯ НОСОВА ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Е. НОСОВ. «РАСПУТИЦА». АКВАРЕЛЬ, ГУАШЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны, Московский проспект, 95, офис 253, 254; тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

Татарстанское отделение Союза российских писателей

423812, г. Набережные Челны, Московский проспект, 95, офис 253, 254; тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00 Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 11.02.2020 г. Дата выхода в свет 10.03.2020 г. Формат 70х100¹/₁₆; Печать офсетная. Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 1000 экз. Заказ

Цена свободная

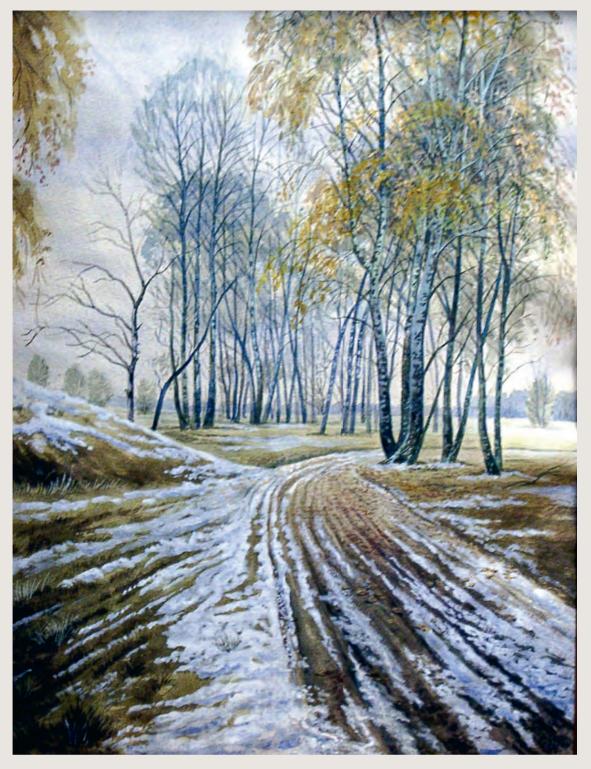
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала AO «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс» 420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайтЕ Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkzn.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и эссе-клуба «НООБИБЛИОН»

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Е. Носов. «Распутица». Акварель, гуашь

Уважаемые поэты и поэтессы, в том числе, авторы, читатели и друзья журнала «Аргамак. Татарстан»!

Доводим до вашего сведения, что в 2020 году вручается X Литературная премия имени Марины Цветаевой, учредителем которой является Министерство культуры Республики Татарстан.

Целью присуждения Премии является поощрение творчества поэтов и писателей, литературоведов и биографов, работников музеев и театров, критиков, занимающихся изучением творческого наследия Марины Ивановны Цветаевой.

Организатором проведения конкурса и отбора заявок является Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Приглашаем вас принять участие в конкурсе на присуждение Премии в номинации «Поэтический сборник».

На соискание в данной номинации принимаются заявки и книги стихов, изданные в 2017–2019 годах.

Соискатели предоставляют заявку-обоснование и дополнительные материалы в Оргкомитет по адресу: 423600, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Гассара, д. 9, контактный телефон 8 (85557) 7–86–00, с обязательным дублированием на e-mail: elmuseum@mail.ru и bibserveka@mail.ru. Приём заявок завершается 31 июля 2020 года.

Полностью с Положением по премии можно ознакомиться на официальном сайте Елабужского государственного музеязаповедника www.elabuga.com

